

БЕРНГАРД
ГРЖИМЕК

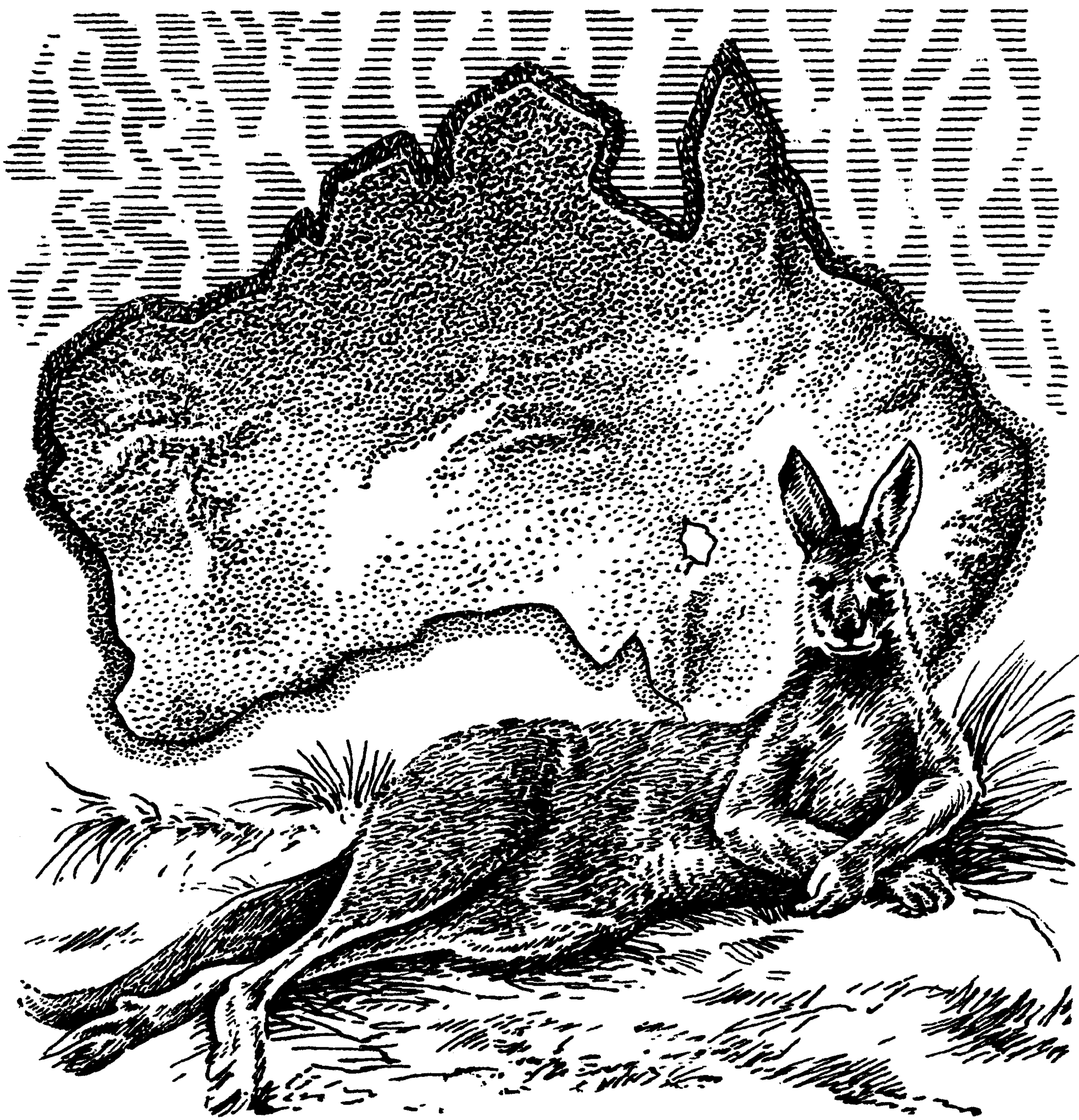
*Австралийские
этноды*

НИКОЛАЙ
ДРОЗДОВ

*Полет
бумеранга*

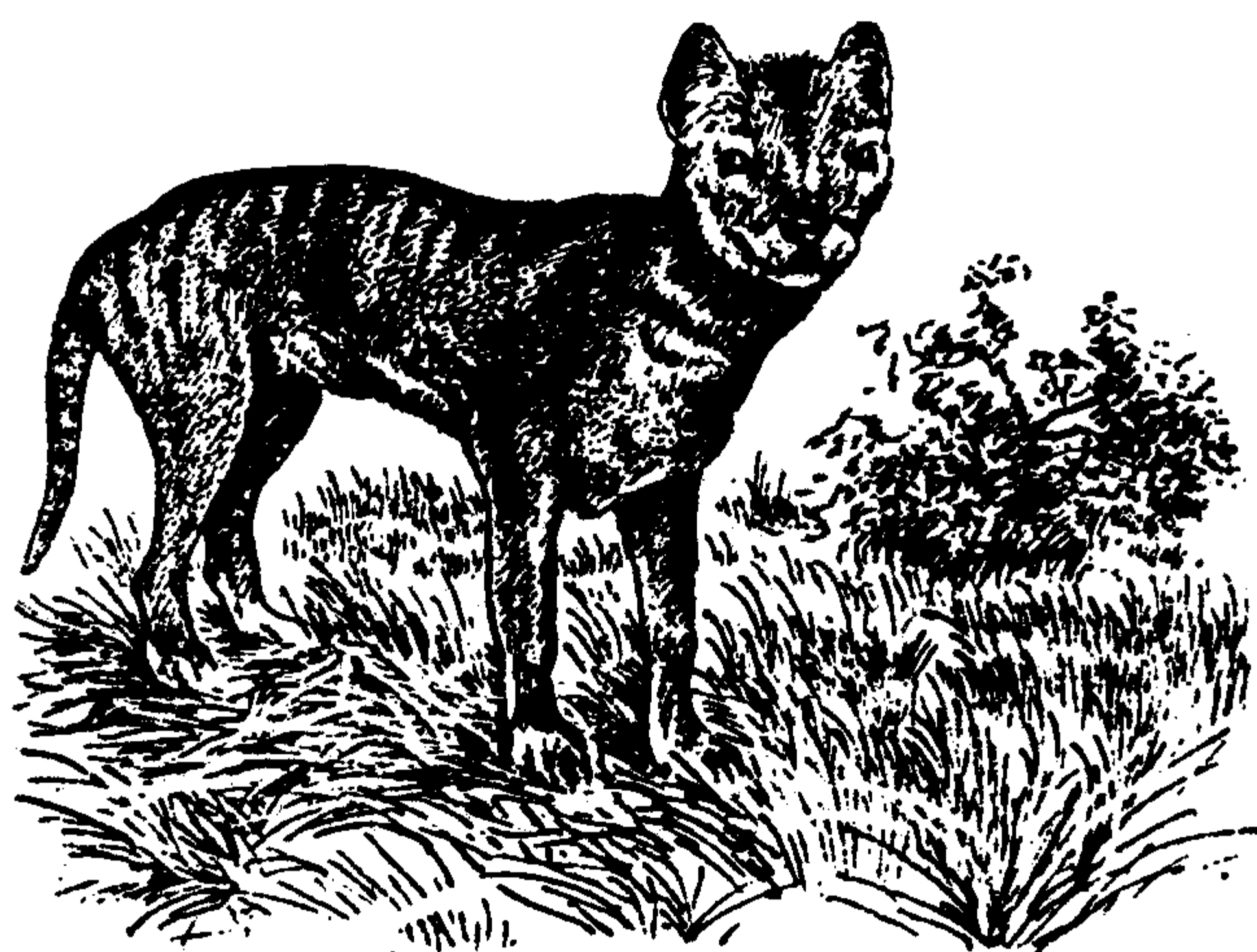

Австралийские
зюгги

Полет
бумеранга

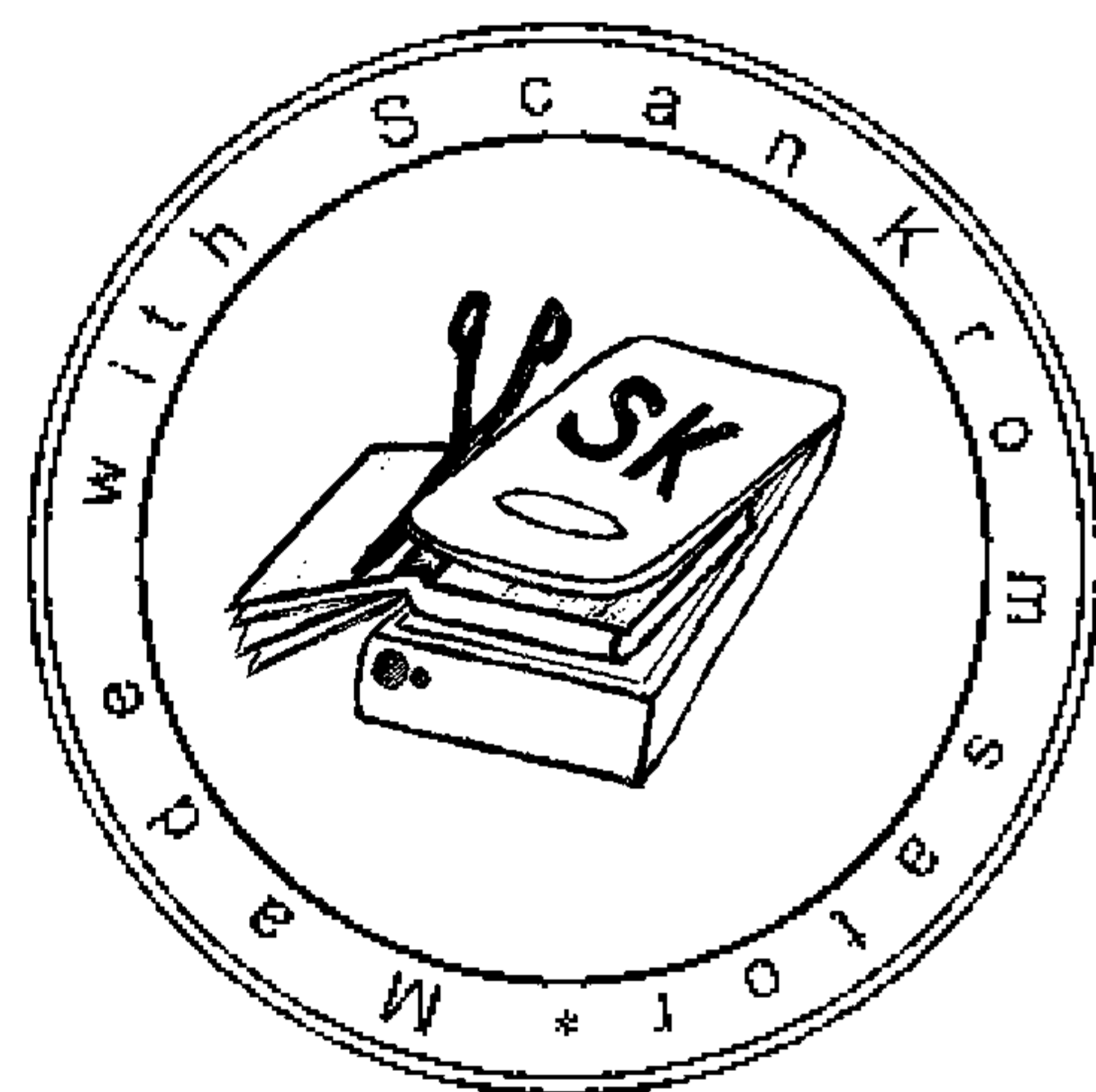
БЕРНГАРД
ГРЖИМЕК

НИКОЛАЙ
ДРОЗДОВ

АРМАДА
Москва
1998

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4)-44я5

Г 81

Иллюстрации

А. Ермакова

ISBN 5-7632-0623-1

© Иллюстрации, Ермаков А., 1997

© Сост., художественное оформление, АРМАДА, 1997

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Австралийские зюнды

Перевод с немецкого
Е. ГЕЕВСКОЙ

Berhard Grzimek
VIERFUSSIGE AUSTRALIER
Abenteuer mit Tieren und Menschen des 5 Kontinents

Verlect Bei Kinder
Munche. 1966

Мы — борцы за охрану природы — должны постараться доказать людям, что дикие животные — это бесценное богатство и украшение нашей планеты, что это идеальный пример общественной собственности всего человечества...

Б. Гржимек

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПОЗДНЕЕ «ПРОБУЖДЕНИЕ» АВСТРАЛИИ

Пробыв в воздухе 22 часа, 4 июля поздней ночью я прибыл в Перт — город, расположенный на западном побережье Австралии. Летел я сюда из Англии и заранее знал, что на аэродроме меня должны встретить представители администрации зоопарка. Они меня действительно встретили и отвезли в гостиницу, пообещав назавтра заехать за мной в 10 утра, для того чтобы показать мне столицу Западной Австралии. Здесь в течение двух месяцев непрерывно шел дождь, и поэтому воздух был на удивление прохладен и свеж. Я заснул сном праведника, из которого меня вырвал звонок портье, сообщавшего, что «господа из зоопарка ждут внизу, в холле». Мне было ужасно стыдно: со мной еще никогда не случалось, чтобы я проспал. В результате пришлось осматривать этот зеленый город с его полумиллионным населением даже не позавтракав и, что еще хуже, небритым.

Прошло целых восемь дней, пока я акклиматизировался и привык жить шиворот-навыворот. Ведь в Австралии все наоборот: из нашего лета я попал в австралийскую зиму, да и день там начинается на девять часов раньше, чем у нас. В Мельбурне в половине пятого уже темнело; однажды, к моему удивлению, даже шел снег, а в Сиднее температура иногда снижалась до четырех градусов! Уснуть мне удавалось лишь в три часа ночи, но зато я успевал досыта начитаться исторических повестей Алана Муэрхеда, в которых рассказывалось об открытии Австралии, о первой экспедиции, сумевшей пересечь континент, и других книг о первых поселенцах Австралии, а именно о колонии для особо опасных преступников, учрежденной здесь в 1788 году. Мы, европейцы, много читали о знаменитых открывателях Африки, таких, как Бекер, Ливингстон, Стэнли, Эмин-паша. Но кто из нас хоть раз слышал имена не менее достойных австралийских землепроходцев — Чарлза Стерта, Уильяма Уиллса, Роберта О'Харра Берка, Джона Стюарта? Наверное, немногие.

Проснуться после чтения этих историй мне удавалось не раньше девяти вместо привычных шести часов.

— Какое впечатление произвел на вас Сидней? — задал мне дежурный вопрос один из австралийских журналистов. — Не правда ли, бесподобен своим размахом? Ведь он в семь раз больше Лондона, от одного конца города до другого — 100 километров! Не кажется ли вам, что со временем все больше будет увеличиваться поток туристов, желающих полюбоваться нашими небоскребами, колоссальными мостами и сверхмодерновым оперным театром?

Молодые государства всегда особенно гордятся своими городами, своей техникой и индустриальным размахом. А живую природу родной страны со всеми ее особенностями считают малоинтересной и недостойной внимания.

Стараясь не обидеть гостеприимных, исключительно приветливых и любезных австралийцев, мне пришлось со всякими оговорками объяснить репортеру свой взгляд на этот вопрос. Небоскребы, автострады, гигантские мосты, промышленные предприятия, красивые современные театры, стадионы, аэродромы и море крыш — все это можно найти везде. И повсюду они выглядят почти одинаково. Люди сейчас — будь они жителями заштатной деревни или Лондона, Лос-Анджелеса или

Токио — одеваются почти одинаково, едят одно и то же, оставляют дома стандартной мебелью и смотрят по телевидению одни и те же фильмы. Почти ни в одной стране нельзя достать сувенира, которого невозможно было бы приобрести в магазине у себя на родине. Нет, я ни за что не поверю, чтобы американцы или англичане пустились в кругосветное путешествие только для того, чтобы посмотреть на новостройки Сиднея и Мельбурна. Может быть, то, что я скажу, будет шокировать современного австралийца, который заслуженно гордится своими достижениями, однако я твердо уверен: турист, избалованный видами Скалистых гор и Швейцарии, уже насмотревшийся на слонов и львов в национальных парках Восточной Африки, поедет в Австралию лишь затем, чтобы поглядеть... на кенгуру.

Как-то я проехал на микроавтобусе 1300 километров от Сиднея до Аделаиды. При этом из окна машины мне удалось увидеть только 22 кенгуру, из них 15 — далеко от дороги, почти у самого горизонта; заметив машину, они со всех ног кинулись прочь. Остальных семь кенгуру я насчитал на дороге задавленных автомашинами.

А когда из города Дарвина, расположенного на тропическом севере Австралии, я направлялся к одной заброшенной ферме, то заметил, что в ночной темноте вдоль всей дороги то и дело светились глаза каких-то животных. Однако при ближайшем рассмотрении это каждый раз оказывались то разбитые пивные бутылки, то выброшенные консервные банки. Все обочины дороги были усеяны этими «сувенирами», их тут лежали тысячи, десятки тысяч, миллионы...

— Ну разумеется, вы можете увидеть сколько угодно кенгуру! Для этого достаточно только сходить в любой из зоопарков Сиднея, Мельбурна, Аделаиды или Перта, — говорят австралийцы.

Но увидеть кенгуру в зоопарке можно и в любой европейской стране, для этого совсем не обязательно ехать в Австралию. А сегодня, когда 80 процентов европейского и американского населения живет в больших городах, людям все чаще хочется провести свой отпуск в каком-нибудь месте, где еще можно увидеть природу в ее первозданном состоянии, где еще встречаются непуганые, доверчивые животные, не убегающие при виде человека. Миллионы людей для этой цели едут в наци-

ональный парк Роки-Маунтин в Соединенных Штатах, а в последнее время сотни тысяч стали направляться в обширные национальные парки Африки. И с каждым годом таких людей становится все больше.

«Ну разумеется же, и у нас есть национальные парки,— скажет вам любой австралиец.— Их целых восемь или двенадцать, и расположены они в специфической «австралийской местности».

И если спросишь: «А как велики эти национальные парки?», то получишь ответ: «О, огромные! Много тысяч акров!»

Но я-то знаю, что если заповедная территория занимает даже тысячи акров, то ее нельзя считать настоящим национальным парком: она слишком мала. Национальный парк должен измеряться тысячами квадратных километров, вот тогда это будет отвечать требованиям настоящей, действительной охраны природы. Потому что только на обширной нетронутой площади может сохраниться биологическое равновесие в природе, только на такой территории животные в состоянии прокормиться. Резерваты, в которых животных содержат в вольерах, словно в зоопарке,— это не национальные парки, даже если они носят такое название.

Собственно говоря, я не очень-то имею право критиковать. На моей родине вообще нет ни одного национального парка. Да и что в них охранять? Лучшие виды животных давно уже истреблены. Медведь, лось, зубр, рысь и волк ушли в область преданий. А другие — куропатка, филин, орел, речная выдра — постепенно исчезают. Не лучше обстоит дело и в других европейских странах.

Но я уже многие годы работаю в Африке и стараюсь, как могу, помочь сохранить там тех диких животных, которых не встретишь больше нигде в мире. Мне хочется сделать все возможное, для того чтобы наши внуки и правнуки еще смогли их застать живыми.

Куда бы я ни приехал — в Советский Союз, Канаду или Австралию,— всюду люди меня тревожно спрашивают: не уничтожат ли африканцы в ближайшее время всю свою бесценную дикую фауну? И я каждый раз с радостью вношу ясность в этот вопрос: «Нет, африканцы новых, освободившихся от колониализма государств не уничтожают своих уникальных животных. Наоборот, они заинтересованы в том, что-

бы сохранить большие национальные парки и создавать новые. Это будет привлекать в страну все больше туристов и станет прекрасной статьей дохода. В некоторых из этих стран после избавления от колониализма для охраны диких животных уже сделано больше, чем за все предыдущие десятилетия правления европейцев.

А теперь мне захотелось узнать, как обстоит дело в отношении охраны природных ландшафтов и животного мира в Австралии. Мне интересно было посмотреть, как на воле живут те четвероногие и крылатые австралийцы, которых мы уже десятки лет содержим у себя во Франкфуртском зоопарке. Дело в том, что природа таких тропических материков, как Австралия и Африка, особенно чувствительна к неразумному вмешательству человека и его бесконтрольному хозяйничанью на земле. Грехи, совершенные нами по отношению к природе в Европе, скажутся только через сотни лет (благодаря умеренному климату и частым дождям), в тропических же странах наши ошибки дадут о себе знать гораздо скорее — спустя десятки лет, а то и меньше. В мире уже полно пустынь, созданных руками человека, и с каждым годом к ним прибавляются все новые квадратные километры.

Когда люди попадают в какую-нибудь необитаемую, девственную область земли, им часто кажется, что природа там так богата, что из нее можно черпать без усталости и без конца. Так думали, например, американцы до конца прошлого столетия. Они тоже поздно «пробудились», а для многих обширных районов и ценных животных — *слишком* поздно. Там, где прежде мирно паслись миллионные стада бизонов, теперь из-за хваленной человеческой «предприимчивости» образовались бескрайние *dust bowls* — знаменитые «пыльные пустыни».

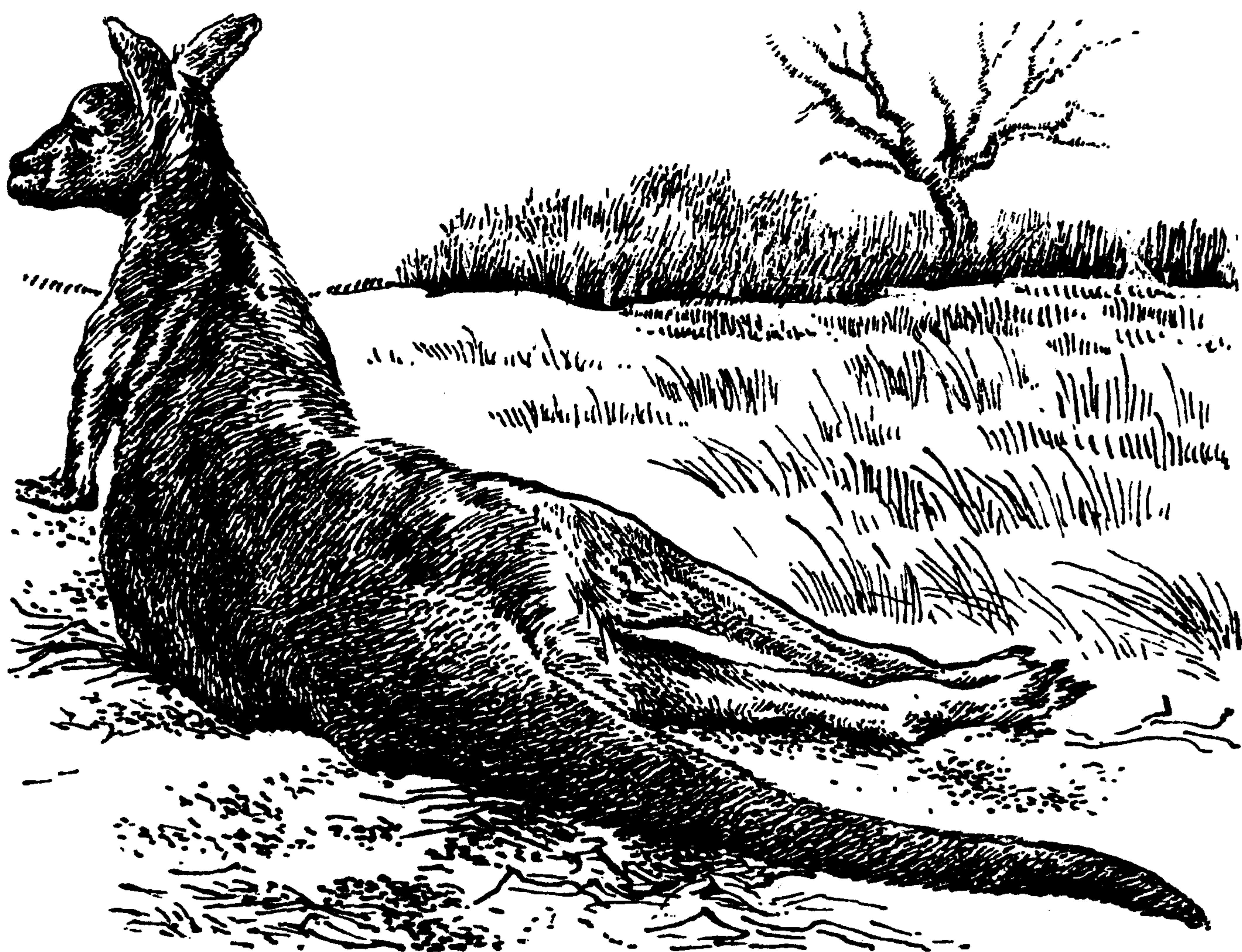
В тех частях света, которые позже были освоены первооткрывателями, ничем не омраченный «дух рационализации» продержался дольше. Но и в Австралии перевыпас довел многие луга до ужасного состояния. Здесь то и дело встречаются кусты, растущие на высоких земляных буграх: ветер просто сдул всю сухую, сыпучую почву там, где она не была укреплена корнями растений. Из машины я мог ежедневно снимать лесные пожары. Нигде больше мне столь часто не приходилось видеть это печальное зрелище.

Однако на западе, юге, севере и востоке континента я встретил людей, которым все эти вопросы далеко не безразличны. Правда, пока это только небольшие группы и союзы ученых, которые болеют за дело охраны родной природы. Они уже давно изучают уникальную австралийскую растительность, существующую миллионы лет, и необычный животный мир Пятого континента. Эти замечательные, я бы даже сказал, самоотверженные люди всю жизнь посвящают борьбе за сохранение удивительной и прекрасной природы Австралии. И я уверен, что они позаботятся о том, чтобы к 2000 году австралийских животных можно было увидеть не только на почтовых марках, как это уже случилось со знаменитым тасманским сумчатым волком...

Им, этим людям, и посвящается моя книга.

Я благодарю всех австралийцев, которые так гостеприимно меня принимали и помогли мне познакомиться со своей страной, а моему оператору Алану Руту снять множество интересных, волнующих кадров, которыми иллюстрирована эта книга.

Бернгард Гржимек

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЫЖОК НА ОСТРОВ КЕНГУРУ

Кенгуру легко убить палкой.— «Непьющее животное».— Царство итальянских чистокровных пчел.— За столом сидел скелет.— Потерпевшие крушение выжили благодаря «паршивым пингвинам».— Большеголовые кенгуру с острова Кенгуру.— Тайна смерти овец

Что за вопрос — хочу ли я попасть на остров Кенгуру! Ну разумеется, хочу! И меня совершенно не смущает, что сейчас южная зима и довольно холодно для этих мест.

Я уже знаю, что у коварных берегов этого второго по величине после Тасмании острова Австралийского Союза с момента его открытия (в 1802 году) разбилось 163 корабля; знаю, что на острове обитает очень своеобразный вид темно-коричневых гигантских кенгуру; что на нем еще можно увидеть настоящий австралийский скрэб (кустарниковые заросли) таким, каким его застали не только первые европейцы, но и

первые аборигены... И наконец, что от Аделаиды, столицы штата Южная Австралия, насчитывающей 600 тысяч жителей, до острова — рукой подать: всего 150 километров.

К сожалению, хваленый паром, на котором за шесть часов и 160 марок можно переправиться на остров, как раз на ремонте (обычно же он курсирует дважды в неделю зимой и даже трижды летом). Так что мне вместе с двумя моими сотрудниками придется перелетать туда на самолете. В глубине души я даже рад этому, потому что плохо переношу качку, и 34 года тому назад дал себе клятву никогда больше не пользоваться услугами водного транспорта. Однако, когда мы на бешеной скорости подкатили к аэропорту Аделаиды, мотор пассажирского самолета был уже запущен и дежурный по аэродрому, окинув критическим взглядом наши чемоданы, тюки, треножки и прочий багаж, категорически заявил: «Нет, нельзя. Вы опоздали!»

Мне очень жаль терять время, к тому же я по телефону уже заказал там, на острове, машину. Поэтому я начинаю судорожно метаться по аэродрому в поисках какого-нибудь частного самолетика, который можно было бы нанять для переброски на остров.

И такой самолетик находится. Пилот торопится с отлетом, потому что до захода солнца хочет вернуться обратно, а день уже клонится к вечеру. Красная машинка с трудом отрывается от земли, поднимая в воздух тяжелую для нее поклажу: меня, Алана Рута — моего оператора, его жену Джоан и весь наш скарб.

Несколько минут спустя мы уже парим над морем, над заливом Сент-Винсент, пересекаем пользующийся дурной славой пролив Бакстэрс, или так называемый «Черный ход», и, прибыв на остров, успеваем даже попасть на автобус, встречающий пассажирский самолет. Наконец мы благополучно добираемся до маленького отеля с неотопливаемыми комнатами. Я одалживаю у хозяйки рефлектор, и за время ужина комната успевает несколько нагреться.

На другое утро за нами приходит крохотный автомобильчик. Втиснувшись в него, мы едем сначала по асфальтированной, а затем по пыльной проселочной дороге, пересекаем весь остров и наконец добираемся до национального парка Флиндерс-Чейз.

Остров Кенгуру тянется в длину на 144 километра, в ширину на 40, а вся его площадь — 4360 квадратных километров. В одном месте от материкового берега остров отделяет всего 11,5 километра; это как раз и есть опасный пролив Бакстэрс.

Заселен остров был гораздо раньше, чем Южная Австралия. Однако жившие здесь аборигены по какой-то неизвестной причине за несколько сот лет до прихода европейцев не то вымерли, не то куда-то переселились. Только совсем недавно здесь было обнаружено 60 стоянок древнего человека. Вероятнее всего, эти люди приплыли сюда с Тасмании, а не с континента, так как коренные жители Австралии боялись поселиться здесь, считая, что на острове живут духи их предков.

Английский капитан Мэтью Флиндерс, открывший этот остров для нас, европейцев, в 1802 году, по отсутствию дыма от костров сразу же определил, что он необитаем. Флиндерс мог заключить это и по поведению животных: они были исключительно доверчивы, особенно кенгуру, о которых он писал, что «их без всякого труда можно убивать прямо палкой...».

Во всяком случае капитан Флиндерс так обрадовался легкодоступному источнику мяса, что дал открытому им острову название Кенгуру, которое сохранилось до наших дней.

Да, животным, доверяющим человеку и принимающим его за миролюбивое существо, как правило, приходится плохо. Уже немало таких доверчивых видов животных начисто истреблено. Так случилось, например, с не умеющими летать страусами эму, обитавшими некогда на острове Кенгуру. По размеру эта птица была несколько меньше, чем эму, живший на континенте, но на вкус ничуть не хуже. И этот островной эму очень быстро исчез с лица земли. Исчез безвозвратно. Теперь можно полюбоваться лишь его портретом в музее Аделаиды да его косточками и перьями в Музее естественной истории в Париже. Даже самые глубокие старики из старожилов не могут припомнить, чтобы на острове водилась такая птица...

Французский капитан Никола Бодэн, несколько позже Флиндерса обошедший на своей каравелле вокруг острова, уточнил его координаты и размеры на морской карте и назвал одну из долин, где было особенно много маленьких страусов, Долиной казуаров (*Ravine des Cassoars*). Простим капитану его слабые познания в зоологии, из-за чего он спутал эму с ка-

зуарами; в конце концов это не так уж важно. Зато до сих пор многие районы острова носят французские названия, которые дал им отважный мореплаватель.

Потом долгое время никто не интересовался этим обширным островом, густо заросшим эвкалиптовым кустарником. Но между 1802 и 1836 годами здесь поселилось несколько бывших моряков со своими туземными женами. Пробавлялись они охотой, рыбной ловлей, продажей соли, а также тюленьих и кенгуровых шкур. Только некоторые из них занимались еще и сельским хозяйством. Настроены эти люди были весьма бунтарски, и даже такие еще молодые поселения, каким был тогда Сидней (в то время он назывался Порт-Джексон) или Хобарт на Тасмании, казались им слишком благопристойными.

Самым знаменитым среди поселенцев был некто Генри Валлан, именовавший себя губернатором Валли. Он жил с двумя своими туземными женами — Пусс и Полекет на ферме «Вигвам», расположенной в нескольких километрах от нынешнего Кингскота, и заправлял всеми делами колонии как настоящий «островной король». Рассказывают такой случай. В 1836 году на остров высадился с изрядным грузом некто мистер Стефан, чиновник колонии Южная Австралия. Валли вышел на берег, чтобы узнать, кто он такой.

— А вы кто такой? — спросил в свою очередь Стефан.

— Я здешний губернатор, — ответил Валли.

— Никакой вы не губернатор, — огорошил изумленного островитянина новый пришелец, — потому что губернатором этого острова назначен я.

— А я тебе говорю, что я здесь губернатор! — крикнул Валли. — И как ты мог вообразить себя здешним губернатором, ты, недоносок несчастный! Тебя бы даже не приняли в лейб-гвардию короля Джона, если б ты сделал попытку туда вступить, жалкий коротышка!

Правда, несколько позже сопротивление дерзкого островитянина удалось сломить, и он даже оказал несколько ценных услуг новой колонии. Так, вместе со своими женами и собаками он пересек поперек весь остров, чтобы спасти нескольких английских моряков. Эти люди потребовали, чтобы капитан высадил их на берег, потому что длинное морское путешествие так их утомило, что они были не в силах его продолжать. Двое погибли, заблудившись в густых зарослях эвкалипта и

не найдя питьевой воды, но остальных Валли удалось спасти. Впрочем, другие старожилы острова — полуодичавшие европейцы и их туземные жены, большей частью украденные с материка, то и дело нападали на новое поселение, стараясь его сжечь.

Нужно сказать, что это поселение вообще-то было не слишком удачным приобретением для австралийских властей: овцы здесь подыхали от какой-то таинственной «береговой лихорадки», пшеница и ячмень никак не хотели расти, а от бесчисленных прежде кенгуру, валлаби и тюленей на всем побережье протяженностью в 495 километров почти ничего не осталось. Когда же началось процветание города Аделаиды, а в Южной Австралии стали выращивать виноград и нашли золото, поселенцы один за другим перебрались на материк. Так что к 1901 году на острове Кенгуру осталось лишь 720 человек.

Только благодаря этому и удалось спасти для животных небольшой участок острова, разумеется, как всегда в таких случаях, самый заброшенный и неплодородный. Спасен он не только для животных, но и для современных жителей южноавстралийских городов, которые время от времени чувствуют потребность провести пару дней вне привычной обстановки: небоскребов, верениц автомобилей и неоновых реклам...

Австралийцам, посвятившим себя охране родной природы, значительно труднее этим заниматься, чем их единомышленникам в современных культурных центрах человечества — Европе и Америке. Там уже начали осознавать грозящую опасность для будущего нашей Земли и знают, что по-настоящему передовой и культурной страной может считаться только та, которая заботится не только о создании индустриальных центров и атомных реакторов, но и о сохранности своих природных ландшафтов, плодородных земель и животного мира. Так, здешним специалистам в области охраны природы в течение целых тридцати лет пришлось добиваться согласия правительства на то, чтобы в 1919 году Флиндерс-Чейз наконец был объявлен заповедником. Территория его не очень-то велика — всего 546 квадратных километров.

Как только наш автомобильчик въехал через простые деревянные ворота на территорию национального парка, эвкалиптовый кустарник стал заметно выше, а в отдельных низинах появились уже настоящие эвкалиптовые рощи. В одной из

таких рощ мы и увидели первых коала. Сидели они в кронах мощных эвкалиптов, чаще всего на самых верхушках, каждый — на своем дереве.

Их нисколько не трогала наша суетня с треножниками для кинокамеры и тяжелого длинного объектива фотоаппарата. Коала к этому привыкли. Да к тому же они еще ленивы от природы. Время от времени кто-нибудь из них пристально и серьезно разглядывал нас скучающим взглядом. Им здесь хорошо: листва местного вида эвкалипта — их самая любимая еда. А в водопое они не нуждаются. Недаром «коала» на языке туземцев означает «не пьет».

Раньше на острове не было коала, их ввезли сюда в 1924 году. В течение семи лет животных содержали в больших сетчатых вольерах; здесь они постепенно обглодали все деревья, но размножались очень слабо. Только когда животных выпустили на волю, их стало заметно больше. Сейчас на острове сотни коала, и это несмотря на то, что многие из них трагически погибли во время страшного лесного пожара в 1958 году. Об этом бедствии, когда сгорела большая часть парка, широко сообщалось в мировой печати.

Люди, которые приезжают сюда летом и неделями живут в палатках прямо в лесу, часто заводят с коала довольно близкую дружбу. Если надояго поставить машину под дерево, случается, что один из этих ленивых толстяков спрыгнет на крышу автомобиля и оттуда вперевалочку переберется на другое дерево. Иногда можно наблюдать, как самцы преследуют своих пушистых самок. Им явно трудно распознать, на какое именно дерево залезла их избранница. Они суетятся, нюхают кору и, найдя наконец нужный след, торопливо (насколько позволяет им их медлительность) карабкаются вслед за предметом своих вожделений на самые верхние тонкие ветки. Там они повисают друг против друга на одних «руках», но чаще всего начинают ссориться, потому что самки этих животных чрезвычайно строптивы и отличаются скверным характером. На зрителей скандалисты, как правило, не обращают никакого внимания. Часто преследуемой самке удается пробраться мимо своего обожателя, и тогда она поспешно ногами вперед спускается с дерева и перебирается на другое. Самец после этого подолгу ищет избранницу своего сердца, но часто в изнеможении прерывает поиски и впадает в глубокий сон.

Любителям природы, отдыхающим здесь летом с семьей в жилом прицепе или в палатке, удастся по ночам наблюдать жизнь таких животных, которых днем никогда не увидишь: например, приветливых маленьких лисьих кузу (*Trichosurus vulpecula vulpecula*), которых австралийцы называют еще щеткохвостыми опоссумами. Но напоминают они скорее не лисиц, а маленьких лазающих кенгуру. Кузу здесь значительно доверчивее, чем на материке. Если туристы долго живут на одном и том же месте, молодые кузу в конце концов спускаются с дерева, карабкаются на руки и позволяют угощать себя лакомыми кусочками и гладить. Некоторые даже переходят жить в палатку, не обращая никакого внимания на свет лампы.

В 1926 году сюда завезли 15 кузу другого вида, который раньше не водился на острове. Их потомство можно встретить здесь и поныне, но, правда, очень редко. Так же трудно найти карликовых опоссумов (*Cercartetus concinnus*). Хотя этих сумчатых зверьков и много на острове, на глаза они попадаются очень редко, потому что активны только по ночам; зимой же они впадают в спячку, свернувшись калачиком в своих гнездах в дуплах деревьев.

Во второй половине прошлого столетия специалистам-энтомологам пришло в голову проделать такой эксперимент. Так как на острове не водились пчелы, то он был идеальным местом для разведения их чистых пород. Для этой цели Торговая палата Южной Австралии организовала на острове в 1884 году большую государственную пасеку, на которую были завезены итальянские (лигурские) медоносные пчелы; ввоз же любых других пчел был категорически запрещен.

Предприятие тогда не дало ожидаемых результатов и вскоре было заброшено. Однако в 1939 году два государственных специалиста, обследовав остров, с удивлением обнаружили, что он весь заселен чистопородными, большей частью дикими итальянскими пчелами. И это в то время, когда уже почти нигде в мире не осталось чистых пород! Один государственный пчеловод взялся собрать отроившиеся пчелиные семьи, живущие в дуплах деревьев и в щелях среди скал, и вновь поселить их на огромной пасеке. И теперь пчеловодам, живущим в любой части Австралии, да и в других частях света, рассылаются по заказу маленькие коробочки, в каждой из которых находится чистопородная пчелиная матка с 15 рабочими пчелами из ее челяди...

В штабе национального парка нас радушно встретили лесничий — господин Ланзар и его жена; живут они здесь в современном, благоустроенном доме. Мы поселились в каменном здании бывшей фермы, превращенном теперь в гостиницу. Нельзя сказать, чтобы там было тепло, поэтому мы поскорее разожгли огонь в камине, а я притащил к себе в комнату как можно больше одеял.

На огороженном выгоне в 80 гектаров бродили овцы господина Ланзара. Однако когда на другое утро я вышел, поживаясь от резкого ветра, то увидел, что вместе с ними пасется столько же темно-коричневых островных кенгуру. Еще больше здесь паслось куриных гусей (*Cereopsis novaehollandiae*), которых за издаваемое ими хрюканье называют также свинными гусями. В обычных условиях эти птицы живут в укромных местах и стараются не попадаться на глаза, но здесь, на выгоне, они подпускают меня даже на расстояние сорока метров.

Первый лесничий, Гарольд Ханзен, прибыл сюда в 1926 году и поселился в старинном каменном здании фермы. В то время здесь не могла проехать ни одна машина. Лишь

раз в четырнадцать дней верховой гонец привозил Ханзену почту. Сегодня же машины подкатывают к самым дверям дома и могут свободно разъезжать по благоустроенным дорогам в разные концы заповедника. Правда, сойти с этих дорог в лес совершенно невозможно из-за густых зарослей эвкалипта. И кроме того, здесь летом плохо с питьевой водой, поэтому заблудиться очень опасно. Между прочим, кроме эвкалипта остров Кенгуру славится своими орхидеями, их здесь пятьдесят различных видов. Вокруг административных зданий бегают два взрослых эму, которых завезли сюда несколько лет тому назад еще птенцами. Однако они не пожелали одичать и никуда не собираются уходить. Но размножаться они почему-то тоже не хотят.

В то же утро мы отправились вместе с помощником лесничего в его машине через горы и долины к мысу Борда, самой северо-западной оконечности острова. Отсюда всего за десять минут можно спуститься по скалистому берегу к маяку. Он возвышается на 120 метров над волнами, с шумом омывающими его подножие. Маяк светит здесь в ночи уже более ста лет, с июля 1858 года, только керосин теперь заменен электричеством, а в самое последнее время маяк снабдили даже радиопередатчиком.

Мы добрались до этого маяка и сели перед дверью заброшенного домика смотрителя переждать внезапно разразившийся ливень. А молодой помощник лесничего решил тем временем занять нас рассказом старинных страшных историй. Вот что мы слышали.

В 1876 году отсюда по дну океана был проложен кабель до Аделаиды. И так как корабли, направляющиеся на материк, сперва должны были пройти мимо мыса Борда, то с острова ежедневно редакция газет сообщались названия судов, появившихся в поле зрения маяка. С мыса же поступали первые сведения о кораблекрушениях. Они происходили здесь очень часто, и немудрено: ведь у берегов масса рифов, коварных подводных скал и малоизвестных течений. Как-то среди скал, несколько южнее мыса Борда, сел на мель финский баркас «Фидес», и утонуло 20 человек. А оставшихся в живых смотритель маяка на утлой парусной лодчонке отвез на материк.

Несколькими годами позже наскочил на риф бриг «Эмилия Смит». Случилось это темной ночью, и почти все пассажиры

пошли ко дну. Только одну женщину и четырех моряков выбросило на берег. Через четыре дня трое из потерпевших крушение чудом дотащились до домика смотрителя маяка. Смотритель отправился искать двух остальных, но обнаружил среди скал лишь изуродованные трупы тех, кто утонул во время крушения. И только два месяца спустя один охотник, посетив охотничью избушку, к своему удивлению, обнаружил там скелет мужчины, который сидел за его столом. А скелет женщины был найден лишь через два года.

Истории следовали за историями — одна страшней другой, и все про смерть и ужасы. 24 апреля 1899 года наскочило на риф судно «Лох Слоу», везшее 33 тысячи галлонов виски из Глазго. Оно опрокинулось и легло на бок килем к берегу. Огромные волны за десять минут разбили его на куски и разбросали пассажиров и матросов в разные стороны. В живых осталось лишь четверо: колоссальный вал поднял их и посадил на прибрежный утес. Остальные 31 человек утонули. Один из спасшихся восемь дней плутал по острову и наконец вышел к мысу Борда. Служители маяка пошли на розыски остальных и нашли еще двух потерпевших крушение, с трудом продиравшихся сквозь кустарник, причем в сторону, противоположную от маяка. А третьего нашли мертвым.

Как выяснилось, все уцелевшие выжили только благодаря тому, что ловили карликовых пингвинов (*Eudyptula minor*) и питались их мясом. Эти пингвины, достигающие всего 40 сантиметров в длину, обитают по всему побережью острова Кенгуру. Спинка у них серовато-синяя, а брюшко белое. Людей они не боятся и подходят к ним совсем близко. Несмотря на свою кажущуюся неповоротливость, они взбираются по отвесным берегам и на высоте примерно в 60 метров в расщелинах скал строят свои гнезда. Кстати сказать, на остров Филлип колония этих самых маленьких на Земле пингвинов, насчитывающая 100 тысяч голов, ежегодно привлекает более 100 тысяч туристов.

Печальная судьба постигла одного из спасенных — судового юнгу по фамилии Симпсон. Этот молодой человек, не умеющий даже плавать, оправившись после потрясения, вернулся в Англию, снова нанялся на корабль, на этот раз «Лох Веннахар», и вторично приплыл к берегам Австралии. Но видимо, юнге на роду было написано погибнуть в морской пу-

чине: не дойдя до мыса Борда, корабль пошел ко дну, и весь экипаж погиб. Несколько недель спустя к берегу прибило только один труп, одну спасательную шлюпку, пятьдесят бочек виски и отдельные куски разбитого корабля.

Частые катастрофы заставили местные власти подумать о постройке второго маяка, потому что маяк на мысе Борда не всегда был виден подходившим с юга кораблям из-за загораживавших его скал. Такой новый маяк и был вскоре построен на высоком юго-западном уступе — мысе Дюкуэдик (*Cap du Couedic*).

Однако хорошо сохранившиеся возле него каменные дома сегодня пустуют. Раньше людей и провиант сюда, наверх, доставляла канатная дорога. Сооружение это еще частично сохранилось. Рассказывают, что им перестали пользоваться с тех пор, как в нем застряла жена смотрителя маяка: отказал механизм, и ей пришлось провисеть между небом и землей, над бешено бушевавшими волнами, целых два часа, пока ее наконец удалось снять. Говорят, что когда она добралась до будки смотрителя, то здорово отлупила своего мужа...

«Паршивыми пингвинами», как писали тогдашние газеты, пришлось питаться и пассажирам «Марса», который в 1885 году, не дойдя до берега, застрял между двумя скалами. Капитан хотел добраться до берега на шлюпке, но его разбило о камни. Наконец одному испанскому моряку все же удалось доплыть до берега. Как только забрезжил рассвет, ему бросили с корабля канат, который он сумел поймать. Тогда, держась за канат, на берег перебрались еще три моряка. Вскоре прибило к берегу и труп капитана, которого здесь же похоронили, а спустя восемь дней все четверо благополучно добрались до домиков на мысе Борда.

Иногда потерпевшим крушение удавалось пробавляться и тюленьим мясом, но только в тех случаях, когда они ухитрялись спасти свои винтовки или раздобыть какие-нибудь тяжелые предметы, а главным образом если у них оставались силы на то, чтобы убить такое животное.

Отсюда, сверху, со скал, я не мог разглядеть, есть ли внизу на песчаном откосе тюлени. Но стоило мне слезть вниз, как я обнаружил сразу несколько штук за полосой дюн. Они мирно спали, хорошо защищенные от ветра зарослями кустарников. Это особые, австралийские тюлени (*Gypsophoca dorifera*). Впер-

вые они были описаны французским естествоиспытателем Пероном, обнаружившим их на острове в 1802 году. В прежние времена они тысячными колониями заселяли все побережье острова Кенгуру и Южной Австралии. У некоторых старых самцов были гаремы из пятидесяти самок. Животные эти не очень пугливы. Если я двигаюсь медленно, они подпускают меня даже на два метра и только потом начинают нерешительно сползать в сторону моря. Когда я хватаю самца за задний ласт, он приподнимается, поворачивает ко мне голову, скалит зубы и лениво «ругается», но отнюдь не собирается нападать. А вот больших белоголовых тюленей (*Neophoca cinerea*) с их желтовато-белыми загривками я так нигде и не встретил, хотя долго искал этих огромных животных, самцы которых достигают в длину от трех до четырех метров.

Когда карабкаешься среди прибрежных скал в поисках тюленей или пингвинов, следует быть осторожным; хотя почва под ногами и кажется сухой и твердой, это впечатление обманчиво: время от времени на скалы обрушиваются семиметровые волны, которые смывают с берега все живое. Нельзя забывать, что здесь к тому же еще водятся и акулы.

Однако не все кораблекрушения, происходившие возле этого побережья, кончались трагически. Так, шхуна «Данкау» в полночь 25 мая 1897 года очутилась совсем близко от опасных высоченных скал возле мыса Дюкуэдик. Матросы услышали рев волнорезов, и, когда за каскадом брызг в темноте мелькнули очертания двух скалистых островков, они бросили сразу два якоря. Утром люди обнаружили, что их корабль качается на волнах всего в 100 метрах от отвесных береговых скал, а ветер гонит его в сторону торчащих из воды диких утесов. Весь день ветер старался сорвать шхуну с якорей и тащил ее в сторону опасных скал, а команда сбрасывала за борт тяжелый груз — строительный лес, который лежал штабелями на палубе. К вечеру один якорь оборвался, и ночью «Данкау» медленно стало прибивать к волнорезам. К утру шхуну отделяло от них не больше 15 метров. Когда за борт попробовали спустить шлюпку, она была тотчас же раздавлена, как скорлупка. С огромным трудом команда, состоящая из 26 человек, на последней уцелевшей спасательной шлюпке все же сумела оторваться от борта корабля. На этой перегруженной, трещащей по швам лодке, которую волны швыряли из стороны в сторону,

людям удалось добраться до берега, находящегося на расстоянии 90 метров. Подкрепившись в поселении, они отправились пешком до Кингскота, где раздобыли небольшой парусный баркас, и, обогнув северную оконечность острова, поплыли вдоль его западного побережья. Они надеялись подобрать хоть какие-нибудь остатки своего разбитого корабля. И каково же было их удивление, когда, приблизившись к мысу Дюкуэдик, они увидели, что «Данкау» по-прежнему качается на якоре, как и восемь дней назад!

Оказалось, что проходящее здесь вдоль берега течение отогнало корму корабля от смертоносных скал. Так что им удалось снять корабль с якоря целым и невредимым, и все были довольны и счастливы. А вот большое грузовое судно, оборудованное по последнему слову техники, наскочило нынешней весной на риф, невзирая ни на какие радиомаяки и радиопеленгаторы.

В течение следующих дней мне несколько раз встречались ехидны (*Tachyglossus*), которые здесь не редкость. Если такого «ежа» напугать, он спешит поскорее закопаться головой в песок, пряча свою мягкую уязвимую морду и выставив наружу защищенную мощными иглами спину. Ехидны испокон веков жили на острове Кенгуру. А вот сорных, или большеногих, кур специально завезли в заповедник с материка.

Гоаны, как здесь называют песчаных варанов, держатся возле кемпингов и проявляют исключительное дружелюбие к туристам. Правда, не совсем бескорыстное: они роются в отбросах, заглатывая мясные и рыбные кости и другие объедки, но иногда просто так, от полноты чувств, подбегают к детям и облизывают им голые ножки...

В отличие от прочих ящериц у этих, почти метровой длины, гоан нет регенерирующего хвоста, т. е. они не могут его сбрасывать в случае опасности. Гоаны отпугивают змей, а поскольку здесь водится ядовитая медноголовая змея, жители этих мест бывают очень рады, когда возле их дома поселяется такой варан.

С трудом я привыкаю к тому, что редчайшие попугаи — крупные какаду и волнистые попугайчики — запросто порхают между деревьями, как у нас дома вороны или галки. А ведь в Европе они стоят больших денег — несколько сот марок каждая птичка!

Мелкие виды кенгуру, такие, как кустарниковый валлаби (*Wallabia eugenii*), или, как их здесь называют, «дама Падемелон», увидеть не так-то просто, разве что мертвых, раздавленных автомашинами на шоссе. А вот живых мне никак не удавалось высмотреть — ни из окна машины, ни во время наших прогулок по лесу. В то же время их здесь много, просто они прячутся. В густых зарослях у них проделаны специальные ходы, в которых они днем скрываются от посторонних глаз. Эти небольшие животные, размером с зайца, почти бесшумно шмыгают по своим лабиринтам, общаясь между собой постукиванием ноги о землю. Такой способ предупреждения «я тут» характерен для всех видов кенгуру, живущих колониями.

Мелкие кенгуру распространены по всей Южной Австралии, так что к зимним похолоданиям они, видимо, вполне приспособлены. Этот вид кенгуру был описан раньше других и из всех сумчатых животных Австралии первым попал в Европу. В европейских зоопарках их часто демонстрируют под названием дерби-кенгуру. На австралийском побережье дерби-кенгуру становится сейчас все меньше и меньше, что говорит о том, насколько необходимо обеспечить им здесь, на острове, последнее прибежище.

Туристам, подолгу живущим в кемпингах, иногда удается настолько приручить маленьких кенгуру, что те разрешают себя гладить по спинке.

Посреди небольшой лужайки сидят большие темно-коричневые кенгуру. Я стараюсь как можно тише вытащить фотоаппарат, потому что опасаясь, что при малейшем неосторожном движении они бросятся врассыпную.

Но я щелкаю затвором, а они и не думают двигаться с места: сидят как сидели, только косятся в мою сторону. Тогда я подхожу на несколько шагов ближе. На матовом стекле животные отражаются уже совсем крупным планом, но — о чудо! — все еще не убегают! Более того, они разрешают мне зайти прямо в середину их группы, а наиболее смелая самочка даже обнюхивает мою протянутую руку.

Этот вид (*Macropus major fuliginosus*) относится к гигантским кенгуру: они достигают в высоту 1,2—1,4 метра, и голова у них значительно больших размеров, чем у всех прочих видов. Несмотря на то что за последние полторы сотни лет у них успел накопиться достаточно печальный опыт по общению с

нами, людьми, они остаются самыми спокойными и доверчивыми среди всех видов кенгуру. Их доверчивость граничит иногда даже с навязчивостью. Кроме того, они ужасно любопытны: живя здесь, нередко можно проснуться от того, что двое или трое из них проникли в палатку и роются в вашем имуществе.

Мне не привелось их видеть ни в одном европейском или американском зоопарке. Эти специфические «островные» кенгуру питаются травой, растущей между эвкалиптовыми кустами на открытых полянах. В жаркое, засушливое лето они становятся совсем худющими и слабыми. Воды они не боятся и, придя на водопой, иногда заходят в нее по пояс; плавают тоже вполне прилично, не страшась даже самых глубоких мест.

Прежний лесничий Ханзен однажды наблюдал, как старый самец кенгуру подрался с преследующей его собачонкой. Кенгуру обхватил собаку передними лапами и прыгнул вместе с нею в глубокий бочажок, намереваясь, по-видимому, ее утопить — это обычный их прием. Но вода в бочажке оказалась глубже, чем он ожидал, и оба животных пошли ко дну. Кенгуру, однако, тут же вынырнул и успел ухватиться одной лапой за нависшую над водой ветку, другой же продолжал окунать в воду собаку. Но тут сук обломился, и драчуны снова скрылись под водой. Через несколько минут они оба выбрались на берег — предусмотрительно подальше друг от друга.

Река Роки-Ривер, протекающая через Флиндерс-Чейз, в одном месте образует большое глубокое озеро, сохраняющее прохладную воду даже в самое жаркое лето. Сюда несколько лет назад выпустили утконосов, которые прежде не водились на острове. Через два года их еще видели в водоеме, но затем они ушли на много километров вверх по течению и затерялись в сплошь заросшей растительностью малоисследованной реке. Последний раз их видели здесь в 1958 году, но предполагают, что они и сейчас еще живы.

Неожиданно я встретил совершенно незнакомое мне животное. Невдалеке от мыса Борда я заметил поспешно убегающее рогатое длинношерстное копытное ростом с косялю. Кто бы это мог быть? Я не помню, чтобы такие водились в Австралии. Но лесничий рассеял мои сомнения. Оказывается, это была одна из одичавших коз, которых за последние столетия на острове стало довольно много. Они пугливы и осторожны,

как настоящие дикие звери. Еще более дикими стали потомки удравших с ферм домашних свиней. Тех и вовсе никогда не увидишь среди зарослей кустарников. Козы же все-таки стараются держаться поближе к побережью и не уходят в глубь острова. Однако и к человеческому жилью они избегают приближаться.

К счастью, на остров никогда не завозили лисиц. Местные жители гордо рассказывают, что у островитян хватило ума запретить привозить сюда и кроликов, опустошивших, как известно, весь Австралийский материк. Я не стал спорить, но знал, что они ошибаются: на остров завозили кроликов. Но было это давно, и они, слава Богу, здесь не прижились. Может быть, причина крылась в том же самом, что целое столетие мешало разводить на острове овец? Ведь только в 30-х годах нынешнего столетия выяснили, почему гибли овцы от знаменитой «береговой лихорадки». Оказалось, что в почве острова не хватало меди и кобальта. Из-за этого же здесь не могли расти многие культурные растения. А с тех пор как в землю стали искусственно вносить эти элементы и удобрять поля суперфосфатом, пшеница и ячмень стали прекрасно произрастать, а овцы перестали гибнуть от лихорадки. Это позволило после последней мировой войны основать на острове 177 ферм для демобилизованных солдат. В настоящее время 38 процентов всей площади острова обработано, а число населяющих его людей быстро выросло до четырех тысяч. Но в этом заслуга не одних только овец и ячменя. Паромы и самолеты с каждым годом привозят сюда летом все больше отдыхающих, которые стремятся хоть ненадолго убежать из пыльной Аделаиды. Ведь на острове выпадает гораздо больше дождей, чем на всем южноавстралийском побережье, так что там даже в самое жаркое лето температура воздуха на несколько градусов ниже, чем на материке; здесь живительная прохлада и много зелени. А самое главное, конечно, то, что в этих местах можно близко познакомиться с кенгуру, с этими смешными двуногими существами, отнюдь не избегающими человеческого общества. Именно ради этого за последний год сюда приезжало больше восьми тысяч человек. И с каждым годом их становится все больше — таких желающих совершить «прыжок» на остров Кенгуру.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОРНЫЕ КУРЫ ИЗОБРЕЛИ ИНКУБАТОР ЗАДОЛГО ДО НАС

Одиннадцать месяцев каторжной работы.— Как нам удалось вывести сорную курицу в инкубаторе.— Вместо термометра — язык.— Снесенные яйца стоят вертикально

Для всех нас, принадлежащих к классу млекопитающих, деторождение представляет довольно длительный и тягостный процесс (я, конечно, имею в виду самок!). Что же касается птиц, то им приходится плотно сидеть на яйцах, чтобы вывести своих птенцов. Но у них это занимает всего от двух до четырех недель, и, как правило, в насиживании деятельное участие принимает самец.

А некоторые самки, как это водится, например, у южноамериканских страусов нанду или больших австралийских эму, устраиваются совсем удобно: они заставляют самцов целиком

и полностью брать на себя насиживание и в довершение еще играть роль няньки вылупившихся птенцов... Как хорошо, что я не страус нанду!

Точно так же делают и австралийские сорные куры, или большеноги, как их иногда еще называют; имеют они и местное название — талегалла. За сотни тысяч лет петухи у них выработали целую систему высиживания яиц, схожую с инкубацией, избавляющую их от непосредственного насиживания. Что первые инкубаторные печи изобрели в древности египтяне и что их в наше время усовершенствовали с помощью электричества, мы знаем давно, а вот как их сооружают большеноги — выяснилось совершенно недавно. Теперь в нашем Франкфуртском зоопарке весной и летом весь этот трудоемкий процесс можно наблюдать с самого близкого расстояния.

Некоторые виды большеногов откладывают свои яйца возле горячих вулканических источников или еще не остывшей лавы. Другие идут на морской пляж и используют для этой цели нагретый солнцем песок. Как будто бы все весьма просто, но на самом деле это отнюдь не так. Ведь яйцам необходим равномерный обогрев, в то время как песок днем становится очень горячим, а ночью сильно остывает. Поэтому птицам приходится нагребать над своим гнездом большую кучу песка. Когда жара становится особенно невыносимой, большеноги разбрасывают кучу для охлаждения, чтобы затем обложить яйца сырым и прохладным песком, однако при малейшем понижении температуры воздуха они сейчас же отгребают сырой песок и засыпают кладку теплым и сухим. Другие виды сорных кур используют тепло, образующееся при гниении прелой листвы.

Все это звучит почти неправдоподобно, и надо сказать, что долгое время никто этому и не верил. Первым эту сказку привез Антонио Пигафетта, участник неудачного кругосветного плавания Магеллана в 1519—1522 годах. Он утверждал, что видел на южных островах кур, несущих яйца размером больше их самих, причем они зарывают их в кучи перегноя, а сами не насиживают.

Размеры яиц он явно преувеличил, а что касается инкубирования, то это соответствовало действительности. Но в те времена скорей поверили бы в существование русалок или

морских драконов, чем в подобные невероятные способности кур...

Когда через несколько столетий на побережье появились первые поселенцы, они приняли эти огромные кучи листьев за игрушечные крепости, построенные детьми аборигенов. А в Северной Австралии их считали могильниками. И так думали до тех пор, пока в 1840 году естествоиспытателю Джону Гилберту не пришла в голову мысль разрыть такую кучу. Внутри оказались яйца, как это все время и утверждали местные жители, которым, однако, почти никто не верил. Яйца были довольно большими: каждое весило 185 граммов. Такая сорная курица ростом не превышает домашнюю, но если яйца наших кур весят от 50 до 60 граммов, что составляет 4 процента веса тела несушки, то яйцо сорной курицы составляет 12 процентов ее веса! На вкус яйца очень хороши. В Австралии почти каждая такая куча имеет своего «хозяина» — кого-нибудь из местных жителей, который регулярно забирает яйца из своего естественного инкубатора.

Итак, петух-большеног нагребает своими большими лапами огромную кучу сухих листьев и трав, достигающую от одного до двух метров в высоту и нескольких метров в диаметре. (У сорных кур рода *Megapodius* находили инкубаторные кучи высотой до 5 метров, а диаметром 12 метров!) Это самые мощные строения, когда-либо сооруженные птицами. Все время, пока петух-большеног трудится над своей кучей, голова его сохраняет огненно-красную окраску, а болтающаяся под клювом подвеска — ярко-желтую. Несушек он, как правило, от кучи отгоняет. Только время от времени им разрешается подняться наверх, разгрести ямку и снести туда яйцо. Яйца эти всегда стоят вертикально в отличие от всех прочих птичьих яиц, лежащих на боку. Каждая несушка откладывает от 10 до 13 яиц, а для выведения цыплят требуется от 9 до 12 недель.

Живущие сейчас во Франкфуртском зоопарке сорные куры, научное название которых *Alectura lathamii*, родом из Восточной Австралии. Немецкий зоолог профессор Ренш, работающий в тех местах, выяснил, что этих птиц можно даже приручить. Каждое утро они появлялись возле его домика в ожидании корма и позволяли приблизиться к себе на расстояние одного метра. Когда же Ренш встречал их в лесу, они держали себя

отчужденно и моментально убегали, даже если он находился в 15 метрах от них.

Существует 10 видов сорных кур, распространенных как в самой Австралии, так и на Филиппинах, Самоа и других островах.

Каждый ребенок знает, что навозная куча от происходящих в ней процессов гниения нагревается; зимой от такой кучи частенько даже поднимается пар. (Но тут, простите, я должен оговориться: это прежние дети знали. Теперешние наши дети живут в основном в больших городах и вообще не знают, что такое навозная куча.) Так вот если в такую кучу воткнуть куриные яйца и просто оставить их там лежать, они наверняка протухнут и никаких цыплят из них не выведется. Х. Фрис, много занимавшийся сорными курами, провел в Австралии интересные наблюдения. В перегнойных кучах, воздвигнутых сорными курами, в результате процесса гниения температура часто поднимается до 45°C , что для яиц слишком жарко. Но затем листья как бы «перегорают», и теплоотдача резко снижается. Поэтому петуху приходится неустанно хлопотать вокруг кучи, чтобы поддерживать в ней необходимую для яиц температуру ($33,3^{\circ}\text{C}$). Для этого он обычно выкапывает на ее вершине углубление, в котором скапливается дождевая вода. Он то сбрасывает верхние слои перегноя, то снова сгребает их ногами и нагромождает на кучу. В общем, работенке этой не позавидуешь!

Дж. Гилберт проделал следующий опыт. Он поместил в такую перегнойную кучу электрическую печь, которую по своему усмотрению то включал, то выключал. Петух теперь вынужден был работать как проклятый; и тем не менее он умудрялся все время поддерживать вокруг яиц необходимую для них ровную температуру.

Как же ему это удастся без термометра? Вот тут и начинается самое удивительное. Было замечено, что время от времени петух проделывает дырку в своей куче и просовывает голову глубоко внутрь. Может быть, именно для того, чтобы его кожа лучше ощущала тепло, у него такая голая и длинная шея? Однако Гилберту удалось проследить, что один из видов сорных кур, гнездящихся на пляжах, — валнистеры, зарываясь головой в кучу, вытаскивают из глубины ее полный клюв песка. Сле-

довательно, можно предположить, что температуру они определяют языком или нёбом.

Цыплята вылупляются под землей — иногда на глубине до 90 сантиметров. Проходит 15, а то и 20 часов, прежде чем они выберутся наружу. Гилберт наблюдал за ними сквозь стеклянную перегородку, которой разделил кучу пополам. Когда такое шустрое маленькое существо высовывает голову из кучи на свет Божий, его сразу же обступает незнакомый и враждебный ему мир. Ни отец, ни мать не проявляют о нем ни малейшей заботы, и он от них убегает точно так же, как от любого другого живого существа, встречающегося на его пути. С первых же дней он умеет немного взлетать над землей и вспархивает на нижние ветви деревьев, чтобы там переночевать.

Как-то в нашем Франкфуртском зоопарке с одним из таких малышей произошел интересный случай. Была дождливая погода, и мы никак не ожидали, что в такое ненастье могут вылупиться цыплята сорных кур. Поэтому можно представить себе наше удивление, когда однажды утром один из служителей обнаружил довольно далеко от вольеры с сорными курами маленькое серое существо, испуганно забившееся под лестницу. Вначале он принял его за крысу. Кто бы мог подумать, что крохотный птенец способен совершить столь длинное путешествие от места своего появления на свет?

Не так-то часто удавалось зоопаркам экспонировать сорных кур. В Берлинском зоопарке одну курицу содержали в 1872 году, а следующая появилась там только в 1932 году. Правда, сейчас мы не испытываем трудностей с этим делом; у нас, наоборот, некоторое «перепроизводство» цыплят, и мы озабочены тем, кому их сбыть...

Вылупившиеся из яиц цыплята на следующий год становятся уже взрослыми птицами и в свою очередь приступают к постройке куч-инкубаторов. А в условиях зоопарка это вещь далеко не простая. Ведь им для этого требуется огромное количество прелой листвы. Утром к вольере такого петуха подъезжает специальный фургон, который ссыпает ему целый воз листьев, а к вечеру глядишь — заботливый отец уже все сгреб через весь загон в угол, на свою кучу, и стоит в ожидании следующей порции.

Сотрудники нашего зоопарка С. Балтин и супруги Фауст делали неоднократные попытки вывести сорных кур в элек-

трическом инкубаторе. Сначала ничего из этого не получалось. Ни в одном из яиц не появилось ни малейшего признака развития зародыша. По всей вероятности, обычная температура, рассчитанная на развитие куриных яиц, была слишком высока для яиц сорных кур. Тогда экспериментаторы решили измерить температуру и влажность в «естественном инкубаторе», т. е. в перегнойной куче сорных кур, и создать у себя аналогичные условия.

На следующий год в инкубаторе поддерживалась температура не $36-37,8^{\circ}$, как обычно, а $33,6-34,4^{\circ}$ С, сами же яйца были помещены в стеклянный аквариум и обложены со всех сторон мхом, который периодически смачивался. Теперь им была обеспечена необходимая влажность — 78 процентов.

Из яйца, положенного в искусственный инкубатор после того, как оно 33 дня пролежало в перегнойной куче, через 15 дней без всяких затруднений вылупился цыпленок. Во втором яйце, положенном в инкубатор сразу же, как только оно было снесено, зародыш погиб на 21-й день. А третье удалось сохранить с начала до конца, на что потребовалось 47 дней. Это был первый цыпленок сорной курицы, выведенный полностью в искусственных условиях.

В яйцах сорных кур в отличие от всех других птичьих яиц имеется подвижный воздушный пузырь, благодаря чему они могут на протяжении всего процесса развития стоять в перегнойной куче вертикально, острым концом вниз. Так что их не надо переворачивать с боку на бок, как это практикуется у других птиц. Точно так же поступали с яйцами в искусственном инкубаторе. Воздух в «естественном инкубаторе» содержал 713 процентов кислорода и 813 процентов углекислого газа. В набитом мхом аквариуме, помещенном в инкубатор сразу же после вылупления цыплят, содержалось 1,4 процента кислорода и 1,5 процента углекислого газа.

Искусственно выведенные цыплята поначалу никак не могли подняться и стоять вертикально на своих ножках. И только через 24 часа они научились нормально бегать и приобрели тот вид, который имеют цыплята сорных кур, вылетающие из своей «инкубаторной» кучи.

Особенно трудно выводить птенцов сорным курам вида *Leipoa ocellata*, обитающим в засушливых центральных районах Австралии. Там им с трудом удается наскрести большую кучу

листьев. Кроме того, в тех местах очень велики перепады температуры, достигающие в иные дни до 40° С, и все взрослые самцы в течение одиннадцати месяцев в году с утра и до позднего вечера заняты тем, что регулируют необходимую температуру в своих инкубаторных кучах. Да и на само сооружение такой кучи у них уходит не меньше четырех месяцев.

Во время зимних дождей и похолодания они сгребают со всей округи сырые ветки и листья и закапывают их глубоко в землю. Это необходимо для того, чтобы сохранить их влажными и прелыми до засушливого сезона. Такая прелая древесина и листья обеспечивают необходимое тепло для весеннего выведения цыплят. Часто птицам по утрам приходится разрывать свои кучи, чтобы их несколько охладить. Чем ближе к лету, тем солнце греет сильнее, и сорным петухам приходится в полдень как можно плотнее забрасывать кучи листвой, чтобы снаружи в них не проникло слишком много тепла. Осенью же солнце греет слабо, и кучи следует днем открывать, чтобы в них могло проникнуть как можно больше тепла. А вечером их надо снова закрывать, чтобы тепло сохранить.

Нет, право же, я очень доволен, что не родился на свет сорным петухом...

Когда впервые слышишь об этом удивительном «изобретении» сорных кур, невольно спрашиваешь себя, почему бы всем птицам не пользоваться подобными «насиживающими устройствами»? Но если посидеть и понаблюдать, как этакий «каторжник» с утра до вечера перетаскивает с места на место листву и землю, роет ямы, да притом еще ревностно следит, как бы никто из сородичей не приблизился к его сокровищу, то становится совершенно ясно, что это вовсе не «усовершенствование», а скорее наоборот. И безусловно, обычный способ высидывания гораздо удобнее и практичнее: взял, сел сам на кладку — и дело с концом. Уж лучше спокойно и тихо посидеть две недели на гнезде, чем вот так надрываться весь год...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ТОМ, КАК СУМЧАТЫЕ ТРИЖДЫ УЧИЛИСЬ ЛЕТАТЬ

Карликовый акробат.— Приветливые сахарные белочки.— Стон в ночи.— Гигантские «планеры» летают только ночью.— Как выгодно иногда иметь непрочную шкуру

Все мы когда-то были детьми и все когда-нибудь в своей жизни делали из бумаги голубей и самолетики. Но эти изделия были способны только планировать и, разумеется, не умели махать крыльями, как воробьи. Для изобретения машущего полета нужен был не только большой опыт, но и настоящий талант.

И в конце концов такой талант нашелся. Профессор Эрих фон Холст сконструировал бумажных птиц, способных к машущему полету, причем изготовлены они были до смешного просто: из деревянных дранок, резинок и бумаги. Во время своих лекций профессор не только теоретически описывал

способ такого полета, но и практически демонстрировал его перед своими слушателями. Даже натолкнувшись на стенку, искусственные птицы не падали на землю, а поворачивали назад и продолжали свой полет.

Ну а что касается детей, то те до таких сложностей не додумываются. Они просто складывают треугольник из бумаги, запускают его в воздух, и тот, плавно планируя, опускается на землю. А в других случаях дети приклеивают бумагу к фанерным планкам, запускают своего змея в небо, и ветер гоняет его из стороны в сторону.

К чему я все это рассказываю? А к тому, что здесь напрашивается определенный вывод: несложному планирующему способу полета пресмыкающиеся, рыбы и млекопитающие в ходе эволюции научились значительно раньше, чем машущему. Причем у млекопитающих представители трех различных отрядов учились летать совершенно независимо друг от друга.

Летающих белок я впервые увидел в Соединенных Штатах, когда мне был двадцать один год. Эти прелестные маленькие грызуны действительно похожи на белочек, но ростом они с крупную мышь. Некоторое время я их держал у себя в кабинете, в клетке рядом с письменным столом. У них там даже родились детеныши.

Родственные виды этих животных встречаются почти по всему Северному полушарию вплоть до Японии и к югу до Южной Америки; некоторые живут в Индии, Индонезии и даже в Тибете.

В отличие от летучих мышей и летучих собак, машущих крыльями подобно птицам, есть летающие млекопитающие, которые способны лишь к планирующему полету. Из них мне до сих пор не приходилось видеть только гигантских шерстокрылов, которые сродни обезьянам, летучим мышам и насекомоядным; обитают они в Южном Китае и Индонезии. Я очень доволен, что во время пребывания в Австралии мне удалось увидеть и сфотографировать представителей всех трех родов сумчатых, выступающих в роли «бумажных драконов».

Различные виды сумчатых Австралии научились летать совершенно независимо друг от друга. Карликовые акробаты, сумчатые белки и гигантские сумчатые летяги между собой не в более близком родстве, чем с другими сумчатыми животными. Они развились из трех разных самостоятельных се-

мейств сумчатых, у которых не было никаких летательных перепонок.

Самый маленький «планер» среди них — это карликовый акробат (*Acrobates pygmaeus*). Его научное название полностью отвечает его образу жизни. Он довольно широко распространен по всей Восточной Австралии от полуострова Йорк, нацеленного своим острием на Новую Гвинею, вниз на юг до самого Мельбурна.

И все же, несмотря на такое широкое распространение, мало кому из австралийцев приходилось его видеть. Даже если эти крохотные зверьки живут совсем рядом с человеком — в саду, возле дома, он часто совершенно об этом не догадывается.

О том, что у нас в доме завелись мыши или крысы, мы обычно узнаем, обнаружив погрызенные продукты. Самих злоумышленников нам редко удастся увидеть. А поскольку карликовые акробаты и не пытаются проникнуть в наше жилище (их там ничто не привлекает, так как они питаются насекомыми и цветочным нектаром), да к тому же парят в воздухе только ночью, то мы, живя рядом, можем их ни разу в жизни не увидеть.

Только случайно кто-нибудь с удивлением обнаруживает, какое чудо, оказывается, живет в его саду. Так, в одном из домов предместий Сиднея кошка пристрастилась ловить этих летающих мышек. Большею частью она приносила их живыми и охотно уступала своей хозяйке за блюдечко молока и кусочек мяса. Жалея эти крошечные создания с их вечно испуганными бусинками глаз, хозяйка каждый раз выпускала их на волю. Стараясь отучить кошку от подобной охоты, женщина перестала давать ей в обмен на пленников молоко. Тогда однажды ночью та принесла свою добычу в комнату и положила ее прямо на подушку возле самого лица спящей хозяйки. Кошки вообще бесчинствуют на Пятом континенте, и совершенно непонятно, для чего мы, европейцы, их туда завезли.

Но если кто-нибудь вбил себе в голову обязательно изловить карликового акробата, то он берет на себя задачу, равносильную поискам иголки в стоге сена. Так, Гарри Фраука, имеющий огромный опыт в обращении с австралийскими животными, долгое время жил в местности, где водились карликовые акробаты. Однако за все время ему лишь четыре раза удалось наблюдать, как они планируют от одного дерева к другому.

Поймать же он не смог ни одного. Наконец он предложил дровосекам одной лесопильной фирмы вознаграждение за неувловимых акробатов, и спустя три месяца ему была вручена картонная коробка, в которой сидел желанный зверек. Это оказалась самочка со слепым еще детенышем, который то сидел у нее в сумке, то взбирался на спину. Хотя он еще не видел, но уже самостоятельно ползал по веточкам на дне коробки. Оба, и самка и детеныш, слизывали капельки воды с листьев и мед, которым Фраука обмазывал ветки.

Тельце карликовых акробатов имеет в длину всего 68 миллиметров, и точно такой же длины достигает их хвост, по форме напоминающий перо: гибкий стержень с каймой из волос в ширину достигает около восьми миллиметров. Такой хвост-перо облегчает этим животным планирующий полет, им же они ловко цепляются за ветки, повисая вниз головой, словно обезьянки. Летательная перепонка натянута от запястья на передних лапках до щиколоток на задних, но она не такая широкая, как у американских летяг, этих летающих грызунов.

Самочка сумчатых акробатов строит себе довольно объемистое гнездо из листьев эвкалипта и кусочков коры. Обычно такое гнездо спрятано где-нибудь в дупле на значительной высоте — 15 метров и выше. Там она и приносит трех-четыре детенышей, не больше, так как у нее на брюшке только четыре соска. Потомство часто остается жить вместе с родителями, и нередко семья состоит из 16 зверьков. Какого возраста карликовые акробаты могут достигнуть на воле, пока еще не выяснено, но в Лондонском зоопарке такая крошка прожила почти четыре года.

В сумчатых летающих белок (*Petaurus*), или, как их чаще называют, сахарных белочек, невозможно не влюбиться — до того они хорошенькие и мягонькие, с большими выразительными глазами. И шкура у них такая нарядная — светло-серая в черную полоску. К тому же они очень приветливы и легко приручаются.

В Восточной Австралии, Новой Гвинее и на Тасмании встречаются три подвида этих белок. Размером они обычно от 12 до 32 сантиметров, т. е. с нашу белку, иногда несколько больше, а пушистый хвост превышает длину туловища. Этот хвост служит не только рулем в полете, но и для транспортировки строительных материалов во время постройки гнезда.

Делается это так: сахарные белки повисают вниз головой, уцепившись задними лапками за ветку, а передними обрывая листья; собрав большую охапку, они обхватывают ее хвостом, словно петлей. Разумеется, летать с такой поклажей они уже не могут, а потому тащат ее пешком по веткам к своему гнезду.

Сахарные белки, по всей вероятности, самые многочисленные млекопитающие Австралии. Однако это вовсе не значит, что их легко увидеть в лесу — совсем наоборот. Один врач в городе Хобарте только тогда обнаружил, что они живут у него в саду, когда однажды утром нашел одну из них мертвой перед дверями своего дома: по-видимому, она разбилась ночью о белую оштукатуренную стену, приняв ее в темноте за светлое небо.

Если вы вздумаете как-нибудь прогуляться ночью по австралийскому лесу, то может случиться, что два дерущихся между собой самца с размаху упадут к вашим ногам. Кстати, это совершенно не мешает им продолжать свой поединок.

Некоторые исследователи утверждают, что сахарные белки могут пролететь расстояние до 55 метров, разумеется начав свой полет с очень высокого дерева. Однако зоолог Дэвид Фли считает это преувеличением. Он пишет, что проделал опыт, во время которого заставлял сахарных белок перелетать с одного столба на другой, врытый всего в семи метрах от первого. Зверьки преодолевали это расстояние с большим трудом, и ни о каком увеличении его не могло быть и речи. Но мне кажется, что версия насчет пятидесятиметрового расстояния все же может быть верна. Важно лишь, с какой высоты был начат полет. Ведь такая белочка стартует с верхушки одного дерева и финиширует почти у самого основания другого. При этом она всегда старается приземлиться головой вверх. Затем она быстро по спирали взбегаем вверх по стволу, и все повторяется сначала. Понятно, что любой столб, вкопанный на огороженном выгоне, всегда окажется недостаточно высоким для такого дальнего полета.

Бельчонок во время полета обычно сидит на спине матери, и не исключена возможность, что одновременно в ее сумке находится уже новый малюсенький бэби. Эти выращенные в сумках детеныши, как правило, оказываются очень живучими. А ведь мать их вынашивает всего три недели, после чего они

попадают еще голыми эмбрионами в сумку и висят там, крепко присосавшись к соску.

Одна девушка, по фамилии Ивей, рассказывала, как она однажды еле-еле оторвала такого малюсенького эмбриона от соска мертвой матери, решив спасти ему жизнь. С большим трудом из глазной пипетки она вливала ему по две-три капли молока в ротовое отверстие. Такой порцией этот «червячок» вполне насыщался. Она кормила его 5—6 раз в день, причем молоко специально подогревалось и в него добавлялось немного сахара. Только спустя три недели зверек научился сам лакать молоко. Второй беличий детеныш был снят с уже остывшего трупа самки, которую задушила кошка. Его тоже удалось выкормить подобным же образом, и он прожил после этого в доме десять лет.

Такая ручная белочка может доставить много радости своему хозяину или хозяйке. Попав к людям, она моментально переключается на «домашний» стол: с удовольствием грызет сахар, различные фрукты, очень любит пироги и мед. А между прочим, живя на воле, белки всего этого, разумеется, никогда не видят; там они питаются насекомыми, иногда даже таскают из гнезд нелетных птенцов. Листьев они в пищу не употребляют.

Живя в доме, сахарная белка дремлет весь день напролет, свернувшись в кармане своего владельца, и только время от времени просыпается, чтобы угоститься кусочком печенья. Потом она снова запахивается собственным хвостом и продолжает спать. Но с наступлением сумерек сумчатая белочка оживляется, начинает носиться вверх и вниз по портьерам и планирует с одного члена семьи на другого, будто это деревья в лесу.

Сами сахарные белки неприятного запаха не имеют, но их норы в дуплах продушены довольно основательно: по-видимому, листья, из которых построено гнездо, сильно пропитываются мочой. Зоолог Т. Шульце-Веструм обнаружил у новогвинейских сумчатых белок особые железы на лбу, на груди и под хвостом, издающие различные запахи. Члены одного «клана» узнают друг друга исключительно по запаху. Однако один только «чужой» запах еще не служит причиной для нападения.

На воле сахарные белки часто живут общежитием, по двенадцать штук в одном дупле. Перед тем как вылететь в ночной полет, они издают низкий, похожий на стон звук. Время от

времени они громко кричат. Для чего бы это? Может быть, они обладают своеобразным локационным устройством, которое помогает им ориентироваться в темноте? Это пока еще не выяснено. Возможно, что и так.

Многие австралийцы разводят этих прелестных животных, и они успешно размножаются в неволе. В Лондонском зоопарке у них тоже неоднократно появлялось потомство. Наблюдая за самкой с детенышами, часто можно видеть, как она передними лапами открывает сумку на животе, чтобы проверить, как там ведут себя ее дети. В сумке обычно сидит по два-три детеныша.

Сахарные белки внешне довольно схожи с гигантскими сумчатыми летягами. Но именно только внешне. Они отнюдь не вегетарианцы, а скорее маленькие разбойники; при случае они душат даже мышей и частенько охотятся за различными насекомыми. Их зубы напоминают зубы насекомоядных карликовых опоссумов, в то время как челюсть гигантской сумчатой летяги схожа с челюстью нелетающего «вегетарианца» кольцехвостого кускуса (*Pseudocheirus*).

Вот наконец мы и подошли к третьему летающему сумчатому Австралии — гигантским сумчатым летягам (*Schoinobates volans*). Этот гигант среди планирующих млекопитающих питается исключительно молодыми побегами и почками эвкалиптов. Великан достигает метрового и даже полутораметрового роста и может совершать стометровые полеты. Правда, у гигантских сумчатых летяг высокие «стартовые площадки», потому что обитают они в холмистой и горной местности Восточной Австралии, в разреженных эвкалиптовых лесах Южного Квинсленда и Виктории. Летательная перепонка у этого вида натянута от локтя передней лапы до щиколотки задней, в то время как у сахарной белки она начинается уже с самого мизинца. Поэтому в полете гигантская сумчатая летяга напоминает треугольник, сужающийся спереди, а сахарная белка — прямоугольник. Ночью их тоже легко отличить друг от друга: при свете фар глаза летяги фосфоресцируют, в то время как глаза белочек в темноте едва светятся.

Из-за того что гигантские сумчатые летяги такие же «узкие специалисты» в отношении питания, как и знаменитые коала, ни одному европейскому зоопарку ни разу не удавалось содержать у себя это удивительное экзотическое животное. И действительно: где же раздобудешь такую уйму пахнувших мятой

листьев эвкалиптов? А они, видите ли, хотят есть только это и больше ничего. Так что уж придется оставить их в Австралии и довольствоваться фотографиями, а в лучшем случае — фильмами.

Одно время летяг подозревали в краже фруктов, так как их неоднократно заставляли в приусадебных садах. Но тогда люди, заинтересованные в судьбе этих животных, для того чтобы реабилитировать их перед садоводами, застрелили нескольких гигантских сумчатых летяг и проверили содержимое их желудков. Там оказались только остатки размельченных листьев и цветков эвкалиптов; персиков и абрикосов летяги и не думали трогать.

Обычная окраска летающих гигантов — темно-коричневая, но их цвет может варьировать от иссиня-черного до чисто-белого. Хотя весят эти животные до полутора килограммов, они с легкостью пролетают довольно большие расстояния. Одна гигантская сумчатая летяга в шесть приемов, то есть последовательных перелетов, покрыла расстояние в полкилометра. Первая часть полета началась с вершины тридцатиметрового дерева и окончилась у самого основания другого, отстоящего от него почти на 70 метров. (Как только гигант приземляется у основания ствола, он сейчас же огромными скачками, просто галопом, несется вверх, причем прямо, а не по спирали, как это делают наши отечественные и сахарные белки.) Достигнув вершины второго дерева, гигантская сумчатая летяга спланировала на следующее, в 80 метрах от него. После этого она последовательно преодолела расстояние в 100, 110 и 82 метра и закончила свой полет стодесятиметровой дистанцией. Каждый раз, когда гигантская сумчатая летяга взбиралась по очередному дереву, она исторгала воинственный писк.

Врагов у этих животных не так уж много — в основном это лисы, крупные совы, ну и, разумеется, лесные пожары. Гибнут они еще и от того, что налетают в темноте на колючую проволоку, которой здесь отгораживают отдельные группы деревьев, чтобы спасти их от домашнего скота, повреждающего кору. Проволока протыкает летательные перепонки этих животных, и они повисают на ней, тщетно стараясь высвободиться, пока не умрут медленной мучительной смертью...

Хотя у самки гигантских сумчатых летяг в сумке на животе два соска, в ней, как правило, находят только одного детеныша.

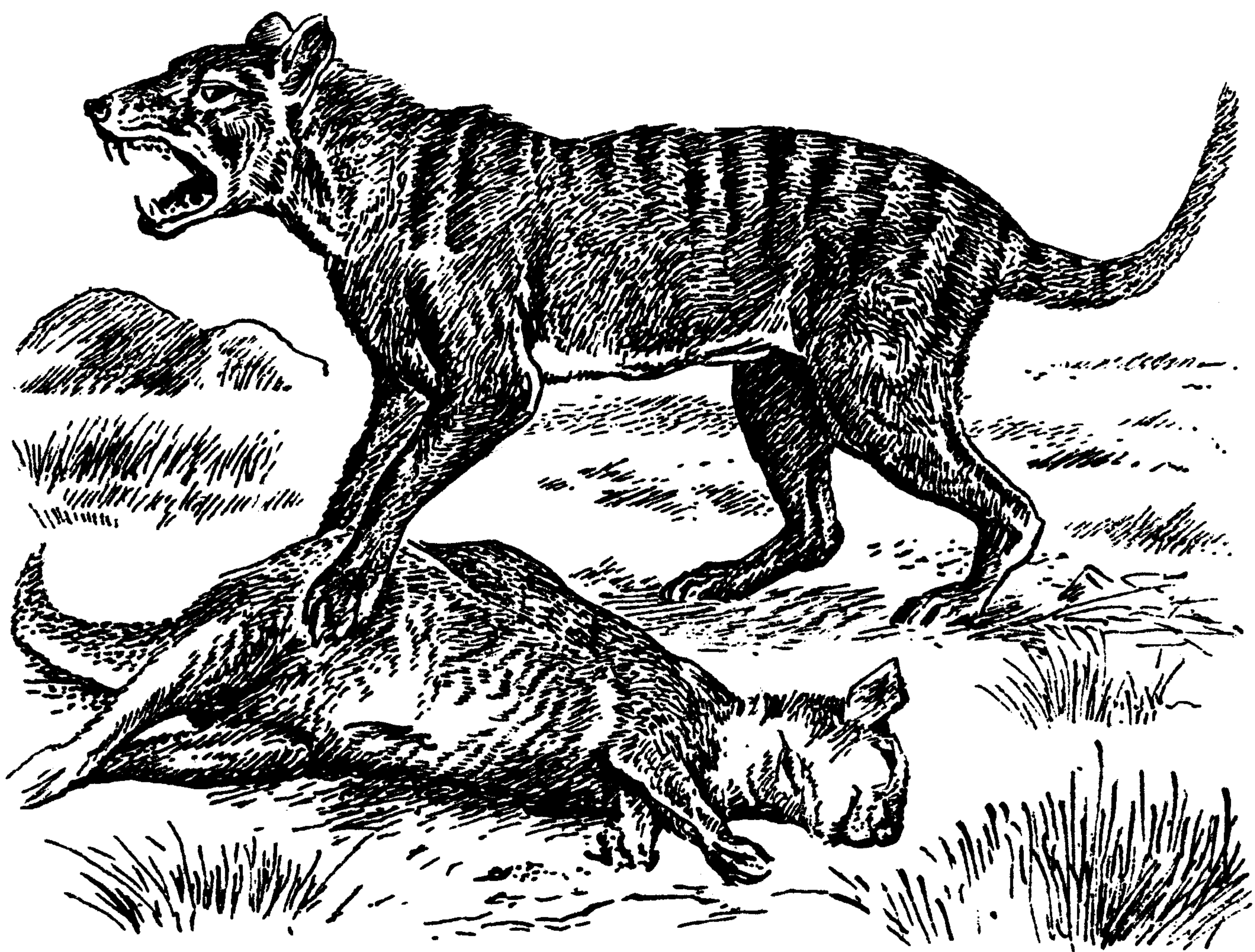
Первые шесть недель он висит там, крепко присосавшись к соску, и только позже открывает глаза; в четыре месяца детеныш начинает вылезать из сумки, но и после этого он еще долго катается на материнской спине, никак не решаясь оттуда слезть.

Поймать этих животных не так-то просто. Пожалуй, чаще всего они попадают в руки во время лесозаготовительных работ. Именно таким образом парочку гигантских сумчатых летяг раздобыл себе зоолог Дэвид Фли. В течение двух с половиной лет он кормил их листьями эвкалипта и хлебом, смоченным в воде и обмазанным медом. Животные весь день напролет спали и только к вечеру оживлялись. Они разрешали себя гладить, но, к счастью, не ползали по своим хозяевам, как это делают сахарные белки. Это было бы не слишком-то приятно, потому что у них острые и твердые как сталь когти. Самец в один прекрасный день выскользнул через приоткрытую дверцу клетки — и был таков. Однако через два дня он вернулся — то ли в поисках своей самки, то ли потому, что на воле не нашел для себя подходящего питания.

Гигантская сумчатая летяга впервые была описана под названием черного летающего опоссума еще в 1789 году. Написал о ней губернатор А. Филлип в своем отчете о поездке в Ботани-Бей, первую британскую колонию для заключенных, которая находилась там, где сейчас раскинулся многонаселенный город Сидней.

«Мех их так прекрасен,— писал автор отчета,— что, если как следует организовать добычу этих животных, он, безусловно, может стать замечательным объектом для экспорта». К счастью, скорняки оказались другого мнения. Хотя шкурки сахарных белок и гигантских сумчатых летяг имеют длинную ость и достаточно пушисты, но мех их непрочен и плохо поддается обработке.

Вот как выгодно иногда иметь непрочную шкуру! Будь это не так, вряд ли кто-либо из этих животных дожил бы до наших дней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СУМЧАТЫЙ ВОЛК УХОДИТ НАВСЕГДА

Что создано природой — пускай пропадает, а то, что сотворил человек, — надо спасти любой ценой. — «Меняем сумчатого волка на... слона». — Вертолет гонится за «тасманским тигром». — Украденный труп

«Он дошел до той грани, от которой нет возврата и никакие, даже самые лучшие, намерения его уже не спасут» — так пишет о сумчатом волке (*Thylacinus cynocephalus*) ведущий зоолог острова Тасмания Майкл Шарленд.

Просто убийственно! Если бы этот уникальный самый большой сумчатый хищник Австралии был изобретен или сконструирован людьми, а не создан самой природой за миллионы лет эволюционного развития, тогда, разумеется, нашелся бы способ его сохранить. В конце концов находит же средства ООН, чтобы спасти каменных колоссов Абу-Симбела от за-

топления в новом водохранилище. И у многих богатых людей тоже находятся на это деньги. А между тем эти каменные фигуры на левом берегу Нила не только прославляют жившего три тысячи лет назад египетского фараона Рамзеса II, но, как и пирамиды, напоминают о тяжком невольничьем труде десятков тысяч несчастных рабов, влачивших жалкое существование во имя славы и процветания бесчеловечных тиранов. Тем не менее этими творениями рук человеческих восхищается весь современный мир. А то, что создано не руками человека, а матерью-природой, то пускай пропадает, предается забвению, разрушается и исчезает. Чтобы уберечь сумчатого волка, это величайшее чудо природы, от полного исчезновения с лица земли, нужна ведь только крохотная часть той суммы, которая отпущена на спасение каменных колоссов Абу-Симбела.

Но к сожалению, сумчатый волк обитает на далеком, затерянном на краю света острове, на котором много леса, но мало людей, которым небезразлична судьба вымирающих животных. А остальным все равно: пусть вымирает, подумаешь, одной тварью меньше! Жил бы этот уникал в каком-либо из сегодняшних культурных центров человечества — в Соединенных Штатах, в Европе или в Советском Союзе, вокруг него непременно поднялась бы шумиха, и уж, наверное, там не пожалели бы какой-то ничтожной суммы денег, необходимой для его спасения. Думаю, что не пожалели бы. Но в Австралии, без сомнения, по этому поводу беспокоиться не станут. Хотелось бы узнать, что об этом будут писать наши внуки в 2020 году? Мне кажется, я знаю наперед, что они будут писать и как нас будут проклинять.

Печальную судьбу «тасманского тигра» (как совершенно нелепо называют сумчатого волка за поперечные полосы на задней части его тела) предвидел еще естествоиспытатель Джон Гульд, посетивший более ста лет назад этот лесистый и гористый остров. Он писал:

«Если этот относительно небольшой остров будет более плотно заселен и его девственные леса из края в край пересекут проезжие дороги, число этих удивительных зверей резко пойдет на убыль. Их просто истребят, как истребили волков в Англии и Шотландии, и вскоре будут описывать как вымершее животное».

К счастью, волки водились не только в Англии и Шотландии, а потому здравствуют еще и поныне. А вот сумчатый волк не встречается нигде больше на земном шаре, кроме острова Тасмания.

Надо сказать, что европейские поселенцы отнюдь не дожидались, пока остров пересекут удобные автострады или на нем появятся многолюдные города: они принялись за истребление сумчатого хищника сразу же, как только появились на острове. А уничтожали они его за то, что он время от времени кроме кенгуру (своей обычной добычи) начал таскать и домашних овец. А этого, как известно, человек не прощает.

И нельзя сказать, что остров был особенно перенаселен. На его 63 тысячах квадратных километров (что составляет три четверти Ирландии) проживает всего 300 тысяч жителей, из которых каждый третий живет в главном городе — Хобарте. И тем не менее уже больше ста лет назад назначалось вознаграждение в 100 марок за голову каждого убитого волка. Правда, теперь уже наоборот — объявлен штраф в две тысячи марок за убийство сумчатого волка. Но поздно. Спасти это животное уже невозможно.

Прошло много времени, пока тасманцы поняли, каким бесценным сокровищем они обладают и что означает иметь в своем распоряжении единственное на Земле крупное хищное сумчатое животное.

Сначала сумчатых волков ежегодно убивали сотнями. А тех, которые случайно попадались в капканы, поставленные на кенгуру, и оставались при этом не задушенными, отправляли в маленький зоопарк города Хобарта (этот зоопарк существовал только до 1940 года). В нем в общей сложности содержалось девять или десять сумчатых волков, большая часть которых была поймана на западном побережье Тасмании, причем последний — в 1933 году. Хобартский зоопарк обменивал этих зверей на других, чужеземных, животных. Так постепенно выменяли всех сумчатых волков: сперва — на двух львов, затем на белого медведя и слона, а последнего волка — на целую коллекцию экзотических птиц. Некоторых же просто продавали за океан. Так, в 1909 году одного сумчатого хищника приобрел Кельнский зоопарк, в 1913 году — Антверпенский, а в Лондонском перебивало их не меньше дюжины; последний погиб в 1931 году. В Нью-Йорке с 1908 по 1919 год их пере-

бывало четыре. Деятели из Хобартского зоопарка очень бойко торговали этим чудом природы, воображая, что они смогут его раздобывать бесконечно. Но кончилось тем, что у них остался один-единственный хромым волк, окончивший свои дни в печальном одиночестве. С 1933 года ни одного сумчатого волка больше поймать не удалось.

В европейских зоопарках эти животные показали себя довольно холодоустойчивыми и отнюдь не склонными к ночному образу жизни, как это указывалось в специальной литературе. С ними не очень-то нянчились, и тем не менее они жили в неволе весьма подолгу. Так, один сумчатый волк, получая лишь куски тощей говядины или конины и изредка какое-нибудь мелкое животное вроде кролика, прожил в Лондонском зоопарке восемь лет и четыре месяца, а другой, в Вашингтоне, прожил в заточении семь лет.

Людвиг Хек, бывший директор Берлинского зоопарка, писал в 1912 году, что за последний десяток лет сумчатые волки время от времени все-таки появлялись на «прилавке», но... по две тысячи марок за пару.

Они умели (страшно, что приходится говорить о них в прошедшем времени) хорошо прыгать — от двух до трех метров в высоту.

Цвет их шерсти варьировал от серовато-желтого до желтовато-коричневого, она была короткой, густой и жесткой. В длину волки достигали от 1 до 1,3 метра и имели очень длинный хвост — до 60—65 сантиметров.

Научное название этого животного «сумчатая собака с волчьей головой» весьма неудачно, потому что сумчатый волк, будучи именно сумчатым, не состоит ни в каком родстве ни с собакой, ни с волком. Правда, с виду он очень напоминает собаку, хотя и имеет одну из самых устрашающих челюстей среди наземных млекопитающих — в ней целых 46 зубов! Как и многие другие сумчатые животные, сумчатый волк способен очень широко разевать свою пасть — утверждают, что на все 180°. Но меньше всего «собачьего», пожалуй, в задней части его туловища, и главным образом в хвосте. Он сильно утолщен у основания и скорее напоминает хвост кенгуру, чем собаки. Сумчатый волк не способен выражать свои чувства при помощи хвоста: например, приветливо вилять им от радости или поджимать его от страха или смущения. В книгах даже утверж-

дается, что у этих животных хвост настолько негибкий, что если волка схватить за него, то он не сможет дотянуться, чтобы укусить за руку.

Однако не верьте всем рассказам о сумчатых волках, которые десятки лет уже кочуют из одной книжки в другую и повторяются в различных статьях и рассказах. Относитесь к ним с осторожностью. Ведь никто не давал себе труда изучить жизнь этого древнего вымирающего вида на воле, в его естественной обстановке (пока этот вид еще существовал). Никто. Стыдно сказать, но и в зоопарках ни один ученый серьезно им не занимался. Так, например, настойчиво утверждают, что сумчатые волки необыкновенно кровожадны, что они якобы перегрызают горло овцам и кенгуру только за тем, чтобы высосать кровь из сонной артерии или в лучшем случае вырвать у них из утробы печень или жирные почки. Остальное они будто бы бросают на съедение сумчатым дьяволам и стервятникам. Рассказывают, что они никогда не возвращаются к своей жертве и не подбирают никакой падали. По всей вероятности, это не что иное, как злостный наговор фермеров-овцеводов, которым сумчатый волк всегда стоял поперек дороги. Ведь даже самых первых двух волков, пойманных еще в 1824 году, Г. Гаррису удалось заманить в ловушку, в которую он положил кусок падали, а у животных, по которым и был описан весь вид, в желудке были найдены остатки ехидны.

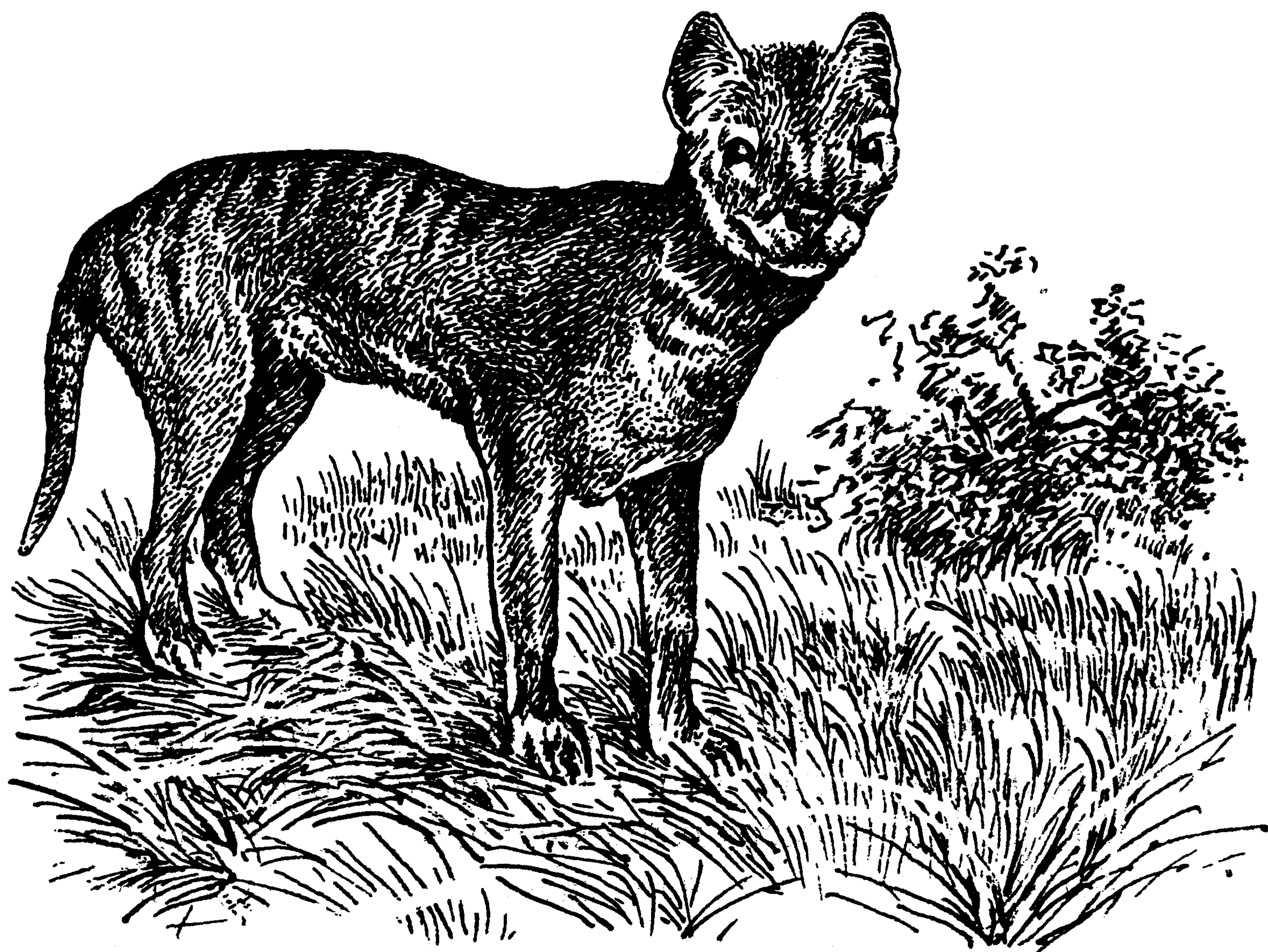
Те, кому еще довелось видеть сумчатых волков, рассказывают, что они не так быстроноги, как собаки, и обычно трусили не спеша по тропинке. Они не выказывали особого страха перед собаками, наоборот, собаки побаивались этих животных, даже целая их свора, как правило, не решалась напасть на сумчатого волка. Если же ему особенно досаждали преследованием, то он в конце концов начинал удирать огромными скачками, причем на одних только задних ногах, как кенгуру. Судя по строению его тела, это вполне возможно. Сами же волки преследовали свою жертву не спеша, рысцой, и только измотав ее длительной погоней, припускались во всю прыть, и тогда в пять минут все было кончено. При особом возбуждении они издавали хриплые звуки, напоминавшие громкое шипение.

Только в одном все показания о поведении сумчатых волков сходятся: в том, что они никогда не нападали на людей. Из-

вестен только единственный случай, когда сумчатый волк укусил за руку человека. Это была девушка, по имени Брисцилла Мёррей, которая полоскала белье в реке около своей одиноко стоящей фермы. К счастью, дело было зимой, и волк не смог прокусить ее теплой зимней одежды. Но когда она хотела прогнать зверя, он схватил ее и за другой рукав. Стараясь дотянуться до лежащих неподалеку грабель, Брисцилла нечаянно наступила волку на длинный хвост. Это, видимо, зверю не понравилось, потому что он ее тут же отпустил и бросился наутек. Пострадавшая заметила, что волк был одноглазым и ужасно тощим — видимо, просто умирал с голоду. По всей вероятности, подслеповатое животное приняло человеческую руку за какую-нибудь мелкую живность или птицу.

Против мнимой кровожадности сумчатых волков говорит еще и такой факт: в прежние времена здешние фермеры перед тем, как расставить капканы на кенгуру, как правило, разбрасывали отравленную приманку для сумчатых волков и сумчатых дьяволов, которую те охотно подбирали.

Детенышей своих самка сумчатого волка сначала три месяца таскала в плоской брюшной сумке, раскрывающейся в отличие

от сумки кенгуру назад, в сторону хвоста. А когда они становились несколько самостоятельней, укладывала их в утепленное гнездо. У сумчатых волчиц бывало до четырех волчат, которые в старшем возрасте еще некоторое время сопровождали ее на охоте.

Наблюдая за этими животными в Берлинском зоопарке, куда они последний раз попали в 1902 году и где один самец прожил целых шесть лет, профессор Людвиг Хек писал:

«Даже учитывая характерное для сумчатых животных тупоумие, все же можно сказать, что сумчатые волки ведут себя довольно доверчиво; если встать прямо перед самой клеткой, они начинают беспокойно нюхать воздух, подходят к решетке и устремляют на вас неподвижный пустой взгляд своих ясных темно-желтых глаз... Выражение этих глаз ничем не напоминает взгляд настоящего хищника. Сумчатые волки вечно голодны и, если не спят, требуют есть. Из-за своей удручающей несмышленности они все время грызут железные прутья клетки, воображая, что смогут их перегрызть. Когда они спят в своей теплой, устланной соломой конуре, разбудить их бывает чрезвычайно трудно. Но если это все же удастся сделать, они никогда не сердятся».

Мы теперь стали относиться с величайшей осторожностью к сообщениям, касающимся поведения животных, которых содержат в слишком тесных клетках зоопарков. Многие из таких «тупоумных» животных на поверку оказывались весьма общительными, живыми и интересными существами. Но для того чтобы это выяснить, надо заниматься ими более внимательно и обеспечивать им необходимый уход.

А вот какими же на самом деле были сумчатые волки, нам, современным людям, теперь уже никогда не узнать. Одно из последних животных было убито в 1930 году на северо-западном побережье Тасмании, другое тремя годами позже удавилось в петле, поставленной на кенгуру. С тех пор напрасны были все старания найти хоть одного сумчатого волка — они исчезли.

Некто Рой Мартик в 1937 году специально отправился на их поиски. Он утверждал, что нашел следы 20 волков и что даже видел, как они в сумерках промчались мимо него. Однако, сколько бы экспедиций ни снаряжалось в лес с той же целью, ни одного волка больше обнаружить не удалось — все поиски

были тщетными. Правда, время от времени в газетах появлялись сообщения, что кто-то видел знаменитого «тасманского тигра». Чаще всего это были строители, которым приходилось долгое время находиться в глухих, отдаленных районах острова (например, во время прокладки телеграфной линии). Но они ничем не могли этого доказать. Особое волнение вызвало сообщение экипажа одного вертолета. Пролетая над западным побережьем Австралии, люди заметили с воздуха бегущего сумчатого волка. Вертолет некоторое время преследовал зверя, его даже при этом удалось сфотографировать. Однако специалисты, внимательно рассмотрев снимок, пришли к выводу, что это всего-навсего собака.

В августе 1961 года хобартская газета «Меркури» сообщила о следующем происшествии. Двое рыболовов — Билл Моррисон и Лоури Томсон — отправились ловить рыбу на западном побережье Тасмании. Свою палатку они разбили на самом берегу океана. Ночью рыболовы услышали странный шум. Кто-то снаружи рылся в их корзине, где была сложена приманка. Томсон поднялся с постели, захватил полено и вышел из палатки, чтобы прогнать непрошеного гостя. В темноте возле корзины он смог разглядеть только неясные очертания какого-то крупного зверя. Томсон в два прыжка очутился возле него и ударил животное поленом по голове. Зверь мгновенно исчез, словно растворился в ночи. Однако наутро недалеко от палатки рыболовы обнаружили труп молодого самца сумчатого волка. Они отнесли свою необыкновенную находку в палатку, намереваясь после рыбалки взять ее с собой в город, чтобы сдать в музей. Однако вернувшись вечером, они обнаружили, что волк пропал. Значит, либо он не был мертв и, придя в себя, ушел, либо его кто-то украл. Рыболовы очень расстроились из-за пропажи такого важного вещественного доказательства; им удалось привезти с собой лишь немного шерсти и засохшей крови, которые они собрали на песке. Все это они направили хобартским специалистам для определения. Те установили, что и шерсть и кровь, безусловно, принадлежали сумчатому волку. Но самого зверя разыскать так и не удалось. Он пропал бесследно.

Во всех же других случаях, когда сообщалось о появлении сумчатых волков, специалисты, выезжавшие в указанные очевидцами места, не находили там этих животных. Правда, иногда

удавалось заснять их следы. Так, доктор Лаирд послал фотографии отпечатков следов молодого сумчатого волка в Лондон. Отпечаток передней лапы сумчатого волка на влажном песке довольно просто отличить от следа собаки: у сумчатого волка все пять пальцев расположены в ряд, а у собаки — только четыре, пятый же, рудиментарный, висит несколько выше и сбоку. Однако на задней лапе и у сумчатого волка только четыре пальца, к тому же очень часто отпечаток передней лапы разрушается задней, что затрудняет точное определение. Отпечаток задней лапы у этого зверя длинней, чем у собаки, потому что ногу он ставит более наклонно.

По всей вероятности, в некоторых отдаленных лесистых горных местностях западного побережья Тасмании сумчатые волки обитали еще до самого последнего времени, возможно, они есть там даже и сейчас. Однако все равно у этого вида нет никаких шансов выжить, даже невзирая на то, что с 1938 года они находятся под строгой охраной государства. Дело в том, что местность эта абсолютно непригодна для обитания такого животного; оно там едва ли сможет найти для себя пропитание. Сумчатые волки явно не лесные звери, они чувствуют себя дома скорее в степи, во всяком случае на открытых пространствах. Только здесь они могут раздобыть для себя достаточное число кенгуру и валлаби. Однако овцеводы и фермеры постепенно оттеснили этих зверей далеко в лесистые горы. И если теперь их там даже никто и не тронет, все равно им долго не продержаться. Если сумчатых волков действительно хотят спасти, надо уступить им часть открытой степи и искусственно заселить ее необходимыми для их питания животными: может быть, проще всего взять для этого овец. Но что-то пока не похоже, чтобы кто-нибудь взял на себя расходы по обеспечению жизни такого «никому не нужного хищника»...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧУДО ПРИРОДЫ — КЕНГУРУ

Животное, которое «пудрится». — Путешествует в виде слепого эмбриона. — Пьет морскую воду. — Топит собак. — Жует жвачку. — Роев колодцы. — Совершает тринадцатиметровые прыжки. — А из него делают ботинки...

Широко распространено мнение, что кенгуру, этих удивительных животных, первым открыл английский мореплаватель Джеймс Кук. Но это не так. Еще за сто сорок лет до него, в 1629 году, на один из видов кенгуру, а именно на так называемого дерби-кенгуру (*Wallabia eugenii*), наткнулся голландский мореплаватель Франс Пелсарт, судно которого село на мель возле западного берега Австралии. Не ушел от его внимания и крошечный детеныш, висевший на соске в сумке, расположенной на брюшке у самки. Но он ошибочно предположил, что детеныш вырастает прямо из

этого соска. Правда, его сообщение никого тогда особенно не взволновало и вскоре было совершенно забыто.

А Кук впервые увидел кенгуру в 1770 году. 22 июля он послал нескольких человек из своей команды на австралийский берег с заданием подстрелить голубей для больных. Было это возле полуострова Йорк, того «острого пальца», которым континент Австралия указывает на остров Новая Гвинея, а именно в том месте, где сейчас находится город Куктаун, названный по имени великого путешественника Кука. Вернувшись с берега, эти люди сообщили, что видели животное ростом с борзую, стройное, мышинового цвета и очень быстроногое. Во всяком случае оно умчалось в один миг. Двумя днями позже сам Кук мог убедиться в том, что его людям не померещилось: он собственными глазами увидел это животное. А еще через две недели участник его экспедиции естествоиспытатель Джозеф Бенкс с четырьмя провожатыми совершил трехдневную вылазку в глубь страны. Кук впоследствии писал об этом так:

«После многомильного перехода они обнаружили четырех животных того же вида. За двумя из них погналась борзая Бенкса, однако оба ускользнули, ускакав в высокую траву, где собаке трудно было их преследовать. Это существо, по наблюдению мистера Бенкса, передвигалось не на четырех ногах, как обычные животные, а прыгало на двух задних наподобие тушканчика».

Пользуясь не совсем точными сведениями местных аборигенов, Кук дал животному название «кенгару» (*Kangaroo*).

На этот раз удивительные существа вызвали много пересудов: ведь они выглядели совсем иначе, чем все известные до той поры животные. И уже через три года, после того как английский флот высадил первую партию заключенных в Порт-Джексона (там, где сейчас находится Сидней), в Англию в подарок королю Георгу III был отправлен первый живой кенгуру. Для перестраховки губернатор Филлип отправил еще одного на другом судне.

Необыкновенное, невиданное животное с недавно открытого континента настолько распалило любопытство лондонцев, что вскоре за первыми кенгуру последовало еще несколько. Вот как расписывает рекламный листок тех лет эту новинку: «Замечательный кенгуру из Ботани-Бей — удивительное, красивое и ручное животное ростом в 1,5 метра, в существование

которого даже трудно поверить...» За один шиллинг (по тем временам большие деньги) на него разрешалось любоваться на выставке, устроенной на сенном рынке.

Когда мы говорим о кенгуру, то прежде всего подразумеваем держащихся вертикально рыжеватых или серых животных почти человеческого роста, с тяжелой нижней частью корпуса, с которой никак не вяжутся маленькие «ручки», узкая грудь и заячья головка. На самом же деле кенгуру составляют целую группу животных, обитающих, правда, лишь на очень ограниченной части земного шара — в Австралии, на Тасмании, Новой Гвинее, островах архипелага Бисмарка, а также в Новой Зеландии (куда они были завезены уже людьми). В семейство кенгуру входит 17 родов с 52 видами, не говоря о множестве подвидов. Самые маленькие среди них ростом всего в 23 сантиметра, в то время как гигантские кенгуру достигают 1,6 метра.

Все эти маленькие и большие скачущие сумчатые животные объединены под общим названием «кенгуру». Однако англичане и австралийцы английским словом «kangaroo» называют лишь три самых крупных вида: рыжего и серого гигантских кенгуру да еще горного. Все же остальные, более мелкие виды, относящиеся к разным родам, они называют валлаби (*wallaby*).

Я не собираюсь перечислять здесь все эти виды, большинство которых и сам не в состоянии отличить один от другого. Но о некоторых из них мне все же хочется кое-что рассказать. Так, например, есть среди валлаби так называемые мускусные кенгуровые крысы (*Hypsiprymnodontinae*) размером в полметра (причем одну треть составляет хвост), питающиеся насекомыми и ведущие ночной образ жизни.

Двенадцать видов кенгуровых крыс до ввоза в Австралию европейских лисиц были весьма многочисленны. Еще в 1904 году в Аделаиде их продавали целыми дюжинами, всего по несколько грошей за штуку, и люди по воскресеньям устраивали кенгуровые бега. На сегодняшний день по меньшей мере два вида из них уже полностью истреблены: пожалуй, только в Западной Австралии кенгуровые крысы еще более или менее многочисленны.

Жившая в Лондонском зоопарке тасманская кенгуровая крыса имела обыкновение обхватывать охапку соломы своим хвостом и по ночам часами прыгать с ней из угла в угол.

Между прочим, такой способ переноски грузов обычен для этих животных. Крупные виды кенгуру не могут проделывать подобных манипуляций: у них хвосты значительно менее гибкие и служат скорее для удерживания равновесия. Кенгуровые крысы имеют клыки, в то время как у более крупных видов кенгуру они отсутствуют.

Среди средних по величине кенгуру, тоже относящихся к валлаби, есть свои «спринтеры» — это так называемые заячьи кенгуру (*Lagorchestes*). Бегают они с такой же невообразимой быстротой, как наши европейские зайцы. Один такой кенгуру, мчавшийся с бешеной скоростью от преследующих его собак, пробежав 400 метров, на полном ходу перемахнул через стоявшего на его пути рослого мужчину. А скальные кенгуру (*Petrogale*) без труда перескакивают через четырехметровые расщелины в скалах. Эти «газели Австралии» ловко забираются на деревья, если они только растут несколько наклонно, и проворно скачут там среди веток. В отличие от настоящих древесных кенгуру они не пользуются при этом руками — не хватаются ими за ветки.

Но самые красивые валлаби — пестрые кольцехвостые скальные кенгуру (*Petrogale xanthopus*). Сейчас в зоопарке Аделаиды их целая большая колония. Скальные кенгуру буквально «полируют» скалы в тех местах, по которым проходят их обычные пути. У иглохвостых кенгуру (*Onychogalea*) на конце хвоста шиловидный роговой нарост. Австралийцы зовут их «шарманщиками», потому что, убегая, они раскидывают руки в стороны и вертят ими так, словно крутят шарманку.

Так называемых изящных валлаби (*Wallabia elegans*) в самое последнее время постигла неожиданная напасть: за ними стали усиленно охотиться, чтобы из их мягкого пушистого меха изготовлять игрушечных медвежат коала. Таких медвежат охотно скупают туристы, да и в качестве детских игрушек они тоже имеют неплохой сбыт.

У себя во Франкфуртском зоопарке помимо гигантских и древесных кенгуру мы уже давно разводим небольших, с кролика, кенгуру куокка (*Setonix brachyurus*), которые у себя на родине встречаются теперь только в отдельных местах Западной Австралии и на островах, да и то очень редко. Мало осталось и дерби-кенгуру. А ведь когда-то они были широко распространены по всей Южной Австралии. Теперь же их увидишь

разве что в каком-нибудь европейском зоопарке или на некоторых островах, например на острове Кенгуру.

С тех пор как мы, европейцы, появились на этом континенте, здесь уже истреблено четыре вида кенгуру. На очереди следующие десять мелких, но особенно красивых и интересных видов. И не потому, что за ними кто-то охотится. Просто у этих скрытно живущих, пугливых животных, как правило, очень ограниченная область распространения, да к тому же хозяйственная деятельность человека меняет в ее пределах состав растительности. Кроме того, в Австралию без конца ввозят домашний скот, так что у сумчатых прыгунов все меньше остается жизненного пространства.

Что касается трех видов гигантских кенгуру, ростом с человека, то в некоторых частях Австралии фермеры их почти полностью истребили, а в других районах хозяйственная деятельность человека явно пошла на пользу этим животным. Во всяком случае их стало там значительно больше.

У всех трех видов гигантских кенгуру цвет шерсти серый, и только у одного — рыжего гигантского кенгуру (*Macropus rufus*) — самцы темно-рыжие (у наших дам такой цвет волос именуется цветом «красного дерева»). В брачный период эти верзилы окрашивают свою грудь и спину в ярко-красный цвет. Именно «окрашивают» или «пудрятся», если хотите. Дело в том, что у самцов рыжих гигантских кенгуру на шее и груди кожа выделяет особый секрет в виде розовой порошкообразной массы, которую они передними лапами растирают по груди и спине. Если провести по их шерсти белым носовым платком, то он сейчас же сделается розовым, так что краситель не очень-то стойкий. Поэтому из высушенных шкур таких кенгуру красная краска со временем исчезает.

Рыжим гигантам повезло. Они предпочитают открытые плоские равнины без деревьев и кустарников. Поэтому там, где фермеры уничтожили лес, чтобы создать обширные пастбища для своего скота, они одновременно создали настоящее раздолье для рыжих кенгуру (в ущерб их другим прыгающим собратьям). Сейчас рыжие кенгуру широко распространены по всей Австралии. В разных районах они имеют различную окраску. Некоторые самцы бывают синевато-серыми, а иные самки — красными. У западной расы представители обоих полов красные. Впрочем, голова у рыжих кенгуру, как правило,

синевато-серая. Серых самок рыжего кенгуру всегда можно отличить от самок такого же цвета горного или серого кенгуру по белой полосе на щеках. Австралийцы называют этих самок «синими летчиками» (*Blue Flyers*). Рыжие гигантские кенгуру — самые крупные сумчатые животные в мире.

Серый гигантский кенгуру (*Macropus major*) почти такого же роста, как и рыжий. Но у рыжих гигантов кончик хвоста белый, а у серых — черный; кроме того, у них нет белых отметин на морде. На острове Кенгуру они все шоколадного цвета.

Что же касается горного кенгуру (*Macropus robustus*), или, как его еще называют, уоллару, или юро, то у него на руках как бы черные перчатки, а на ногах такие же ботинки. Сам же он, как правило, матово-серый, правда, иногда встречаются темно-вишневые и даже совершенно черные особи. Живут юро в пересеченной, гористой местности, среди скал. Жару и засуху они переносят лучше, чем все другие виды.

Кенгуру в Австралии заменяют травоядных копытных других континентов — антилоп, оленей, зебр, буйволов. Как и те, они отличные бегуны. Гигантские кенгуру на короткой дистанции могут мчаться со скоростью 88 километров в час. Но они, как и многие другие дикие животные, быстро устают. Их легко можно догнать даже на лошади, если долго преследовать, ну а уж на автомобиле — и говорить нечего.

Весят гигантские кенгуру от 23 до 70 килограммов, причем самцы большей частью вдвое тяжелее самок. Хвост длиной в три четверти метра или даже в метр служит как бы третьей ногой при сидении, но прежде всего он необходим для удерживания равновесия во время прыжков. Длина медленного «прогулочного» прыжка такого кенгуру составляет от 1,2 до 1,9 метра. Прыжки же во время бегства могут достигать более 9 метров. Однажды у серого кенгуру был зафиксирован прыжок длиной в 13,5 метра. Эти гиганты, если потребуется, могут прыгать и на значительную высоту — до 3,3 метра. Но это, правда, в исключительных случаях. Обычно же даже полуметровые заборы служат для них преградой. Это подтверждается тем, что во время погони они бегут вдоль такого препятствия, вместо того чтобы сходу перемахнуть через него; об этом же говорит множество трупов кенгуру, висящих на изгородях из колючей проволоки...

Жара, засуха и голод гораздо более страшны для кенгуру, чем хищные животные, которых в Австралии уже почти не осталось. Кенгуру могут только поблагодарить европейских поселенцев за то, что они так упорно истребляли собак динго. Теперь им некого особенно бояться. Правда, мелкими валлаби или детенышами крупных кенгуру при случае любят полакомиться ковровые питоны (*Morelia argus*), да и клинохвостый орел (*Uraetus audax*) не прочь ими поживиться. Этих птиц здесь все еще много, несмотря на долголетнее истребление их человеком. Однажды была заснята сценка, как такой орел боролся с самкой кенгуру, стараясь вырвать у нее из рук детеныша.

Что же касается собак, то, как уже рассказывалось выше, у кенгуру совершенно особый способ борьбы с ними. Преследуемое собаками животное забегают по пояс в воду, оборачивается и ждет, пока собака подплывает к нему; затем кенгуру хватает ее за голову и начинает топить. Собака в таких случаях сейчас же прекращает борьбу и только старается вырваться и выскочить на берег. Когда же поблизости нет воды (а это в Австралии случается не так уж редко), преследуемый кенгуру становится спиной к дереву и ударяет подбежавшего противника ногами в живот. Такие пинки иногда приводят к страшным последствиям. Если у человека при этом бывают только напрочь сорваны брюки, он может считать себя счастливым, потому что известны случаи, когда при аналогичных обстоятельствах некоторых мужчин буквально лишали мужских достоинств, а другим сворачивали челюсти, ломали руки и ноги. Известны и смертельные исходы.

Подобным же способом самцы кенгуру сражаются между собой: каждый старается схватить соперника руками и ударить его своими когтистыми ногами в живот. А вот горные кенгуру Северо-Западной Австралии только кусаются, а ногами не дерутся, что значительно облегчает обращение с ними.

Часто в цирках можно увидеть «боксеров-кенгуру», которым на руки привязывают боксерские перчатки. «Бой», который они проводят со своим дрессировщиком, разумеется, просто игра; разозлись эти животные всерьез, они сразу же пустили бы в ход свои задние конечности и их партнеру по боксу пришлось бы худо. Поэтому для подобных сеансов берут

только молодых кенгуру; более старые и уверенные в себе самцы для таких шуток уже непригодны...

Гигантские кенгуру не так уж трусливы, как думают некоторые. Так, например, рыжий кенгуру, содержащийся в зверинце знаменитого Гагенбека, перемахнул однажды через перегородку, отделявшую его от бегемота, подскочил к отдыхавшему колоссу и передними лапами несколько раз ударил его по носу, сильно поцарапав. Толстокожий был настолько удивлен и озадачен таким нахальством, что даже не тронул дерзкого пришельца.

Многие кенгуру совершенно не боятся воды и даже охотно купаются; это выяснили в тех немногих зоопарках, где в загонах для кенгуру были бассейны. Так, в Римском зоопарке серые кенгуру ежедневно «принимали ванну» в бассейне, в то время как рыжие отказывались от каких бы то ни было водных процедур — может быть, боясь смыть свой нестойкий краситель, а может быть, потому, что в Австралии возле всех бочажков их караулят песчаные мухи, укусы которых вызывают тяжелые воспаления глаз, а иногда даже полную слепоту.

Каким образом этим животным удастся выжить на, казалось бы, совершенно сухих, бесплодных землях, австралийским ученым удалось выяснить только совсем недавно. Безусловно, у кенгуру, как и у других травоядных, в пищеводке, желудке и в верхней части кишечника живут особые простейшие, способствующие перевариванию грубых растительных волокон. Одна сотрудница Базельского зоопарка сообщила в журнале «Tier», что неоднократно наблюдала, как кенгуру спустя некоторое время после загона их на ночь в домик начинают отрыгивать съеденную пищу и жевать жвачку как настоящие жвачные животные.

Кенгуру охотно пасутся на пастбищах, где растет жесткий, плохо перевариваемый злак — спинифекс (*Triodia spinifex*), в то время как овцы едят его только в крайнем случае. Миллионные стада овец, выщипывая на пастбищах более вкусные растения, оставляют в стороне спинифекс, который после исчезновения своих конкурентов бурно разрастается. Таким образом, австралийские скотоводы, сами того не желая, создают наилучшие условия для существования кенгуру и увеличивают области их обитания. Иной фермер со скрежетом зубным взирает на нежелательных иждивенцев, но если он вздумает

удвоить поголовье своих овец, то поголовье кенгуру тут же автоматически учетверится.

Тем не менее кенгуру тоже не в состоянии обходиться без некоторых определенных веществ в своем рационе. Так, например, когда в 1934 году в Чикагский зоопарк завезли 52 гигантских кенгуру, животные одно за другим стали чахнуть и погибать. Наконец их осталось только трое. Тогда призвали специалиста, который обнаружил, что в их пище не хватало кальция и других минеральных веществ. Животным начали давать люцерну, овес, овощи, и не прошло и месяца, как они заметно оживились и вскоре стали интенсивно размножаться. К 1949 году их было уже 74. И это все были потомки тех трех оставшихся в живых.

В старой специальной зоологической литературе можно прочесть, что кенгуру часто погибают от актиномикоза ротовой полости и вообще от каких-то воспалений слизистой рта и гортани. Однако с тех пор как в современных зоопарках начали вдумчивее подходить к вопросам питания животных, эти заболевания прекратились.

Между прочим, кенгуру не такие уж глупые, как считают некоторые люди, особенно по сравнению с другими травоядными или сумчатыми. Так, Д. Х. Нейманн из Мюнстера поставил интересный опыт. Он постепенно приучил рыжего гигантского кенгуру и американского опоссума выбирать из двух рисунков на бумаге нужный (только под ним они находили корм). Кенгуру научился различать семь таких двойных комбинаций, а опоссум — только две. Спустя 160 дней кенгуру еще помнил шесть из семи парных фигур; опоссум же всего через четырнадцать дней помнил только две, а через четыре недели он уже забыл все.

Теперь перейдем к одной весьма волнующей зоологов проблеме: как кенгуру удастся неделями, даже месяцами, прожить совершенно без воды?

В жару гигантские кенгуру начинают часто-часто дышать открытым ртом, аналогично тому, как это делают собаки и овцы, стараясь охладиться. Кроме того, они принимаются облизывать языком свои «руки», грудь и иногда даже задние ноги, потому что слюна, испаряясь, тоже охлаждает организм. Было замечено, что горные кенгуру начинают себя облизывать, как только температура воздуха достигает 31,5° С.

Западноавстралийскому исследователю Е. Х. Или удалось проследить, что при содержании в загоне на сухом корме кенгуру ежедневно выпивали количество воды, равное 5 процентам веса их собственного тела. Когда животных кормили растениями, содержащими от 30 до 50 процентов влаги, но не давали пить, они через семьдесят дней теряли одну треть своего веса. А живущие на свободе горные кенгуру при таких же условиях не худели совсем. В чем же тут дело?

Отчасти загадка объясняется тем, что на воле эти кенгуру роют колодцы. Да, да, настоящие колодцы до метра глубиной! Этим они спасают жизнь не только себе, но и различным другим животным, которые приходят сюда утолять жажду. Здесь, в Австралии, как ни странно, кенгуру выполняют роль слонов в Африке: те тоже в засушливый сезон роют в рыхлом песке высохших русел рек ямы, из которых пьют воду другие, не умеющие рыть животные: носороги, антилопы, змеи и зебры. А в Австралии колодцами кенгуру пользуются дикие голуби, розовые какаду, сумчатая куница и даже страус эму.

А когда фермеры и скотоводы создают искусственные водоемы для водопоя домашнего скота, они тем самым облегчают существование все тем же кенгуру, а заодно и некоторым видам диких птиц, которые охотно поселяются возле таких мест. Им ведь ничто не может помешать утолять свою жажду на этих водопоях вместе с домашним скотом.

Однако есть и такие кенгуру, которые не пользуются подобным комфортом. Е. Или, в течение пяти лет изучавший горных кенгуру Северо-Западной Австралии, выяснил, что многие из них никогда не подходят даже близко к фермерским «поилкам». А сделал он это следующим образом: огородил водопой специальной изгородью, в которой были оставлены лазы. Когда кенгуру проскакивал сквозь такую лазейку, на него моментально надевали цветной ошейник с номером. Номера были изготовлены из такого материала, который ночью отсвечивал от света прожектора. Кроме того, Е. Или изобрел хитроумный аппаратик, опрыскивающий светящейся краской каждого кенгуру, проникавшего сквозь отверстие в изгороди.

Ему удалось выяснить, что многие горные кенгуру не пьют даже тогда, когда температура воздуха достигает 46° в тени. Оказывается, в часы, когда солнце особенно печет, эти животные прячутся в прохладных пещерах или под гранитными

навесами и тем самым сохраняют в организме влагу. Ведь в таких местах температура никогда не поднимается выше 32°.

Но почему же эти странные существа добровольно отказываются от прекрасной свежей воды, которая заманчиво поблескивает у них под самым носом посреди выпаса? По-видимому, выпитая вода резко снижает питательность поглощаемого корма. Новейшие исследования, проведенные в Кении (Восточная Африка), показали, что скот после обильного питья теряет значительно больше азота. В 1963 году это же проверялось на горном кенгуру в университетских лабораториях в Перте, главном городе Западной Австралии. Выяснилось то же самое. А азот как основной компонент белка — одно из наиболее дефицитных веществ в этой полупустынной области.

Доктору Мэну, сотруднику зоологического факультета Пертского университета, удалось решить еще одну загадку кенгуру. Когда я посетил его, он как раз держал в своем загоне нескольких дерби-кенгуру, которым уже в течение тридцати дней давали пить одну только морскую воду. Как известно, морская вода содержит 3 процента соли и для людей и большинства животных совершенно непригодна. И хотя корм, который в это время давали кенгуру, содержал лишь 10 процентов влаги, тем не менее они неуклонно прибавляли в весе и чувствовали себя отлично.

Эти мелкие кенгуру на континенте почти уже полностью истреблены и живут только на небольших островах недалеко от побережья, где во время сухого сезона целыми месяцами не выпадают дожди и где пресная вода вообще отсутствует.

Живя некоторое время на одном из таких островов, доктор Мэн выяснил интересную особенность. Несмотря на то что почти у всех самок в сумках были детеныши, тем не менее на всем острове трудно было найти годовалых подростков. Объяснилось это самым удивительным образом. Небольшие, величиной с зайца, дерби-кенгуру обитают в специальных туннелях, которые они проделывают в высокой траве. Там у каждого свой собственный участок, ревниво охраняемый владельцем от сородичей. Как только молодые кенгуру достигают половой зрелости, взрослые особи прогоняют их со своих участков, и тем в конце концов приходится выбегать на открытые пространства. А там их очень быстро замечают орланы и тут же с ними расправляются. Таким образом, на острове поголовье

кенгуру все время остается стабильным и перевыпаса не происходит. Остается ровно столько животных, сколько может прокормиться. Вот как разумно все устроено в природе! Будь это иначе, то вскоре на таком небольшом клочке суши не осталось бы никакой растительности и вся популяция либо должна была бы вымереть от голода, либо, лишенная укрытий, стать добычей хищных птиц.

Какого возраста могут достигнуть кенгуру?

В один из дней своего пребывания в Канберре, столице Австралии, я посетил доктора Г. Б. Шармэна на его опытной станции при Государственной научно-промысловой исследовательской организации. Он рассказал мне, что более двух третей отстрелянных самок обычно бывает не старше четырех лет и только четверть из них оказывается восьмилетними. В условиях же зоопарка, где нет никакой борьбы за существование, гигантские кенгуру доживали до 17—18 лет, а валлаби — до 12.

Семьдесят — восемьдесят лет назад, гуляя по рейнским или силезским равнинам, вы могли неожиданно встретить вместо ланей... мирно пасущихся кенгуру. В те годы их пытались там акклиматизировать, и надо сказать, они вполне удовлетворительно прижились. Правда, это были не гигантские кенгуру, а серовато-коричневые валлаби Бенетта (*Wallabia rufogrisea frutica*).

В 1887 году богатый аристократ Филипп фон Бёзелагер выпустил близ Хаймерцхайма (округ Бонна) двух самцов и трех самок этого вида в лес, занимающий пять квадратных километров. Через шесть лет их поголовье увеличилось до 35—40 особей. Они неплохо перенесли даже суровую зиму 1887/88 года, когда морозы достигали 22°. К сожалению, вскоре егерь умер, и банда браконьеров без всяких препятствий перестреляла почти все стадо прямо у зимних кормушек, куда эти полуручные животные приходили подкормиться. Несколько кенгуру еще встречали после этого в Таунусе, в 100 километрах от Хаймерцхайма, но с 1895 года этих животных в Германии больше не видели.

«Только спустя много лет мы узнали, в какой харчевне эти подонки изжарили и съели несчастных кенгуру», — писал сын господина фон Бёзелагера.

В Англии тоже неоднократно пытались акклиматизировать кенгуру, например в начале нашего столетия в поместье Тринг.

Владелец замка барон Ротшильд выпустил там на свободу не только валлаби Бенетта, но и серых гигантских кенгуру.

Но были и такие случаи. В поместье графа Витцлебена (Альтдеберн, округ Франкфурта-на-Одере) успешно размножались валлаби Бенетта. Но потом ему надоели эти «скачущие гигантские блохи», и к тому же он решил, что они досаждают его ланям. Не долго думая, он приказал их всех перестрелять.

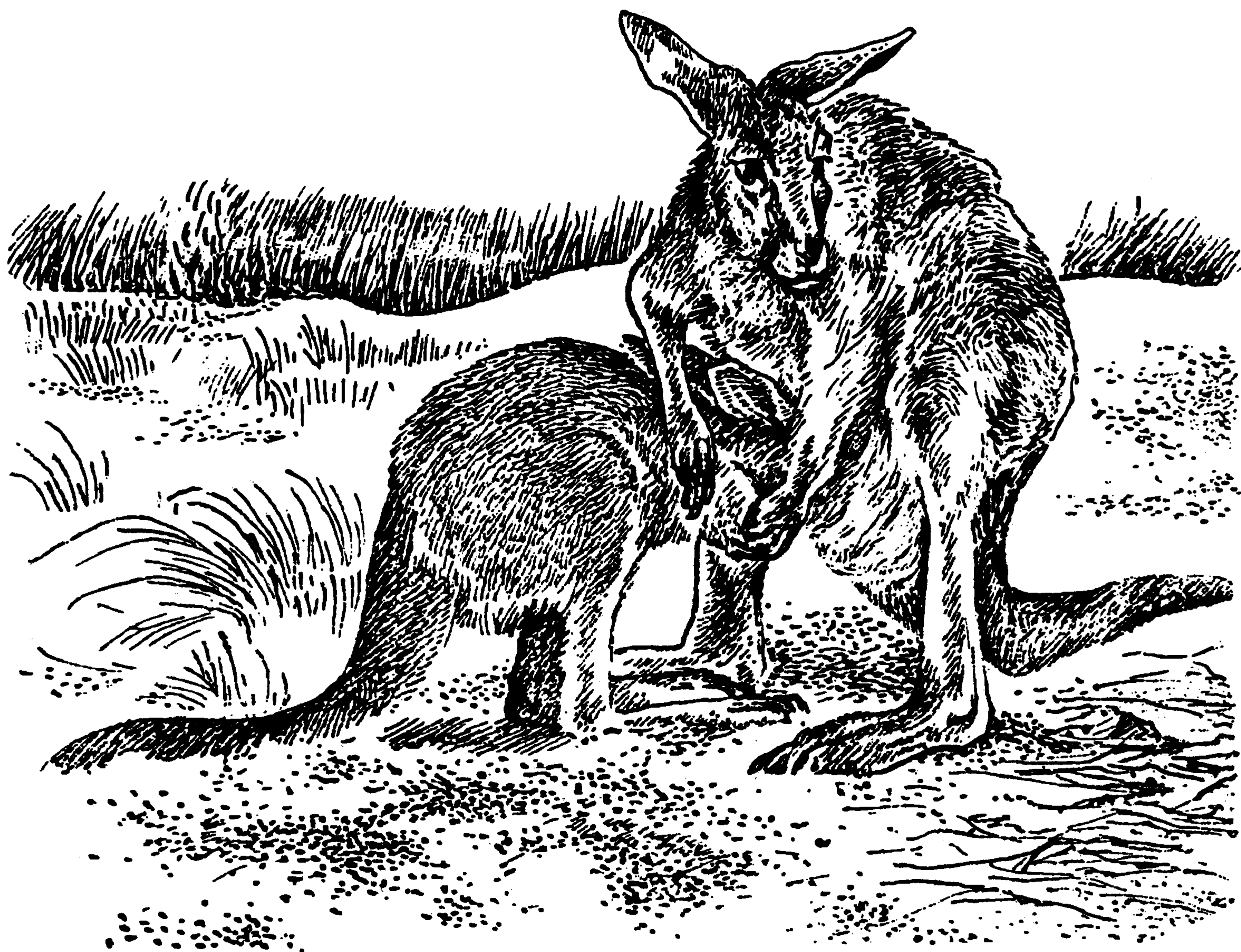
Князь Герхард Блюхер Вальштатский в конце прошлого столетия выпустил нескольких валлаби Бенетта на острове Герм, расположенном в проливе Ла-Манш. Животные стали прекрасно размножаться на этом уединенном островке, занимающем 1,3 квадратного километра. Но как только началась первая мировая война, высадившиеся здесь английские солдаты, не мешкая, тут же отправили кенгуру на кухню... Потомки этих островных кенгуру (стадо из 60—70 голов) еще продолжали жить в другом поместье Блюхера — в Крибловице в Силезии. Однако их постигла столь же печальная участь: в первые же два года после окончания мировой войны их истребили браконьеры.

По мнению профессора Отто Кёнига из Вены, акклиматизация кенгуру в наших широтах вполне возможна, и они могли бы занять в составе животного мира средней полосы экологическую нишу, в прошлом занимаемую ланями. Однако О. Кёниг считает, что акклиматизация этих животных связана и с некоторым риском. Так, например, зимой, когда они поскачут беззаботно к прорубям, чтобы напиться воды, под их тяжелыми ритмичными прыжками может проломиться лед. Поэтому кенгуру, живущим на свободе в наших условиях, зимой всегда будет грозить опасность утонуть. Правда, Отто Кёниг ставил свои опыты не на валлаби Бенетта, а на более крупных, стройных красношеих кенгуру (*Wallabia rufogrisea rufogrisea*). Хотя эти животные обитают на более теплом материковом побережье, они вполне успешно перезимовали в нашей умеренной полосе, питаясь корой деревьев, почками и сухой травой. Молодняку тоже холод нипочем, потому что он ведь довольно долго укрывается в теплой сумке матери. Но все же кенгуру в таких условиях совершенно необходимо обеспечивать удобными укрытиями и ветрозащитными убежищами.

А теперь перейдем к одному из самых интересных моментов из жизни кенгуру, а возможно, даже и к самому интересному.

Сто лет люди ломали себе голову над тем, каким образом новорожденный кенгуру попадает в сумку матери. Очень редко кому-нибудь из работников зоопарка удавалось присутствовать при этой процедуре, да и то, как правило, на недостаточно близком расстоянии, чтобы рассмотреть все подробно.

И вот что выяснилось. Примерно за два часа до родов самка начинает старательно вылизывать внутренность своей сумки. После этого она усаживается в непривычной для себя позе: хвост пропускает между ног вперед, а сама прислоняется спиной к какой-нибудь стене или к дереву. Прежде предполагали, что она хватает новорожденного зубами или губами и кладет его в сумку. Да и трудно было предполагать что-нибудь другое: ведь это существо имеет такой беспомощный, недоношенный вид! Например, у рыжих гигантских кенгуру оно весит три четверти грамма, в лучшем случае один грамм, следовательно, всего одну тридцатитысячную часть веса матери: это голый червячок, без глаз и ушей — совершенно недоразвитый эмбрион. Задние ноги у него совсем короткие, ничем

не напоминающие длинные ноги кенгуру. Чтобы подобный «недоносок» мог самостоятельно проползти, цепляясь за шерсть матери, весь длинный путь до спасительной сумки — предположить было совершенно невозможно.

И все же это так. Теперь, после того как биологам Г. Шармэну и Х. Фрису из Канберры удалось заснять весь процесс на киноплёнку, это можно считать доказанным.

У рыжих гигантских кенгуру детеныш рождается на свет через тридцать три дня после оплодотворения самки. Он самостоятельно прорывает родовую оболочку и медленно ползет вверх, цепляясь за шерсть матери, даже в том случае, если самка находится под наркозом и всякая помощь с ее стороны исключена. В начале своего «путешествия» детеныш продолжает висеть на пуповине. Но затем мать перекусывает ее и детеныш передвигается уже свободно. Он ползет, извиваясь, как настоящий червяк, и через три, иногда пять, минут уже достигает места своего назначения. Самка вылизывает оставшиеся после него на шерсти следы крови и слизи. Прежде считали, что она расчищает ему дорогу сквозь спутанную шерсть. Однако последние достоверные наблюдения опровергли это заблуждение. Добравшись до сумки, предприимчивый эмбрион сейчас же хватается в рот один из четырех сосков и накрепко к нему присасывается. Конец этого соска разбухает так, что выскочить изо рта детеныша он уже не может. Недаром первые исследователи описывали детеныша «приросшим» к соску. Когда малыша насильно отрывают от соска, это вызывает даже небольшое кровотечение.

Но в то время как глаза и уши у этого эмбриона еще совсем неразвиты, у него уже есть широко раскрытые ноздри и вполне сформировавшийся обонятельный центр в мозгу. Поэтому можно предположить, что слепой и глухой зародыш находит путь к спасительному источнику питания, ориентируясь по запаху.

Детеныши рыжих гигантских кенгуру находятся в сумке примерно 235 дней; вылезая оттуда, они весят уже от двух до четырех килограммов. В Нью-Йоркском зоопарке детеныш горного кенгуру отсиживался в сумке пять месяцев и одиннадцать дней и только тогда начал высовывать оттуда свою мордочку. Двойни и тройни у кенгуру — явление чрезвычайно редкое; однако в Лондонском зоопарке из 219 новорожденных

детенышей гигантских кенгуру и валлаби было 11 двойняшек и даже одна тройня.

Группа исследователей в Канберре как-то осмотрела множество рыжих гигантских кенгуру, которых сейчас массами отстреливают па мясо. Больше чем у трех четвертей самок в сумках находились малыши, из которых 20 процентов были грудными, да еще возле каждой матери скакал самостоятельно большой детеныш. Кроме того, почти у 60—70 процентов самок, вынашивающих в сумке детеныша, в матке уже подрастал следующий эмбрион. Это замечательное приспособление, выработанное кенгуру в борьбе за существование, очень пригодилось им при конкуренции за пастбища с миллионными отарами овец, успешному размножению которых всячески способствуют люди.

Так как в засуху погибает более 75 процентов детенышей кенгуру, покинувших к этому времени сумку матери, то важно, чтобы продолжение рода шло безостановочно, без всяких проволочек. Достигается это следующим образом. В матке самки, которая сразу же после рождения детеныша снова спаривается и оплодотворяется, зародыш развивается только до определенной стадии, когда он состоит примерно из ста клеток. После этого он как бы консервируется и застывает в неподвижности, ожидая своего часа. А час этот настает, как только старший детеныш погибает в сумке или становится самостоятельным. Тогда зародыш начинает быстро развиваться, и уже через четыре недели он готов: самка может родить следующего детеныша без необходимости спешно искать партнера для спаривания. Тяжелые времена требуют решительных действий и не допускают промедления...

Наша овца тоже хорошо приспособлена к жаре и засухе. Она легко переносит температуру тела до 43° и может долго не пить, теряя, правда, при этом до одной четверти своего веса. (Человек же умирает, потеряв только 12 процентов влаги в организме.) Размножаются овцы быстрее, чем кенгуру, потому что у них бывают сплошь и рядом двойни. Но в то время как кенгуру в засуху и голод сейчас же подтягивают «консервированные резервы», у овец при этих условиях все ягнята гибнут и может пройти больше года, прежде чем они произведут на свет новое потомство.

Так, в районе Пилбара в Северо-Западной Австралии за последние 25 лет число овец сократилось ровно наполовину, и больше дюжины крупных ферм, когда-то имевших до восьми миллионов овец, пришлось просто ликвидировать. В то же время обитающие здесь горные кенгуру (юро) заметно расплодились. Насколько именно они размножились, выяснилось, когда их начали травить ядовитыми приманками. На одной ферме, занимающей 14 квадратных километров, с 1930 по 1935 год было отравлено 90 тысяч горных кенгуру.

На другой ферме, занимающей 10 квадратных километров, содержалось четыре тысячи овец, но пастбища пришли в такую негодность, что ослабевшие овцы перестали приносить ягнят. А обитавшие на той же территории 30 тысяч горных кенгуру преспокойно продолжали размножаться.

На пастбищах большинства фермеров-овцеводов пасется столько же гигантских кенгуру, сколько овец, а иногда кенгуру даже больше.

Между прочим, в прежние времена в Северо-Западной Австралии никогда не было столько гигантских кенгуру. На них постоянно охотились аборигены, для которых они служили основным источником питания. Но затем пришли европейцы, которые большую часть коренного населения истребили или продали в качестве рабочей силы искателям перламутра. По этой причине число аборигенов в районе Пилбара за короткий срок снизилось с 5000 до 1300 человек. Сейчас горстки оставшихся аборигенов живут большей частью уединенными замкнутыми колониями. Да и европейские золотоискатели, которых прежде бродило в округе около трех тысяч, с 1930 года почти совершенно исчезли; их теперь осталось не более дюжины. А ведь они тоже были потребителями кенгурового мяса.

Чтобы выяснить наконец причину бурного размножения кенгуру, западноавстралийское правительство решило купить в этом районе две большие фермы. На них-то биолог Е. Или в течение пяти лет, начиная с 1955 года, и проводил свои опыты, о которых я здесь уже упоминал.

В этом районе жара достигает 50° в тени и за весь год выпадает не более 2530 сантиметров осадков. Наилучшим образом приспособлен к этим условиям колючий злак спинифекс, не представляющий никакой кормовой ценности. Он-то

здесь и преобладает в травяном покрове. А вот за другие кормовые травы идет отчаянная борьба между овцами и кенгуру.

Овцам только для поддержания жизни необходимо, чтобы сухие растительные корма содержали не менее 6,5 процента белка, а для того чтобы производить потомство и давать шерсть, им нужно еще больше. Кенгуру же, которые пьют очень мало или вообще не пьют, усваивают растительный белок значительно лучше. Кроме того, фермеры, угнав овец на стрижку, имеют обыкновение сжигать на пастбищах сухую траву, не учитывая, что вместе с ней сгорают и зрелые семена. Таким образом они сами же способствуют обеднению растительного покрова. Выпасая овец круглый год на одной и той же территории и тем самым не давая здесь растительному покрову передохнуть, фермеры все увеличивают площади никуда не годных пастбищ, а это в свою очередь способствует превосходству кенгуру в конкурентной борьбе с овцами. Е. Или считает, что никакие походы против двухмиллионной армии гигантских кенгуру, пасущихся сегодня в районе Пилбара, не нанесут им существенного ущерба.

Поэтому нельзя утверждать, что промышленное использование кенгурового мяса и массовые отстрелы гигантских кенгуру уменьшают их численность в этом районе и потому нежелательны. Услыхав об этой стрельбе, каждый непосвященный человек поначалу начинает возмущаться и протестовать в меру своих сил и возможностей. Но справедливости ради надо сказать, что мелкие виды кенгуру, которые находятся на грани полного исчезновения, вряд ли были жертвой охотников; причина их исчезновения кроется совсем в другом.

И тем не менее волосы становятся дыбом, когда из газет узнаешь о том, в каких бешеных масштабах идет отстрел «гербового» животного Австралии и с какой легкостью оно превращается в кожу для ботинок и корм для собак. Так, в штате Квинсленд с 1950 по 1960 год ежегодно продавалось примерно 450 тысяч кенгуровых шкур. Недавно одна известная американская фирма заказала этих шкур на 140 тысяч долларов, чтобы изготавливать из них лыжные костюмы. В одном только Квинсленде профессиональным охотникам было выдано 1800 лицензий. Говорят, они зарабатывали от 500 до 800 марок в неделю, а в особо благоприятных местностях — и по 250 марок в день. В одной австралийской охотничьей газете я вычитал,

что 25 шкурок в день считается для охотника неплохой добычей. Стреляют обычно с расстояния от 50 до 250 метров. А губит этих животных в основном любопытство: проскакав немного, они имеют привычку останавливаться и оглядываться назад, чтобы посмотреть, не отстал ли назойливый преследователь. Тут им и конец.

С июля 1958 по июнь 1962 года из Австралии было вывезено 7500 тонн кенгурового мяса и еще больше пошло его на корм другим животным внутри страны. А поскольку используется только задняя часть туши, то за это время было убито от одного до двух миллионов кенгуру! Доктор Шармэн и доктор Фрис высчитали, что в одной только западной части Нового Южного Уэльса было отстреляно около миллиона гигантских кенгуру. Банка кенгурового мяса стоит в Австралии 23 цента. А так как на этот корм большой спрос, промышленность, специализирующаяся на переработке кенгурового мяса, развивается очень быстрыми темпами. И можно не сомневаться, что охотники, работающие сдельно, стреляют во все, что только попадает им под руку. В 1964 году из Австралии уже еженедельно вывозилось по 50 тонн мяса. К этому еще следует прибавить 10 тонн, которые идут внутри страны на корм собакам и кошкам. А для того чтобы получить тонну мяса, нужно убить 133 кенгуру, так что за неделю их убивают около 8 тысяч штук. Если же посчитать еще и детенышей, сидящих в сумках, то получится 10 тысяч голов...

Однако этим цифрам, производящим поистине удручающее впечатление, нужно противопоставить число ныне живущих кенгуру. Хотя с одного только острова Тасмания с 1923 по 1955 год было вывезено свыше двух миллионов шкур валлаби Бенетта, и наверняка еще вдвое больше зверей было там уничтожено, тем не менее эти животные и по сей день встречаются на острове в огромном количестве.

Для спасения плантации Талга-Талга в Западной Австралии, где на 84 тысячах гектаров скудных пастбищ могло прокормиться не более 2300 овец, решились на отчаянный шаг: поочередно отравляли водопой — сначала в течение одной недели, потом трех, а потом десяти недель подряд. За это время погибло 12 834 кенгуру.

Чтобы судить обо всех этих делах совершенно объективно, нужно вспомнить, что в маленькой Федеративной Республике

Германии охотники ежегодно отстреливают свыше миллиона зайцев и 550 тысяч косуль; к тому же больше 200 тысяч зайцев попадает под автомашины. И тем не менее запасы такой дичи у нас в стране не уменьшаются.

Что же касается пищевой ценности кенгурового мяса, то она на достаточно высоком уровне, и его прекрасно можно было бы использовать не только для корма собакам, если бы его не ленились перерабатывать, соблюдая те же гигиенические нормы, что и в отношении говядины и баранины. Разумеется, в мясе диких животных, как правило, встречается больше паразитов, чем в мясе домашнего скота, но, во-первых, эти паразиты для человека безвредны, а во-вторых, это ведь относится также и к нашим зайцам, кабанам и оленям, однако же мы их с удовольствием едим.

Так что в засушливых странах кенгуру в качестве поставщиков животного белка во многом превосходят овец и тем более рогатый скот. Об этом стоит призадуматься. Почему бы не разводить кенгуру просто на воле — пусть бегают, нагуливают мясо, а потом можно регулярно и планомерно часть из них отстреливать и использовать в пищевой промышленности. Почему бы нет? Я думаю, что тут загвоздка только в одном: на кенгуру нет овечьей шерсти...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ГОСТЯХ У РАЙСКИХ ПТИЦ И ЛЮДЕЙ КАМЕННОГО ВЕКА

Прилетевших на самолете приняли за посланцев из загробного мира. — Цена райской птицы — человеческая жизнь. — Короли приходят и уходят, а райские птицы остаются. — Каждый флиртует по-своему

Когда я, как уже говорилось, попал прямо в австралийскую зиму, то решил, вместо того чтобы зябнуть в сиднейском отеле, поскорей сесть в самолет и удрать на Новую Гвинею, заранее предвкушая, как славно будет погреться в лучах тропического солнца...

Лететь от Сиднея до Новой Гвинеи ни много ни мало — три тысячи километров — это примерно столько же, сколько от Франкфурта-на-Майне до Каира.

Новая Гвинея — второй по величине остров на Земле. Он в три с лишним раза больше Англии. Северо-восточная

часть его вместе с архипелагом Бисмарка тридцать лет подряд (с 1884 по 1914 год) была немецкой колонией. В 1914 году австралийцы заняли остров без боя. Во время второй мировой войны на северном побережье острова обосновались японцы. Западная часть его, находившаяся ранее под управлением Голландии, воссоединилась с Индонезией, а восточная часть (бывшая английская колония Папуа) находится ныне под австралийской опекой, но в ближайшие годы должна стать самостоятельной.

Остров очень горист. Его высокие горные массивы покрыты густыми лесами. Самые высокие горы достигают 45 тысяч метров над уровнем моря. Здесь выпадает много осадков; временами по целым дням, даже неделям, не увидишь и кусочка синего неба. На острове проживает более 2,5 миллиона коренных жителей. Все они темнокожие, почти черные, курчавые и явно сродни африканцам.

Когда пролетаешь над Новой Гвинеей, становится ясно, почему она так долго не была исследована и почему еще сегодня во многих ее местах не побывал ни один европеец: всего лишь две или три дороги ведут здесь от прибрежных городов в глубь острова. Горы труднодоступны, а удобных, плоских равнин, пригодных для использования в качестве посадочных площадок, почти нигде нет. Поэтому-то здесь так часто не находят самолетов, потерпевших аварию. И все же осваивать эту землю совершенно невозможно без воздушного транспорта.

Так что нечего удивляться, что обширные области этого громадного острова до сих пор еще остаются неисследованными.

Время больших экспедиций с самыми невероятными приключениями, которое в Африке охватило вторую половину прошлого века, на Новой Гвинее, по сути дела, началось только 20—30 лет назад.

Коренное население острова испытывает острую белковую недостаточность. Эти люди в изобилии обеспечены фруктами и овощами, которые они прекрасно научились выращивать, а вот надежного источника животного белка в стране нет. И хотя птичья фауна острова весьма разнообразна и обильна, в ней больше красоты, чем мяса (кстати сказать, на Новой Гвинее обитает столько же различных видов птиц, сколько на всем огромном материке Австралия). А крупных животных на острове вообще нет, если не считать кускусов размером с кошку

или древесных кенгуру (тоже немногим больше), а также змей или казуаров.

В качестве домашнего скота аборигены держат здесь только низкорослых свиней, которых закалывают лишь по большим праздникам, правда тогда уж в огромном количестве.

К соплеменникам эти люди испытывают искреннюю привязанность и любовь. Когда умирает кто-либо из близких родственников, принято в знак траура и скорби отрубать себе фалангу какого-либо пальца на руке. Есть пожилые женщины, у которых почти не осталось пальцев. Тела особо знатных или любимых родственников неделями окуривают над костром в специально приспособленной для этой цели хижине (во время такой процедуры ни одна капля жира не должна упасть в огонь!). Затем труп относят высоко в горы и пристраивают где-нибудь под навесом скалы в сидячей позе. Считается, что при таких условиях мертвые вечно смогут «обозревать» свою прежнюю родину.

Многие прибрежные и наиболее доступные внутренние районы острова уже подверглись некоторой цивилизации: коренные жители ходят в европейских платьях, от них есть депутаты в национальном парламенте, дети этих аборигенов посещают школу.

Долина реки Ваги, которая нас больше всего интересовала во время нашей поездки, была впервые обнаружена лишь в 1930 году одним европейским золотоискателем.

Первая же экспедиция проникла в эти места только в 1933 году и была дружелюбно встречена аборигенами. Они не проявили ни малейшей боязни и не убежали, завидя белых людей, как это часто случалось с другими племенами в подобных ситуациях. На вопрос, не употребляют ли они в пищу человеческого мяса, они обиженно и возмущенно ответили: «Никогда в жизни». Участников экспедиции поразило также и то, что эти люди никогда не воровали.

Правда, появление белых людей их несказанно удивило. Самолеты они видели и прежде, но только высоко в небе. Поэтому они стали показывать наверх и спрашивать знаками и через носильщиков, знающих несколько слов на языке ваги, имеют ли прибывшие белые люди какое-либо отношение к самолетам. Когда Майкл Лехи, руководитель экспедиции, ответил утвердительно, аборигены бросились об-

нимать его, а женщины принялись причитать и плакать: они почему-то решили, что к ним спустились с неба души их покойных родственников. Некоторые женщины «опознали» среди молодых носильщиков своих умерших сыновей. Топоры, стальные ножи, отрезки материи, которые раздаривал им Лехи, воспринимались ими не только как предметы невиданной роскоши, но и как священные послания из загробного мира. От полноты чувств мужчины предлагали носильщикам своих дочерей и жен, а белых людей с неизменным любопытством сопровождали повсюду, даже когда те удалялись в лес по своей надобности. Отогнать их было невозможно. Даже позднее, когда аборигены уже привыкли к белым пришельцам, они все еще продолжали считать полубожеством одного из членов экспедиции, который умел вынимать и вставлять обратно свой стеклянный глаз.

Когда европейцы начали искать подходящее место для посадочной площадки, аборигены в порыве воодушевления стали сносить изгороди своих садов и разравнивать поля. Несколько сот человек с необыкновенным энтузиазмом работало над устройством посадочной площадки: им не терпелось поскорей увидеть вблизи самолет. Но как только машина с ревом и грохотом стала приземляться, все они от страха упали на землю лицом вниз.

Когда из самолета вылез пилот Ян Гробовский, высокий, стройный мужчина в белоснежном костюме и больших зеленых «очках-консервах», они не решались даже поднять глаза на «духа, спустившегося с неба». Однако наиболее храбрые мужчины вскоре опомнились, побежали в деревню и принесли бананов и прочей снеди, которые осторожно положили под нос громадной металлической птице — пусть поест. Другие в это время забрались под хвост самолета, чтобы выяснить, какого пола это чудовище — мужского или женского.

В том же году в долине появились и первые миссионеры. Большинство из них, как протестанты, так и католики, были немцами.

Из всех животных Новой Гвинеи наибольшую роль в жизни аборигенов играют райские птицы. Но отнюдь не как пищевой продукт (хотя мясо их вполне съедобно), а как источник роскошных перьев, которыми украшают себя туземцы. Перья эти подчеркивают знатность, богатство и влияние в обществе каж-

дого мужчины, они делают его привлекательным в глазах молодых девушек. Поэтому нередко аборигены просят европейских ловцов животных продать им пойманных птиц, предлагая за них богатый выкуп.

Редкостные перья этих птиц высоко ценятся не одними только аборигенами — в течение длительного времени они служили предметом вождения и европейцев. Об этих перьях у нас узнали уже свыше четырехсот лет назад, а вот о птицах, которым они принадлежат, мы знаем не более сотни лет.

Каким же образом европейцы прознали о чудесных «жар-птицах»?

8 сентября 1522 года в Севилью прибыл парусный корабль «Виктория» — настоящий корабль-призрак. Весь мир считал его давно погибшим; это было единственное уцелевшее судно из целой флотилии, с которой за три года до того пустился в путь знаменитый Магеллан. Матросы этого корабля привезли с собой среди прочих редкостей шкурки птиц с чрезвычайно нежными, тонкими, пестрыми перьями. Себастьян Эль-Кано, капитан «Виктории», получил их в подарок от одного из молуккских султанов. Однако сами птицы были не оттуда, а с одного из неизвестных южных островов. Шкурки хорошо сохранились, но, к удивлению испанцев, у них не было ног! Правда, уже через несколько лет итальянец Антонио Пигафетта, участник экспедиции Магеллана, писал, что у райских птиц есть ноги длиной примерно с нашу ладонь, но ему никто не поверил. Слишком бесспорным «опровержением» были многочисленные безногие тушки, которые начали привозить голландцы для продажи в Европе. Поэтому решили, что старик Аристотель в свое время слишком поторопился, оспаривая существование безногих птиц, а Пигафетту стали считать лжецом. Знаменитый же врач и математик Джеронимо Кордано в 1550 году так представлял себе жизнь этих удивительных птиц:

«Им не нужны ноги, так как они постоянно держатся в самых верхних слоях воздуха. Спинка самца имеет углубление, которое соответствует углублению на брюшке самки. Совместив эти впадины, самец и самка насиживают помещенное туда яйцо. У самца в хвосте три тонкие крепкие нити, которыми он на время насиживания прочно прикрепляет к себе самку. При этом птицы широко распускают хвосты и крылья, а потому

могут без труда планировать в воздухе. Очевидно, они не питаются ничем, кроме небесной росы».

Поскольку эта басня звучала весьма увлекательно, то она проникла во многие рассказы о путешествиях и даже в естественнонаучные книги. Ей продолжали верить даже и после того, как авторитетные ученые в Голландии, тщательно исследовав шкурки райских птиц, доказали, что вся эта история — чистейший вздор.

В последующие столетия райские птицы все еще продолжали волновать умы и сердца в Европе. Во всяком случае больше, чем сегодня. О них писали в ученых записках и докторских диссертациях, именитые коллекционеры платили невероятно большие суммы, чтобы приобрести их тушки.

Торговцы и препараторы ловко использовали этот спрос. И сейчас еще в коллекциях встречаются старые шкурки, искусно составленные из перьев и кусочков кожи самых различных видов райских птиц. Так, «белокрылая райская птица», которую описал в 1787 году английский зоолог Латам, раздобывший ее чучело для своей частной коллекции, оказалась составленной из шкурок совершенно разных видов райских птиц с искусно прикрепленными белыми крыльями. Один особенно роскошный и удивительный «новый» вид из коллекции француза Левайяна также впоследствии оказался составным. У этого экземпляра живот, хвост и клюв были от разных птиц. Искусственно прикрепленными оказались и великолепные маховые перья.

Несколько позже, когда уже окончательно выяснилось, что у райских птиц есть лапки, к безногим чучелам не долго думая стали приделывать чужие конечности. Для этого нередко использовались лапы нашей галки, а иногда и ястреба.

Профессор Эрвин Штреземанн подробно описал всю историю открытия райских птиц¹. В своей книге «Развитие орнитологии от Аристотеля до наших дней» (1951) он описывает великолепные голландские частные коллекции птичьих чучел, собранные еще в те времена.

Первые шкурки райских птиц в Парижском музее были испорчены серными парами, которыми уничтожали моль. Позже, в 1795 году, сюда из Голландии были привезены новые

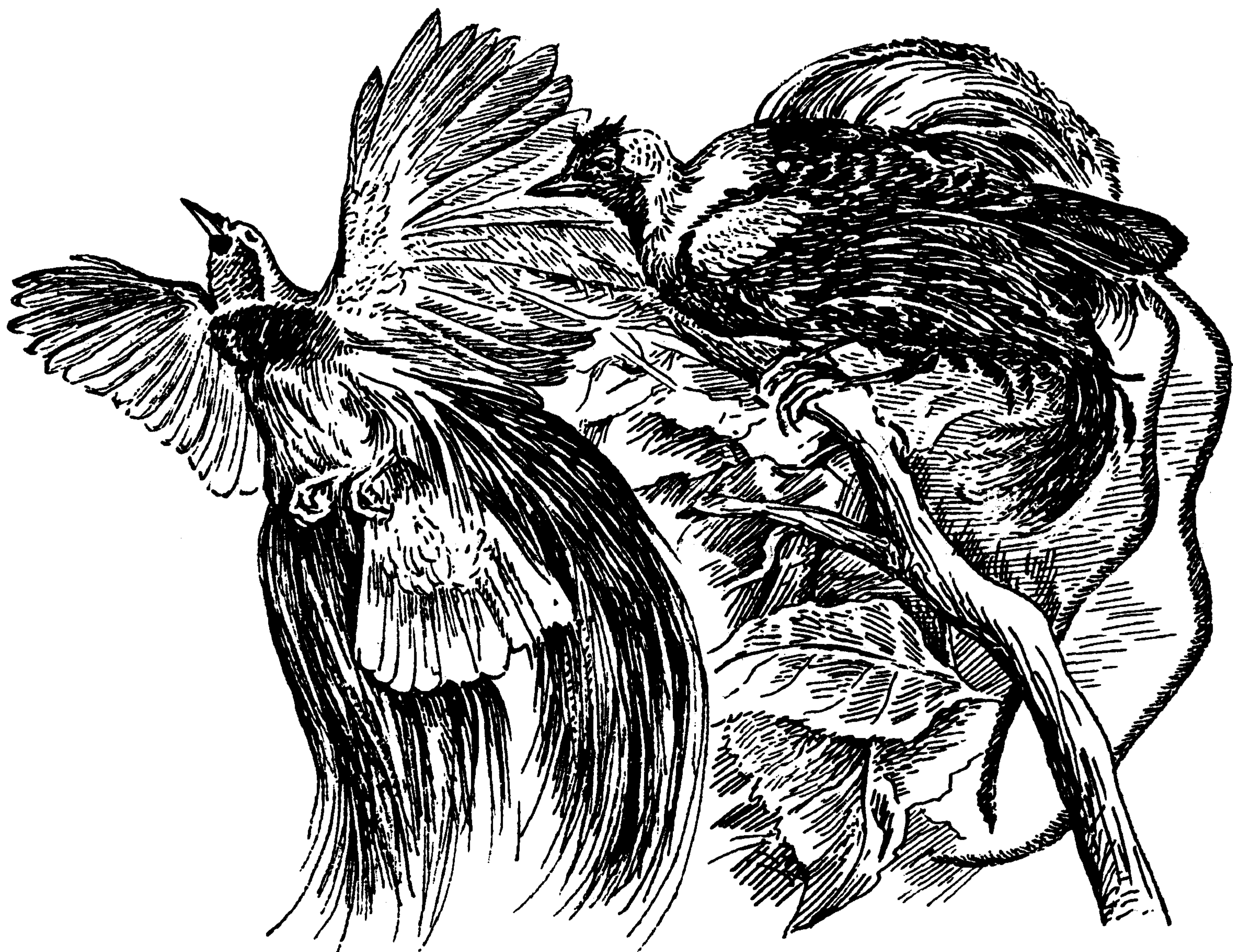
¹ «Journal fur Ornithologie», 1950, Band 95, S. 263—291.

чучела. Необыкновенная красота оперения этих птиц будоражила фантазию художников. Они пытались изобразить райских птиц в природной обстановке, хотя никто из европейцев еще ни разу не видел живой райской птицы. Французский исследователь Левайян обратил внимание на то, что основание роскошных перьев уходит глубоко под кожу и связано там с особым мускулом-выпрямителем. Он совершенно правильно предположил, что во время брачных игр этот мускул поднимает перья и разводит их в стороны; в такой момент хвост напоминает павлиний хвост. На основании этих наблюдений ученый представил себе предположительные брачные позы у трех видов райских птиц и попросил художника точно изобразить их на бумаге. Позы двух видов оказались весьма близкими к истинным брачным позам этих птиц. У третьего же вида предполагаемые брачные позы совсем не совпадали с действительными.

Естествоиспытатели того времени стали стремиться во что бы то ни стало попасть на Новую Гвинею. Всем хотелось поскорей посмотреть на «чудо-птиц» в родной для них природной обстановке. В последующие столетия многие из путешественников поплатились за это жизнью: кто погиб от эпидемий или под стрелами аборигенов, кто утонул в бурных горных потоках. Правда, далеко не все экспедиции на Новую Гвинею преследовали только невинную цель разгадать тайну диковинных птиц. Для многих подобных предприятий райские птицы были лишь предлогом, а истинной целью была колонизация и захват новых земель.

Голландскую экспедицию за райскими птицами постигла неудача — погибло пять ученых. А вот французскому корабельному аптекарю Ренэ Лессону фортуна явно улыбнулась. Он пробыл на острове всего тринадцать дней, однако зря времени не терял. Он успел понаблюдать, как райские птицы ведут себя в естественной для них обстановке, выведал у местных жителей, как их ловят и препарируют, чтобы не повредить ценного оперения. Впоследствии он описал их крики, брачные танцы и другие повадки.

Спустя несколько лет, в 1862 году, зоолог Альфред Рассел Уоллес привез в Лондонский зоопарк двух живых самцов райских птиц. Трудно себе представить, какой восторг вызвало это у лондонской публики!

Эти-то демонстрировавшиеся в Лондоне «божьи птицы» и побудили голландцев вновь послать на Новую Гвинею трех исследователей, среди которых был и сын силезского художника Отто Финш. Одного из троих членов экспедиции — врача Генриха Бернштейна убили аборигены. Он стал одиннадцатой, но отнюдь не последней жертвой «птичьей лихорадки». А Отто Финш, прибыв на остров и установив в Северной Гвинее немецкий флаг, предложил своему правительству объявить ее германской колонией. К сожалению, этим актом он накликнул страшное бедствие на своих любимых райских птиц: до них вскоре добрались торговцы и мода. В первые же пять лет немецкого колониального режима на острове было убито свыше 50 тысяч райских птиц, перья которых пошли на украшения дамских шляп.

Вывоз шкурок продолжался даже в нашем столетии. Так, в 1911 году с Новой Гвинеи их было вывезено более семи тысяч. Отто Финш неоднократно предлагал, но так и не смог провести в жизнь меры по охране этих уникальных пернатых.

С тех пор уже найдено и описано более сорока видов райских птиц — последний в 1938 году.

Над головными уборамы многих коренных жителей Новой Гвинеи раскачиваются черные длинные хвостовые перья райской птицы принцессы Стефании (*Astrachia stephaniae*), названной так в честь супруги австрийского кронпринца Рудольфа. Так называемая великолепная райская птица (*Diphyllodes magnificus*) любопытна тем, что расчищает на земле круг диаметром пять метров и даже обрывает все листья с окружающих ветвей, чтобы ее роскошное оперение во время брачного танца блистало всеми цветами радуги под солнечными лучами.

Голова шестиперой райской птицы (*Parotia lawesi*) украшена шестью тонкими и длинными перьями с кисточками на концах; когда птица танцует, она распускает эти перья в виде зонтика. Во время брачных игр самец совершенно преобразуется, превращаясь в трепещущий и переливающийся сине-зеленый грибок с длинными перьями на шляпе. (Свое название птица получила в честь английского миссионера Лавеза.)

Ленточная райская птица (*Astrapia mayeri*) обладает самым длинным хвостом среди своих родичей — он втрое длиннее ее тела. Самец и самка, которая гораздо невзрачнее самца, долгое время считались разными видами. Только в 40-х годах наблюдения за ними позволили установить, что это всего лишь самец и самка одного вида.

Голубая райская птица (*Paradisaea rudolphi*) во время брачного танца повисает на ветвях вниз головой и распускает при этом свои отливающие голубизной перья. Впервые ее описал немецкий коллекционер животных Карл Гунштейн, проникший за райскими птицами в глубь Новой Гвинеи. Он назвал этот вид в честь «его величества кронпринца Рудольфа, покровителя птиц во всем мире». Сам Гунштейн после этого утонул в горном ручье. О том, что покойный принц Рудольф покровительствовал животным, сейчас мало кто помнит. А вот названная его именем голубая райская птица, как и прежде, висит вниз головой на ветке, и ей нет дела до людских тревог...

В большинстве книг обычно изображаются большая райская птица (*Paradisaea apoda apoda*) и похожая на нее, но с красным оттенком райская птица Рагги (*Paradisaea apoda ragiana*). Несколько иначе окрашена, но также похожа на эти два вида малая райская птица (*Paradisaea minor*), которая на самом деле ненамного меньше большой.

Во Франкфуртском зоопарке в павильоне птиц содержится сейчас несколько видов райских птиц. Некоторые из них токуют друг перед другом прямо посреди обширной площадки, не отгороженной от зрителей ни решетками, ни стеклом. Самцы райских птиц исполняют свои брачные танцы наподобие южноамериканских красных каменных петушков, совсем близко друг перед другом, не втягивая, однако, соперника в драку: ведь непрочное роскошное оперение наверняка не выдержало бы никакой потасовки!

Вывозить шкурки райских птиц из Новой Гвинеи запрещено уже давно. Да и живых птиц вывезти не так-то легко. Это разрешается в виде исключения лишь тем зоопаркам, которые имеют возможность их удобно транспортировать и хорошо содержать.

Однако среди аборигенов до сих пор широко распространена охота на райских птиц с луком и ловля их западнями. Побывав на большом танцевальном празднике в долине Ваги, мы с ужасом увидели, какая масса перьев редчайших великолепнейших птиц украшает головы танцующих.

Общая стоимость всех перьев, демонстрирующихся сегодня на празднике песни и танца племен Новой Гвинеи, составляет наверняка не менее одного миллиона марок. При этом мы исходим из тех цен, которые существовали на шкурки райских птиц до первой мировой войны. Стоимость одного только хвоста райской птицы в то время доходила до 60 долларов. Но теперь вывоз птиц, слава Богу, запрещен. Сегодняшние цены наверняка были бы куда выше. Даже вожди племен, живущих внутри страны, не задумываясь, платят за такое роскошное украшение от 150 до 200 долларов.

Ведь теперь у мужчин, которые прежде были заняты постоянными войнами с соседними племенами, появилось гораздо больше свободного времени, чтобы ходить на охоту. Кроме того, раньше они боялись далеко уходить от своей деревни, а сейчас, в мирное время, без опаски пробираются глубоко в горы и леса и охотятся там за птицами. Жизнь аборигенов с прекращением войн стала зажиточней, и сейчас каждый может приобрести более дорогие украшения. Ведь мир всегда способствует благосостоянию.

Если в прежние времена в качестве свадебного подарка было достаточно принести четыре перламутровые раковины

и восемь свиней, то теперь уже дарят 20 раковин, 20 свиней и соответствующее число шкурок райских птиц. Если так будет продолжаться, то бедным райским птицам придется еще тяжелей. Однако надо надеяться, что аборигены постепенно потеряют вкус к своим старым обычаям (а вместе с ними и к головным уборам из перьев), перейдя на современную европейскую одежду. Тогда райские птицы, возможно, вздохнут свободно и их былая численность восстановится. При этом нельзя забывать, что самец надевает полный брачный наряд лишь на четвертый пятый год жизни, а самка имеет в кладке всего только одно яйцо!

Пока же, как выяснил недавний опрос, молодые девушки из долины Ваги всегда предпочтут молодому стройному парню более пожилого мужчину, зато увешанного шкурами кускуса, перламутровыми раковинами и кабаньими зубами, на голове которого красуется султан из перьев райских птиц.

Здесь существует обычай отделять маленьких мальчиков пяти — семи лет от матерей и воспитывать их только в мужском обществе, чтобы развить в них мужественность и презрение к девчонкам. Во всяком случае молодым девицам, которым разрешается «наряжаться» только до свадьбы, немало приходится изощряться, чтобы заслужить благосклонность даже женатого мужчины. (Здесь процветает многоженство.)

Чтобы познакомиться, девушки и парни ходят на так называемые «канана» — нечто вроде наших посиделок. В длинных прокуренных и полутемных хижинах молодые девушки и парни усаживаются друг против друга. На всех надеты лучшие «драгоценности», а лица пестро размалеваны. Сидящие один против другого партнеры трутся носами и лбами, притом беспрерывно в течение нескольких часов: то справа налево, то слева направо. Эти массовые игры затягиваются иногда до самого утра и весьма утомительны. За всей церемонией наблюдает пожилая женщина, следящая за тем, чтобы никто не переходил границ дозволенного.

Перед обручением подруги невесты танцуют вокруг нее танец плодородия. Взявшись за руки, они прыгают по кругу, сначала медленно, а потом все быстрее. Под конец они издают дикий вопль и разбегаются в разные стороны.

Невеста до свадьбы еще свободна в своих взаимоотношениях с другими мужчинами, жених же, наоборот, обязан себя «блюсти».

Австралийская администрация острова путем прививок сумела спасти семисоттысячное коренное население от туберкулеза. Однако во время последней войны из-за заболевшего дизентерией солдата, сходявшего по нужде возле самой дороги, разразилась эпидемия дизентерии, унесшая тысячи жизней. Пришлось самолетами ввозить миллионы таблеток сульфанидамина, построить повсюду уборные и штрафовать каждого, кто не пожелает ими пользоваться; злостных нарушителей даже подвергали трехмесячному тюремному заключению.

С появлением американских солдат местные жители пристрастились к курению сигарет. После войны стали нередки случаи, когда молодые парни по полдня работали на плантации только за то, чтобы получить пол-листа газетной бумаги для кручения сигарет.

О том, что жители Новой Гвинеи с трогательной заботливостью относятся к своим свиньям, сообщалось уже не раз. Свиней здесь держат в доме, а по своим надобностям приучают выходить на двор. Осиротевших поросят женщины сплошь и рядом выкармливают грудью. Закалывают свиней только по большим праздникам, например во время свадеб или других важных событий, но тогда уже целыми дюжинами, а то и сотнями. При этом изголодавшиеся по мясу люди зачастую запихивают в себя такие порции, что их начинает рвать. Примерно раз в двадцать лет отмечают особые, «свиные» праздники, на которых режут и съедают до двух тысяч свиней сразу!

Собаки у аборигенов были прежде большой редкостью и у жителей горных районов ценились очень высоко. Когда один из европейцев привез с собой большого рыжего ирландского сеттера, местные жители стали выпрашивать у него пучки собачьей шерсти. Они подмешивали ее в корм своим невзрачным и низкорослым собачонкам, чтобы у тех родились стройные и породистые щенки, похожие на собаку белого. Кстати, хозяину собаки пришлось раздать несколько прядей и своих собственных белокурых волос, которые использовались, видимо, с аналогичной целью.

Ловец диких зверей Фред Майер в 1940 году охотился в горах Вейланд. Аборигены, которые до тех пор никогда не видели европейцев, охотно ему помогали. Но когда Майер собрался увозить клетки с пойманными зверями на побережье, аборигенов охватил страх и смущение. Они вообразили, что вслед за отловленными пленниками последуют из леса все остальные их сородичи и здесь уже не на кого будет охотиться.

Между прочим, добывать райских птиц не так трудно, как поначалу может показаться. У самцов есть определенные места для брачных игр. В период размножения они посещают их ежедневно, чтобы потанцевать и покрасоваться друг перед другом роскошным оперением и, разумеется, таким образом привлечь самок. Одни виды райских птиц танцуют на земле, а другие на ветвях в кроне деревьев. А поскольку место для этого они всегда используют одно и то же, то кора на таких ветках от непрерывного топтания бывает отполирована до блеска. Охотники устраивают себе засидку в кроне соседнего дерева и караулят там свою добычу. Стреляют из лука с близкого расстояния. Стрелы обычно делаются из бамбука, концы их бывают расщеплены на три острия, которые предварительно обжигаются на огне.

Что же касается охоты на древесных кенгуру, опоссумов и кускусов, то тут главное — обнаружить этих животных. А коль скоро они уже найдены, поймать их не составляет труда: животные эти очень медлительны, так что обычно их даже не убивают, а ловят, привязывают к палке и так приносят домой. Там их тоже не сразу убивают, а выдерживают живьем по нескольку дней в ожидании какого-нибудь праздника. Таким способом мясо животного сохраняют в свежем виде, несмотря на высокую температуру воздуха. Подобным же образом поступают со змеями. Особенно охотно здесь ловят и поедают зеленого питона (*Chondropython viridis*). Эта травянисто-зеленого цвета змея удивительно напоминает бразильского собакоголового удава; детеныши ее бывают ярко-желтого и даже красного цвета.

Охотятся аборигены и на казуаров. У новогвинейского казуара в отличие от австралийского на шее нет кожных складок, и голые участки на ней ярко-василькового цвета. Птенцов казуара отлавливают и выращивают в неволе. Очень часто их можно увидеть бегающими по деревне подобно домашним

курам. Но с возрастом эти крупные птицы, высотой больше метра, становятся опасными. Ударом ноги казуар легко может ранить и даже убить ребенка или домашнюю свинью. Поэтому их запирают в специальные домики или загоны. Хозяин своими руками никогда не убьет такого прирученного казуара, он всегда попросит сделать это кого-либо из своих друзей, сам же потом еще долго грустит о нем. Из бедренных костей казуара изготавливают рукоятки для кинжалов, из тонких косточек крыльев — швейные иглы, черные, блестящие перья идут на головные уборы, а из когтей делают наконечники для копий.

В прежние времена мужчины какой-либо деревни, украшенные перьями райских птиц, собирались иногда где-нибудь на вершине холма и начинали всячески ругать и поносить воинов соседнего племени. Эта ругань продолжалась обычно до тех пор, пока возбуждение не достигало предела и не разряжалось перестрелкой или набегом на соседнюю деревню. Такие «ругательные» войны могли продолжаться целыми днями, как перед Троей во времена Гомера. Но как только падали первые убитые с той или другой стороны, все успокаивались и расходились по домам. Однако за погибших полагалось мстить, и для этого следовало подстеречь и убить кого-либо из родственников убившего.

Сегодня эти кровавые времена отошли в прошлое, и люди из еще недавно враждовавших деревень и племен сходятся вместе на грандиозные танцевальные празднества. Раньше такое невозможно было себе даже представить. А теперь дружелюбно покачиваются и прыгают друг перед другом белые глиняные маски, громадные парики из цветов, прикрепленные на голове горшки с дымящимся огнем и, конечно, великолепные головные уборы из перьев райских птиц. Лица и тела раскрашиваются сейчас гораздо ярче, потому что в любой лавчонке можно по дешевой цене купить театральный грим самых кричащих тонов.

Точно так же, полуодетыми, ярко раскрашенными, во всех своих «драгоценностях», являются аборигены и на церковную службу, поскольку католическая церковь требует по воскресеньям одеваться в свои лучшие наряды.

Мужчинам при обращении в католическую веру приходится оставлять себе только одну жену, а от остальных отказываться. Судьба тех, которых прогоняют, обычно бывает плачевна.

Мы, европейцы, пресыщенные цивилизацией и техникой, часто спрашиваем себя: станут ли эти «люди каменного века» счастливее от того, что мы пошлем их в школу и отправим заседать в парламенте? Но одно совершенно бесспорно: существование коренных жителей Новой Гвинеи было до самого последнего времени крайне бедственным. Болезни, страх, голод преследовали их всю жизнь. Естественно, у них есть стремление улучшить условия своего существования, освоить достижения современной культуры и техники, познакомиться с различными машинами и прочими удивительными изобретениями нашего века.

На Новой Гвинее, к счастью, не было вековой колонизации и рабства, через которые пришлось пройти народам африканских стран. На Новой Гвинее все сложилось иначе. Здесь от «открытия» острова до его самоуправления прошло исторически совсем немного времени, и будем надеяться, что скоро народ этой страны вступит на путь самостоятельного развития.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЭМУ ПРОИГРЫВАЮТ ВОЙНУ

Вторая по величине птица на Земле.— Почему их называли эму.— С пулеметами против страусов.— Отгородимся от них забором — а там хоть трава не расти.— Преданные папаши и легкомысленные мамыши.— Два дня страусенок просидел возле опустевшего кресла своего хозяина

Можно несколько не сомневаться, что эму со временем проиграют войну, которую ведут с ними люди, даже несмотря на то, что сейчас обстоятельства кое-где складываются в пользу этих больших нелетающих птиц. В отдельных районах эму даже выигрывают сражения. Но на островах Тасмания и Кинг, а также во всех населенных областях, расположенных вблизи побережья, они уже начисто истреблены.

Чем же провинилась эта вторая по величине в мире птица? А вот чем. Эму обвиняют в том, что они выпивают воду,

предназначенную для овец и рогатого скота. Кроме того, они еще топчут посевы пшеницы и склевывают массу зерен. Числятся за ними и другие прегрешения. Так, в случае погони эму без труда перескакивает через ограды из колючей проволоки, вместо того чтобы с размаху на них кидаться и там запутываться (как это делают объятые страхом кенгуру). И даже если молодые эму едят в основном саранчу и гусениц, это не может их оправдать, потому что взрослые птицы все равно питаются различными травами и ботвой, которые в Австралии, как известно, должны расти только для овец...

Вот потому и получилось, что все разнообразные виды и подвиды эму, обитавшие прежде по всей Австралии, бесследно исчезли и до наших дней дожил только один обыкновенный эму (*Dromiceius novaehollandiae*). От многих вымерших видов не сохранилось даже скелетов или хотя бы перьев, которые можно было бы экспонировать в музеях.

За планомерное уничтожение этих птиц взялись даже в таком малонаселенном штате, как Западная Австралия. За тридцать прошедших лет борьба не дала каких-либо ощутимых результатов, и в конце концов было решено бросить против «коварного врага» современные средства уничтожения. Сказано — сделано. Теперь злоумышленникам не уйти от суровой расправы! Вышло постановление, по которому отныне на территории Западной Австралии эму разрешается пастись только на небольшом клочке земли в несколько сот квадратных километров на самой юго-западной оконечности материка. Вот тут уж, Бог с ними, пускай живут. Но к сожалению, эму-то неграмотные и постановления не читали. Они продолжали беззаботно нарушать границу и залезать в запретную зону.

И грянул бой. В 30-х годах за каждого убитого эму платили неплохую премию — две марки за штуку. В 1937 году в одном лишь Нортгемптонском округе было убито 37 тысяч страусов, А вот близ городов Кемпион и Вельголан произошла одна из самых смехотворных «войн» на свете. Причиной ее послужило сообщение, что «вражеский корпус», насчитывающий 20 тысяч голов, наступает на поля фермеров и собирается вытоптать весь урожай. Тогда солдаты австралийской королевской артиллерии вместе с отрядом добровольцев из фермеров под командованием майора стройными рядами двинулись против превосходящих сил противника. Вооруженная двумя пулеме-

тами и ружьями с десятью тысячами патронов, эта армия бодро двинулась навстречу... птицам. План действия был таков: загнать страусов к заграждению из колючей проволоки, а там встретить их шквальным пулеметным огнем. Тогда с ними наконец будет покончено. Ведь именно таким способом от эму удалось избавиться на северо-западе штата Новый Южный Уэльс. Однако исход сражения оказался плачевным: было убито всего 12 эму, а остальные благополучно скрылись. Оказалось, что страусы владеют искусством стратегии значительно лучше, чем солдаты, и что они великолепно умеют маскироваться и вовремя отступать. Словом, горе-войки вернулись ни с чем, а штат Западная Австралия был вынужден продолжать выплачивать премии за каждую голову убитого эму. Так, в 1964 году правительству опять пришлось выплатить деньги за 14 476 убитых птиц.

Зато теперь этих злополучных страусов все-таки удалось перехитрить. Их больше не отстреливают, их просто вытеснили на север, в специально отведенное место, которое отгородили от пшеничных полей и овечьих пастбищ длинным забором, тянувшимся на многие сотни километров. Этот забор отгора-

живает всю область севернее Хоптауна от юго-западных сельскохозяйственных угодий, фермеры теперь довольны. Довольны ли страусы — трудно сказать. Говорят, что они не жалуются, даже хорошо размножаются на дарованном им клочке земли. Но что будет в случае засухи? Ведь откочевывать в районы, где более плодородные угодья, эму уже больше не удастся — путь им преграждает прочный высокий забор. Значит, эму неминуемо ожидает голодная смерть. Но не будем заранее огорчаться — авось эти хитрецы что-нибудь да придумают.

Что касается биологии и особенностей образа жизни этих заядлых «вредителей», то на их родине никто не дал себе труда заняться подобным вопросом всерьез. Сохранились, правда, записки одного европейского зверолова Хайнца Рандова, немало времени проведенного в Австралии. В них он, в частности, описывает свои наблюдения за стадом эму. Он ежедневно незаметно подкрадывался к птицам на четвереньках и следил за взаимоотношениями в стаде, за повадками этих птиц и их сигнализацией. Вот что можно прочесть в его записках:

«Я все больше убеждаюсь в правоте своих предположений относительно того, что эти два эму с самым темным оперением на шее действительно самцы. На голом участке шеи и за ушами кожа у них имеет голубоватый оттенок, в то время как у других особей она серая. Несоразмерная с туловищем маленькая голова этих страусов состоит, можно сказать, из одного только черного клюва и двух больших черных и очень умных глаз. Я заметил, что оба самца держатся все время на почтительном расстоянии друг от друга. Вокруг каждого из них расхаживает несколько самок, которые ведут себя примерно таким же образом, как наши домашние куры. В какой-то момент один из самцов подошел слишком близко к «владениям» соперника — во всяком случае тому так показалось. Мгновенно тот срывается с места, подбегает к «нарушителю» и изо всей силы ударяет его правой ногой в грудь. Глухой удар раздается с такой силой, что я слышу его даже здесь, в своем укрытии. Пошатнувшись от пинка, противник поспешно убегает в сопровождении своего «гарема». Отбежав на почтительное расстояние, птицы останавливаются и как не в чем ни бывало вновь принимаются склевывать метелки трав, как будто ничего не произошло. А победитель, гордо приосанившись и распустив перья на своей длинной шее, издает победный клич: «э-муу!»

Тогда я проделываю следующий эксперимент. Я осторожно отползаю в сторону, вскакиваю на свою лошадь, все это время пасущуюся невдалеке, издаю дикий вопль и галопом мчусь прямо на стадо. Эму срываются с места и как сумасшедшие бросаются бежать в направлении плоскогорья. Однако своей цели я не достиг. Насиживающий яйца самец хотя и остался сидеть на гнезде, прижав шею к земле и сделав вид, что его вообще здесь нет, однако, когда я стал медленно к нему приближаться, понял, что обнаружен, проворно вскочил и тоже убежал».

Зато при подобных обстоятельствах можно спокойно осмотреть большие яйца этих птиц. Они светло-зеленого цвета, длиной около 15 сантиметров и имеют ноздреватую поверхность. Весит такое яйцо от 570 до 680 граммов, в среднем 600, следовательно, почти столько, сколько 12 куриных яиц. Во время насиживания поверхность яиц постепенно становится все более гладкой, жирной и темной. Скорлупа очень твердая, и разбить ее не так-то просто. Этим свойством скорлупы мы часто пользуемся у себя во Франкфуртском зоопарке. Лишние яйца страусов, которые не нужны для насиживания, мы упаковываем в красочные картонки, обвязываем пестрой лентой и рассылает такие шуточные посылки каким-нибудь известным друзьям Франкфуртского зоопарка, приложив инструкцию, поясняющую, как ими пользоваться. Чтобы такое яйцо сварить вкрутую, его надо держать в кипящей воде не меньше часа. По вкусу оно ничем не уступает куриному.

Рост эму от 1,5 до 1,8 метра, а вес достигает 50—60 килограммов. Перо его, как и у других страусов, отличается тем, что опахала равномерно распределены по обе стороны от стержня (у других птиц одна сторона пера всегда короче). Поэтому страусов во многих странах и называют «справедливыми» птицами. Эму умеют хорошо и подолгу плавать. Это можно легко проследить, загнав их в воду во время преследования верхом или на машине.

Все такие наблюдения за жизнью этих птиц в основном сделаны не на воле, а в зоопарках, причем чаще всего в европейских. Кстати сказать, из-за того что самок эму очень трудно отличить от самцов, в зоопарках, где обычно держат одну пару страусов, часто ничего не получается с их разведением: нередко купленная пара оказывается двумя самцами

или двумя самками. Тогда многократно приходится обмениваться с другими зоопарками, пока наконец получишь подходящего партнера. Правда, иногда самец выдает себя сразу же громогласным криком.

У нас во Франкфуртском зоопарке в течение долгих лет страусами занимается доктор Рихард Фауст со своей супругой Ингрид. Они вырастили сотни южноамериканских страусов нанду, которые впоследствии разъехались по самым различным зоопаркам Европы. Выводятся у нас и эму — из четырех кладок выведено 38 страусят: частью под самцом, а частью в инкубаторе. Новорожденные эму весят от 400 до 500 граммов. Яйца откладываются самкой в период между декабрем и апрелем.

Оплодотворение происходит следующим образом. Самка начинает издавать низкие тархтящие звуки, напоминающие шум мотороллера. Самец внимательно прислушивается к этому призывному крику, отвечает на него и направляется к самке. Начинается своеобразный брачный танец, у этого вида на редкость малоподвижный: обе птицы стоят рядом, низко опустив шеи, и только покачивают головами из стороны в сторону.

У южноамериканских нанду насиживает только самец, притом, будучи многоженцем, он насиживает яйца нескольких самок сразу. Самки подкатывают ему свои яйца под нос, и он поспешно заталкивает их клювом под себя. Самки нанду не заботятся о потомстве, а даже наоборот, если их вовремя не изолировать, они могут заклевать своих детенышей до смерти. Именно так случилось в нашем зоопарке, когда мы еще не знали об этой их пагубной привычке.

Во многих книгах можно прочесть, что у австралийских эму насиживает в основном самец. Однако самка тоже якобы принимает в этом участие, присаживаясь иногда рядом с насиживающим самцом. Наши собственные наблюдения в зоопарке показали совсем другое. У нас самец эму всегда насиживал только один. Между 16 и 17 часами он имел привычку вставать и расхаживать по вольере. В это время самка присаживалась на гнездо и, снеся туда очередное яйцо, сразу же убегала. Это никак нельзя рассматривать, как участие в насиживании.

В Кенигсбергский зоопарк одного самца эму привезли в 1897 году; в 1928 году он все еще был жив, следовательно, прожил тридцать два года в неволе. Кстати, его «супруга» про-

жила в зоопарке двадцать шесть лет. Так вот, этот самец во время насиживания ничего не ел и не пил и вообще вставал с гнезда чрезвычайно редко. Пока страус сидел на кладке, он разрешал забирать из гнезда яйца и вылупившихся птенцов, однако когда он уже водил свой выводок по вольере, то подходить к нему не рекомендовалось: он становился крайне агрессивным.

В Московском зоопарке самец эму во время пятидесяти-двухдневного насиживания тоже не принимал никакой пищи, потеряв 15 процентов своего веса — от 7 до 8 килограммов. Кладка у страусов эму состоит из семи-восемнадцати яиц, чаще же всего из девяти.

Самку эму в отличие от нанду можно не изолировать от самца с вылупившимися страусятами. Она их не тронет, хотя иногда может отогнать от себя злобным шипением. Из этого можно заключить, что у страусов эму все же существует какая-то родственная привязанность к своему потомству, во всяком случае она у них развита в значительно большей степени, чем у их южноамериканских сородичей.

Страусят эму супруги Фаусты обеспечивают весьма калорийным белковым питанием, особенно в самые первые недели их жизни. Они кормят их личинками муравьев, мясным фаршем, комбикормом для цыплят, рублеными яйцами и, разумеется, витаминами — мелко нарезанным салатом и другой зеленью. Такой же богатой белками пищей необходимо кормить и маленьких африканских и южноамериканских страусят, если хочешь их вырастить в условиях неволи.

Эму, потерявшие страх перед человеком или загнанные в тупик во время отлова, становятся опасными. Эти птицы могут своими твердыми, как сталь, ногами давать такие пинки, от которых у взрослого мужчины ломаются берцовые кости. А острыми, словно железными, когтями они без труда вспарывают кожу и разрывают мышцы. Один ручной эму, которого хозяин держал у себя в саду, забавлялся тем, что догонял убегающих от него гостей и срывал у них с головы шляпу... Хозяину это доставляло большое удовольствие.

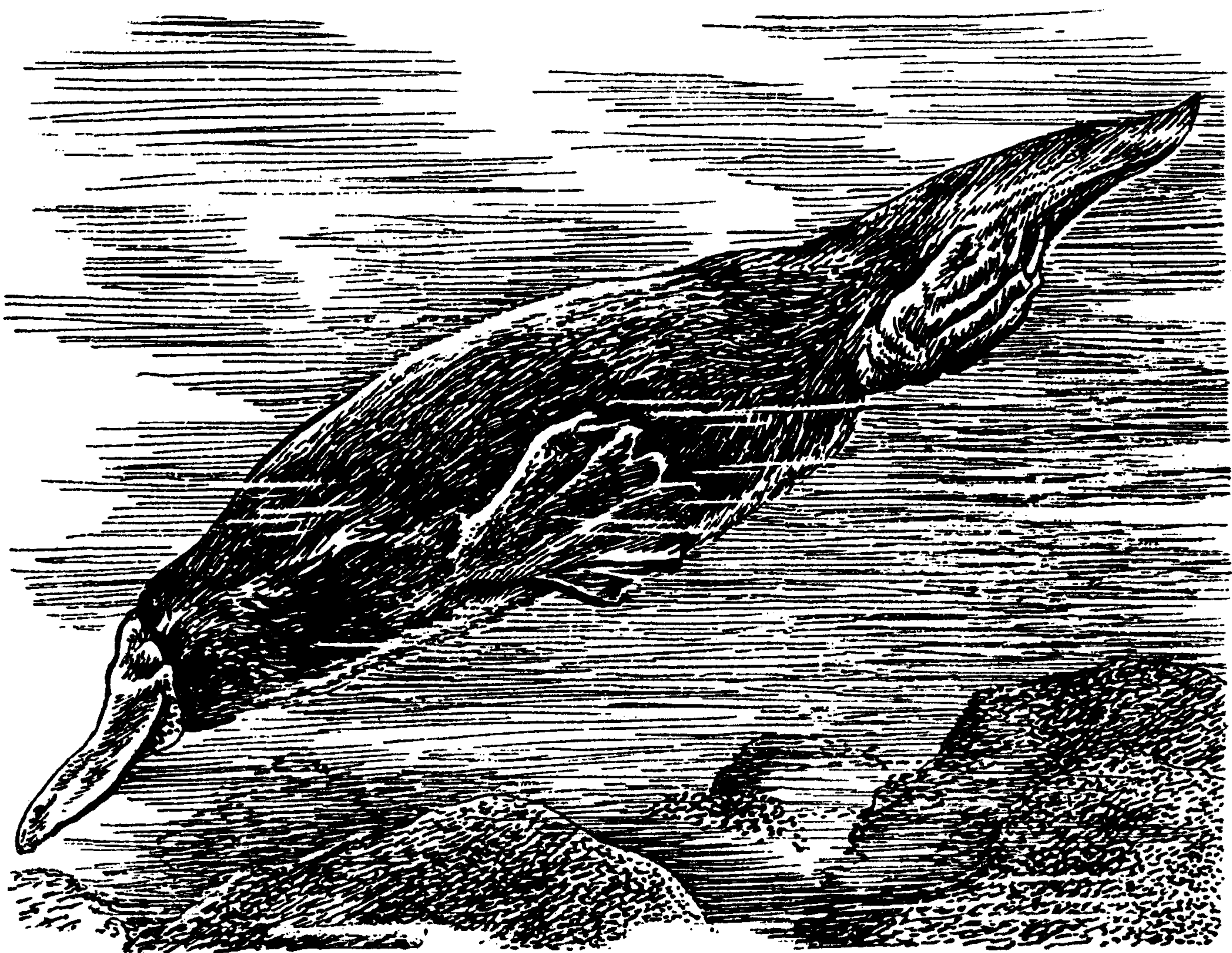
О том, что эму могут испытывать сердечную привязанность друг к другу и уж во всяком случае к разным особям относиться по-разному, говорит их отношение к людям, которые за ними ухаживают. В то время как подросшие страусята нанду очень

быстро дичают и перестают отличать выросших их служителей зоопарка от других людей, у эму все это обстоит совсем иначе. Так, в Нюрнбергском зоопарке в 1936 году самец эму по неизвестным причинам преждевременно покинул гнездо и не пожелал дальше насиживать яйца. Несмотря на все старания старшего служителя Карла Мюнценталера вывести страусят в инкубаторе, в живых остался только один-единственный страусенок. Этот одинокий маленький эму, никогда в жизни не видевший себе подобных, знал только своего опекуна Карла Мюнценталера и его одного признавал. Страусенок, как собачка, повсюду бегал за хозяином и, если терял его из виду, испускал тревожный крик: «вик-вик-вик». За этот крик его и окрестили Виком. Поначалу маленький Вик спал в комнате и не пожелал оттуда уходить даже тогда, когда его голова уже стала возвышаться над столом. А это было нежелательно, хотя бы уже потому, что он мог свободно склевывать с тарелок все, что ему понравится. Это далеко не всем приходилось по вкусу, и Вика выселили во двор.

Как-то господину Мюнценталеру пришлось уехать в служебную командировку, и Вик остался один. К людям, приходившим его покормить, он оставался совершенно равнодушным и ни за кем из них не увязывался вслед. Напрасно он искал своего хозяина по всему двору и непрерывно испускал свой призывный клич «вик-вик-вик» — хозяин не появлялся. На второй день страусенок пропал. Тщетно искали его повсюду: Вик исчез бесследно. Только два дня спустя его случайно обнаружили в запертом кабинете, где он спокойно сидел на своем привычном месте на полу возле хозяйского кресла. Как выяснилось позже, кто-то из служащих зашел в кабинет, чтобы взять какую-то вещь, и оставил на минуту дверь приоткрытой. Вот в это время Вик незаметно туда и проскользнул.

«Трудно описать, с какой бурной радостью он меня встретил, когда я вернулся,— рассказывает Карл Мюнценталер.— Этот и следующий день он буквально не отходил от меня ни на шаг.

Привязанность его ко мне остыла только тогда, когда он стал уже взрослым и присоединился к общему стаду страусов».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЯЙЦЕКЛАДУЩИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Познакомьтесь — утконос и ехидна.— Человек и ехидна — рекордсмены-долгожители.— Можно ли клювом сосать молоко? — Кто отодвинул шкаф от стены? — «Летающие утконосы», или почетные пассажиры воздушного лайнера.— Десять тысяч дождевых червей — багажом

Случилось так, что именно благодаря ехидне весной 1958 года я отправил телеграмму в Австралийский музей в Аделаиде. В этой телеграмме я просил выслать мне копию портрета профессора Вильгельма Гааке, который, как я узнал незадолго до этого, висел там в директорском кабинете. Через четыре дня фотография уже была у меня в руках, и я смог поместить ее в книгу, посвященную столетию Франкфуртского зоопарка, в которой собраны портреты всех моих предшественников — директоров этого парка. А Вильгельм Гааке, родившийся в

1855 году в Померании, с 1888 по 1893 год как раз директорствовал во Франкфуртском зоопарке. И несмотря на то что им было издано немало многотомных трудов, посвященных животному миру, мне до сих пор нигде не удавалось раздобыть его портрет.

На мысль разыскать его в Австралии меня натолкнула книга Лютера Вендта («По следам Ноя»), описывающая важнейшие открытия Вильгельма Гааке, о которых не упоминается ни в одной из новейших книг об Австралии. А открыл он немаловажные явления. Например, то, что ехидна, принадлежащая к классу млекопитающих, кладет яйца! Одновременно с ним, но уже в Квинсленде австралийский ученый В. Колдуэлл открыл ту же самую особенность у утконосов.

Эти два открытия разрешили наконец бесконечные споры, которые с 1798 года не утихали между зоологами Англии, Франции и Германии. Спорили относительно того, на какое место в систематике следует поставить этих «животных с одним отверстием», или, выражаясь научным языком, монотремов. Этот особый подкласс млекопитающих состоит всего из двух семейств — ехидн и утконосов, представители которых встречаются только в Восточной Австралии, на Новой Гвинее и Тасмании. Даже ископаемые остатки их вымерших предков ни разу нигде больше не были обнаружены.

Названия этих животных, которые с легкой руки англичан вошли в обиход во всех странах, с научной точки зрения неверны: ехидна — это довольно известный вид угрей, и поэтому правильнее было бы называть ее утконосым ежом; утконоса же англичане называют платипусом, в то время как во всем научном мире известно, что так был назван еще в 1793 году один вид жуков. Немцы утконоса и ехидну частенько называют клоачными животными, что особенно бестактно, потому что наводит на мысль о какой-то якобы нечистоплотности этих животных или приверженности их к сточным канавам. А между тем это название означает лишь одно: у этих зверей кишечник и мочеполовой канал открываются наружу не самостоятельными отверстиями (как у других млекопитающих), а, как у рептилий и птиц, впадают в так называемую клоаку, которая сообщается с наружной средой одним отверстием. Так что неаппетитное название ни в коем случае не должно никого отпугивать и наводить на мысль об отхожих местах. Наоборот,

эти животные весьма чистоплотны: если они поселяются вблизи человеческого жилья, то живут отнюдь не в загрязненных реках, а только в водоемах с чистой питьевой водой. Что же касается нашей «национальной гордости» реки Рейна, то она давно уже превратилась в форменную сточную канаву, и утконос ни за что бы не согласился в ней поселиться...

Когда в 1798 году в Британский музей в Лондоне впервые привезли хорошо сохранившуюся шкурку утконоса, вначале никто не хотел поверить в ее подлинность. Да и в самом деле трудно было поверить, что этот бобровый мех, голый бобровый хвост и настоящий утиный клюв принадлежат одному и тому же животному. Ведь до этого уже не раз дурачили европейцев привезенными с Востока «заморскими чудесами». А курс корабля, доставившего шкурку утконоса, тоже лежал через Индийский океан, откуда доверчивые капитаны чего только не привозили! Среди смелых произведений азиатских «умельцев» попадались поистине уникальные экземпляры: тут были и «новые» виды райских птиц, составленные из частей тела и перьев различных особей, и даже чучела «настоящих русалок», изготовленные из высушенных, сморщенных голов каких-нибудь обезьян и искусно прилаженных чешуйчатых хвостов крупных рыб.

Однако спустя четыре года шкурки утконоса стали появляться в таком количестве, что сомневаться в существовании подобного животного больше не приходилось. Известный шотландский анатом Е. Хоум тщательно обследовал удивительные шкурки и вынес окончательное заключение: такие животные безусловно существуют. И тем не менее ученые еще долго спорили, куда отнести находку: к классу млекопитающих или к особому классу позвоночных животных?

Немецкий профессор Иоганн Фридрих Мекель обнаружил у самки утконоса молочные железы. Но ученые французской школы, возглавляемой Жоффруа Сент-Илером, сочли их за обычные жировые железы и категорически отрицали утверждение, будто детеныши утконоса с их утиными клювами способны сосать молоко.

Е. Хоум и знаменитый палеонтолог Рихард Оуэн высказали мнение, что клоачные хотя и яйцекладущие животные, тем не менее потомство их появляется на свет уже без всякой оболочки, так сказать в «готовом виде»; следовательно, они

вылупляются из яйца еще в утробе матери. Подобные явления встречались уже и раньше — у различных рептилий.

Однако вскоре Рихард Оуэн получил письмо от одного австралийского коллеги — врача Джона Никольсона из штата Виктория, в котором тот описывал ему следующий любопытный случай. Золотоискатели поймали утконоса и, связав веревкой, посадили в пустой ящик из-под пива. Наутро в ящике лежало два белых, без скорлупы, мягких на ощупь яйца.

«Ну и что же — преждевременные роды от страха», — решил Рихард Оуэн и остался при своем мнении.

Но вот 2 сентября 1884 года почти одновременно пришло два важных сообщения: одно в Австралийское королевское общество (*Royal Society of Australia*) от В. Гааке и второе — от В. Колдуэлла, переданное по телеграфу членам Британского зоологического общества, собравшимся на свою очередную конференцию в Монреале (Канада).

С острова Кенгуру, который мы с вами посетили во второй главе этой книги, Вильгельму Гааке привезли нескольких ехидн. Зная о затянувшемся споре относительно их систематического положения и способа размножения, он решил очень внимательно осмотреть животных. Гааке попросил институтского служителя подержать самку ехидны за ногу в подвешенном состоянии и стал тщательно обследовать брюшную сторону животного. Чтобы описать все, что произошло после этого, лучше всего привести его собственное взволнованное повествование:

«Только знаток животного мира сможет понять мое безмерное удивление, когда из брюшной сумки ехидны я извлек... яйцо! Яйцо, снесенное по всем правилам, но кем? Млекопитающим животным! Эта неожиданная находка настолько меня поразила и сбила с толку, что я совершил самый дурацкий поступок, какой только можно было придумать: я сдавил мягкое яйцо двумя пальцами, отчего оно тут же лопнуло. Из него вытекла бесцветная жидкость — по-видимому, за время пребывания самки в неволе содержимое яйца уже начало разлагаться. Длина этого эллипсообразного яйца составляла 15 миллиметров, диаметр — 13 миллиметров, оболочка на ощупь походила на грубый пергамент и напоминала оболочку яиц многих рептилий».

Колдуэлл же 24 августа на берегу реки Бернетт застрелил самку утконоса, которая только что снесла яйцо. Вскрыв брюшную полость животного, Колдуэлл нашел шейку матки расширенной и в ней еще одно зрелое яйцо с зародышем примерно на той стадии развития, на которой бывает куриный эмбрион на третий день насиживания.

Поскольку телеграммы из Австралии в Канаду стоят недешево, он сформулировал свое открытие в четырех, ставших знаменитыми словах: «*Monotremes oviparous ovum meroblastic*» (Клоачные — яйцекладущие, яйцо мягкое). Но отослать телеграмму ему удалось только пять дней спустя, когда появилась оказия и он смог передать записку своему другу в Сиднее, который ее тотчас и отправил. У самого же Колдуэлла начался жесточайший приступ тропической лихорадки, оправившись от которого он занялся дальнейшими поисками утконосов, не увенчавшимися, однако, успехом. И только вернувшись в Сидней, он узнал, что Гааке в Аделаиде тем временем тоже сделал аналогичное открытие.

А в 1899 году чеху Алоису Топику, работавшему тогда в Австралии, удалось проследить, как детеныши утконоса сосут материнское молоко. Самка при этом ложится на спину, а детеныши, постукивая своими мягкими клювиками по ситообразным выходам молочных протоков, выдавливают оттуда молоко и слизывают его. Заглянув в рот таким малышам, ученые, к своему удивлению, обнаружили там мелкие молочные зубы. Значит, беззубыми утконосы становятся только в зрелом возрасте.

После этих исследований обоих представителей яйцекладущих млекопитающих выделили в отдельный подкласс. Сходство их с рептилиями заключается в основном в строении глаз, мозга и отдельных частей скелета (в частности, плечевого пояса), а также в том, что они тоже имеют клоаку. Но их нельзя рассматривать как прародителей сумчатых или других млекопитающих животных. Это самостоятельная ветвь в эволюционном развитии класса млекопитающих, которая пошла своим, особым путем.

У всех самцов этих яйцекладущих млекопитающих на щиколотках есть шпоры, но только у утконосов эти шпоры выделяют едкое вещество.

Интересно все же, почему утконос возбуждает к себе значительно больший интерес, чем ехидна? Может быть, оттого, что его почти невозможно увидеть в зоопарках, или потому, что это единственное млекопитающее, имеющее клюв, в то время как иглы, подобные тем, которые покрывают спину ехидны, встречаются и у других животных? Трудно сказать. А между тем у ехидны есть одна удивительная особенность, которой нет у ее водоплавающего родственника: только что снесенные яйца она заталкивает в свою брюшную сумку и таким способом таскает их еще от семи до десяти дней с собой, точно так же, как кенгуру и другие сумчатые поступают со своим потомством. Вылупившиеся из яиц детеныши ехидны достигают всего 12 миллиметров в длину. Они слизывают густое желтоватое молоко, стекающее по шерсти самки из молочных желез. Маленькие ехидны остаются в материнской сумке до тех пор, пока у них не вырастают иглы, что длится обычно от шести до восьми недель. За это время детеныши достигают 9—10 сантиметров в длину. Теперь самка их прячет в некотором подобии гнезда. Годовалые ехидны становятся половозрелыми: весят они к этому времени уже от 2,5 до 6 килограммов, а колючие иглы на их спине достигают шести сантиметров в длину.

Брюшная сумка у ехидны временная — образуется она только к родовому периоду. Работникам Пражского зоопарка удалось проследить, что подобная же сумка образуется и у некоторых самцов, причем с интервалом в 28 дней.

Между прочим, ехидны чуть ли не единственные млекопитающие животные, которые могут прожить более полувека. Как исключение это удавалось еще и лошадям. Ехидна из Новой Гвинеи прожила в Лондонском зоопарке 30 лет и 8 месяцев, в Берлинском зоопарке один экземпляр достиг тридцатилетнего возраста, а в Филадельфийском зоопарке в США австралийская ехидна прожила с 1903 по 1953 год, следовательно, 49 лет и 5 месяцев (притом еще неизвестно, в каком возрасте она туда попала). Содержалась она не бог весть в каких прекрасных условиях — в небольшом пустом помещении с деревянным ящиком для спанья.

Только дважды были зафиксированы случаи размножения этого животного в неволе, и то закончившиеся неудачно. Первый — в Берлинском зоопарке в 1908 году, где новорожденный детеныш прожил три месяца, и второй — в Базельском, где

в 1955 году однажды утром был обнаружен уже остывший трупик новорожденного. После искусственного обогрева он, правда, зашевелился, но спустя два дня все-таки погиб, причем нашли его на полу — видно, мать выбросила его из сумки.

Хотя ехиднам в природных условиях не приходится лазать на деревья, тем не менее в неволе у них хватает сноровки, чтобы вскарабкаться по металлической сетке вольеры до самого потолка. Но спуститься они обычно уже не в состоянии и чаще всего просто падают на пол, нередко нанося себе увечья. Это великие молчальники, кроме сопенья, не издающие никаких звуков. Зато ехидны великолепные «саперы»: с необыкновенной быстротой они умеют закопаться в землю, даже если грунт довольно твердый. За десять минут такой зверек может совершенно исчезнуть из виду. Тем не менее в природных условиях они в отличие от утконоса не утруждают себя рытьем нор, а пользуются жилищами других животных. Если же ехидна и решит зарыться в землю, то ограничивается обычно тем, что прячет только нижнюю часть тела, оставляя верхнюю снаружи: она ведь все равно надежно защищена колючками. Вытащить зарывшуюся ехидну совершенно невозможно. Своими

мощными когтями она впивается в землю, а боковые иголки опускает вниз, так что, если попытаешься подсунуть ей руку под брюшко, исколешься в кровь. Кроме того, ехидны умеют свернуться в клубок, точь-в-точь как наши ежи. И так же как ежам, ехиднам трудно содержать в чистоте свою шерсть между иголками, и там обычно заводятся паразиты. Поэтому они беспрестанно чешутся. Для чесания природа их наградила длинным загнутым когтем на втором пальце задней ноги.

Видят ехидны не очень хорошо, но зато легко улавливают любое сотрясение почвы. Питаются они в основном муравьями и другими насекомыми, о чем можно догадаться по строению их рта: он трубкообразный, беззубый, с длинным, очень гибким языком. Однако при случае они не прочь и несколько разнообразить свое меню, лишь бы можно было протолкнуть еду через маленькое отверстие своего «хоботка». Так, в неволе ехидны охотно пьют молоко, едят размоченную булку, сырые или вареные всмятку яйца, мясной фарш. В отличие от своих ближайших сородичей — утконосов они в состоянии долго поститься, иногда даже по целому месяцу. По-видимому, время от времени они впадают в нечто вроде анабиоза. Это, по всей вероятности, приспособление для обитания в условиях довольно прохладных зим, характерных для южной части их ареала — в штате Виктория и на острове Тасмания.

Удивительно, какой недюжинной силой обладают эти маленькие крепыши. Так, пойманные ехидны как-то сорвали с ящика накрепко прибитую гвоздями проволочную сетку; в другом случае они подняли крышку, придавленную сверху тяжелыми гириями. На воле ехидны в поисках еды без труда переворачивают огромные камни, вдвое превышающие их самих. Однажды один австралийский зоолог запер пойманную ехидну на ночь у себя на кухне. Каково же было его удивление, когда наутро он нашел всю мебель беспорядочно сдвинутой с места. Зверек в поисках лазейки отодвинул от стены не только стол, стулья, ящики с продуктами, но даже тяжелый кухонный шкаф.

Как правило, ехидны (опять же в отличие от утконосов) почти всегда «в пути» — не только всю ночь напролет, но и большую часть дня, особенно в хорошую погоду.

Оказывается, эти странные животные умеют бегать на задних лапах! Зоолог Майкл Шарлэнд, гуляя однажды на Тасмании

по лесу, увидел возле тропинки молодую ехидну, как всегда деловито обнюхивающую землю. Почувствовав сотрясение почвы от приближающихся шагов, застигнутый врасплох зверек поднялся на задние лапки, постоял так несколько секунд как бы в нерешительности и потом испуганно кинулся в кусты, причем бежал он тоже на задних лапках.

«Это выглядело весьма потешно», — рассказывает М. Шарлэнд.

Для Австралийского континента описано три подвида ехидн, однако ничем существенным эти животные друг от друга не отличаются. Ехидны, обитающие на Тасмании, по утверждению некоторых ученых, крупней материковых, но другие исследователи это оспаривают. На Новой Гвинее помимо одного подвида пятипалых материковых ехидн встречаются еще три подвида другого вида, со значительно удлиненным хоботом (*Zaglossus*). У этих животных шерсть гораздо гуще и длиннее, у некоторых на первый взгляд даже трудно различить иголки. Эти «новогвинейцы» действительно крупнее материковых видов: они достигают от 45 до 75 сантиметров в длину и весят от 5 до 10 килограммов. Одно такое животное в Лондонском зоопарке, ожиревшее в неволе, весило даже целых 16 килограммов.

Прежде в Австралии некоторые жители охотно ели ехидн: ведь находились же и у нас в Европе любители полакомиться ежами! Однако у некоторых племен, например у аранда, молодежь не решалась отведать этого деликатеса, потому что существовало поверье, что от мяса ехидны появляются седые волосы. Впрочем, то же самое свойство приписывалось мясу еще нескольких диких животных. По-видимому, подобное поверье облегчало старым и слабым людям из этого племени добывать себе пищу.

Е. Тротону как-то пришлось отведать блинчиков, поджаренных на жире ехидны. «По-видимому, это одна из тех неприятностей, — пишет он, — которая может постигнуть любознательного исследователя позвоночных, пользующегося услугами не в меру изобретательного повара...»

А со знаменитым утконосом мне впервые удалось познакомиться не на его родине, в Австралии, а в Нью-Йоркском зоопарке. Между прочим, большинство людей, которым вообще довелось увидеть живого утконоса, встречало его именно там.

Этих редчайших животных трижды удавалось вывезти за пределы Пятого континента и демонстрировать восторженной заокеанской публике.

Однако этого не удалось бы сделать, если бы не Гарри Баррел. Только благодаря необыкновенным стараниям этого австралийского зоолога удалось перевезти столь капризных, привередливых и прожорливых пассажиров через океан. Еще в 1910 году Гарри Баррел изобрел и построил специальный переносной резервуар с присоединенным к нему лабиринтом, через туннели которого утконос мог попадать в свою «нору». Туннели были перекрыты резиновыми шлюзами, протискиваясь сквозь которые животное выжимало воду из своей шкуры. В природных условиях утконос проделывает это, залезая в узкие земляные проходы, где почва впитывает всю влагу.

Первый пленник Баррела ускользнул от него на шестьдесят восьмой день, но зато второго ему удалось экспонировать в течение трех месяцев в Сиднейском зоопарке. Правда, потом у него лопнуло терпение с ними возиться. Дело в том, что из-за пяти утконосов, которых вначале содержал Баррел, ему приходилось по шесть часов в день орудовать лопатой и сачком, чтобы раздобыть для своих питомцев два фунта дождевых червей, крабов, личинок жуков и водяных улиток, необходимых для их прокорма. Когда у него осталось только одно животное, оказалось, что оно без труда съедает порцию корма, рассчитанную на пятерых.

Потом началась первая мировая война, а спустя несколько лет после ее окончания известный звероторговец Элис Джозеф подбил Гарри Баррела снова заняться утконосами. Джозефу хотелось во что бы то ни стало привезти живого утконоса в Соединенные Штаты. И действительно, 12 мая 1922 года он погрузил на пароход вместе с большой коллекцией других животных и пять самцов утконоса, помещенных в «барреловский резервуар». Со всем этим грузом он и отбыл в Сан-Франциско. Разумеется, не была забыта и огромная кошелка с дождевыми червями. Через 49 дней, когда судно прибыло в порт назначения, из пяти утконосов остался в живых лишь один, а черви все были съедены. Элису Джозефу понадобилось несколько дней на то, чтобы раздобыть новых дождевых червей, после чего он погрузился на поезд и благополучно добрался до Нью-Йорка.

Его приезд вызвал целую сенсацию. Утконоса демонстрировали публике только по одному часу в день, поэтому, чтобы посмотреть на заморское чудо, надо было выстоять в огромной очереди. Эта очередь медленно проходила мимо открытого бассейна, в котором плавал утконос. Доктор Вильям Хорнедей, бывший тогда директором зоопарка, жаловался, что ему ежедневно приходится выкладывать четыре, а то и пять долларов на пропитание одного такого маленького «постояльца». Утконос получал полфунта червей, сорок креветок и сорок личинок майского жука. Кстати, порция, как теперь выяснилось после многих исследований, совершенно недостаточная для этого животного. Однако в то время директор писал:

«Право же, трудно поверить, что столь небольшое животное способно поглощать такую уйму корма. Ничего подобного мне не приходилось встречать среди млекопитающих животных».

Спустя 47 дней, 30 августа 1922 года, утконос погиб. Однако даже кратковременное пребывание этого необыкновенного животного в Нью-Йоркском зоопарке вызвало огромный интерес и большое оживление.

Более значительных успехов в содержании этих животных в неволе добился Роберт Иди, директор частного зоопарка Коллина Маккензи, расположенного в Хилсвилле, близ Мельбурна. Своего знаменитого Сплэша ему удалось продержать там в неволе четыре года и один месяц (с 1933 по 1937 год). Содержался он в специальном сооружении, оборудованном для него по эскизу Баррела.

Зоопарк в Хилсвилле не отличается разнообразным подбором животных, но зато он расположен в одном из самых красивых мест Австралии. Находится он прямо посреди живописнейшего леса. Экспонируются здесь только отечественные животные, причем в условиях, очень близких к естественным.

Когда в 1938 году директором этого зоопарка стал Дэвид Фли, он поместил двух утконосов Джил и Джека в искусственном водоеме, в котором самка Джил могла рыть себе гнездовые камеры в земляной дамбе.

Как-то сентябрьским днем (когда в Австралии весна) Джек схватил свою шустрю подружку за голый и плоский, как у бобра, хвост, и они стали стремительно плавать по кругу. Таким способом утконосы выражают свою любовь. В середине ок-

тября они спарились, а 25 октября Джил забралась в свою земляную нору высиживать потомство.

Теперь мы уже знаем, что, залезая для кладки яиц в нору, самка утконоса втаскивает туда охапки мокрых листьев, причем метод переноски их очень оригинален: самка прижимает листья к животу подвернутым под себя хвостом. Вход в нору она изнутри запечатывает землей. И только после этого откладывает от одного до трех яиц, но чаще всего два. Для насиживания самка сворачивается клубочком или же ложится на спину и кладет себе яйца на живот, на теплую шкуру. У нее нет на животе сумки, в которой она могла бы таскать своих детенышей. Для этого водного животного сумка и не имела бы большой пользы.

Яйца утконоса напоминают воробьиные, только они более круглые; размер их — от 1,6 до 1,8 сантиметра. Оболочка яиц мягкая, и они легко склеиваются между собой. Вылупившиеся детеныши голые и слепые. Во время насиживания самка, как правило, по несколько дней не выходит из своего укрытия. Появляется она оттуда только затем, чтобы оправиться, помыться и увлажнить шкурку. Затем она снова исчезает в своей «келье» и тщательно баррикадирует вход землей. Детеныши отваживаются покинуть свое жилище только спустя четыре месяца. К этому времени они уже полностью обрастают шерстью и достигают 35 сантиметров в длину. Юные утконосы бывают весьма резвыми и шаловливыми и охотно играют даже с человеком.

Самка Джил умерла в Хилсвилле на десятом году жизни, а самец Джек дожил даже до семнадцатилетнего возраста.

Такой бесподобный успех в разведении утконосов в неволе не давал покоя администрации зоопарка Бронкса в Нью-Йорке. Было решено переманить Дэвида Фли в Нью-Йорк. Вскоре с ним заключили контракт, по которому он должен был отловить трех утконосов — самца и двух самок — и привезти их живыми в Нью-Йорк.

И действительно, 29 марта 1947 года Дэвид Фли, его супруга и три утконоса отбыли на пароходе в Бостон. Со времени первой поездки утконосов в Америку прошло 25 лет. Теперь плавание занимало уже не 49, а 27 дней. Но, несмотря на это, по дороге пришлось дважды пополнять запас дождевых червей. В Хилсвилле этих трех утконосов целый год приучали к содержанию в неволе. Поэтому они благополучно перенесли пу-

тешество и прибыли в Бостон здоровыми и невредимыми. Там их быстро погрузили на автомашины, и уже через три дня «заморское чудо» было выставлено для обозрения в Нью-Йорке. Вот этих-то животных мне и довелось увидеть во время поездки по Америке.

Над привезенными утконосами были проведены наблюдения, позволившие ближе ознакомиться с их биологией и повадками. Так, например, выяснилось, что эти животные заходят только в теплую (выше 15°) воду. Если же температура воды ниже 10°, они предпочитают оставаться на берегу. Каждый утконос весом в 1,5 килограмма съедает ежедневно 540 граммов дождевых червей, от 20 до 30 раков, 200 мучных червей, двух небольших лягушек и два яйца. Такое содержание утконосов стоило наверняка побольше 45 долларов, которые вынужден был когда-то тратить бывший директор Нью-Йоркского зоопарка, сетовавший на дороговизну пропитания утконосов. Зимой червей приходилось привозить на самолете из Флориды. Двое из этих животных прожили в Нью-Йорке больше десяти лет, следовательно, достигли одиннадцатилетнего возраста.

А Дэвид Фли вернулся в Австралию и поселился близ Брисбена в штате Квинсленд, известном своим благодатным климатом. Там я и посетил его во время пребывания в Австралии. У него частный зоопарк, на территории которого стоит его опрятный деревянный домик. За чашкой кофе он рассказал мне историю следующего, третьего по счету завоза утконосов в Америку, на этот раз уже самолетом.

Когда умер последний утконос, Нью-Йоркский зоопарк заказал Дэвиду Фли трех новых, чтобы заселить ими свой осиротевший водоем. Предыдущий отлов утконосов (в 1946 году) не составил особого труда. Животных поймали в ближайших окрестностях Хилсвилла, и было их вначале целых 19, из которых уже потом отобрали трех самых сильных и выносливых.

Но на этот раз дело значительно осложнилось. Во-первых, понадобилось специальное разрешение на вывоз утконосов, даже два таких разрешения от правительственных органов Квинсленда и Академии наук Австралии: ведь утконосы сейчас в числе наиболее строго охраняемых животных Австралии. Кроме того, не повезло с погодой: никак не хотел начинаться сезон дождей, ручьи и реки все мелели и мелели, в их сухих

руслах оставались только редкие бочажки, а то и просто топкие мутные лужи. Было похоже на то, что для утконосов год выдаться тяжелый. Самки даже не приступали к рытью гнездовых нор. Обычно вход в такую нору находится примерно на 30 сантиметров выше поверхности воды. Животное залезает туда насквозь мокрым, а вылезает уже совершенно сухим: земля впитывает в себя всю влагу.

Местность, в которой Дэвид Фли со своими помощниками разыскивал утконосов, была сильно изрезана непроходимыми оврагами и ущельями. Стояла невыносимая жара, мошкара жалила ловцов самым беспощадным образом, иногда ее даже нельзя было прогнать, потому что, завидя на берегу утконоса, нельзя шевелиться. Малейшее движение — и чуткое животное бултыхнется в воду и мгновенно исчезнет из виду.

Бодрствуют утконосы обычно рано утром и поздно вечером. Большой же частью они неподвижно лежат на воде, и течение их несет, словно кусок бревна. Обнаружив добычу, они ныряют, плеснув по воде своим широким, как весло, хвостом. Когда утконос находится под водой, его глаза и уши прикрывают кожные складки, так что ориентируется он там только при помощи органов осязания. Особенно чувствителен у этого животного его длинный «утиный клюв» — так ошибочно называли когда-то в Европе на самом-то деле совершенно мягкий нарост на голове утконоса. Дело в том, что впервые привезенные в Европу шкурки утконосов имели головы с высохшими, действительно напоминавшими клюв носами.

Под водой утконос держится обычно не более одной минуты, а потом выныривает, чтобы набрать в легкие воздуха. Испугавшись, он может просидеть под водой и пять минут. Все, что утконос собирает — личинок, мелких крабов, улиток, небольших рыб, — он наподобие хомяка запихивает в свои защечные мешки. Туда же он набирает мелких камней и песку — видимо, для лучшего измельчения и перетирания пищи. Добычу покрупней, например раков, утконосы выносят на берег. Звуков они почти никаких не издают, если не считать тихого урчания. От них исходит «лисий запах», который испускают специальные железы, расположенные у основания шеи, однако на воле для человеческого обоняния он практически неуловим. Норы их имеют множество ходов и ответвлений. Так, гнездовая камера находится иногда в семи метрах

от входа да еще может иметь боковые ходы протяженностью 18 метров. Поэтому глупо надеяться «выкопать» такое животное из его убежища: оно все равно улизнет.

Однако теперь от всех этих познаний толку было мало. Несколько недель провел Дэвид в самой дикой местности, исколесил на машине 13 тысяч километров — и никакого толка. А из Нью-Йорка тем временем одна за другой летели телеграммы, призывающие поторопиться, напоминающие о сроках, наконец, выражающие удивление, недоумение, неудовольствие... Но вот наконец по прошествии трех месяцев поймана первая парочка утконосов — самец и самочка. Правда, заказаны три детеныша: один самец и две самочки, но вторую самочку никак изловить не удавалось.

Теперь предстояло проверить, смогут ли эти животные перенести воздушное путешествие: ведь на этот раз решено было переправить их в Америку самолетом. Для пробного полета до Брисбена и обратно (в общей сложности 180 километров) взяли нескольких взрослых животных из зоопарка. Утконосы отправились в путь в ящиках, выстланных свежей травой. Когда они вернулись домой, оказалось, что одна из самок до того переволновалась, что едва дышала, и, чтобы спасти ей жизнь, ее пришлось выпустить на волю.

Однако с отлетом в Нью-Йорк надо было поторапливаться, потому что наступавшая в Америке весна для Квинсленда ничего хорошего не предвещала — здесь, наоборот, надвигалась зима. А зимой вряд ли кому захочется залезать в холодную воду и плавать, расставляя капканы.

Пять тысяч дождевых червей и столько же мучных было решено отправить вперед багажом, чтобы они дожидались утконосов на Гавайях, где будет промежуточная посадка. Но тут возникло новое затруднение. На Гавайские острова запрещен завоз какой бы то ни было земли, а червей можно везти только в ящиках с землей, иначе они подохнут.

Что же делать? Решили проверить, как отнесутся утконосы к чисто вымытым червям. Они к ним даже не притронулись. Тогда пришлось багаж с червями отправить на неделю раньше, для того чтобы сопровождавший их работник мог засыпать их на острове уже гавайской землей. А туда их повезли в чистых полиэтиленовых мешках. Вот сколько хлопот!

Итак, парочку юных утконосов и еще одну самку, которую случайно удалось поймать перед самым отъездом на выгоне для коров, сопровождал целый эскорт: супруги Фли, экипаж самолета, служитель зоопарка, а также 10 тысяч дождевых червей, 25 тысяч мучных червей и 550 раков. В таком составе все благополучно прибыли из Брисбена в Сидней. Но там оказалось, что большой трансконтинентальный самолет на два дня задерживается. А это означало, что прожорливые воздушные пассажиры слопают свой дорожный провиант раньше, чем попадут в Нью-Йорк. Опять полетела телеграмма в Уэстберлей: «СОС. Срочно высылайте червей».

И уже следующим рейсом прибыла новая партия дождевых червей — опять несколько тысяч штук и еще в придачу 50 раков.

Как только мощный самолет поднялся в воздух, необычные пассажиры сразу же ужасно заволновались, а два часа спустя они уже как бешеные носились по своему резервуару, кидались на стенку, цеплялись за нее и шлепались назад в воду. Разумеется, их напугал страшный гул четырех мощных моторов, ревущих в непосредственной близости от стены, возле которой стоял резервуар. Такого шума утконосы совершенно не переносят.

Во время первой промежуточной посадки на Фиджи Дэвид Фли, заглянув в резервуар, не обнаружил там ни Памелы, ни Пауля, ни третьей самки. Оказалось, что все они попрятались в свои «норы» — искусственные отсеки с сухой подстилкой. На Гавайях супруги Фли вышли для таможенного досмотра и медицинского освидетельствования. Тем временем инспекторы карантинной службы вытащили из самолета резервуары с водой, да так бесцеремонно их переворачивали, что вода залила отсеки с сухой подстилкой. Супругам Фли срочно пришлось вытаскивать мокрую траву и заменять ее сухим сеном. Но самое главное — утконосы были живы и даже несколько приободрились, почувствовав под собой твердую почву. А в воскресенье утром их уже встречали на Нью-Йоркском аэродроме все ведущие специалисты зоопарка Бронкса. Так закончилось третье путешествие утконосов из Австралии в Америку.

К сожалению, с таким трудом доставленные животные на этот раз прожили в зоопарке только восемь месяцев.

Пока что эти интересные представители австралийской фауны все еще остаются довольно малоизученными. Выяснилось, например, что в раннем возрасте и у самок есть шпоры, просто

они потом исчезают. Едкое вещество, которое у взрослых самцов выделяется из особых желез и через полую шпору впрыскивается в рану, отнюдь не безобидно. Как-то один самец, содержащийся в водоеме вместе с самкой, рассердившись, напал на нее, и та чуть не погибла от отравления. Служитель зоопарка, которого утконос уколол своей шпорой, от нестерпимой боли даже упал на землю. Рука его до самого плеча сильно распухла, и в течение нескольких месяцев этот человек ощущал постоянную слабость и другие последствия отравления.

Сегодня ни утконосов, ни ехидн нельзя считать вымирающими или находящимися под угрозой исчезновения. Естественных врагов у этих животных в Австралии почти нет, на них могут позариться разве что ковровый питон, лисица или сумчатый дьявол. Некоторые утконосы гибнут в вершах рыбаков: они заплывают туда, а выхода уже не находят, поэтому не могут подняться наверх за необходимой порцией воздуха и задыхаются. До сих пор никак не удается убедить рыбаков пользоваться вершами с отверстием наверху.

Впрочем, с 1905 года утконосы находятся под полной охраной государства и с тех пор уже довольно успешно размножились. Встречаются они до высоты 1650 метров над уровнем моря. Больше всего их на Тасмании. Там утконосов встречают даже в пригородах столицы — города Хобарта. Зоолог Шарлэнд считает, что замысловатые лабиринты утконосов с гнездовыми камерами можно найти даже под улицами предместий. Но не надо думать, что любому прогуливающемуся дачнику так просто увидеть утконоса — нельзя забывать, что это весьма осторожное животное, ведущее преимущественно ночной образ жизни.

Еще шире распространена ехидна. Я бы даже сказал, что это одно из наиболее многочисленных диких животных Австралии. То и дело я находил их задавленными на шоссе на дорогах.

Я не уверен в том, что благополучие с этими животными целиком связано с законом об охране эндемичной фауны. Я поехал по Австралии, и у меня создалось впечатление, что эти законы не слишком-то строго соблюдаются... Здесь любой

человек имеет право купить себе в магазине ружье и, отъехав на пять миль от городской черты, палить во что ему вздумается. Дело просто в том, что у ехидны и утконоса есть некоторые преимущества перед другими животными: у них никуда не годная шкура, которую никому нельзя продать, в них слишком мало мяса, и оно не очень вкусное; ну и, конечно, их скрытный, ночной образ жизни. Но самым решающим моментом все же надо считать то, что даже самому вздорному и необразованному фермеру не придет в голову заподозрить этих зверей в том, что они убивают ягнят или поедают овечий корм.

Ведь тем животным, которым в Австралии припишут подобные прегрешения, не поможет никакой закон об охране природы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О ТОМ, КАК ВЕРБЛЮДЫ ЗАВОЕВАЛИ АВСТРАЛИЮ

«Золотая лихорадка» на Пятом континенте.— Великие открыватели Австралии, которых надо знать.— Как важно оставить зарубку на дереве.— В живых остался один.— Верблюду австралийцы обязаны поставить памятник

Что это? Лошадь в самом сердце неисследованной Внутренней Австралии? Велико же было удивление Альфреда Уильяма Хоуита, отправившегося на поиски пропавшей экспедиции Берка, когда он сначала обнаружил на песке следы копыт, а затем увидел и лошадь, самую настоящую домашнюю лошадь, пасущуюся посреди необитаемых степей. Да, это была целая сенсация, немало тогда всех взбудоражившая.

Река Куперс-Крик, пересекающая границу между нынешними штатами Южная Австралия и Квинсленд,— река обманная, и доверять ей нельзя. Берега ее прельщают путника зе-

ленью трав и высоких молчаливых эвкалиптов, разглядывающих свое отражение в водном зеркале, однако и вода и зелень здесь недолговечны. Вода наполняет русло только в сезон дождей, а затем исчезает, растворяется в вечно жаждущей влаги раскаленной каменисто-песчаной пустыне Внутренней Австралии. В засушливый сезон от всей реки остается лишь несколько жалких бочажков. А покинутые ею печальные берега до самого горизонта уходят в бесконечную, безотрадную и безжалостную пустыню. Пустыню без конца и края.

Трех человек потеряла экспедиция Роберта О'Харра Берка в своем отчаянном стремлении оторваться от русла Куперс-Крика, и еще четырех пришлось закопать в рыхлый песок во время шестидесятитрехдневного перехода от реки Дарлинг к Куперс-Крику, который совершил Вильям Райт, надеясь оказать помощь авангарду этой экспедиции.

А несколько позднее туда же направился и Хоуит, который, достигнув условленного места на Куперс-Крике, должен был дать знать в Мельбурн, удалось ли ему обнаружить какие-либо следы экспедиции Берка. Для связи с Мельбурном были захвачены четыре почтовых голубя, которые вместе со всеми проделали тяжелый, утомительный путь в несколько сот километров в деревянных ящиках, прикрепленных к седлам верблюдов.

Но когда Хоуит достал голубей из ящиков, оказалось, что дорогой они сильно обтрепали рулевые перья и лететь не в состоянии. Тогда ему пришла в голову блестящая идея. Подстрелив нескольких диких голубей, он выдернул у них хвостовые перья, надрезал у основания и, обмакнув в расплавленный воск, надел на стержни обтрепанных перьев своих мельбурнских голубей.

Против всяких ожиданий эксперимент удался наилучшим образом. «Починенные» столь необычным способом «почтальоны» уже на следующее утро были готовы к отлету. Каждому голубю прикрепили к лапке металлическую гильзу с запиской и отпустили на волю. Только они взмыли кверху, как с голубых небес, откуда ни возьмись, на них ринулось несколько больших соколов. Но хищникам удалось поймать и задушить лишь одного голубя. Два других стремглав умчались прочь, а четвертый спасся, спикировав неподалеку в крону дерева. Его нашли еле живым от страха под кустом. Он затаился там чуть дыша,

потому что вблизи сидел подкарауливающий его сокол. Этот голубь был так напуган, что впоследствии вообще перестал летать и, когда его подбрасывали кверху, тотчас же опускался на ближайшее дерево. Так и не удалось заставить его улететь домой.

А одиноко пасущуюся лошадь Хоуиту хотя не без труда, но все же удалось изловить. Она оказалась достаточно хорошо упитанной, но сильно одичавшей. Позже выяснилось, что у нее сломано ребро (по-видимому, от удара бумеранга или дубины), а во время ловли ее снова поранили, так что, к сожалению, она вскоре издохла.

Это была та самая лошадь, которая 16 лет назад сбежала от путешествовавшего здесь исследователя Внутренней Австралии Чарлза Стерта. А ведь лошади, как и люди, — существа стадные, нуждающиеся в общении со своими сородичами. Поэтому можно себе представить, как тягостно проходили для нее эти бесконечные годы молчаливого одиночества. Блуждая по пыльно-зеленой долине Куперс-Крика, окруженной со всех сторон бескрайней пустыней, она, должно быть, с тоской следила за весенним перелетом черно-белых пеликанов и цапель, за стаями галдящих розовых какаду, летящих с севера на юг. Этот весенний пролет происходит здесь в октябре. А в мае, к началу зимы, когда наконец начинаются благодатные дожди, все эти птицы появляются снова, но теперь уже летят в обратном направлении — с юга на север. И так год за годом. Шестнадцать долгих лет эта одинокая, одичавшая лошадь не видела ни других лошадей, ни белых людей. Так во всяком случае можно было предположить.

А появилась она здесь вот каким образом. Богобоязненный Чарлз Стерт, сын британского судьи, родившийся в 1795 году в Индии, задумал пересечь Австралию. В 1844 году он вышел из столицы Южной Австралии Аделаиды и направился напрямиком на север. Его сопровождало 12 человек, 11 лошадей с телегами, 30 волов и 200 овец. Он вез с собой и парусную лодку, поскольку надеялся открыть в Центральной Австралии огромное озеро, о котором тогда шло много разных толков.

Здесь, возле Куперс-Крика, ему пришлось пережить ужасно засушливое лето. В это время (с декабря по февраль) среднемесячная температура достигала 40 градусов в тени. Сушь была такая, что из разохшихся ящиков выпадали все

шурупы, роговые гребни и рукоятки инструментов расщеплялись на мелкие пластиночки, из карандашей вываливались грифели, волосы на головах людей и шерсть на овцах переставали расти, а ногти делались ломкими, как стекло. Мука потеряла восемь процентов своего веса, а другие продукты теряли еще больше. Писать и рисовать стало почти невозможно, потому что чернила в ручках и краска на кисточках мгновенно пересыхали.

Когда жара несколько спадала, Стерт вместе со своим молодым помощником Джозефом Каулем делал упорные попытки проникнуть на север, в глубь континента. Им удалось пересечь страшную пустыню Симпсон и проникнуть в местность, расположенную северо-западнее популярного ныне курорта Алис-Спрингс. Для экономии воды они стали делать свои вылазки из основного лагеря пешком, ведя за собой только одну-единственную лошадь с повозкой, в которой находился запас провианта и воды. На своем пути они на определенном расстоянии оставляли канистры с водой, чтобы иметь возможность воспользоваться ими при возвращении.

«Я был вынужден ограничить порцию воды для лошади двадцатью семью литрами,— пишет в своем дневнике Ч. Стерт,— хотя она привыкла выпивать от 110 до 135 литров и, следовательно, такого небольшого количества ей явно не хватало. Мы прошли не очень много миль, когда животное стало проявлять явные признаки полного изнеможения, теперь лошадь больше спотыкалась, чем шла. А кругом ничто не менялось: до самого горизонта все тот же песок и колючее растение спинифекс. Мне кажется удивительным, что такой однообразный ландшафт может тянуться так бесконечно долго и без малейшего изменения. Мы с Джозефом прошагали весь день, наши ноги были все исколоты колючками спинифекса, но я все-таки не сделал бы привала, если бы наша бедная лошадь Панч чувствовала себя не так плохо. Мы пришли к выводу, что тащить и дальше за собой повозку означает неминуемую гибель верного Панча.

На другое утро нам еле удалось поднять лошадь на ноги, несмотря на то что я постарался дать ей как можно больше воды. Ее находчивость и настойчивость при поисках чего-либо съестного была просто удивительной. Пока мы сидели на земле и пили утренний чай, она несколько раз обошла вокруг по-

возки, старательно обнюхивая все ящики и пытаясь просунуть свой нос в щели, при этом она бесцеремонно перешагивала прямо через нас и постепенно становилась все навязчивее. Невозможно было смотреть в ее глаза — они умоляли о помощи, и в них был такой немой укор, на который способны только животные.

И тем не менее я даже доволен, что лошади несвойственна та самоотверженная привязанность к человеку, которую проявляет собака. Лошадь — животное эгоистичное и корыстное. Как бы заботливо ты к ней ни относился — для нее важнее всего еда. Когда лошадь голодна, она старается вырваться и попасть на воле. Нет такой лошади на свете, которая бы, как собака, неотступно сопровождала своего хозяина до самой горькой его кончины, не отходя от него ни на шаг, и, изнемогая от голода и жажды, была бы готова идти на верную гибель ради того, кто ее когда-то вскормил. Нет такой лошади. Отпусти только лошадь ночью нестреноженной — и где ты ее найдешь утром, и найдешь ли ее вообще — сказать трудно. А ведь бывают случаи, когда от этого зависит твоя жизнь.

На обратном пути мы добрались до русла реки 14-го утром. В запасе у нас оставалось всего пять литров воды. Правда, она отстоялась и выглядела теперь значительно чище, чем в той грязной луже, откуда мы ее набирали. Наша измученная лошадь едва передвигала ноги, но, увидев старую колею, явно повеселела, насторожила уши и прибавила шагу. В лагере все были поражены, до чего же она исхудала. Лошадь так и не оправилась после этого похода».

Во время всех последующих вылазок экспедиция Стерта попадала в бесконечные долины, густо заросшие колючим спинафлексом, и лошадям приходилось очень осторожно передвигаться, чтобы не пораниться об его острые шипы. Одна из лошадей не вынесла экспедиционных тягот и сбежала. Все члены экспедиции заболели цингой, от которой двое даже скончались. В 1846 году упавшему духом Стерту пришлось свернуть лагерь и вернуться обратно, так и не достигнув севера Австралии и не обнаружив предполагаемого в самом центре континента озера. Тем не менее путешествие принесло ему мировую известность, он был награжден золотой медалью Лондонского Королевского географического общества. В 1853 году он вернулся в Англию, где шестнадцать лет спустя и умер.

А сбежавшая от него лошадь тем временем коротала свои дни на Куперс-Крике.

Кто из нас, европейцев, может похвастаться тем, что хорошо знаком с историей открытия Австралии и знает ее первооткрывателей? Имена этих отважных людей как-то прошли мимо нас, потому что их затмили знаменитые исследователи Африки, о которых так много писалось и говорилось в последнее столетие. Не было в Австралии и черных королевств, как у истоков Нила, которые можно было бы открыть и завоевать, не было там и громадных внутренних озер, и будоражащего воображение богатого и разнообразного животного мира. Ничего этого в Австралии не оказалось. Однако исследователи Австралии ничуть не менее исследователей Африки достойны славы и признания, потому что были столь же одержимы своей идеей, самоотверженны и беспредельно мужественны.

Возможно, что «лошадь-робинзон» спустя два-три года все же видела белых людей и своих сородичей — сопровождавших их лошадей, но этого теперь никто не узнает. А могла она их увидеть вот почему.

Фридрих Вильгельм Людвиг Лейхгард, уроженец Пруссии, обучаясь в Гёттингене и Берлине, познакомился с англичанином Джоном Никольсоном. Вскоре его пригласили погостить в семью друга, и Лейхгард отправился в Англию. Поскольку в Германии в это время наступили времена реакции, вольнодумно настроенный молодой человек, не желая признавать воинской повинности, ожидавшей его в Пруссии, решил домой не возвращаться. Он увлекся путешествиями и долгое время бродил по Франции, Швейцарии и Италии. А в 1841 году семейство Никольсона, принимавшее в нем дружеское участие, снабдило его деньгами для поездки в Сидней.

Там он рассчитывал получить должность научного консультанта при правительстве, но это ему не удалось. Тогда Лейхгард на собственный страх и риск решил отправиться (совершенно один) в глубь континента. Он прошел более тысячи километров по совершенно дикой местности — от Нового Южного Уэльса до Моретон-Бея в Квинсленде. Год спустя его назначили руководителем экспедиции, финансируемой частным образом. Эта экспедиция должна была проделать невероятно долгий путь от хребта Дарлинг до Порты-Эссингтона, расположенного на северном побережье Австралии.

Пройдя около пяти тысяч километров по тропической Северной Австралии, Ф. Лейхгард в 1845 году достиг цели своего путешествия — Порт-Эссингтона. Встретили его там со всеми надлежащими почестями. Он был объявлен национальным героем, получил золотые медали географических обществ в Лондоне и Париже, а прусское правительство простило ему то, что он в свое время уклонился от воинской повинности. Его спутник, английский орнитолог Джон Гилберт, во время этой экспедиции был убит туземцами.

В декабре 1846 года Лейхгард возглавил новую экспедицию, которая, выйдя из Сиднея, должна была пересечь весь континент с востока на запад и добраться до главного города Западной Австралии — Перта. Однако ему пришлось вернуться. В феврале 1848 года он сделал вторую попытку. Предполагают, что на этот раз экспедиция достигла русла реки Куперс-Крик. Но что с ней случилось после этого, до сих пор никому не известно. Семь человек со всеми вьючными животными и снаряжением исчезли, словно растворились в бескрайней пустыне Внутренней Австралии. И по сей день спустя более столетия никому не удалось хоть что-нибудь узнать о судьбе этой экспедиции.

Пока строптивой лошади Стерта, пасущейся на берегах Куперс-Крика, снова пришлось увидеть своих сородичей, прошло еще 12 лет. За этот отрезок времени, между 1850 и 1860 годами, в Австралии произошли немаловажные события.

Все мы немало наслышаны о «золотой лихорадке» в Калифорнии. Однако о том, что в то время происходило на юге Австралии, нам на уроках истории не рассказывали, и поэтому мы не в курсе дела. А происходили там события отнюдь не безынтересные и весьма значительные для всей страны.

В январе 1851 года после восемнадцатилетней отлучки вернулся из Соединенных Штатов на родину в Новый Южный Уэльс некто Э. Харгревс. Приехал он с Калифорнийских золотых копей и потому пребывал в характерном для тех мест нервозном состоянии «золотой лихорадки». Не обладая никакими геологическими познаниями, он вообразил, что поскольку холмы Нового Южного Уэльса удивительно напоминают «золотоносный» ландшафт Калифорнии, то и в австралийской земле должно лежать золото. И, не обращая внимания на всеобщее недоверие и насмешки, он нанял опытного про-

водника из аборигенов (который, кстати, тоже нисколько не верил во всю эту затею) и отправился вместе с ним искать золото. Дойдя до притока реки Маккуори, Харгрэвс заявил, что золото должно лежать здесь, прямо у них под ногами. Накопав земли и насыпав ее в сито, он промыл породу в близлежащем бочажке и закричал:

«Вот же оно! Запомни, этот день станет знаменательным в истории Нового Южного Уэльса! Меня сделают бароном, тебя — дворянином, а из моей старой лошади посмертно делают чучело, которое в стеклянном ящике будет выставлено в Британском музее!»

15 мая 1851 года сообщение об этом сенсационном открытии появилось в утренней газете «Sydney Morning Herald». Сейчас же весь город охватила «золотая лихорадка». Повторилось все то же самое, что было в Америке: государственные служащие, рабочие различных фирм и фабрик — все побросали свою работу и ринулись сломя голову в поисках удачи. Цены на продовольственные товары стали повышаться с каждым днем. Многие магазины перешли на торговлю снаряжением для золотоискателей: калифорнийскими широкополыми шляпами, кирками, ситами.

В августе богатые золотые россыпи были обнаружены возле Балларата, и «золотая лихорадка» переместилась в Мельбурн и Джилонг, из которых вскоре ушло почти все мужское население. В портах качались на волнах неразгруженные суда, потому что все команды во главе с капитанами разбегались на поиски «золота, валявшегося под ногами». Но уже в декабре, когда летняя жара начала становиться все нестерпимей, большинство золотоискателей стало возвращаться назад, не выдержав трудностей и лишений походной жизни. Зато по улицам Мельбурна все чаще фланировали дочери удачливых старателей, разряженные в наимоднейшие платья самых пестрых рисунков, а солидные матроны, проплывая, оставляли за собой шлейф запахов самых дорогих духов. Сами же золотоискатели, сжимая в руках толстые пачки банкнот, кутили в пивных.

Весть об австралийских золотых россыпях быстро облетела весь мир. В Европе начали драться за места на пароходы, отбывающие на новый континент. Австралийцы, которых «золотая лихорадка» в свое время выманила в Калифорнию, спеш-

но возвращались на родину, а вместе с ними приехало и много американцев.

Золотоискатели промышляли обычно группами от четырех до шести человек. Спали они под открытым небом или, в лучшем случае, в парусиновой палатке, работали, как звери, и ничего не могли себе позволить лишнего в этих суровых условиях. К тому же правительство учредило специальную полицию, которая должна была сохранять порядок среди такой случайной разношерстной публики. Чтобы финансировать такую охрану, правительство установило довольно большой налог (в один фунт), без которого не выдавалось разрешения на право добывать золото.

Поначалу золото кое-где действительно «валялось под ногами»: иногда удавалось поднять с земли сразу целый слиток. Но вскоре все было обшарено, и, чтобы найти золото, приходилось все глубже зарываться в землю и все тщательней промывать породу. Поэтому золотоискателям становилось трудней платить государственные налоги. Они объединились в своего рода корпорацию, которая повела борьбу за всеобщее и равное избирательное право, в то время как старожилы — землевладельцы и бюргеры новых колоний — хотели завести у себя свою «палату лордов» по английскому образцу, в которой места распределялись бы в зависимости от ранга и имущественного состояния. А разгорелась эта борьба после того, как британское правительство предложило богатеющим австралийским колониям выработать свою собственную конституцию.

Осенью 1854 года дело дошло до восстаний на золотых приисках, а в декабре старатели так взбунтовались, что командир войсковой части города Балларата отдал приказ стрелять по ним. При этом 25 человек было убито и 30 ранено: только с большим трудом удалось удержать солдат от дальнейшей кровавой бойни.

К концу десятилетия начались эксцессы с китайцами, огромная лавина которых хлынула на золотые прииски Виктории. Среди 23 тысяч китайцев было только шесть женщин, и китайских мужчин начали обвинять в аморальном поведении — преследовании австралийских женщин. Но основная причина недовольства населения крылась в том, что незваные гости вывозили все австралийское золото в Китай.

Как и в Америке, «золотая лихорадка» вызвала бурный расцвет нового континента. С 1851 по 1861 год население здесь возросло более чем в два с половиной раза (с 437 тысяч человек до 1168 тысяч). Виктория, бывший округ колонии Новый Южный Уэльс, стал самостоятельной колонией, вскоре превзошедшей по числу населения и по значимости в Британской империи «материнскую» колонию. Население Виктории увеличилось за это десятилетие с 97 тысяч до 589 тысяч, в то время как население Нового Южного Уэльса с 197 тысяч возросло лишь до 337 тысяч.

В 1853 году один американец ввез в страну новые экипажи на рессорах. С этого времени расстояния между Сиднеем и Мельбурном и оттуда до золотых приисков стали преодолевать значительно легче и быстрее. В 1854 году из Вильямстауна в Мельбурн отправился первый паровоз; в 1855 году появились пригородные поезда, соединяющие Сидней с близлежащими районами, а в начале 60-х годов колея пошла еще дальше, в глубь нового континента. В 1856 году из Лондона в Мельбурн впервые отправился парусник с паровой машиной. Теперь этот долгий морской путь стал занимать меньше времени — 65 дней. К 1858 году была уже установлена телеграфная связь между Сиднеем, Мельбурном и Аделаидой. К концу десятилетия повсеместно удалось добиться всеобщего равного избирательного права без учета имущественного ценза.

Однако новые расцветающие колонии все еще выглядели словно маленькие оазисы по краям большого неисследованного континента. Их граждане, ставшие состоятельными, не желали больше считаться отсталыми провинциалами: они построили у себя театры, музеи, соборы, учредили различные научные общества. Когда газеты сообщали о новых значительных, поражающих воображение открытиях в Африке и других частях света, многие здесь чувствовали себя уязвленными. Кроме того, не смолкали слухи о том, что где-то внутри континента должны быть богатые, плодородные земли, еще ждущие своего открытия, и огромное озеро с пресной водой — что-то наподобие Средиземного моря. Такая мысль возникла давно, еще в самом начале заселения Австралии. А возникла она потому, что крупные реки на востоке страны текли с гор Большого Водораздельного хребта в западном направлении, в глубь неизведанной территории. Правда, зна-

менитый путешественник Чарлз Стерт еще в 20-х годах спускался то по реке Маккуори, то по Маррамбиджи и каждый раз попадал в реку Муррей, которая на южном побережье впадает в океан недалеко от Аделаиды. Но может быть, существуют еще другие реки, которые текут не на юг, а несут свои воды в сердце континента?

И вот в колонии Виктория, самой богатой среди всех австралийских колоний, к концу десятилетия возникла идея организовать исследовательскую экспедицию в глубь Австралии. Был создан специальный комитет, который в 1857 году собрал 9 тысяч фунтов стерлингов — сумму, для того времени довольно значительную. Однако, когда подсчитали все необходимые расходы, например на спасательные отряды и на обеспечение семей участников экспедиции, сумма выросла до 60 тысяч фунтов (это было больше, чем когда-либо расходовал Стэнли на свои грандиозные экспедиции в Африке). Основной упор делался на то, чтобы эта огромная экспедиция непременно числилась мероприятием колонии Виктория. Именно из-за этого ей не разрешалось быстро и более удобным путем подняться по рекам Муррей и Дарлингу (ведь тогда считалось бы, что она стартовала из колонии Южная Австралия). Нет, лучше уж пусть протащится пешком сотни миль, но зато от Мельбурна. По этому принципу подбирались и кандидатура на пост руководителя экспедиции: отказывались от людей с опытом работы во внутренних районах страны только потому, что они были гражданами других колоний. Руководителя искали путем объявлений в мельбурнской газете. Наконец Комитет большинством голосов выбрал полицейского интенданта Роберта О'Харра Берка, человека, не имеющего ни малейшего опыта в подобных делах.

Берк был ирландцем по происхождению, в молодости он служил в австрийской кавалерии, где быстро получил чин капитана. В Австралию он прибыл как раз во время беспорядков, вызванных «золотой лихорадкой», и благодаря безупречной службе очень скоро занял место полицейского офицера. Когда в Европе разразилась Крымская война, он подал в отставку, чтобы принять в ней участие, но из-за дальности расстояния опоздал: пока он добирался до Европы, война уже кончилась.

Возглавляемая им экспедиция была «самой дорогостоящей, отлично снаряженной, но самой непрофессионально организованной из всех австралийских экспедиций». На экспедицию же Стерта было отпущено только четыре тысячи фунтов, следовательно, она обошлась в 15 раз дешевле экспедиции Берка, к тому же во время нее погиб только один человек и две лошади.

Что было ново, так это участие в экспедиции Берка верблюдов. Сначала шесть «кораблей пустыни» приобрели у бродячего цирка, затем некоего Георга Ланделла снарядили в Индию, с тем чтобы он там закупил еще 25 штук.

Ланделл добрался до верблюжьих рынков Афганистана, откуда в сопровождении трех индийских погонщиков погнал купленных животных своим ходом к побережью. Они проходили по 80 километров в день. Перед погрузкой в Карачи Ланделл уговорил принять участие в экспедиции юного ирландца Джона Кинга. Джон Кинг, вступивший четырнадцатилетним мальчиком в британскую армию, незадолго до этого был свидетелем страшных зверств во время подавления восстания в Индии. Он видел, как мятежников привязывали к пушечным жерлам и залпами разрывали на куски. Поэтому юноша охотно согласился уехать. Кстати, это был единственный человек из всей экспедиции, который остался в живых после пересечения континента.

Ланделл доставил верблюдов и индийских погонщиков в полной сохранности в Мельбурн, где свое прибытие обставил весьма помпезно, явившись в красочном индийском облачении.

Однако никто не знал, как будут чувствовать себя верблюды в Австралии. Поговаривали о том, что какой-то вид дикого гороха может оказаться для них отравой. Их приобретение, вернее, поездка Ланделла и доставка всего транспорта в Мельбурн стоили уже огромных денег — 5500 фунтов. Ланделла включили в состав экспедиции как знатока по уходу за «кораблями пустыни». Так, например, он утверждал, что им необходимо ежедневно давать ром, поэтому пришлось тащить за собой 270 литров этого напитка.

Вероятно, комитет остановился на кандидатуре Берка в качестве руководителя экспедиции потому, что он был необычайно энергичен, обходителен и скромнен. Так, например, он безропотно согласился на то, чтобы Ланделл (весьма ко-

рыстный малый) получал значительно большее жалование, чем он сам. Недостаток опыта и научных знаний у Берка надеялись возместить тем, что отправили с ним в качестве помощников двух немецких ученых: мюнхенского врача и ботаника доктора Германа Беклера и естествоиспытателя Людвиг Бекера. К сожалению, Бекер, этот очень добросовестный ученый (кстати, один из лучших знатоков птиц-лирохвостов), для такого изнурительного путешествия оказался слишком старым — ему было уже 52 года.

19 августа 1860 года в Мельбурне закрылись все магазины, народ высыпал на улицу проводить небывалую экспедицию в путь. Все 18 участников ехали верхом на лошадях и верблюдах, а следом 25 лошадей и 25 верблюдов (шестерых заболевших верблюдов пришлось оставить в городе) тащили специально оборудованные повозки, способные якобы и плавать. Весь груз весил 21 тонну. В него входили кроме всего прочего 120 зеркал, два фунта бус, 12 палаток, 80 пар обуви, 30 шляп, семенной материал, книги, восемь тонн лимонного сока против цинги, 380 «верблюжьих бот», походные кровати и огромное количество сушеных и консервированных продуктов. От четвертой части этой поклажи пришлось отказаться уже при отбытии, и тем не менее на каждого верблюда нагрузили примерно по 150 килограммов.

Когда этот грандиозный караван проходил по колонии Виктория, со всех сторон сбегались любопытные. Даже двухметровый ковровый питон, лежащий близ дороги, с удивлением уставился на невиданное зрелище. Поскольку лошади никак не могли привыкнуть к верблюдам и всякий раз шарахались от них в сторону, пришлось их вести гуськом отдельной колонной на почтительном расстоянии от верблюжьего каравана.

Была еще зима, шли непрерывные дожди, дороги размыло, и несколько повозок вскоре сломалось. К концу сентября головная часть каравана наконец достигла Менинди на берегу реки Дарлинг, то есть крайней точки населенных в то время земель: остальная же часть экспедиции безнадежно отстала.

В Менинди возникли серьезные споры. Берк вскоре понял, что тащит за собой слишком много лишней поклажи, и стал распродавать кое-что из продуктов попадавшимися на пути поселенцам и овцеводам, в частности он продал весь ром, на котором так настаивал Ланделл. Тогда Ланделл и еще несколько

человек демонстративно ушли из отряда. Вместо них Берк зачислил в экспедицию новых людей, с которыми познакомился дорогой, и среди них некоего Чарлза Грея и совершенно неграмотного Вильяма Райта, бывшего владельца овцеводческой фермы. Этому человеку, на которого Берк возлагал большие надежды, он и поручил дожидаться в Менинди отставшую часть экспедиции и следовать с нею к реке Куперс-Крику.

А Куперс-Крик находилась где-то за 700 километров к северу; местность на всем этом протяжении была неисследованной и, по всей вероятности, безводной, к тому же приближалось жаркое тропическое лето. Однако Берк, несмотря ни на что, решился пуститься в путь — вероятней всего из страха, что его опередит некто Джон Мак Дуалл Стюарт, направившийся во главе другой экспедиции из Аделаиды в эти же края с той же целью — пересечь материк.

Итак, Берк отправился в дальнейший путь со значительно меньшим отрядом: его сопровождали 8 всадников, 16 верблюдов и 15 лошадей с поклажей.

Через 22 дня, 11 ноября 1860 года, им удалось достигнуть высохшего русла Куперс-Крика. Они были крайне удивлены, заметив там следы копыт одинокой лошади, но так и не нашли этому никакого подходящего объяснения.

Когда отряд разбил свой лагерь, на него напали полчища крыс. Весь провиант пришлось держать подвешенным на деревьях. Однако нетерпеливому Берку вовсе не улыбалась перспектива провести здесь жаркое лето так, как это сделал 15 лет назад его предшественник Чарлз Стерт. Ему хотелось как можно скорей добраться до северного побережья Австралии, до залива Карпентария. Вместе с молодым англичанином Уильямом Джоном Уиллсом он не раз делал довольно далекие вылазки из лагеря.

Тем временем становилось все жарче. Температура доходила в тени до 43° по Цельсию (109° по Фаренгейту). Несмотря на это, Берк 13 декабря двинулся вместе с Уиллсом, Кингом и Греем на север. Животных использовали почти только для перевозки поклажи — продуктов питания и воды. Четверо мужчин под палящим солнцем прошагали пешком 2600 километров до океана и обратно. Грей вел под уздцы лошадь Билли, а Кинг тащил за собой на веревке шестерых верблюдов.

Начальником отряда, оставшегося на Куперс-Крике, был назначен бригадир Вильям Браге. Чтобы обезопасить себя от назойливого интереса, да и возможного нападения туземцев, лагерь огородили штакетником.

Берк, уходя, распорядился, чтобы Браге ждал его здесь, на этом месте, три месяца. Если же он и его спутники к этому времени не вернутся, значит, они наверняка погибли, потому что взятого с собой провианта им хватит не больше чем на такой срок. К сожалению, Берк не оставил своего распоряжения в письменном виде, из-за чего после начались расследования, обвинения и судебные процессы. Он не вел даже дневника, и если бы не Уиллс, очень одаренный, образованный и к тому же выносливый молодой ученый, который делал это за него, то вся экспедиция в конечном счете оказалась бы почти бессмысленной.

Только благодаря необычайно мягкому лету 1860/61 года Берку удалось пересечь континент и выйти к заливу Карпентария, а затем вернуться тем же путем назад. Долго он шел по однообразным, нескончаемым, гладким, как стол, равнинам, на которых до самого горизонта не видно ни малейшего ориентира, не раз пробивался сквозь песчаные бури, превращающие день в ночь, и вышел наконец на северное тропическое побережье, где растут редкие пальмы и другие, чем на юге, виды эвкалиптов.

Поскольку почва становилась все влажней и вскоре превратилась в настоящее болото, Берк решил оставить Кинга и Грея с верблюдами на месте, а к берегу океана пробираться только вдвоем с Уиллсом и лошадью Билли. Они достигли его 10 февраля 1861 года. Правда, добрались они только до канала в болотах, но вода в нем действительно была солоноватой на вкус и во время прилива поднималась на 20 сантиметров. Открытого моря, самого залива Карпентария им так и не удалось увидеть. Впрочем, земли вокруг залива уже 17 лет до этого пересек Лейхгард, только с востока на запад.

Особенно тяжело приходилось лошади Билли. Вот что записал в своем дневнике Уиллс: «Когда мы переводили лошадь через реку, на одной из отмелей она так глубоко увязла в зыбучем песке, что нам никак не удавалось ее оттуда вытащить. Наконец мы догадались подкопаться под нее с той стороны, где было поглубже, и с размаху толкнуть в воду, чтобы она

поплыла. Мы надежно упрятали свою поклажу и пошли дальше по берегу реки. Однако почва почти повсюду была такой вязкой и зыбкой, что наша лошадь никак не могла по ней передвигаться. Примерно через восемь километров, когда мы пересекали ручей, она снова провалилась в трясину и после этого уже настолько ослабла, что у нас появились сомнения в том, сумеем ли мы вообще заставить ее идти дальше».

Когда Уиллс и Берк вернулись к своим товарищам, караулившим верблюдов, было решено как можно скорей отправляться в обратный путь: почти за два месяца, которые потребовались для перехода до залива, они съели более двух третей своих продовольственных запасов. Однако все чувствовали себя бодро и без малейших колебаний решились отправиться обратно с весьма небольшим количеством провианта (ведь в крайнем случае можно было съесть нескольких верблюдов).

Он был, по-видимому, ужасен, этот обратный путь. Продуктов становилось все меньше и меньше. Берк делил их ежедневно на четыре порции, которые закрывал сверху бумагой с номерами — каждый выбирал себе номер, не видя, что под ним лежит.

При таком способе дележки не возникало споров между изголодавшимися и ослабевшими людьми. Чувствовали они себя с каждым днем все хуже, и записи в дневнике Уиллса становились все короче.

Дойдя в марте до реки Клонкарри, они обнаружили там своего верблюда Гола, которого им пришлось в свое время здесь оставить из-за болезни. Вид у него был самый плачевный: животное, видимо, очень страдало от одиночества и, судя по следам, несмотря на полную свободу, никуда далеко не уходило от того места, где его оставили. Все это время верблюд беспокойно бегал взад и вперед по тропинке и утрамбовал твердую гладкую дорогу. Увидав своих сородичей — других верблюдов, дромадер сразу успокоился и принялся щипать траву. Но видимо, ему уже ничем нельзя было помочь. Когда экспедиция через четыре дня пустилась в дальнейший путь, этот верблюд был не в силах следовать за нею, даже несмотря на то что с него сняли седло и всю поклажу.

Запись в дневнике от 10 апреля: «Целый день не выходили из лагеря — разрезаем на куски и сушим мясо лошади Билли. Лошадь так отошала и была настолько измучена, что нам стало

ясно: ей все равно не добраться до конца пустыни. Мы до того изголодались, что решили ее зарезать, пока она еще не издохла, и подкрепиться мясом бедного животного. Мясо оказалось вкусным и нежным, но без малейших следов жира».

Однажды Уиллс случайно увидел, как Грей тайком, спрятавшись за дерево, поедал муку. А ведь именно ему было поручено хранение продуктов. Провинившемуся Берк задал основательную трепку. И несмотря на жалобы Грея на боли и слабость, которыми он всем досаждал в последующие дни, ему никто не верил, считая, что его просто мучают угрызения совести. Но утром 17 апреля Грея обнаружили мертвым в спальном мешке. Все настолько ослабли, что не смогли зарыть его в землю глубже чем на метр.

Оставшиеся в живых трое мужчин к вечеру 21 апреля при свете луны дотащились до лагеря на Куперс-Крике, мечтая досыта наестся, надеть целые ботинки и сменить рваные пропотевшие лохмотья на новую одежду.

Но лагерь был пуст.

На стволе одного из деревьев было вырезано ножом: «Копай в трех шагах на северо-запад». Берк был настолько измучен и потрясен, что лишился чувств. Уиллс и Кинг принялись рыть в указанном месте и вытащили ящик с продовольствием и бутылку, в которой лежал исписанный карандашом листок. Из записки они узнали, что Браге покинул лагерь сегодня, девять часов назад, и с 12 лошадьми, шестью верблюдами и всеми припасами двинулся в сторону Менинди. Заканчивалась она словами: «Если не считать одного человека, которого брыкнула лошадь, все остальные члены экспедиции и животные здоровы».

Было ли это злосчастной случайностью или коварством судьбы, что Браге, который четыре месяца терпеливо дожидался своих товарищей, все время надеясь на их возвращение, ушел буквально за несколько часов до того, как они, измученные и обессиленные, дотащились до лагеря? Этого никто не может сказать. Ведь Браге мог уйти и раньше, сославшись на распоряжение Берка ждать только три месяца. Тем не менее он пробыл на Куперс-Крике еще четыре недели. Но когда отряд Берка не вернулся спустя и этот срок, Браге решил, что те четверо либо погибли, либо спаслись, повернув в восточном направлении и выйдя к Квинсленду. Задерживаться

дольше он не мог, у него не хватило бы продовольствия. Однако позже он никак не мог объяснить, зачем написал в записке, что вся его группа находится в добром здоровье. На самом же деле тяжелобольной Паттен умер уже через несколько дней после выхода из лагеря, а остальные трое сильно страдали от цинги. Это хвастливое сообщение и сбilo с толку Берка, решившего, что им, измученным и обессиленным, не догнать группу бодрых и здоровых людей. На самом же деле Браге пришлось устроить привал вечером того же дня всего в 23 километрах от Куперс-Крика.

Итак, решив, что догнать ушедших надежды нет, группа Берка решила остаться в лагере и для начала немножко подкрепить свои угасающие силы оставленными им продуктами. А затем Берк принял решение идти на юг не знакомой уже дорогой, а неисследованной, но зато более короткой, которая должна была привести к одному из окраинных сторожевых постов колонии Южная Австралия. Этот пост был расположен у подножия «Горы безнадежности» — Маунт-Хоуплес.

Уиллс приписал несколько слов в записке и снова аккуратно закопал бутылку, чтобы аборигены не смогли ее найти и вытащить. Но надпись на дереве оставил без всяких изменений. Если б он только знал, какой непоправимый вред нанесет этим себе и своим товарищам, он уж непременно постарался бы добавить в нее хоть одно слово.

Одна из основных причин, почему Браге решил пуститься в обратный путь, заключалась в том, что Райт, которому было поручено подтянуться с арьергардом экспедиции к Куперс-Крику, так там и не появился. Райт, оказывается, все никак не мог собраться, а пустившись наконец в путь, повел свой отряд как нельзя более неумело, по неверному маршруту и за 69 дней так и не достиг Куперс-Крика да к тому же еще потерял в дороге трех человек. Среди погибших был и Людвиг Бекер. Наконец он наткнулся на Браге, который как раз возвращался назад. Обе группы объединились, взяв направление на реку Дарлинг. Однако дорогой Браге, которого, по-видимому, все же мучили сомнения, уговорил Райта поехать вместе с ним верхом назад к Куперс-Крику и посмотреть, не пришла ли за это время группа Берка. Райт согласился, и через три дня, утром 8 мая, они снова прибыли в лагерь на Куперс-Крике.

Но Берк со своими людьми уже 15 дней назад отбыл отсюда в направлении горы Маунт-Хоуплес.

Браге и Райт нашли лагерь таким, каким его оставили: следы верблюдов, навоз, остатки костров, и ту же записку, вырезанную ножом на дереве несколько недель назад. Ничего не изменилось с момента их ухода из этих мест. Так во всяком случае обоим показалось. Им и в голову не пришло вырыть спрятанные под деревом ящик и бутылку с запиской. Передохнув с четверть часа, всадники ускакали обратно. А в это время Берк, Уиллс и Кинг находились на расстоянии не более 50 километров от лагеря!

Берк шел вниз по течению Куперс-Крика, пока речка постепенно не превратилась в стоячее болото, а затем окончательно исчезла в песках пустыни. Он сделал попытку пересечь эту пустыню, но, пройдя 100 километров, вынужден был вернуться.

Верблюды оказались менее выносливыми, чем люди. 28 апреля Уиллс записал в своем дневнике:

«Наш сегодняшний переход был очень коротким, потому что не успели мы пройти и мили, как один из наших верблюдов (Ланда) провалился в трясину на краю бочажка и его стало засасывать. Мы перепробовали все средства вытащить его обратно, но напрасно. Почва под ногами была очень зыбкой, и животное проваливалось все дальше. Мы пробовали подсовывать под него ветки, но верблюд этот отличался инертностью и тупостью, и мы никак не могли заставить его сделать хоть малейшую попытку высвободиться самому. Вечером мы прорыли небольшую канавку из бочажка, надеясь, что хлынувшая в нее вода подмоет слой песка и животное всплывет. Однако этого не случилось. Верблюд между тем продолжал лежать совершенно спокойно, как будто ему и дела нет до всего этого. Казалось, что он даже доволен сложившейся ситуацией.

На другое утро, найдя верблюда в том же безнадежном положении, мы после еще нескольких неудачных попыток его вытащить потеряли всякую надежду на успех. Пришлось обреченное животное пристрелить. После завтрака мы принялись срезать ножами все мясо, до которого нам только удавалось добраться.

Четверг, 1 мая. Стартовали без двадцати минут девять. Нашего единственного теперь верблюда Раю мы нагрузили лишь

самыми необходимыми вещами, большую же часть поклажи распределили между собой».

Тем, что Берк и его товарищи еще не погибли от голода, они были обязаны аборигенам, тем самым аборигенам, к которым прежде относились так недоверчиво и подозрительно и которых отпугивали от себя ружейными выстрелами. Теперь они научились у них собирать «нарду» особые съедобные семена — и, растирая их между камнями, получать нечто вроде муки. Хотя мука эта явно не содержала никаких питательных веществ, тем не менее ею можно было набить голодные желудки... Те же аборигены делились с ними рыбой и вообще старались оказывать им разные дружеские услуги. Но частенько эти люди снимались ночью с места и откочевывали на несколько километров дальше, и тогда трем европейцам нелегко было их разыскать.

Вот запись из дневника Уиллса: «Пятница, 2 мая, лагерь № 7. Мы следовали по левому берегу Куперс-Крика в западном направлении, как вдруг наткнулись на стоянку туземцев, разбитую прямо посреди высохшего русла реки. Они как раз кончали завтрак и великодушно предложили нам немного рыбы и пирога. Единственное, чем мы могли им отплатить, — это дать несколько рыболовных крючков и сахара.

У нашей верблюдицы Раи появились признаки полного изнеможения. Все сегодняшнее утро она дрожала как в лихорадке. Тогда мы решили еще больше облегчить ее ношу, сняв с нее и навьючив на себя сахар, инжир, чай, какао и две или три алюминиевые тарелки.

Среда, 7 мая. С утра позавтракали, но, когда мы решили двинуться дальше в путь, оказалось, что верблюдов не в состоянии встать на ноги даже без всякой поклажи. Испробовав все средства поднять животное с земли, мы вынуждены были уйти, предоставив его своей участи. Пройдя около 17 километров, мы наткнулись на нескольких аборигенов, которые ловили рыбу. Они дали каждому из нас по полдюжины рыб и объяснили нам жестами, что мы можем пройти к их стоянке, где нам дадут еще рыбы и хлеба. Показав этим людям, как разжигать костер при помощи спичек, мы доставили им явное удовольствие, тем не менее они не выразили ни малейшего желания их приобрести».

30 мая Уиллс снова вернулся в старый лагерь на Куперс-Крике. Он не нашел там никаких следов побывавших здесь за это время Браге и Райта, вырыл бутылку и дополнил свою прежнюю запись новыми сообщениями.

Чем же все-таки объяснить гибель последних верблюдов? Ведь им было где пастись, да и корма хватало. Почему молодой Уиллс, 27 лет от роду, в конце концов попросил своих спутников оставить его одного у лагерного костра и умер в одиночестве примерно 30 июня? Почему? Не из-за того ли, что Берк никак не мог преодолеть в себе недоверия к аборигенам? Незадолго до своей кончины, последовавшей через несколько дней после смерти Уиллса, он отогнал их от себя выстрелами из пистолета, а когда они принесли ему сетку с рыбой, выбил ее у них из рук...

Во всяком случае последнему из троих — Джону Кингу удалось остаться в живых только благодаря бескорыстной помощи аборигенов. Когда он привел их к мертвому Берку, они все горько заплакали и стали накрывать труп ветками. С этих пор они начали особенно внимательно и приветливо относиться к «последнему белому человеку».

Несколько недель спустя старый туземец по имени Самбо рассказал на одном из дальних пограничных постов Южной Австралии, расположенном на полдороге между Аделаидой и Куперс-Криком, что там, на севере, на берегу одной из рек, живут голые белые, у которых нет ни еды, ни ружей, но зато есть верблюды.

Это сообщение, всколыхнувшее воспоминания о печальной судьбе лейхгардовской экспедиции, вызвало сразу всеобщее волнение. Были снаряжены сразу четыре спасательные экспедиции, причем одна из Аделаиды. Эта экспедиция кроме 24 лошадей использовала также трех верблюдов, сбежавших от Уиллса восемь месяцев назад на Куперс-Крике. Беглецы, по всей вероятности не спеша, спустились вниз по течению реки, пересекли пустыню и появились где-то возле Маунт-Хоуплеса, где их и изловили.

На поиски пропавшей экспедиции снарядили также судно к заливу Карпентария. Третья спасательная группа направилась с побережья Квинсленда через материк на запад, чтобы попытаться найти следы Берка где-то во внутренних областях Австралии.

Но наибольшие надежды возлагались на тридцатилетнего Альфреда Уильяма Хоуита, имевшего к тому времени уже довольно богатый опыт по исследованию новых австралийских земель.

14 августа 1861 года он вместе с Браге выехал из Менинди в северном направлении в сопровождении 37 лошадей и семи верблюдов. Через 25 дней они достигли Куперс-Крика. Встречавшиеся ему на пути аборигены были чем-то очень взбудоражены. Завидев караван, они, как правило, удирали со всех ног. А если их удавалось поймать, они со страхом указывали в одном и том же направлении и жестами давали понять, что европейцам следует поторопиться. Наконец Хоуит заметил большую стоянку аборигенов, разбежавшихся при виде приближающегося каравана. На месте осталась лишь одинокая фигурка, машущая чем-то, что уже нельзя было назвать шляпой. Когда караван приблизился, этот человек, одетый в лохмотья, вскинул руки и без чувств грохнулся на землю. Это был Кинг, единственный оставшийся в живых член экспедиции Берка.

Через несколько дней он уже настолько окреп, что смог повести Хоуита туда, где остались погибшие Берк и Уиллс. Собаки динго уже неплохо потрудились над трупами: кругом были разбросаны кости рук и ног Уиллса, черепа же его вообще не удалось найти. У трупа Берка не хватало кистей и ступней.

Кинга за последующие недели так закармливали, что он уже не мог смотреть на пищу. Когда юношу торжественно ввозили в Мельбурн, восторженная толпа чуть не разорвала его на части. За останками Берка и Уиллса была послана новая экспедиция. Их доставили в колонию Виктория и торжественно в сопровождении траурной процессии провезли по улицам Мельбурна, после чего последовало не менее торжественное погребение. В честь этих двух отважных путешественников был воздвигнут прекрасный памятник, изображавший их в более чем натуральную величину. Про других погибших членов экспедиции почему-то даже не вспоминали. Государственная комиссия, которой было поручено расследовать причины неудач экспедиции, после долгих обсуждений пришла к выводу, что особому порицанию подлежит слишком затянувшаяся задержка Райта в Менинди и нерешительность действий экспедиционного комитета в Мельбурне.

Аборигенов, проживающих по берегам Куперс-Крика, осыпали подарками, колония Виктория подарила им даже две тысячи квадратных миль земли (которые ей, между прочим, не принадлежали, поскольку Куперс-Крик находится вне пределов Виктории, а следовательно, аборигены и так имели полное право владеть этими землями, но подарок есть подарок!). Впрочем, жители этих мест вскоре совершенно вымерли, к 1902 году их осталось только пять человек. А трагически окончившуюся экспедицию Берка красочно и со всеми подробностями описал Алан Муэрхед в своей книге «Куперс-Крик». Очень жаль, что эта книга не переведена на другие европейские языки, так же как и два предыдущих произведения этого автора «Голубой Нил» и «Белый Нил», в которых описывается исследование берегов Нила и Восточной Африки.

На Куперс-Крике возник город, а в 70-х годах проложили телеграфную линию поперек континента, и ушло на это не больше двух лет. Менинди теперь важный железнодорожный узел.

Но дерево на берегу Куперс-Крика, на котором Берк и Уиллс забыли вырезать дату своего прихода, что потом стоило им жизни, стоит и поныне. И до сих пор на его коре можно различить три буквы «dig» (копай).

Теперь выяснилось, что утверждения, будто где-то посреди материка должно быть большое озеро, имело под собой реальную почву. Дело в том, что озеро Эйр, расположенное между Куперс-Криком и горой Маунт-Хоуплес, не всегда было безводным. Когда-то его наполняли водой реки Куперс-Крик и Дайамантина, которые тогда были полноводными и мощными водными магистралями. Выяснилось также, что часть этих вод и сейчас, стекая с восточноавстралийских горных хребтов, течет в направлении озера, но только под землей. С помощью бурения воду эту извлекают на поверхность и устраивают в степи водоемы для водопоя скота. Без этого немыслимо было бы разводить здесь овец.

Но особое восхищение у австралийцев вызвали верблюды, принимавшие столь деятельное участие в Берковской экспедиции, а затем и в спасательных отрядах. После Берка и Уиллса все последующие пятьдесят лет не было почти ни одной экспедиции, в которой не участвовали бы верблюды. Причем впоследствии нашли способ, как заставить этих упрямых и

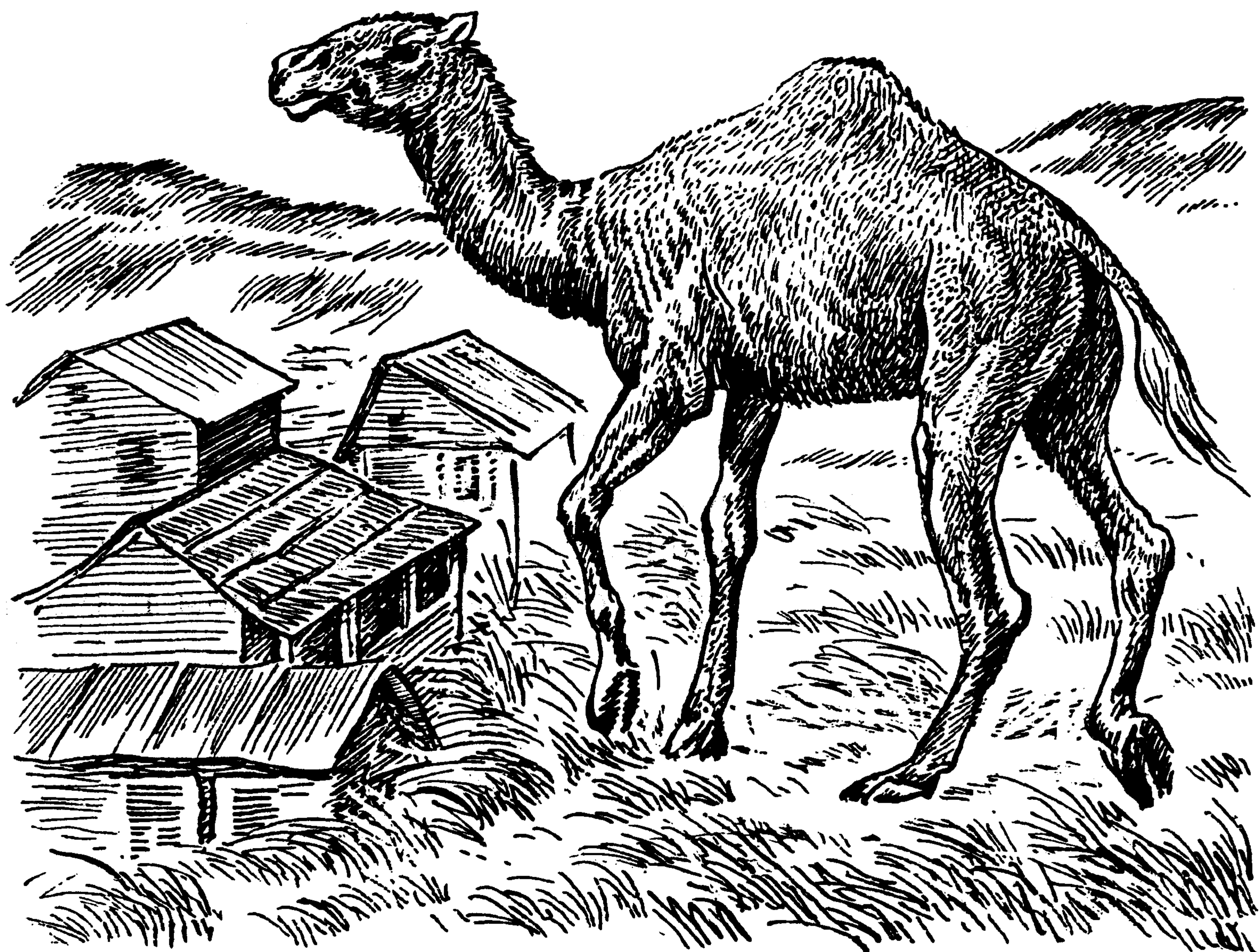
тупых животных преодолевать реки. Когда верблюд подходит к реке, он непременно ложится и не желает входить в воду. Тогда его насильно поднимают на ноги и дают сильный пинок сзади; свалившись в воду, верблюд уж непременно поплывет.

Джон Форрест (1847—1918), первый из уроженцев Австралии получивший дворянский титул, в 1870 году впервые прошел из Перта в Аделаиду. Это путешествие заняло у него пять месяцев. Однако, из-за того что он взял с собой лошадей, а не верблюдов, ему все время приходилось держаться близ морского побережья. Поэтому эта экспедиция мало чем обогатила географическую науку. А через четыре года Джон Форрест со своим братом Александром прошел от Перта до Аделаиды другим путем — по внутренним районам страны. Впоследствии Джон Форрест стал губернатором Западной Австралии.

Питер Е. Уорбертон (1813—1889), бывший британский майор в Индии, выйдя в сентябре 1872 года из Аделаиды, пересек расположенный в самом центре Австралии Алис-Спрингс и достиг самой северной оконечности западного побережья. С собой он взял только сына, двух афганских погонщиков верблюдов, двух европейцев, молодого австралийского паренька Чарли и 17 верблюдов. Продовольственных запасов они захватили на шесть месяцев, но достигли цели своего путешествия только через шестнадцать. Живыми им удалось добраться лишь благодаря верблюдам, которых они съедали одного за другим.

«Те, кто прочтет наши записки,— писал Уорбертон в своем дневнике,— будут возмущаться подобной верблюжьей бойней. Однако в тот момент у нас не было другого выхода. Нам оставалось лишь умереть, а вслед за нами погибли бы и верблюды, потому что без нашей помощи они не смогли бы раздобыть себе ни одной капли воды.

17 сентября 1873 года. Мы прошли 17 километров на запад. В лагере нам пришлось оставить двух ездовых верблюдов, которые не в состоянии были даже пошевелиться. Сначала мы подумали, что они отравились, но потом решили, что от резкого ночного ветра у них сделался прострел. Ездовой верблюд моего сына начал волочить задние ноги, и, чтобы прекратить его мучения, нам пришлось беднягу пристрелить. Какой удар для нас! Потерять самого мощного

самца и трех ездовых верблюдов почти за один день. Если так пойдет дальше, я не знаю, что с нами будет».

Затем от путешественников сбежали три верблюда, и один из афганцев пустился их догонять. Но он их так и не догнал. Постепенно из-за жары стало очень трудно двигаться днем, и экспедиция делала переходы только в утренние и вечерние часы. Ночью идти было невозможно из-за того, что в темноте трудно отыскать водопой. Иногда, не найдя следующего бочажка, им приходилось возвращаться к предыдущему. В некоторых бочажках воды было настолько мало, что иногда за три часа набиралось лишь одно ведро, а то и того меньше. Возле одного такого водопоя группе пришлось проторчать целые сутки, чтобы измученным жаждой верблюдам досталось хотя бы по одному ведру воды. Затем им пришлось пристрелить еще одного самца, так как его ужасно мучила гноящаяся рана на спине. Высушенным на солнце мясом этого верблюда все семеро членов экспедиции питались целых три недели. На вкус оно напоминало древесную кору. Еще одного верблюда пришлось зарезать потому, что он ослеп.

Австралийский мальчишка Чарли неумоимо бежал впереди, разыскивая воду. Когда однажды он не вернулся к

назначенному времени в лагерь, Уорбертон, которого шатало от голода и жажды, решил идти дальше, не дождавшись его: пусть лучше погибнет в пустыне мальчишка, чем все остальные шестеро. Но вечером, двинувшись в путь, они наткнулись на Чарли, радостно бежавшего им навстречу. Оказывается, он пробежал после последнего ночного перехода еще 30 километров и нашел хороший водопой.

Сыну Уорбертона Ричарду удалось подстрелить птичку величиной с воробья, он отдал ее отцу, и тот съел ее до последнего перышка.

«Если бы в этой стране можно было найти хоть что-нибудь съедобное,— записывает Уорбертон в это время в своем дневнике,— хоть каких-нибудь змей, ворон или канюков. Правда, в колючем спинифексе водятся валлаби (маленькие кенгуру), но нам никак не удастся их раздобыть, несмотря на то что они имеют привычку днем принимать солнечные ванны на открытом месте, спасаясь от муравьев, донимающих их в тени кустарников. Досаждают насекомые и нам. Кроме муравьев и обычных назойливых мух здесь водится австралийская пчелка, или медовая муха, которая нас буквально изводит. Эти насекомые хоть и не жалят, но зато имеют отвратительный запах и, как нарочно, непрерывно вьются вокруг наших ноздрей».

Встречали путешественники и отдельные племена, которые не испытывали ни малейшего страха при виде белых людей и верблюдов. Наоборот, они проявляли большой интерес к экспедиции. Европейцы вскоре узнали, как нужно вести себя при подобных встречах. Чтобы показать свои дружеские намерения, надо подойти и погладить друг другу бороду. При этом пышные бороды европейцев производили на аборигенов очень сильное впечатление.

Однажды энергичный маленький Чарли во время поисков водопоя попал на одну из стоянок аборигенов, где его приняли очень приветливо и угостили свежей водой. Но когда на горизонте появилась вся экспедиция и люди увидели, что к ним направляются белые на верблюдах, они ужасно испугались, решив, что Чарли заманил их в ловушку. Они набросились на бедного парня, всадили ему копье между лопатками и оглушили дубиной. Прошло несколько недель, прежде чем он поправился.

Не дойдя 250 километров до побережья, Уорбертон так обессилел, что не мог стоять на ногах. Тогда он послал одного из людей с последними двумя верблюдами за помощью к поселенцам, живущим на побережье. Но прошло несколько недель, а гонец все не возвращался.

«У нас избыток воды, есть немного табаку и несколько кусочков сушеной верблюжатины. Время от времени нам удаётся раздобыть ящерицу или какаду. Я надеюсь, что после дождя взойдет чертополох или еще какое-нибудь растение, которым мы сможем питаться. У нас у всех цинга, понос и боли в печени. Нам нечем ловить рыбу, и мы не в силах поймать какого-нибудь опоссума или змею, а птицы поблизости от нас не садятся. Встать же и подойти к ним мы уже не в состоянии. Я думал, что возле реки у нас не будет особых трудностей с пропитанием, однако это оказалось не так. С каждым днем наши силы угасают».

Как раз вскоре после этой трагической записи в дневнике появился посланец с продовольствием и шестью верховыми лошадьми, на которых Уорбертона с его людьми благополучно доставили к побережью.

Пустыню Гибсона во Внутренней Австралии открыл в 1874 году Эрнест Джайлс (1835—1897). Сейчас она носит имя его спутника, который заблудился в ней и не вернулся. В этой пустыне с Джайлсом случилось следующее происшествие:

«На другое утро я узнал, что несколько верблюдов отравилось и не в состоянии пошевелиться; один или два из них, наверное, сдохнут. Это была для нас ужасная новость, учитывая, что мы лишь начали свое путешествие и находились как раз на краю пустыни, которую собирались пересечь. Тотчас же перед нами встал вопрос: «Что же делать?» И так же быстро пришло решение: «Делать нечего, надо ждать». Было бы совершенно бессмысленно переложить поклажу с больных животных на здоровых, которые не смогли бы тащить такую тяжесть. А бросить их здесь без присмотра тоже было нерезонно. Итак, мы решили остаться и энергично лечить своих пациентов. Лечение шло так успешно, что к ночи один из самых тяжелобольных верблюдов снова встал на ноги. Мы ставили заболевшим животным горчичники и клизмы, делали им горячие примочки и кормили маслом.

Нам удалось выяснить, что они отравились растением *Gyrostemon ramulosus*. Когда мы устраивали свой привал, было почти темно, и мы не разглядели, что кругом растет такая отравка. Теперь мы перенесли свой лагерь и перегнали животных подальше, на отлогий песчаный холм, где этого чертова семени почти не было. На другое утро я, к своей несказанной радости, нашел верблюдов почти здоровыми, хотя они еще не слишком уверенно стояли на ногах и сильно дрожали. Здешняя проклятая земля просто задыхается от обилия этих ядовитых растений. Правда, от *Gyrostemon* животные умирают не всегда, но, поскольку я уже потерял из-за него одного верблюда, а все остальные, наевшись этой пакости, отравлялись ею, можно себе представить, как нас пугал один только вид проклятого растения. Верблюды, которые от него еще не заболели, упорно стараются его сорвать. Но однажды отравившись, они к нему уже не прикасаются. Весь ужас в том, что кругом не растет ничего другого, на чем бы они могли пастись».

Между прочим, именно Эрнест Джайлс в 1875 году пересек континент от Аделаиды до Перта. После двухмесячной передышки он повторил это путешествие в обратном направлении. И хотя Джайлс был удостоен золотой медали Географического общества, тем не менее семнадцатью годами позже, забытый всеми, он умер в неизвестности и бедности. Последние свои годы он проработал писарем в одном из заштатных городишек Западной Австралии.

За десятилетия, прошедшие после Берковской экспедиции, в Австралию ввезли очень много верблюдов из Индии. К 1900 году их число достигло шести тысяч, не считая потомства, принесенного ими уже на новой родине. Завоевание засушливых земель Австралии верблюдами было большим успехом, но, увы, недолговечным. Здесь произошло примерно то же, что в Африке с приручением слонов. Приручение африканских слонов, столетиями считавшееся невозможным и затем блестяще организованное в Конго на станции по дрессировке слонов «Гангала на Бодио», в корне могло бы изменить на материке положение с транспортом. Однако вскоре автомобиль вытеснил слонов в Африке и верблюдов в Австралии (в качестве верхового, вьючного и тяглогового скота). Но в самых отдаленных и труднодоступных районах Австралии и сейчас еще нередко

используют верблюдов, еще и сегодня в степи тут и там можно увидеть их одичавших потомков.

Следовательно, новая часть света — Австралия была исследована не только благодаря мужеству и упорству отважных путешественников, но и выносливости дромадеров. Только благодаря тем и другим она пройдена вдоль и поперек, в ней найдены полезные ископаемые, и она покрыта сетью телеграфных и железнодорожных линий. И хотя дромадеры сейчас уже мало кого интересуют в Австралии, справедливости ради им следовало бы тоже воздвигнуть памятник в Аделаиде.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«ЭЙ ТЫ, ДИНГО!» — ИЗЛЮБЛЕННОЕ РУГАТЕЛЬСТВО АВСТРАЛИЙЦЕВ

Как я фотографировал динго. — Три с половиной миллиона марок за собачьи скальпы. — Разорванный собственными братьями. — Лаять совсем не обязательно. — Отнимать щенят у динго не рекомендуется. — «Дингоупорный» забор

Дикого, живущего на свободе динго (*Canis dingo*) мне довелось увидеть только один раз в жизни. В зоопарке мне частенько приходилось иметь с ними дело; там я неоднократно занимался их разведением. Единственный раз я встретил дикого динго в 200 километрах юго-восточнее порта Дарвин, на необитаемом севере Австралии, в самой глухой местности. Я сидел на железном сиденье от молотилки, искусно привинченном спереди к радиатору японского вездехода. Чтобы не свалиться под колеса во время быстрой езды, я крепко привязал

себя к сиденью широким ремнем. В таком положении очень удобно снимать фильмы и фотографировать — разумеется, при условии, чтобы за рулем сидел опытный водитель, привыкший на бешеной скорости мчаться по бездорожью и в то же время достаточно осторожный, чтобы не въехать при этом в колючий кустарник, где не долго разодрать себе в кровь лицо или выколоть глаз. Словом, водитель должен быть первоклассным. Тогда можно преследовать и кенгуру, и буйволов, и одичавших домашних свиней (кстати, штат Квинсленд в течение двенадцати месяцев в 1961—1962 годах платил денежные вознаграждения за отстрел одичавших свиней, и убито их было тогда 53 918 штук!).

Сидя перед радиатором, можно снимать даже табуны одичавших лошадей. Главное, обе руки при этом остаются свободными.

Безлюдная местность вокруг казалась мне очень «африканской» — засушливой и пыльной. Я нисколько бы не удивился, если бы вон под той купой деревьев увидел слонов, мирно обмахивающих себя ушами, или стадо антилоп импала, огромными прыжками удирающее от машины. Однако таких внушительных животных на этом затерянном континенте никогда не водилось. А даже если бы мы, европейцы, во время открытия Австралии и обнаружили их здесь, то к концу столетия все равно наверняка бы истребили.

Но что это? Прямо посреди гладкой равнины от костей мертвого кенгуру метнулось в сторону какое-то невзрачное желтовато-серое животное. Ростом оно было не больше овчарки, с редкой и короткой шерстью.

«Это динго!» — закричал водитель машины, моментально затормозил и вынес мне свое ружье, уверенный, что я сейчас же примусь стрелять в ненавистного зверя. Он сел за руль и нажал на газ, стараясь догнать собаку, пока она не успела добежать до куртин деревьев и кустарника. Не так-то просто объяснить такому человеку, что я и не собираюсь стрелять, что мне надо только сфотографировать дикую собаку. Вскоре мы догнали и даже перегнали ее, что было не так уж сложно, поскольку она бежала, судя по спидометру, со скоростью, не превышающей 50 километров в час. Каждый раз, как только мы начинали «наступать ей на пятки» или старались обогнать сбоку (чтобы получился удачный кадр), она сейчас же резко

сворачивала в сторону, и мне удавалось снять ее лишь сзади. Это обычный прием у животных, когда их начинают преследовать на машине. Они очень быстро соображают, что, если бежать по кругу, машине гораздо трудней их догнать, так как она не способна проделывать такие резкие виражи. Поэтому-то часто в кадр попадают одни зады и хвосты. Чтобы снять бегущее животное, и притом с фланга, необходимы одновременно две машины, которые ехали бы параллельно. Кроме того, в этом деле должен участвовать хоть один разумный человек, не забывающий о том, что живое сердце может отказаться скорее, чем автомобильный мотор...

И все-таки мне удалось сфотографировать дикого динго на воле. Я не хочу утверждать, что это первый или единственный снимок австралийской дикой собаки, живущей на воле. Просто я ни разу еще ни в одной книге об австралийской фауне не видел такой фотографии. Все известные мне снимки диких собак динго сделаны в зоопарках или в вольерах.

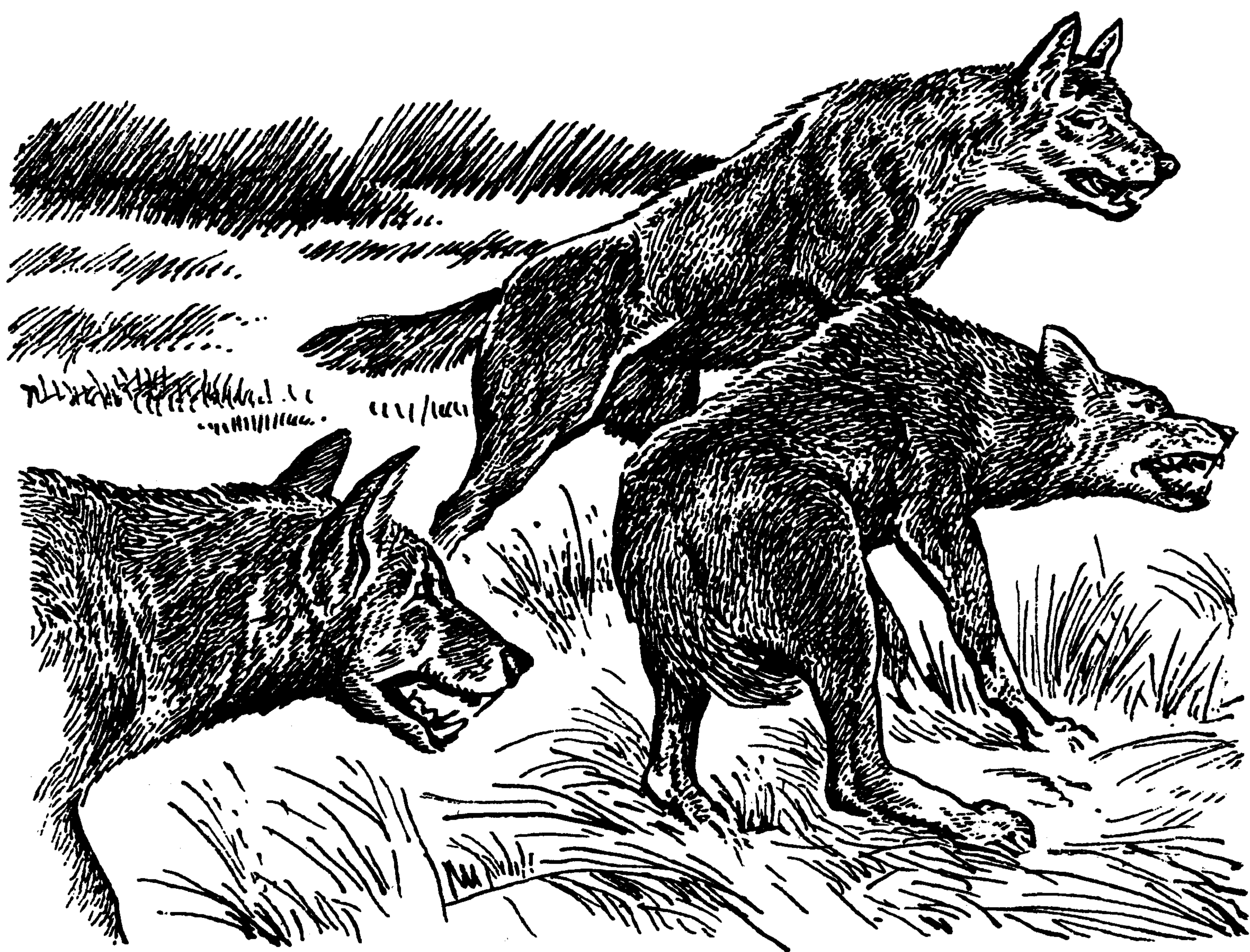
Динго уже давно беспощадно истребляют. Штат Южная Австралия и вся Северная Территория выплачивают премии за убитых динго уже с 1913 года, а штат Западная Австралия — с 1924 года. До 1935 года здесь было выплачено три с половиной миллиона марок за 510 500 убитых динго. Западная Австралия еще в 1964 году выплатила премии за 5417 отстрелянных диких собак, а Южная Австралия — за 3216. Основной же ущерб хозяйству динго наносили не в этих штатах, а в Квинсленде и в Новом Южном Уэльсе, где наиболее развито овцеводство. Там диким собакам доставалось еще больше. Так, за двенадцать месяцев 1961/62 года в Квинсленде было выплачено вознаграждение за 30 084 убитых динго. Некоторые охотники за один сезон отстреливали до трех тысяч собак. Учитывая, что вознаграждение за каждый скаल्प составляло примерно от 10 до 50 марок, можно себе представить, что охотники сколачивали на этом деле неплохое состояние.

Как же в действительности сейчас обстоит дело с дикими собаками? Одни утверждают, что их скоро можно будет увидеть только в зоопарках, другие же уверены, что динго и сейчас еще в Австралии не менее 200 тысяч и их можно найти всего в 150 километрах севернее Сиднея, а если отъехать дальше, то там их якобы еще больше. В тех местах они будто бы до сих пор еще бесчинствуют на скотоводческих фермах, и борьба,

которая ведется с ними уже в течение 160 лет, не приносит никаких результатов.

Но, возможно, такие суждения черпают из книг двадцатилетней давности.

О динго вот уже сто лет идут непрерывные споры. Кто они такие? Настоящие ли это дикие собаки, подобные волкам Северного полушария, или они сродни красивым, смелым, пятнистым гиеновым собакам Африки? А может быть, это просто потомки одичавших домашних собак? Ясно одно: дикие собаки охотились по всей Австралии еще задолго до того, как на континенте появились первые европейцы. Динго были здесь единственными представителями «усовершенствованных» млекопитающих, все же остальные четвероногие австралийцы вынашивали свое потомство в брюшной сумке. Возможно, что именно эти «усовершенствованные», значительно более «интеллигентные» хищники после недолгой борьбы вытеснили на континенте «устаревшую» форму — сумчатых волков. Та же участь постигла, видимо, и сумчатого дьявола — животное ростом с лисицу. Но сумчатые волки и сумчатые дьяволы исчезли, по-видимому, не потому, что их истребили дикие собаки динго, просто более сильный и ловкий хищник пос-

тепенно уничтожил всю привычную добычу этих животных и занял их охотничьи участки, лишив всех необходимых условий для жизни. Во всяком случае, когда европейцы пришли в Австралию и побывали на окружающих островах, они застали сумчатых волков и сумчатых дьяволов только на острове Тасмания, где динго никогда не водились и не водятся по сей день.

По строению зубов и костей динго невозможно отличить от обычных домашних собак; нет и каких-либо других морфологических признаков, отличающих этих животных от собак. Динго появились на Пятом континенте вместе с человеком, что произошло в сравнительно недавнее для истории Земли время — несколько тысячелетий назад. По-видимому, динго — одичавшее домашнее животное, точно так же как и мустанги, эти дикие лошади американских прерий, или как дикие буйволы Северной Австралии.

Много лет назад, когда я только начинал свою деятельность в зоопарке, мне говорили, что чистокровный динго всегда должен иметь красноватый оттенок шерсти и что дикие собаки с белыми лапами, белым кончиком хвоста и такими же пятнами на шее считаются гибридными и их брать не нужно. Но позже я выяснил, что это неверно. Есть чистокровные дикие собаки с пятнистой, темно-коричневой и даже черной шерстью. Бегают по степи и такие, у которых не стоят уши или хвост загнут кверху больше положенного.

Может быть, австралийские фермеры давно бы уже окончательно уничтожили динго, если бы другие люди, сами того не зная, не пришли им на помощь. Именно *сами того не зная*, потому что не ради удовольствия динго они ввезли сюда кроликов. Однако эти с невероятной быстротой размножившиеся грызуны значительно облегчили существование диких собак. Истребляя кроликов, динго даже начали приносить некоторую пользу. Кстати, кролики значительно пополнили и меню клинхвостых орлов и спасли их тем самым от уничтожения. Ведь этих ни в чем не повинных птиц необразованные фермеры жестоко преследовали за то, что они якобы убивают овец.

«Динго» у белых австралийцев страшное ругательство. Аборигены же ничего не имеют против диких собак. Они даже охотно отлавливают их щенят и воспитывают у себя дома. Оказывается, эти «дикари» очень быстро приручаются и становятся верными четвероногими друзьями человека. Правда,

лаять динго не умеют, они могут только рычать, выть и скулить. Но ведь и не все домашние собаки способны лаять: так, во многих областях Африки собаки местных жителей тоже не умеют лаять, поэтому во время охоты за дичью им подвязывают на шею деревянные колокольчики.

Тот, кому в Европе представлялся случай взять домой из зоопарка щенка динго, всегда убеждался в том, что из него вырастала хорошая, верная, преданная собака, ничем не отличающаяся от других домашних собак. Так, психолог животных профессор Бастиан Шмид воспитывал у себя кобеля динго, который свободно бегал по его дому и саду.

Но бывают и такие случаи. Зверолову Джозефу Дельмонту один звероторговец подарил собаку динго, которая до этого уже три года прожила у него в доме. В свое время он застрелил самку динго, а трех еще слепых щенят забрал себе. Двух он раздарил, а одного выкормил из рожка. Щенок этот никогда в жизни не видел своих диких сородичей. Попав к Дельмонту, он быстро к нему привязался и был очень ласковым. Полгода спустя он захватил собаку с собой в поездку на север, где проводилась ловля кенгуру. Однажды ночью его разбудил пронзительный вой диких собак динго. Он вскочил с постели и привязал свою собаку. Вот как описывает сам Дельмонт все, что произошло после этого:

«Животное стояло, тяжело и часто дыша, глаза его сверкали и даже цвет их изменился. Вдруг что-то похожее на плач вырвалось из его груди. С этой минуты моего динго словно подменили. Он больше не играл, мало и неохотно ел, а меня словно и не признавал. Когда в одну из последующих ночей вблизи вновь послышалось знакомое завывание, я решил отпустить своего пса познакомиться с сородичами. Огромными скачками он исчез в темноте. Я поспешил за ним следом, но вскоре потерял его из виду.

Утром мы нашли его ошейник, валявшийся в луже крови среди обрывков шерсти и кожи. Он заплатил смертью за свою тоску по братьям и сестрам — они его разорвали и съели».

Из-за ненависти к собаке динго, которую испытывают к ней ее земляки-люди, мы до сих пор мало что знаем о жизни этого интересного животного на воле.

Самцы динго определенно имеют свои охотничьи участки, которые они подобно волкам и другим собакоподобным «ме-

тят» своей мочой. Там, где их не преследуют, они вовсе не всегда ведут ночной образ жизни, охотясь и днем. Основная их добыча — кенгуру. Затравленный собаками кенгуру становится спиной к дереву, опираясь на свой мощный хвост, и хватает подбежавшего динго «руками» за голову, а задними когтистыми ногами с силой пинает в живот. В других случаях кенгуру, как уже рассказывалось выше, бегут к воде, забираются туда по пояс и подплывающих динго хватают поодиночке и топят. Такую героическую оборону кенгуру против нападающих на него собак (правда, домашних) нам удалось заснять на киноплёнку.

Считают, что динго совершают в Австралии регулярные миграции: зимой к восточному побережью, а летом назад на запад, притом всегда по одним и тем же издревле установившимся проторенным путям. Истребить их окончательно будет, видимо, непросто. Ведь Австралия занимает территорию, примерно равную Соединенным Штатам, но имеет при этом только десять миллионов жителей, из которых половина к тому же живет в больших городах, а большинство остальных размещается в прибрежной стокилометровой полосе. Поэтому не мудрено, что динго и сейчас еще, судя по сообщениям в печати, ежегодно истребляют тысячи овец...

Там, где на каждые 412 гектаров в среднем приходится по одной овце (как в отдельных районах Квинсленда и на севере Южной и Западной Австралии) и где отдельные уголья размером с целую американскую провинцию охраняются всего лишь полудюжиной людей, борьба с динго довольно затруднительна. Правда, в Квинсленде, где правительство продолжает выплачивать премии за убитых динго, сейчас воздвигли «противодинговый» забор длиной 4800 километров и высотой 1,8 метра.

Разводить диких собак динго в условиях зоопарка не особенно трудно. Но администрация в этом обычно не очень заинтересована, так как динго похожи на простых домашних собак и посетители часто думают, что из-за неимения настоящих диких животных в клетки посадили обычных собак.

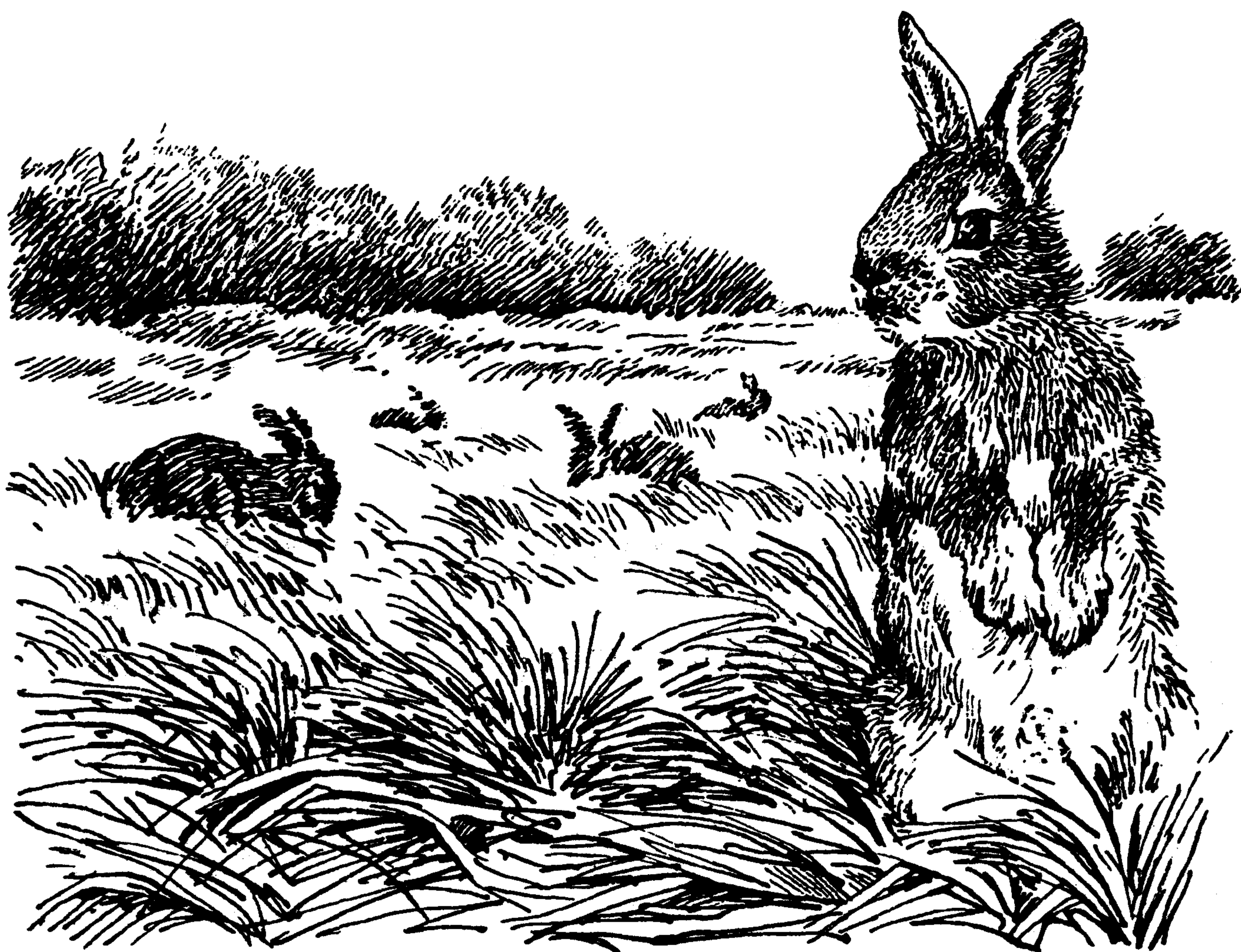
После девятинедельной беременности самки динго приносят от четырех до пяти щенят, которых в течение двух месяцев выкармливают молоком. Молодняк сопровождает родителей

на охоте не меньше года, а иногда и несколько лет, так же как это бывает у волков и гиеновых собак.

Даже самые большие ненавистники собак динго сходятся в одном: как бы голодны и кровожадны ни были эти звери, на людей они *никогда* не нападают. Только однажды в 1941 году в мельбурнском «Герольде» промелькнуло сообщение о неприятном случае с одним фермером. Этот человек нарочно отравил ядом мясо павшей коровы, чтобы избавиться от досаждавшей ему стаи динго. Когда он на лошади подъехал к приманке, она была уже частично съедена, а вокруг нее сидели шесть взрослых динго и десять молодых. Ни у одного из них не проявлялось признаков отравления. Фермер въехал в самую середину стаи, намереваясь схватить одного из щенков, но тогда остальные собаки тут же бросились на него. К счастью, пришпорив лошадь, ему удалось удрать.

Что касается меня, то я думаю, что и свора домашних собак повела бы себя не иначе, если бы кто-то вздумал подойти к их еде и схватить при этом одного из щенков.

Сведения о возрасте, до которого доживают дикие собаки, поступали только из зоопарков. Дольше всех прожил динго в Вашингтонском зоопарке — 14 лет и 9 месяцев.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПОЛОВИНА КРОЛИЧЬЕГО ПОТОМСТВА НИКОГДА НЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Маленький симпатичный длинноухий вредитель.— Капканы для кроликов увеличили число кроликов.— Кто за них и кто против? — «Короли», «королевы» и «матери-одиночки».— Ошибка сэра Чарлза Мартина и удача доктора Делия.— Страшный «кроличий мор» и... блохи

Рассказывая о животных Австралии, нельзя не упомянуть об одном из них, которое, хотя и не относится к настоящим «австралийцам», тем не менее занимает немаловажное место в фауне Пятого континента. Животное это — кролик (*Oryctolagus cuniculus*). Долгое время кролики были наиболее многочисленными из всех встречающихся в Австралии небольших животных (ростом превышающих крысу). Численность «кроличьего народа», насчитывающего примерно 750 миллионов голов, в 75 раз превышала людское население континента.

Люди тратили много миллионов на борьбу с проклятыми вредителями: они возводили заборы, протяженностью в тысячи километров и перегораживающие почти весь континент, они истребляли кроликов сотнями миллионов, однако все было напрасно. «Длинноухие» процветали. Если учесть, что десять кроликов поглощают столько же корма, сколько одна овца, то не удивительно, что число ценных носителей шерсти в западной части Нового Южного Уэльса упало с 15 миллионов голов (насчитывавшихся в 1891 году) до 7300 тысяч в 1911 году.

Если мы захотим поближе познакомиться с этими маленькими славными длинноухими животными, которые в течение девяноста лет играли не последнюю роль в судьбе Австралии, да и сейчас не собираются от этого отказываться, нам надо прежде всего обратить свой взор на Европу. Ведь кролик, между прочим, европеец. Но странное дело — здесь, у себя дома, кролики никогда не становились бедствием и на нашем континенте распространялись очень умеренно.

Между периодами оледенения дикие кролики жили у нас повсюду, но в более поздние времена они сумели удержаться лишь в западной части Средиземноморья: в Испании (получившей, кстати, свое название от финикийского слова, обозначающего «кролик»), на островах Мальорке, Менорке и еще на нескольких маленьких островках, а также в странах, расположенных на крайнем северо-западе Африки. Во все остальные места на земном шаре, где они сейчас обитают, их завезли уже люди.

В начале средневековья в Германии и Англии не было ни домашних, ни диких кроликов. Первых четырех кроликов в 1149 году получил аббат знаменитого бенедиктинского монастыря «Корвей-на-Везере» в подарок от аббата французского монастыря Святого Петра в Солиньяке. А вот известный естествоиспытатель XIII столетия доминиканский монах Альбертус Магнус так до самой смерти и не смог увидеть живого кролика.

Еще в начале XIV века за одного такого «домашнего зайца» платили столько же, сколько за поросенка. В Англию и расположенные близ нее островки длинноухие попали примерно в то же время, что и в Германию. В 1235 году впервые появляется сообщение о том, что английский король подарил для разведения в стране десять кроликов из своего парка «Гилдфорд»,

находящегося в Суррее. Но уже в 1257 году от депутатов из Данстера и Сомерсета стали поступать жалобы на вред, наносимый этими новыми животными.

Дикие кролики европейских стран происходят в основном от одичавших домашних кроликов, а не от завезенных диких.

Лучше всего они размножаются там, где не очень холодная зима и не слишком жаркое лето, например на островах возле Калифорнии, на Новой Зеландии, в Англии, Австралии. Если их там не тревожить, они быстро могут размножиться (до 25—37 взрослых особей на каждый гектар). Правда, бывают случаи, когда весь этот многочисленный народ внезапно резко сокращает свою численность.

Есть места, где с искусственным разведением кроликов ничего не получается. Так, в 1951 году в Нью-Джерси (Соединенные Штаты) выпустили для предстоящей охоты 20 тысяч кроликов стоимостью примерно 27 тысяч долларов. Когда же началась охота, их оказалось уже не больше 1600, так что каждый убитый кролик обошелся в 17 долларов! Аналогичным образом происходило дело в Огайо, Пенсильвании и в штате Нью-Йорк.

В Швейцарии кролики водятся только в трех местах: на острове Петра посреди озера Билер, в Нижнем Валлисе (близ Зиттена) и под Базелем, где число их постоянно пополняется за счет того, что сюда проникают кролики из Эльзаса, где их очень много.

Но выше 400 метров над уровнем моря эти длинноухие в Средней Европе жить не хотят, не проникают они и на восток дальше южной Польши, Украины (СССР), Венгрии и островов Греции.

В настоящий бич для сельского хозяйства кролики превратились только в Англии, Австралии, на Новой Зеландии и Тасмании. В Англии они начали досажать фермерам с середины прошлого столетия, с момента изобретения страшных капканов-гильотин. Попав ночью в эти орудия пытки, кролики часто висят в них до самого утра, громко крича от боли, пока хозяин поля удосужится наконец сделать утренний обход своих владений и добить несчастных. Однако в 10—15 процентах случаев в эти капканы попадают совсем не кролики, а лисы, барсуки, куницы, кошки, собаки и хищные птицы. Таким образом, вместе с кроликами истребляются их естественные

враги. Поэтому, с тех пор как в Англии получили распространение эти капканы, число крыс и диких кроликов неизменно разрослось. Многие крестьяне так хорошо зарабатывали на продаже кроличьих тушек (спрос на которые в последнее время сильно увеличился), что вовсе не были заинтересованы в сокращении численности этих грызунов. Получалось так, что одни жаловались на диких кроликов, других же они вполне устраивали.

Но когда кролики начали соперничать с коровами и овцами за последние стебельки зеленых растений на лугах, как это было в отдельных районах Англии и Австралии, ученые наконец решили вплотную заняться маленькими длинноухими злоумышленниками. До тех пор о них было известно до смешного мало, несмотря на то что они вот уже две тысячи лет хозяйничают вокруг нас на лугах и полях и давно живут в наших крольчатниках. Однако тот, кто задался целью какому-нибудь виду животных помочь, а другой — истребить, сначала должен их досконально изучить, а потом уже приниматься за дело.

Но вот как изыскать способ наблюдать за кроликами в их естественных условиях? Ведь они с самого утра до позднего вечера спят в глубоких камерах своих нор, а их «наземная жизнь» начинается только ночью.

Исследователям, изучающим кроликов в Англии и Австралии, пришлось построить специальные загоны, хорошо просматривающиеся по ночам с угловых башен, где были установлены прожекторы (на которые кролики, как выяснилось, мало обращают внимания); иногда площадки освещались инфракрасными лучами. А с помощью специально устроенных нор с одной стеклянной стенкой ученым удалось проследить, чем их подопечные занимаются под землей. Обо всем, что английским и австралийским исследователям удалось таким способом разузнать о кроликах, двое из них рассказали в весьма интересных книгах (A. V. Thompson. *The Rabbit*. London, 1956; K. M. Lockley. *The Private Life of Rabbit*. London, 1964). Кроме того, теперь каждые два месяца появляются новые научные сообщения об опытах на диких кроликах.

Выяснилось вот что. В огороженной «кроличьей стране» поначалу все протекает так же, как в естественных поселениях этих животных, где достаточно места и корма. Из числа кроликов, запущенных в загон, очень скоро после нескольких

жарких схваток между самцами выделяется сильнейший, который и становится «королем». Он «женится» на одной из крольчих и вместе с нею занимает ту часть загона, где растет наиболее обильный корм. На эту территорию другим кроликам, и в первую очередь самцам, заходить категорически запрещается. Неосторожных нарушителей злобно хватают за шиворот и немедленно выдворяют. «Король» же имеет право зайти на любой участок, занимаемый семейством того или иного его подданного.

Если выловить «короля», то между остальными самцами сейчас же начнутся бешеные драки, пока кто-нибудь из них не выбьется в новые «короли». Если после этого снова посадить к ним старого «короля», то ему далеко не всегда удастся занять свое прежнее положение. Частенько он даже скатывается до «низов общества». Некоторые слабые и трусливые самцы так и не могут в течение всей жизни заполучить собственное владение и жену и поэтому вынуждены жаться по углам загона. Спят эти неудачники, как правило, прямо на земле.

«Дом» строит крольчиха, причем совершенно самостоятельно. Ее супруг разве что ковырнет лапой там и сям. Но зато потом, когда все готово, оба забираются в самую глубокую камеру норы и мирно спят рядком весь день до самого вечера. Крольчата всегда спят вместе с родителями.

Кролики весьма чистоплотны: они никогда не мочатся в своем помещении. К тому же они то и дело чистятся лапами и подобно кошкам вылизывают свою шерстку. Не найдете вы в кроличьей норе и испражнений. Тем не менее это не означает, что они там не испражняются. Вот здесь-то и кроется один из «кроличьих секретов». Куда же исчезают испражнения? Оказывается, они... съедаются. Длинноухий грызун за сутки выделяет в среднем 360 шариков кала, весящих в общей сложности около четверти фунта, т. е. 115 граммов. «Вырабатывается» два совершенно разных сорта таких шариков. Одни из них — твердые, состоящие из частиц сена и соломы, — выделяются во время пастьбы прямо на поверхность земли. А через семь-восемь часов, когда кролик уже отдыхает у себя в норе, у него начинают выделяться шарики более мелкие и мягкие, покрытые защитной пленкой. За время дневного отдыха кролик очень часто (от 10 до 40 раз) резким движением сует голову под хвост и хватает зубами такой шарик в момент его выделения

из заднего прохода. Это происходит с такой молниеносной быстротой, что долгое время оставалось исследователями незамеченным. Иногда подобные манипуляции кролики проделывают и во время пастьбы, так что возможно, что мягкие «облатки» выделяются и тогда. На первый взгляд кажется, будто животные их разжевывают, однако на самом деле они их проглатывают целиком. Выяснилось это, когда обследовали только что зарезанных кроликов: в их кишечнике находили комья уже готовых мелких, темных, покрытых пленкой совершенно неповрежденных шариков.

М. Гриффитс и Д. Дэвис в 1963 году очень внимательно рассмотрели эти шарики под микроскопом. В них оказалось много бактерий. Эти ните- и плетевидные бактерии и кокки составляют 56 процентов общего веса высушенных кишечных шариков, 14 процентов занимает непереваренная клетчатка съеденных растений; кроме того, в шариках найдены также яйца гельминтов. Такая «облатка», не считая защитной оболочки, состоит на одну четверть из чистого белка. В желудке они остаются в течение шести часов, способствуя перевариванию свежесъеденной растительной клетчатки и усвоению углеводов. Бактерии из растворившихся «облаток» не только помогают дальнейшему усвоению новой порции пищи, но и сами поставляют необходимые для организма белковые питательные вещества. Словом, у кроликов по сути дела весь пищеварительный процесс происходит примерно так, как у овец, коров и других жвачных животных (которые отрыгивают и вновь пережевывают уже проглоченную пищу), только несколько иным манером.

Когда кролик хочет произвести впечатление на крольчиху, он начинает расхаживать перед ней на негнущихся ногах, то и дело поворачиваясь к ней задом, поднимая хвост и демонстрируя его белую изнанку. Хвост этот, видимо, кроличья гордость, именно его он прежде всего старается показать с выгодной позиции. В заключение «ухажер» опрыскивает свою «даму» мочой, иногда даже с метрового расстояния или перепрыгивая через нее. Опрыскиваются мочой и соперники.

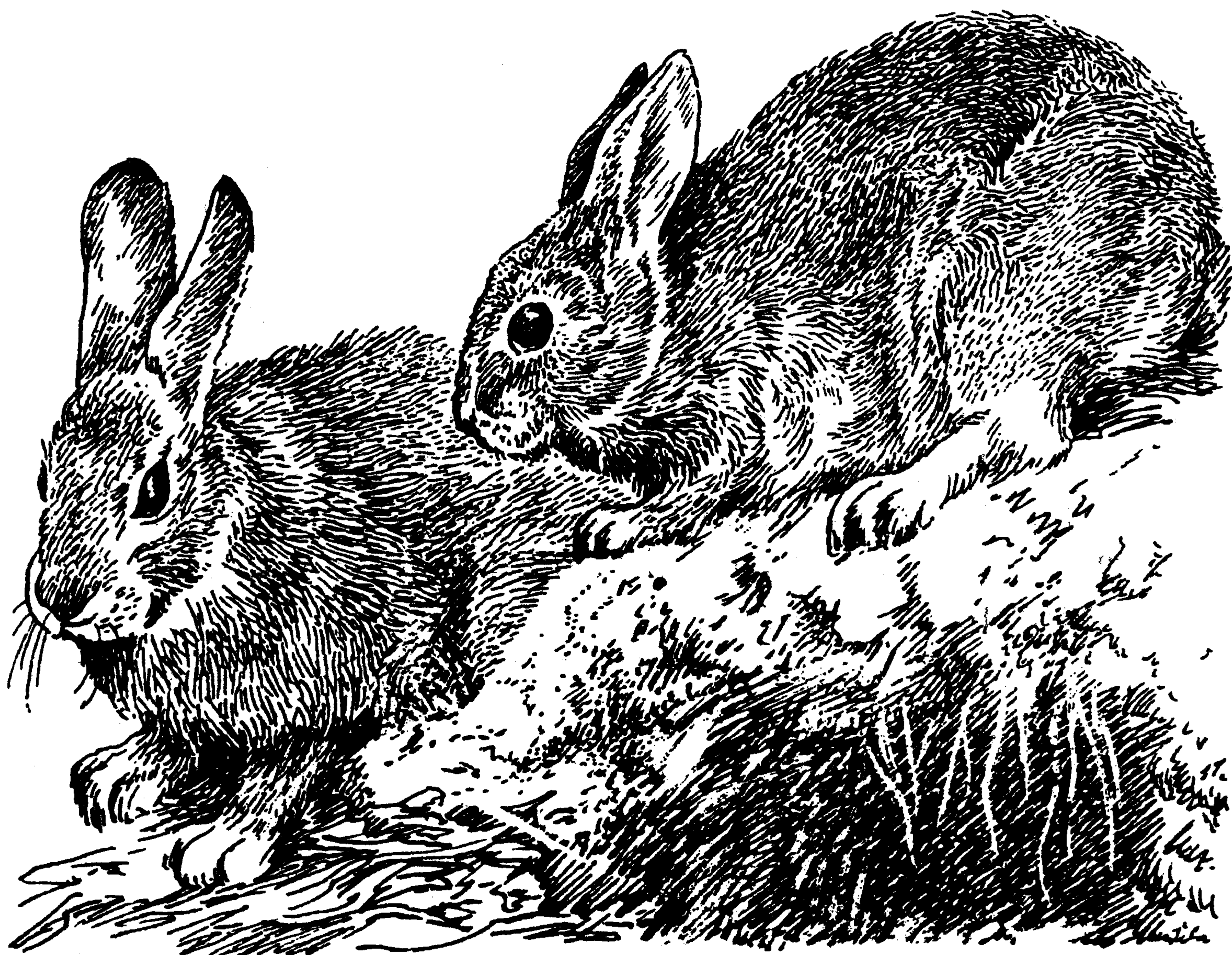
Но вот принадлежащую им территорию кролики не метят мочой или калом, как это делают волки, собаки и многие другие животные. Кролики для этой цели используют другие «духи», содержащиеся в особой железе (как у куниц, барсуков,

скунсов и мангуст). Под подбородком у кроликов-самцов расположены полукругом большие поры, выделяющие специальное пахучее вещество. Почесываясь подбородком о различные предметы вокруг, кролик метит свой охотничий участок. Шерсть на этом месте подбородка обычно всклокочена и имеет желтоватый оттенок, а у старых самцов она стерта почти до основания. Кролик-самец уже с трехмесячного возраста начинает оставлять подобным способом свои «визитные карточки». У крольчих поры на подбородке значительно мельче, и шерсть там всегда остается гладкой: им совершенно ни к чему выдавать каким-нибудь резким запахом местонахождение своих запрятанных крольчат.

Людам, даже длительное время наблюдавшим за кроликами, почему-то никогда не удавалось заметить у них спаривания. Уже предположили было, что кролики спариваются только под землей, но вскоре один исследователь на Тасмании все-таки сумел зафиксировать этот процесс. Крольчихи становятся притягательными для самцов через каждые семь дней.

Жизнь супружеских пар у кроликов складывается примерно так же, как у людей. Если по соседству избыток «незанятых» крольчих, крольчиха-супруга разрешает иногда своему супругу за ними поухаживать, даже погоняться за ними и спариться. Но ни в коем случае такая побочная жена не имеет права въехать к ним в дом: этого «законная» никогда не допустит. И той приходится на ролях матери-одиночки самой рыть себе по соседству жилище. Самец же никогда не допустит, чтобы какой-нибудь соперник начал посягать на его законную супругу или даже на побочных жен, живущих на принадлежащей ему территории, и, чего доброго, с ними спариваться. Тут уж он любыми средствами постарается этому помешать, в бешенстве наскакывая на дерзкого пришельца. В таких случаях шерсть летит клочьями, и соперники бывают изрядно покусаны.

Однако в Австралии во время засушливого сезона, а в Европе примерно в конце лета кролики становятся очень мирными. Они линяют и теряют всякий интерес к крольчихам. В это время они, по-видимому, не способны к размножению. Семенные железы становятся дряблыми и обычно втянуты в живот. Самки же, кажется, остаются плодовитыми круглый год. В такой период кролики живут мирно и тихо. Самцы пасутся рядом на лужайке, низшие члены

сообщества смешиваются с представителями королевского семейства и преспокойно спят с ними в одной норе. Таким образом, завязываются новые знакомства за пределами своего владения, которые потом, когда вновь наступает период размножения, легко переходят в брачные или любовные отношения. При этом снижается опасность близкородственного скрещивания в королевском семействе. У прирученных, хорошо откормленных животных период размножения не прекращается на протяжении всего года.

Дикие кролики могут регулировать численность своей популяции, причем самым удивительным образом. Частично это вызывается жестокой борьбой за существование, обусловленной, например, климатическими условиями. Так, на английском острове Скокхолме после засушливого лета 1959 года из 10 тысяч обитавших здесь диких кроликов только 150 пережили следующую зиму.

Недавно выяснилась совершенно ошеломляющая вещь; оказывается, часть кроличьего потомства никогда не покидает материнской утробы! Обычно крольчата появляются на свет через 28—30 дней, но при неблагоприятных обстоя-

тельствах зародыши на двенадцатый или двадцатый день могут снова раствориться в матке, и организм самки всасывает в себя назад все питательные вещества, израсходованные на эмбриона. На эту процедуру уходит от двух до трех дней; затем в молочные железы поступает молоко, а самка снова спаривается — словом, все происходит так, будто она уже родила.

Мэкильвейну, работавшему в 1962 году в Новой Зеландии, удалось установить, что у местных крольчих более 50 процентов беременностей кончается именно таким образом. Материнский организм при растворении зародышей теряет значительно меньше питательных веществ, чем при выкидышах, которые у кроликов случаются крайне редко. Чем больше кроликам приходится тесниться в загоне или на воле и чем хуже в связи с этим у них становится с питанием, тем больше число кроличьих детей, которым никогда не суждено увидеть белого света. По всей вероятности, здесь немалую роль играет чрезмерное нервное напряжение беременной самки: чем ближе приходится кроликам селиться, тем чаще и ожесточеннее возникают между ними драки. «Частные владения» дробятся на более мелкие и становятся все беднее кормом.

У молодых самок зародыши рассасываются чаще, чем у старых. Удалось выявить, что «королевы», то есть старшие по рангу крольчихи, за год приносят потомство 67 раз, крольчихи ниже рангом — 6, а еще ниже — 5 раз. «Королевы» при этом выращивают 56 процентов своих новорожденных, а низшие по рангу — только 31 процент. Число крольчат в помете увеличивается в течение года в среднем с четырех до шести.

При благоприятных климатических условиях крольчиха может принести в год свыше 30 крольчат. А поскольку дочери из первого помета в том же году могут сами дать от одного до двух приплодов, то дети и внуки одной крольчихи к концу периода размножения могут составить более 40 голов! В Новой Зеландии, судя по некоторым сообщениям, их бывает даже больше шестидесяти.

Если самка принесла свое потомство глубоко в норе, то каждый раз, выходя наружу, она старательно засыпает вход землей и самым тщательным образом его утрамбовывает.

Новорожденный крольчонок весит от 40 до 45 граммов, но уже спустя неделю удваивает свой вес. Примерно с восьмого дня он начинает слышать и к этому же времени покрывается

шерстью. Глаза у него открываются к десятому дню. Самка на второй же день после родов снова спаривается и через четыре недели покидает своих детей, чтобы родить новых. Для этого она в той же норе роет новую камеру.

Расцвета в своем развитии кролик достигает, по-видимому, к двадцати месяцам. В это же время он и больше всего весит. Считается, что дикие кролики доживают до восьми-девяти-летнего возраста. Однако у графа Б. Бассевица такой прирученный кролик прожил в доме 12 лет. Этот кролик быстро научился пользоваться ящиком с песком и никогда в комнате не гадил. Он очень подружился с шотландским терьером, с которым вместе вырос, и прекрасно отличал своих от чужих. Как только в доме появлялись гости, он мгновенно исчезал между пружинами дивана, где устроил себе «нору». За три дня до смерти он был еще вполне бодрым, только шерсть у него несколько потускнела. В самый же последний день кролик вдруг перестал есть и уже не мог скакать по комнате: у него отказали ноги. За пять минут до смерти он последним усилием вложил голову в руку своей хозяйки, госпожи Бассевиц, но лизнуть эту руку, как он это обычно делал, уже не смог...

Перенаселение, всегда сопровождающееся нервным перенапряжением, приводит не только к учащению случаев рассасывания зародышей, но и к гибели отдельных взрослых особей... В 1958 году был проделан такой опыт. В загон, где уже обитало шесть крыс, посадили еще 24. Эти «новички» стали постоянно подвергаться нападениям со стороны «старожилов». Вскоре почти все «новоселы» погибли, причем большинство из них — в первые же семь дней. При этом у них не было серьезных ранений, смерть наступила по другой причине — отказало сердце.

Патолог профессор Айкхов поймал как-то в сеть пятерых кроликов, в безумном страхе выскочивших из норы, спасаясь от запущенного туда черного хорька. Они были охвачены таким ужасом от встречи со своим смертельным врагом, что лежали в сетке словно парализованные с неподвижно вытаращенными глазами. После, уже в неволе, они, казалось, успокоились, начали есть и скакать по вольере, но окончательно они так никогда и не оправились от испуга, а, наоборот, тощали с каждым днем и вскоре скончались от ба-

зедовой болезни. А вот искусственным путем ни одному исследователю до этого не удавалось вызвать эту распространенную среди людей болезнь у какого-либо животного.

У завезенных в Австралию европейских диких кроликов появляются совсем другие обычаи, чем в Европе. Зоолог Георг Нитхаммер в 1936 году отловил в Саксонии 63 кролика, пометил их и снова отпустил. Через год шестнадцать из помеченных кроликов было отстреляно, причем обнаружили, что они обитали не дальше чем в 100 метрах от места их предыдущей поимки. Когда отловленных кроликов относили на 600 метров от места их обитания, они непременно возвращались назад, к своему «дому».

В Австралии же кролики ведут себя иначе. В 1859 году в районе Джилонга в штате Виктория высадили английских кроликов. Ежегодно они стали распространяться на 100 километров к северу и к западу, и через три года это уже было настоящим бедствием. Плодовитость их нисколько не уменьшалась, и вплоть до 1950 года они все больше завоевывали новый континент. Может быть, их победное шествие закончилось бы уже несколько раньше, если бы на первой партии «новоселов»... не вымерли все блохи (по-видимому, это произошло за время долгого морского путешествия на парусной шхуне). Но до этого додумались только значительно позднее. Об этом я расскажу несколько дальше.

Среди кроликов Южной Америки распространена болезнь, которая в местных условиях протекает в довольно легкой форме и почти никогда не приводит к смертельному исходу. Возбудитель этой болезни относится к группе вирусов, в которую входят и возбудители человеческой оспы, коровьей оспы и оспяного дифтерита у кур. Болезнь эта впервые была обнаружена и описана в 1897 году, когда ею заразились европейские домашние кролики, содержащиеся при больнице в Монтевидео. Протекала она у них в очень тяжелой форме. Через полстолетия название этой болезни стало известно почти всему миру: это был кроличий миксоматоз. Только после пятнадцатилетних поисков в 1942 году исследователю Арагао удалось выявить ее возбудителя и установить, что от одного кролика к другому он передается через москитов и других летающих кровососущих насекомых.

В Калифорнии, где эта эпизотия «у себя дома», болезнь тоже протекает в весьма легкой форме. Умирают от нее только кролики, ввезенные туда из Европы.

Зная это, английский ученый Чарлз Мартин из Кембриджа в 1936/37 году, а затем в 1938 году попробовал истребить 10 тысяч кроликов, населявших остров Скокхолм, заражая их этой болезнью. Сначала он искусственно заразил 83 кролика, а через год — еще 55. Но болезнь не желала распространяться, даже когда он заразил ею семь кроликов из числа живущих в очень тесном загоне. Причину такой неудачи сэр Чарлз узнал лишь двадцать лет спустя, накануне своей смерти.

Да и австралийским исследователям и истребителям кроликов поначалу везло не больше. Они пробовали заносить миксоматоз в засушливые районы, но там болезнь никак не хотела распространяться. Только в 1950 году они случайно проделали свои опыты во влажной местности близ реки, и... неожиданный результат: смерть пошла косить налево и направо несчастных длинноухих. По-видимому, в том районе водились определенного вида комары, служащие переносчиком инфекции. У бедных кроликов страшно распухали головы, они слепли и глохли и в таком ужасном виде метались по улицам и полям, ища спасения. Зрелище было настолько страшным, что кролики нашли себе много сочувствующих. Но справедливости ради надо сказать, что их страдания, возможно, были не такими уж невыносимыми, поскольку они продолжали есть даже за несколько часов до смерти.

В последующие три года миксоматоз искусственно ввозили в самые различные районы Австралии. Но особый успех эта «бактериологическая война» имела лишь в тех местах, где жили одновременно и кролики и комары, следовательно, прежде всего в юго-восточных штатах. В засушливых же районах ничего не получалось. Тем не менее считают, что ввоз миксоматоза сохранил сельскому хозяйству Австралии полмиллиарда марок.

Победное шествие ввезенной в Австралию «импортной» смерти не давало покоя энтомологу и исследователю туберкулеза доктору Арману Делилю, живущему во Франции в замке Майбуа в предместье Дрё, недалеко от Парижа. Его средневековый с угловыми башнями замок расположен в обширном парке, занимающем 250 гектаров и обнесенном со всех сторон высокой каменной стеной. Тысячи диких кроликов, обитаю-

щих в этом парке, бесчинствовали у него на огородах и подгрызали молодые посадки деревьев. Поэтому доктор А. Делиль раздобыл у своего коллеги из швейцарского бактериологического института в Лозанне возбудителей миксоматоза, велел обтянуть провололочной сеткой все выходы из своего владения и заразил этой болезнью двух пойманных в ловушку кроликов. Через шесть недель погибло уже 98 процентов диких кроликов. Однако при этом не пострадал ни один из домашних кроликов, живущих в крольчатнике. Отсюда доктор Делиль сделал заключение, что болезнь эта разносится вовсе не комарами.

В октябре 1952 года кролики, погибшие от миксоматоза, были обнаружены уже в Рамбуйе, резиденции французского президента. По утверждению доктора Делиля, жители окрестных деревень, прослышавшие о его блестящей войне с кроликами, но не получившие у него возбудителя миксоматоза, попросту выкрали ночью из его парка несколько больных животных.

Поначалу Делиль хотел сохранить успех своего опыта в секрете, но это было уже невозможно. Болезнь распространилась по всей Франции и погубила, по подсчетам Пастеровского института в Париже, примерно 35 процентов домашних и 45 процентов диких кроликов. Узнав, что это очень радует работников сельского хозяйства, Делиль в 1953 году решился выступить с официальным сообщением о своих опытах. Но тут надо вспомнить о том, что во Франции, где истреблены уже почти все дикие животные, кролики — основная охотничья дичь. Главное охотничье управление доселе каждый год продавало охотничьи лицензии на сумму свыше одиннадцати миллионов марок. Но к 1956 году число владельцев охотничьих билетов сократилось с 1860 тысяч до 300 тысяч. В то время Франция ежегодно экспортировала от 6 тысяч до 8 тысяч тонн кроличьих тушек, 15 миллионов кроликов использовалось внутри страны. С кроликами была связана деятельность нескольких десятков тысяч людей. Поэтому Охотничье управление вместе с обществами кролиководов возбудили дело против Делиля, требуя взыскать с него неустойку.

Сначала доктору Делилю действительно присудили уплатить требуемое. Но затем в более высокой судебной инстанции его оправдали. Наказать его в те времена было вообще невозможно, поскольку тогда еще не существовало закона, караю-

щего намеренный занос эпизоотий. Такой закон вышел только позже, в 1955 году. Академия сельского хозяйства даже наградила доктора Делиля золотой медалью. Тем не менее охотники и кролиководы до сих пор ведут с ним непримиримую борьбу.

Из Эльзаса «кроличья смерть» прошествовала по Германии, а оттуда — в остальные европейские страны.

В 1953 году болезнь каким-то образом перекочевала в Англию. И вот тогда исследователь кроликов К. М. Луклей, в поместье которого на острове Скокхолм сэр Чарлз Мартин когда-то проводил свои неудавшиеся опыты с миксоматозом, поехал в Суррей и Кент, чтобы осмотреть там первых погибших от этой болезни кроликов. Он заметил, что по ним ползало множество кроличьих блох (*Spilopsyllus cuniculi*). Когда кто-нибудь поднимал такого кролика, они переползали на его руки и одежду. Даже на кроликах, погибших неделю назад, блохи были еще живы. Они оставались живыми и в снег и в холод. Кролики, погибшие последними, были буквально засыпаны этими насекомыми: вероятно, блохи, стараясь спастись, перебирались с мертвых на живых. Даже в мешках и сумках, в которые собирали дохлых кроликов, еще долго находили живых блох.

Луклею опытным путем удалось доказать, что именно эти блохи и есть переносчики инфекции миксоматоза. Над загонем с дикими кроликами, среди которых свирепствовал миксоматоз, он подвешивал на дереве клетку с домашними кроликами. И несмотря на то что кругом летали комары, кролики оставались здоровыми — блохи, по-видимому, не сумели найти к ним дорогу на дерево. Выяснилось также, что у кроликов с острова Скокхолм блох вообще не было, в то время как кролики, населявшие остров Скомер, находящийся всего в трех километрах от него, были очень блошливы. Вот почему, оказывается, в свое время не удалась опыты у сэра Мартина!

Поскольку многие чувствительные люди не могли вынести вида несчастных, беспомощно блуждающих по окрестностям ослепших кроликов, союзы охраны животных стали рассылать по стране специальные отряды, которым было поручено пристреливать этих обреченных. В то же время Луклею удалось выяснить из разговоров с различными попутчиками, что многие фермеры предпринимают довольно дальние поездки, чтобы

раздобыть себе больных кроликов из Суссекса или Кента и заразить ими кроликов на собственной ферме.

С помощью миксоматоза число диких кроликов в Англии сократилось до того уровня, которого оно достигало в начале XIX столетия. К тому же никто теперь не хотел покупать кроличьего мяса и есть его. Поэтому для крестьян-кролиководов не было больше смысла беречь кроликов и содействовать их размножению. Кроме того, с 1958 года в Англии запретили пользоваться капканами, так что и естественным врагам кроликов снова удалось размножиться.

Разумеется, австралийцы тоже не замедлили раздобыть себе кроличьих блох. В 1950 году они завезли их из Англии и начали искусственно разводить, чтобы распространить миксоматоз и в засушливых областях, где было мало подходящих переносчиков болезни. Правда, кенгуровая блоха (*Echidrophaga turmesobii*) при случае переходит и на кроликов, среди которых может потом разнести инфекцию, но делает она это крайне редко и предпочитает все же кенгуру.

Вначале европейские блохи никак не хотели размножаться в австралийских исследовательских институтах. Но в 1960 году А. Р. Мид-Бригс сделал одно удивительнейшее открытие: оказывается, самки кроличьих блох откладывают яйца только после того, как напьются крови беременной крольчихи. В период засухи, когда самцы кроликов забывают о любви, а крольчихи перестают заниматься деторождением, число блох резко снижается.

В самое последнее время серьезно занялась изучением этих блох Мириам Ротшильд. И что же? Ей удалось выяснить, что блохи спариваются только на кроличьих детенышах. Спустя несколько часов после рождения крольчат блохи покидают свое обычное место пребывания, а именно уши крольчихи, из которых обычно сосут кровь, и перебираются на морду животного. В то время как крольчиха облизывает своих новорожденных, блохи перепрыгивают на них и там спариваются. Сигналом для подобных действий, по всей вероятности, служит изменение гормональной насыщенности крови у крольчихи. Инъекция небольшого количества кортизола, сделанная кролику, приводит к тому, что блохи, в особенности самки, еще крепче впиваются в кожу хозяина, а введение большей дозы того же стероида заставляет этих насекомых покинуть кроличьи

уши. По-видимому, в крови крольчихи через несколько часов после родов наступают определенные гормональные изменения, влияющие в свою очередь на поведение блох.

Как только блохи попадают на новорожденных крольчат, они разбегаются по всему их тельцу и с жадностью принимаются сосать кровь. Спустя несколько часов блохи приступают к спариванию. Вещество, стимулирующее этот процесс, по-видимому, содержится в основном в крови однодневных кроликов, потому что, когда крольчата достигают семи-, восьми-дневного возраста, он прекращается.

Если крольчата появляются на свет слабыми или мертвыми (что зимой случается довольно часто), блохи после родов не покидают крольчихи-матери. Возможно, что в таких случаях гормональные изменения в крови не достаточно сильно выражены для того, чтобы побудить блох сойти с насиженного места на ушах крольчихи и приступить к размножению.

Кто знает, какие еще чудеса откроются при дальнейшем изучении таких, казалось бы, обычных и ничем не примечательных животных, как кролики!

Когда в 1950 году в Австралии наконец разразился «кроличий мор», он уничтожил 99,8 процента всех зараженных кроликов. Но уже в 1953 году некоторые кролики стали выздоравливать после перенесенного миксоматоза. Специалисты с самого начала предсказывали, что эта болезнь вовсе не навсегда сможет победить ненавистных длинноухих вредителей. И действительно, с каждым годом все больше кроликов не заболело миксоматозом, а заболевшие все чаще выздоравливали. Возбудители болезни со временем становились все слабей, но именно эти ослабленные штаммы распространялись гораздо скорей, чем новые, более сильные, которых выращивали в лабораториях. А кролики, перенесшие слабую форму заболевания, уже вырабатывали иммунитет против более сильной.

«Миксоматоз был случайным попаданием в цель», — говорят ученые. Нет никакой уверенности в том, что и в дальнейшем можно будет выращивать новых возбудителей, способных снова вызвать поголовный «кроличий мор». Поэтому сейчас всячески проповедуют, что надо искать другие средства борьбы с кроликами. Так, например, на Тасмании миксоматоза никогда не было, тем не менее кролики там перестали наносить

вред сельскому хозяйству. Этому добились, возводя заборы и отравляя кроликов ядовитыми веществами. Сельскому хозяйству это приносит немалую выгоду: ведь десять кроликов съедают столько же травы, сколько одна овца, но овца производит в 3 раза больше мяса, чем все эти кролики, вместе взятые.

Некоторые австралийские штаты наложили полный запрет на продажу кроличьего мяса, другие же и не помышляют о таком законе. Так что по сей день еще есть «кроличьи фермеры» крестьяне, совершенно не заинтересованные в истреблении кроликов, а, наоборот, зарабатывающие деньги на продаже этих животных.

Как мало на самом деле истребил миксоматоз кроликов после памятного 1950 года, показывают следующие данные: за двенадцать месяцев 1955/56 года из Австралии было вывезено 23,4 миллиона кроличьих шкурок и около 7,1 миллиона их переработано в самой стране. 12 миллионов диких кроликов было отстреляно для экспорта в другие страны и 33,2 миллиона съедено внутри страны. Вместе это ежегодно составляет 45,2 миллиона кроликов стоимостью в 62 миллиона марок. Вначале это может показаться довольно значительной статьей дохода, но на самом деле такая сумма лишь небольшая «заплата» на обширной бреши, которую кролики ежегодно вносят в бюджет австралийского сельского хозяйства.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЗООПАРК НАД ПОРТОМ

Образцово-показательный Таронга-парк в Сиднее.— Жирафы на фоне океанских пароходов.— Только в обмен на животных.— Заслуги сэра Эдварда Халлстрема.— Меняем двух белых кенгуру на саблезубого тигра

Наверное, ни один зоопарк в мире не расположен столь живописно, как Таронга-парк в Сиднее — столице штата Новый Южный Уэльс.

Сидней, основанный в 1788 году, по европейским масштабам город молодой. Однако сейчас это уже самый крупный город Австралии, имеющий 2,5 миллиона жителей. Правда, в последнее время за пальму первенства с ним усиленно соревнуется Мельбурн, расположенный южнее и потому отличающийся более прохладным климатом.

По размеру территории, приходящейся на душу населения, Сидней превосходит любой крупный город мира. Незаселен-

ность многих мест объясняется крайне невыгодным расположением города в холмистой, изрезанной бесконечными оврагами местности, в которую глубоко вклиниваются два больших залива — Ботани-Бей и Порт-Джексон. Просто удивительно, что такой крупный культурный центр мог развиваться в столь неблагоприятных географических условиях; едешь, едешь, уж, кажется, проехал целую страну, а, оказывается, все еще находишься в пределах границ города Сиднея!

Уже в 1880 году здесь, в Мур-парке, открыли зоопарк, но вскоре отведенная под него площадь оказалась недостаточной. И вот 24 апреля 1912 года торжественно был открыт новый зоологический сад — Таронга-парк, расположенный в тогда еще девственной местности, прямо против входа в Порт-Джексон. Занимал он вначале 17,2 гектара, но в связи со всякого рода достройками и усовершенствованиями вырос с тех пор до 28 гектаров. К сожалению, изумительная по красоте местность, на которой раскинулся Таронга-парк, слишком холмиста и изрезана множеством оврагов с крутыми склонами.

До Таронга-парка из центра города есть два пути. Можно проехать туда через знаменитый роскошный портовый мост «Харбоурбридж», возвышающийся на 60 метров над водой и тянущийся в длину на 1200 метров (это целая автострада, так как автомобили могут проходить по мосту в десять рядов). И в таком случае вся поездка займет не больше двадцати минут. А можно сюда добраться и по воде на специальном прогулочном катере, что займет немножко больше времени.

Когда вы входите на территорию парка, вас прямо ошеломляет необыкновенной красоты картина, открывающаяся перед вашими глазами: сверкающая водная гладь залива, по которой медленно плывут огромные океанские пароходы, а на противоположном берегу — четкие силуэты небоскребов и других новостроек Сиднея.

Подобный вид, но значительно менее величественный открывается только из зоопарка в Галле да еще, пожалуй, из недавно построенного парка в Инсбруке. Но живописное расположение Сиднейского зоопарка имеет, к сожалению, и свои недостатки: вольеры с животными насквозь продуваются резкими ветрами с моря, непрерывно гуляющими по открытой, ничем не защищенной территории порта. Поэтому, чтобы уберечь от холода теплолюбивых экзотических животных, со сто-

роны моря пришлось построить специальные бетонные ограждения. Ведь в Сиднее зимой становится довольно прохладно: температура воздуха иногда падает почти до нуля градусов. Эти бетонные стены несколько портят впечатление во время прогулки по парку. А фотографам они просто мешают: чтобы снять обезьян или слонов на фоне океанских пароходов в порту, они вынуждены даже забираться на деревья. Однако животным такие ограждения идут на пользу. Так, здесь в довольно небольшом цементированном загоне охотно плодятся даже капризные жирафы. От одной пары жирафов удалось получить уже 15 детей и внуков, которые разосланы по другим зоопаркам Австралии. Тут прекрасно размножаются также черные носороги, шимпанзе, козлы тары и прочие обычные обитатели зоопарков, уже не говоря о различных видах кенгуру.

Столь разнообразный ассортимент иноземных животных объясняется скорее всего особой политикой вывоза животных из Австралии. Хотя многие отечественные животные здесь, у себя на родине, охраняются довольно плохо, а некоторые виды находятся вообще под угрозой полного истребления, тем не менее запрет на вывоз их из страны поставлен со всей строгостью и неукоснительно проводится в жизнь. Разрешается лишь обмен местных животных на представителей иноземной фауны. Таким образом было достигнуто своего рода монопольное положение и Сиднейскому зоопарку удалось раздобыть таких редких животных, как белые носороги, гориллы и даже окапи.

Главная заслуга в создании Таронга-парка принадлежит несомненно сэру Эдварду Халлстрому, избранному в 1948 году председателем Зоологического общества, а с 25 сентября 1959 года — его почетным президентом.

В Сиднейском зоопарке содержится 4900 животных, среди которых 900 млекопитающих, 2500 птиц, 120 рептилий и 1400 рыб. Обслуживает зоопарк более 100 сотрудников. А посещает его 1,2 миллиона человек в год.

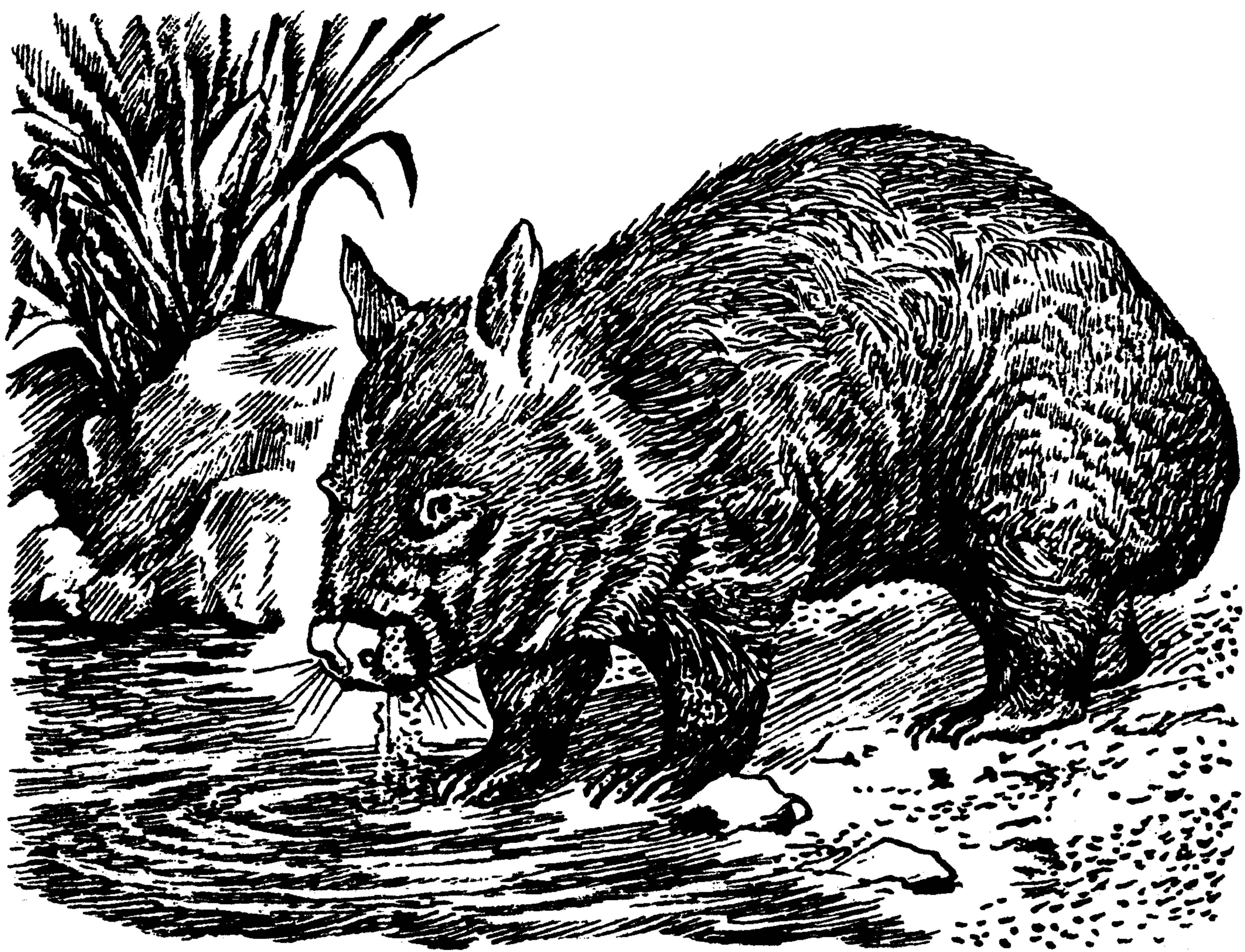
Здесь довольно удачно разводят травоядных, что отчасти объясняется тем, что Эдвард Халлстром выращивает для них корм на специально заложенных плантациях. Во время своих посещений Таронга-парка я обратил внимание на то, что жирафы, например, постоянно получали свежую зелень молодой люцерны, коротенькие стебельки которой говорили о том, что

растение скошено как раз в той стадии, когда оно содержит больше всего растительного белка. А для жирафов это особенно важно, потому что на воле они питаются листьями деревьев и там, высоко в кронах, у них почти нет конкурентов по добыванию корма. А это значит, что они могут быть разборчивыми и выбирать себе самые сочные и свежие побеги.

Во время моего пребывания в зоопарке сэр Халлстром как раз вернулся из Соединенных Штатов, где успешно завершил довольно необычную сделку: двух белых кенгуру, выращенных на его собственной усадьбе, он выменял на полный скелет знаменитого вымершего саблезубого тигра!

Австралийскую фауну можно увидеть на Пятом континенте и в других зоопарках. Все они гораздо меньше, но зато с более естественными для этих животных условиями обитания. Так, например, в парке Хилсвилл близ Мельбурна можно наблюдать даже за подводной жизнью утконосов, в Куриенг-Гай-парке, расположенном в 25 километрах от центра Сиднея, любоваться вольно разгуливающими кенгуру и эму, а в зоопарке Аделаиды наблюдать за лихими прыжками горных кенгуру.

Очень чистенько и с большой любовью содержится зоопарк в Перте. И тем не менее сиднейский Таронга-парк надо признать ведущим среди всех зоопарков Австралии, а заодно отметить и несомненную заслугу в организации зоопарков на всем континенте почетного президента сэра Эдварда Халлstroma. Спасибо ему за это! Впрочем, с 1959 года сиднейское Зоологическое общество возглавляет уже его сын Джон Эдвард Халлстром.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЖИВОТНОЕ С ПЕРЕВЕРНУТОЙ СУМКОЙ

Поставщик «барсучьей ветчины». — Еще один «вредитель». — Детям и собакам вход воспрещен. — Грозный вомбат лезет «на ручки». — Беглецы на «Вилле Боргезе». — Война с павианами не мешает хорошему аппетиту. — Характер портится с годами

Когда речь заходит о брюшной сумке сумчатых животных, то каждый невольно представляет себе сумку на животе кенгуру, поскольку они, как правило, единственные представители сумчатых, которых нам приходилось видеть в зоопарке. Эта сумка на животе выглядит, как карман на фартуке домохозяйки. Детеныш зачастую выглядывает оттуда, высунувшись по пояс наподобие зеваки, удобно устроившегося с локтями на подоконнике. У животного, которое проводит большую часть жизни на двух ногах, держась в вертикальном положении, сумка и не может быть устроена иначе, а то детеныш легко бы мог

вывалиться оттуда. Но вот у других сумчатых животных сумка устроена совершенно по-другому.

Выяснилось это в 1914 году, когда работники Галльского зоопарка, к своему несказанному удивлению, неожиданно обнаружили, что детеныш вомбата выглядывает наружу... между задними ногами своей матери. Значит, сумка вомбата открывается в обратную сторону! Насколько мне известно, это был вообще единственный случай удачного размножения вомбата в неволе. Правда, в 1931 году этого же удалось добиться и в Англии, в городе Випснеде. У маленького вомбата его первое в жизни путешествие — из влагалища самки в ее сумку — значительно короче и безопасней, чем у новорожденного кенгуренка. Зато самке вомбата значительно сложнее с «уборкой» в сумке: она не в состоянии, как мамаша-кенгуру, открывать ее руками, совывать туда голову и наводить в ней порядок. Да и лапы у вомбата не приспособлены для подобных операций: они слишком коротки и неуклюжи.

Теперь нам уже известно, почему у роющих, живущих в земляных норах сумчатых, сумка, как правило, открывается в обратную сторону: дело в том, что иначе во время рытья туда легко бы залетал песок, да и при перебежках на таких коротких ногах его тоже того и гляди туда можно зачерпнуть. Но между прочим, и у коала, проводящих свою жизнь на деревьях, сумка открывается назад, а не вперед.

Первые европейцы, которым удалось обнаружить вомбатов, не ломали себе голову над подобными проблемами. Для них эти животные были просто «разновидностью диких свиней», которых они подстреливали и съедали. Впервые обнаружили вомбатов моряки с корабля «Сидней коув», которые по пути в Индию потерпели кораблекрушение в Бассовом проливе, отделяющем австралийский берег от Тасмании. Они спаслись на одном из бесчисленных маленьких островков в этом проливе. Морякам мясо вомбата пришлось по вкусу, и, когда в июле 1797 года их подобрало судно «Фрэнсис», они захватили с собой живого вомбата и подарили его тогдашнему британскому губернатору Хантеру.

Год спустя в пролив направились Джордж Басс (его именем и был назван этот пролив) и Мэтью Флиндерс, чтобы обследовать острова, на которых обитали эти необычные животные. Оба исследователя пришли к заключению, что вомбаты на-

поминают «маленьких медведей». Первые же поселенцы прозвали их барсуками, а мясо их называли барсучьей ветчиной. Недавно в одной книге я прочел, что вомбат — это то же самое, что большой хомяк.

Тем временем новые поселенцы Порт-Джексона (теперешнего Сиднея) обнаружили, что эти животные водятся и во внутренних районах материка. Аборигенам, населявшим тогда эти земли, они были хорошо известны, и само название «вомбат» взято именно из их языка.

Одного из вомбатов с островов Бассова пролива ботаник Броун привез в Лондон. Там животное благополучно прожило два года в доме известного хирурга Клифта из королевского хирургического колледжа, где с ним познакомились многие анатомы того времени, и среди них замечательный хирург Эверерд Хоум. Этот вомбат был исключительно приветливого нрава и доверчиво шел ко всякому, кто изъявлял желание с ним пообщаться. Он вставал на задние лапы, клал передние на колени гостю и охотно засыпал у кого-нибудь на руках. Даже детям он разрешал себя таскать по комнатам, а если и кусался, то не всерьез — только так, для порядка.

Эверерд Хоум опубликовал в 1808 году подробное описание повадок этого вомбата, где говорилось о его пристрастии к рытью, от которого он не мог отказаться, даже живя в комнатных условиях, о беспокойстве, которое он причинял по ночам своей непрерывной беготней взад и вперед, и о том, что это чисто травоядное животное.

Спустя более чем сто лет, в 1924 году, биолог Вуд Джонс отметил, что за этот долгий срок наши познания об образе жизни вомбата не очень-то продвинулись вперед. Правда, в последние десятилетия зоологи, следуя новой моде анатомических исследований, старательно посылали в музеи скелеты и шкуры вомбатов, по которым были описаны многие «различные» виды этих животных. Но теперь нам уже известно, что это были не различные виды, а один и тот же, просто варьирующий по своим размерам и окраске в зависимости от места своего обитания.

Сейчас выделены два основных вида или, если хотите, даже рода вомбатов. Первый — это жесткошерстный, гладконосый вомбат (*Phascolomis ursinus*), обитающий в юго-восточной Австралии, на острове Тасмания и на острове Флиндерс

в Бассовом проливе. У него круглые уши, голый гладкий нос, а окраска шерсти варьирует от желтоватой до серой и даже черной. Второй — мягкошерстный, широколобый, волосатоносый вомбат (*Lasiorhinus latifrons*) — отличается от него мягкой шерстью, острыми ушами и тем, что весь нос у него покрыт короткими волосками. Этот вид прежде обитал в холмистой местности юго-восточного Квинсленда, где в настоящее время, по-видимому, полностью истреблен; теперь он встречается только в самой южной части штата Южная Австралия. У этих волосатоносых манишка (шея и грудь) обычно белая, в то время как остальной шерстный покров в серых, черных или коричневых пятнах.

У европейских поселенцев к вомбатам было двойственное отношение: с одной стороны, они их очень устраивали как поставщики «барсучьей ветчины», с другой — ужасно злили тем, что, обладая огромной силой, прорывали проволочные ограждения от кроликов; к тому же и в норах, вырытых вомбатами, укрывались ненавистные кролики. За такие проступки вместе с кроликами отравляли ядом и душили газом и вомбатов. Этим безобидных увальней обвиняли и в тех случаях, когда какая-либо лошадь или корова ломала себе ногу, провалившись в их нору.

Вомбатов уже давно начали безжалостно отстреливать. Так, штат Виктория в 1909 году объявил их вредителями. Даже еще в 1963 году были выплачены премии за 7814 убитых вомбатов.

Их не только отстреливали, но и отлавливали живьем. Делалось это так: перед выходом из норы ставилась западня в виде ящика, и после нескольких дней голодовки вомбат уже сидел в ней. Или же точно напротив того места, где вомбат прорыл дыру в садовой ограде, закапывали в землю бочку и сверху клали качающуюся доску, которая под тяжестью животного переворачивалась.

Рассматривая пойманных или застреленных вомбатов, люди вскоре обнаружили, что зубы у них растут совершенно иначе, чем у всех прочих сумчатых. Зубы вомбата не имеют настоящих корней, а отрастают в течение всей жизни, по мере стачивания, так же как это происходит у грызунов. Это объясняется, видимо, жесткостью пищи, которую потребляют эти животные. У вомбата, как у бобра, спереди растут по два мощных нижних и верхних резца. При желании этих животных

можно было бы даже назвать «сумчатыми грызунами». Питаются они травой, корнями, корой, а при случае и грибами. В длину вомбат вместе с его коротким обрубочком-хвостом достигает от 70 до 120 сантиметров и весит от 15 до 27 килограммов.

Невзирая на то что постройки вомбата настолько обширны, что любой мальчишка свободно может по ним проползти вплоть до самой гнездовой камеры, тем не менее такие эксперименты проделывать не рекомендуется. Вомбат отчаянно отстаивает свою свободу. Так, если схватить его за спину, он обычно внезапно взбрыкивает одновременно обеими задними ногами и наносит ими преследователю весьма ощутимый удар. Собаке очень трудно вытянуть вомбата из его норы, потому что, во-первых, у него нет хвоста, за который можно было бы ухватиться, и, во-вторых, у него такая толстая и плотная кожа, что вонзить в нее зубы практически невозможно. К тому же эти мускулистые неповоротливые тяжеловесы в таких случаях резко упираются своими короткими крепкими лапами в стену, а спиной с силой прижимают собачью голову к потолку или к противоположной стене норы. Подобным способом они

уже не раз ломали собакам челюсти. Точно так же они могут защемить руку человеку, пытающемуся вытянуть их из убежища.

Хотя вомбаты живут обычно в одиночку и сходятся вместе только в брачный период, ходы их строений под землей иногда сообщаются друг с другом. Так, однажды была обнаружена колония, занимавшая 800 метров в длину и 60 в ширину. Ведут ли, однако, обитатели подобной колонии какую-то упорядоченную совместную жизнь — этого пока еще никто не знает. Обычно каждая нора располагается вблизи поваленного дерева или плоской площадки, на которых вомбаты в полдень принимают солнечные ванны. Эти крупные сумчатые протаптывают себе твердые тропинки, тянущиеся иногда на целые километры. На Тасмании, где этих животных в последнее время перестали преследовать, они роют себе норы прямо под улицами на окраинах городов. Но поскольку они ведут ночной образ жизни, их не очень-то легко увидеть. Большинство людей даже и не подозревает, что вомбаты живут совсем рядом с ними.

Рыбаки острова Кинг в Бассовом проливе когда-то забавлялись тем, что приучали вомбатов жить возле дома, словно собачек. Выращенные людьми животные днем уходили в лес, а к вечеру возвращались домой. В 1798 году, когда на островах пролива побывал Джордж Басс, здесь еще было множество диких вомбатов. Но уже через 90 лет они оказались там полностью истребленными. Правда, в 1908 году зоолог Чарлз Барретт, проведший несколько недель на острове Флиндерс, обнаружил там еще нескольких вомбатов. Остров этот занимает примерно 50 километров в длину и 23 в ширину. Его пересекают небольшие горы высотой от 300 до 500 метров. Видимо, такая природная обстановка вомбатов вполне устраивает: во всяком случае жесткошерстные «гладконосы» за это время там даже заметно размножились.

Поскольку вомбаты хорошо приспособляются к жизни в неволе, их довольно часто увозили за океан в различные зоопарки (хотя из-за ночного образа жизни их нельзя назвать особенно интересными для зрителей экспонатами). В Лондонском зоопарке один мягкошерстный «волосатонос» прожил 17 лет, а жесткошерстный «гладконос» даже целых 20. Большой популярностью пользовалась самка Венда из зоопарка «Маккензи сэнкчури» близ Мельбурна, которая свободно разгули-

вала по дорожкам парка и даже разрешала посетителям брать себя на руки.

Как-то в новый Римский зоопарк прибыла специально выписанная парочка вомбатов. Когда их осмотрели, оказалось, что самка изрядно покусана. Видимо, ей досталось от ее попутчика во время путешествия на пароходе. Это и неудивительно, если учесть, что вомбаты привыкли на свободе жить в одиночку и объединяются лишь для размножения.

С этой парочкой и после прибытия получились сплошные неприятности. Служитель забыл их запереть на ночь в специальном помещении с цементным полом, и они, к великому огорчению директора зоопарка Кноттеруса-Мейера, устроили под забором подкоп и исчезли. Случилось это в ноябре. Зимой животные провели, как потом выяснилось, в соседнем парке «Виллы Боргезе», в котором тогда еще водились, а может быть и теперь водятся, европейские барсуки, о чем многие люди даже и не подозревали. То, что парк этот на ночь запирался, животным было явно на пользу. Только в марте следующего года сезонным рабочим удалось поймать удравших вомбатов. Они привязали их за ноги к дереву и сообщили администрации зоопарка о своей находке. Так беглецы были возвращены на место жительства.

Раньше в зоопарках часто практиковали совместное содержание обезьян с некоторыми малоподвижными животными, например с броненосцами или черепахами. Нельзя сказать, чтобы этих флегматиков очень устраивала столь беспокойная компания.

Когда в Римском зоопарке вомбата посадили в общую клетку с павианами, он поначалу переносил их шумное соседство со стоическим спокойствием. Когда наступал час кормления, он не торопясь, солидно и уверенно занимал свое место у кормушки, не обращая ни малейшего внимания на орущих и толкающих друг друга обезьян. Но зато *их* он явно интересовал: им показалось, что он слишком много ест. «Нахала» решили проучить. Сначала павианы уселись полукругом и начали нервно поднимать брови и жевать (первый признак возбуждения у обезьян); затем они стали шлепать рукой об пол, отбегать на несколько шагов и с грозным видом приближаться к вомбату. Все было напрасно: вомбата весь этот спектакль ничуть не интересовал — он продолжал невозмутимо есть. Тогда са-

мый храбрый из павианов уперся рукой в широкий лоб вомбата и попробовал сдвинуть толстяка с места. Однако тот только еще ближе придвинулся к кормушке и, предостерегающе сопя, продолжал свою трапезу. Опасаясь, по всей видимости, острых зубов своего компаньона, обезьяны при следующих кормлениях решили досаждать ему другим способом: они ловко подскакивали то с одной, то с другой стороны и молниеносным движением выхватывали у него из-под самого носа лучшие куски. Такими приемами им иногда удавалось вывести вомбата из равновесия, и он, пыхтя, кидался на обидчика, но, разумеется, никогда не мог схватить проворной обезьяны. Часто такой спектакль кончался диким всеобщим визгом павианов и «песочной бомбардировкой», во время которой обезьяны полными пригоршнями метали песок в вомбата, а тот, словно осел, брыкаясь одновременно двумя задними ногами, тоже взметал в воздух каскад песка. Однако до настоящей грызни дело никогда не доходило. И действительно, за какое место можно ухватить такую толстую и упругую свиную шкуру? А уши и ноги для этой цели тоже слишком коротки. К тому же вомбат умеет кусаться...

Когда вомбата сажали в общую клетку с более приветливыми и доброжелательными соседями, он вел себя с ними очень миролюбиво. Так, макаки и пальмовые куницы пристрастились кататься на нем верхом. И он спокойно разрешал проделывать над собой подобные шутки. Со всеми животными он обходился весьма дружелюбно, спокойно спал вместе с обезьянами, пальмовыми куницами и виверрами, причем служил для них своего рода печкой.

Необыкновенной общительностью отличался также вомбат, пойманный в шестимесячном возрасте и выросший в доме одной дамы, живущей в Буллалабе в Новом Южном Уэльсе. Этот вомбат хотя и рыл себе норы в саду, но не причинял никакого вреда садовым насаждениям. Он радостно бегал за детьми по выгону, охотно со всеми играл, катался по полу, кувыркался, поднимался на задние лапы и даже пробовал бодаться, как коза. Домой он приходил, когда хотел есть.

В неволе при обилии корма отдельные парочки вомбатов свыкаются даже с совместным проживанием. Например, в Галльском зоопарке пара мягкошерстных волосатоносов мирно жила в одном помещении и даже обзавелась детенышем. Де-

теныш появился на свет точно по «австралийскому календарю». В Австралии самки приносят свое потомство между апрелем и июнем и до декабря таскают его в своей сумке.

«Часто из сумки выглядывала нога или одновременно две ноги,— писал тогдашний директор зоопарка доктор В. Штаудингер.— Светло-розовая нежная окраска подошвы свидетельствовала о том, что конечности эти еще не используются по назначению. Спустя примерно три недели после того, как мы впервые увидели детеныша, он начал вылезать из сумки и бегал рядом с матерью до тех пор, пока свобода не становилась для него почему-либо небезопасной. Тогда он мгновенно снова исчезал в своем укрытии. Теперь, как только самка появлялась из норы, можно было наблюдать и за детенышем. Став ростом примерно с кролика, он сумкой пользоваться перестал. Во всяком случае, ища спасения, он просто заползал под мать, и та ласково прикрывала его своим телом, как наседка цыпленка».

По отношению к людям вомбаты бывают приветливы обычно только в молодом возрасте (как и многие другие животные). Когда Гарри Фраука захотел однажды сфотографировать такого «ручного» вомбата, живущего в просторном загоне, тот внезапно бросился в атаку. Он громко засопел и со всего размаху боднул своим твердым как камень лбом ногу фотографа. А когда тот упал, вомбат подбежал и прокусил своими острыми зубами его резиновый сапог, брюки и шерстяной носок на правой ноге. Гарри Фраука по милости этого вомбата вынужден был проваляться восемь дней в постели.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ ЖИВЕТ ДЬЯВОЛ

«Не так страшен черт, как его малюют». — Дуэт с дьяволом. — В бочке на цепи. — Кто сказал, что у дьявола скверный характер? — Куриные воры и поставщики мяса. — Дьяволята, которые моются по утрам. — Кто же их все-таки вытеснил с материка? — Тасмания охраняет своих дьяволов

Сумчатый дьявол, в течение нескольких лет живший у нас во Франкфуртском зоопарке, пел громко и протяжно, когда его об этом просили. Это был очень компанейский дьявол. Чтобы он во время уборки клетки не мешал служителю, его легко было отвлечь таким способом: стоило только встать перед ним и затянуть необходимую ноту, как он сейчас же начинал подтягивать и мог вот так с открытым ртом голосить сколько угодно долго. Подобным же образом мне, между прочим, удавалось подбивать на «хоровое пение» и волков.

Этого сумчатого дьявола нам подарил один итальянский торговец животными. Подарил он нам его, вероятно, потому, что некому было продать: у дьявола не хватало одной задней лапы. Но, несмотря на изъян, черный маленький «дьяволенок» все равно был для нас желанным постояльцем: ведь животное-то уж очень необычное; а что касается увечья, то посетители зоопарка его, как правило, даже не замечали, так как большую часть дня сумчатый дьявол лежал где-нибудь, свернувшись, в углу клетки. Во время движения отсутствие одной конечности ему не очень мешало, как это часто бывает у небольших, легких животных.

К сожалению, этот сумчатый дьявол спустя некоторое время погиб из-за воспаления надкостницы, которое мы обнаружили слишком поздно — лишь при вскрытии после смерти, а то, вероятно, можно было бы спасти его, сделав операцию. Дольше всего сумчатый дьявол прожил в Базельском зоопарке: 6 лет и 15 дней.

Свою неприятную кличку эти животные получили от белых поселенцев острова Тасмания за якобы злобный и бесноватый нрав. Но по-моему, ничего нет удивительного в том, что животное рычит, кусается и брызжет пеной... когда его хватают за хвост, поднимают и суют в мешок! А именно так здесь многие и поступали с сумчатым дьяволом. И при этом еще оставались недовольны его реакцией! Что же касается разговоров о сатанинском характере этого животного, о его постоянно плохом настроении, то начало им положил, по-видимому, еще зоолог Харрис, обнаруживший и описавший сумчатого дьявола в 1808 году. «По-видимому, это безнадежно дикое, не пригодное к приручению злобное животное, издающее отвратительное, лающее и хриплое рычание», — писал он.

Парочка дьяволов, которых он поймал и держал в неволе, как только наступали сумерки, начинала ссориться и драться и не прекращала свою злобную возню до самого рассвета. При этом они непрерывно издавали звуки, похожие на лай. А весь день напролет спали.

Из сообщения самого Харриса явствует, что он держал этих несчастных ни больше ни меньше как... в бочке, да еще привязанными цепью друг к другу. Естественно, что в таких ужасных условиях хищное животное может впасть в отчаяние и даже в бешенство. Очень типично для того времени: не

только мучить и истязать подобным образом подопытных диких животных, но еще и безо всякого стеснения излагать это на бумаге.

В те годы эти небольшие черные хищники были еще довольно многочисленны в окрестностях тасманской столицы — города Хобарта. Они бесцеремонно таскали со дворов домашнюю птицу и прочую мелкую живность. А их в свою очередь ловили сосланные сюда каторжники, для которых эти животные служили «поставщиками» вкусного свежего мяса. Ловить дьяволов не составляло особого труда: их привлекали любые мясные приманки. Но постепенно лес и кустарник исчезали вокруг нового поселения, а вместе с ними исчезали и дьяволы, прежде свободно разгуливавшие вокруг домов.

В то время как для львов и тигров в зоопарках строят открытые, без решеток, загоны, леопардам отводят просторные и удобные помещения, гиенам и более мелким хищникам предоставляют, как правило, значительно менее комфортабельные «квартиры»; а таким малопримечательным животным, как сумчатые дьяволы, которые к тому же днем большей частью спят, и вовсе достаются только тесные и темные клетушки. Кому придет в голову построить для них роскошный павильон? Вот потому-то у них постоянно плохое настроение, а за это их считают угрюмыми и неприветливыми животными.

Между тем если к любому виду животных проявить хоть немножко больше дружелюбия и интереса, то часто оказывается, что какой-нибудь мрачный злюка неожиданно оборачивается совершенно другой своей стороной. Вот так и с сумчатым дьяволом. Например, некая госпожа Мэри Робертс, содержащая у себя в Бомари на Тасмании сумчатых дьяволов, дала им совершенно иную характеристику. Маленькие дьяволята, которых она вырастила у себя дома, были удивительно привязчивы, милы и веселы. Да и с пойманными взрослыми сумчатыми дьяволами при хорошем уходе и ласковом обращении вскоре можно найти «общий язык».

Эти животные крайне чистоплотны, они любят купаться и принимать солнечные ванны. По утрам они аккуратнейшим образом совершают водные процедуры: складывают передние лапы ковшиком, тщательно смачивают их слюной и моют себе лицо и уши. Одному фермеру на Тасмании настолько

удалось приручить двух сумчатых дьяволов, что они чинно ходили на поводке, как собачки.

Эти ростом с барсука животные имеют явное пристрастие к воде. Когда их преследуют, они нередко забегают в воду, ныряют и проплывают под водой до какого-нибудь безопасного места, где под прикрытием свисающих с берега ветвей бесшумно выбираютя на сушу.

В зоопарках сумчатые дьяволы снискали себе славу беглецов. Вырваться из клетки им помогают крепкие зубы и очень сильные челюстные мышцы. В Вене один только что прибывший сумчатый дьявол в первую же ночь разогнул крепкую железную решетку и был таков. Он умудрился протиснуться в отверстие шириной не более 7,5 сантиметра. Поймать его удалось только потому, что он застрял между тяжелым ящиком и каменной стеной и выдал себя громким сопением. Когда сумчатый дьявол волнуется, его обычно бледные уши постепенно краснеют.

Сумчатый дьявол представлен одним-единственным видом. Сейчас на Тасмании этих животных не так уж мало. Остров этот довольно большой, примерно такого же размера, как Цейлон¹, — 63 тысячи квадратных километров. От Австралийского континента его отделяет только Бассов пролив. Этот пролив не очень широк — всего 150 километров, т. е. не больше Сицилийского пролива, отделяющего Сицилию от Туниса. К тому же Бассов пролив весь усеян маленькими островками. И тем не менее на материке совершенно нет сумчатых дьяволов. Правда, в 1912 году примерно в 90 километрах от Мельбурна убили одного такого дьявола, но он, по всей вероятности, сбежал из какого-либо зоопарка или от частного лица. А вот ископаемые костные остатки этих животных находили здесь не раз. Их черепа обнаружили в мусорных кучах стоянок древних людей, населявших когда-то штат Виктория. Все это наводит на мысль о том, что сумчатые дьяволы когда-то жили на материке. Многие исследователи утверждают, что они встречаются там и поныне, только в самых отдаленных местностях. Их исчезновение с материка связано, по-видимому, с особенностями распространения диких собак динго. Собакам не уда-

¹ Ныне Шри-Ланка.— *Ред.*

лось добраться до Тасмании, а то бы несчастным сумчатым дьяволам и там несдобровать.

Охотится сумчатый дьявол обычно по ночам; поднимет хвост свечкой — и пошел промышлять. Он не привередлив и часто довольствуется даже падалью, поэтому его так легко поймать на любую приманку. Поскольку сумчатый дьявол на своих коротких ногах не очень-то быстро бегаёт, его нетрудно догнать, особенно с собаками. Спасаясь от собак, он часто применяет чисто кенгуриный прием: внезапно садится спиной к дереву или скале и пытается обороняться. Ловец дьяволов в таких случаях набрасывает ему на голову свою куртку или одеяло, хватая за хвост и сует в мешок.

Спариваются дьяволы в апреле — мае, следовательно, на исходе южного лета, а потомство у них появляется на свет в конце мая или в начале июня. Новорожденный вначале не превышает 12 миллиметров в длину, спустя же семь недель, которые детеныши проводят в наглухо закрытой сумке, они достигают уже семи сантиметров. В пятнадцать недель маленький дьяволенок уже отпускает материнский сосок, на котором до тех пор висел в сумке, у него открываются глаза, и он обрастает шерстью. К концу сентября, в разгар тасманской весны, из сумок дьяволиц (открывающихся так же, как у вомбата, назад) то и дело начинают высовываться то хвостики, то лапы. И только теперь родительская пара приступает к постройке мягкого, утепленного гнезда. Оно сооружается обычно в пустотелом бревне, под скалой, а при случае и в норе вомбата, из которой предварительно изгоняется хозяин. Вот там самка сумчатого дьявола и прячет своих детенышей. Их никогда не бывает больше четырех, потому что в сумке только четыре соска. Молодые дьяволята питаются молоком не менее пяти месяцев, а половой зрелости достигают на втором году жизни (при общей продолжительности жизни от семи до восьми лет).

Тасманский сумчатый дьявол теперь благоденствует: на своей родине он находится под полной охраной государства.

Вне Тасмании сумчатые дьяволы, кажется, только один-единственный раз принесли в неволе потомство. Это случилось в Базельском зоопарке, куда была доставлена самка, незадолго до того пойманная в капкан где-то недалеко от города Хобарта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НЕВИННЫЕ ЧЕТВЕРОНОГИЕ АВСТРАЛИЙЦЫ, КОТОРЫЕ ПОГИБАЛИ МИЛЛИОНАМИ

Славные «плюшевые мишки» чуть было не исчезли с лица Земли.— Сгорая заживо, они плакали, как дети.— Любопытство плюс медлительность — опасные качества.— Разборчивые постояльцы и невольные самоубийцы.— Двое в мешке.— «Звезды телеэкрана», агитирующие за охрану природы

Как-то в феврале 1952 года представитель фирмы «Парамоунт-фильм» Рассел Броун довольно бесцеремонно ввалился в служебный кабинет одной моей доброй знакомой, миссис Бель Бенчлей, которая тогда была директором большого калифорнийского зоопарка в Сан-Диего. Как выяснилось, фирма «Парамоунт» собиралась снять фильм «Ботани-Бей», где должны были участвовать и сумчатые медведи коала, которых для этого решили привезти из-за океана.

Сюжет фильма был довольно волнующим, в особенности для такого гордого своим расцветом континента, как Австралия.

Ботани-Бей — то место, где британское правительство в 1788 году основало первое ссыльно-каторжное поселение. Тюрьмы самой Англии в это время были уже переполнены. Причиной тому послужило чудовищное неравенство в распределении жизненных благ, толкавшее неимущие классы на нарушения законов. К тому же, после того как Америка добилась полной независимости, исчезла возможность продавать туда заключенных в качестве дешевой рабочей силы. По английскому законодательству того времени 160 видов правонарушений карались смертной казнью, а за относительно небольшие провинности приговаривали к семи — четырнадцати годам каторги или даже к пожизненному заключению. Но нас сейчас интересует не то, каким образом за несколько десятилетий арестантские колонии превратились в экономически развитые самостоятельные штаты, а как все это отразилось на эндемичном животном мире континента. И вот тут-то выясняется, что животный мир понес от этого расцвета существенные потери.

Но вернемся к миссис Бель Бенчлей и к «Парамоунт-фильму». Для нее, разумеется, коала представляли значительно больший интерес, чем судьба губернатора Артура Филлипа, управлявшего колонией ссыльных. Приобрести коала — мечта любого директора зоопарка. Мечтала об этом и Бель Бенчлей. Однако никогда еще ни один из этих забавных «плюшевых мишек» не жил где-либо вне Австралии. Объясняется это несколькими причинами, и одна из них — строгий запрет австралийского правительства на вывоз живых коала из страны. В некоторых странах полагают, что такая мера может помочь восстановить былую численность какого-либо редкого животного. Однако это только полумера. Эффекта таким способом удастся достичь очень редко. Так, например, Охотничье управление Кении жаловалось, что в 1963 году ему пришлось выдать разрешения на вывоз 235 различных животных для зоопарков, а в это же самое время оно выдало около восьми тысяч охотничьих лицензий приезжим охотникам! Вот как иногда оборачивается дело!

Еще сто лет назад в Австралии было полно коала, этих милых, смешных зверьков. В те времена молодые люди час-

тенько развлекались тем, что стреляли по этим живым мишеням. Еще бы! Ведь попасть в такую цель проще простого: коала двигается очень медленно и хорошо просматривается в редкой листве эвкалиптов. Чаще всего приходится сделать по животному несколько выстрелов, потому что оно отличается удивительной живучестью. Даже полумертвое, оно еще судорожно цепляется за ветку «рукой» или «ногой» и не падает с дерева. Пальцы коала прекрасно приспособлены для подобного хватания. Большой палец на задних лапах отставлен перпендикулярно к другим четырем, а на передних лапах в сторону отходит не один, а сразу два пальца — большой и указательный, так что ветку с одной стороны обхватывают два пальца, а с другой — три. Вот почему животные прочно удерживаются на дереве.

Охота на коала — спорт не для чувствительных сердец, потому что раненый зверек кричит и плачет и звуки эти напоминают плач беззащитного младенца.

А как жаль этих бедняг, когда они заживо сгорают! Сгорели их уже миллионы, да и сейчас сгорает немало. Происходит это из-за австралийского обычая ежегодно палить лес, чтобы расширить площадь пастбищ для все увеличивающихся отар овец.

Но лес после пожара вовсе не всегда уничтожается, как это происходит с хвойными лесами в Канаде или Европе. Эвкалипт гибнет лишь в тех случаях, когда его предварительно «окольцевали», то есть прорезали по окружности кору, чтобы соки не могли больше подниматься к вершине и дерево засохло. Вот тогда оно сгорает дотла. На неокольцованных же эвкалиптах сгорает только кора, которая у этих деревьев легко отстает от ствола и свисает клочьями со всех сторон; эвкалипты ежегодно сбрасывают старую кору и обрастают свежей. Отставшая сухая кора легко воспламеняется, и во время пожара огонь взмывает вверх по стволу. В мгновение ока высоченное дерево от корней до вершины бывает охвачено пламенем — оно словно взрывается. Такой огромный пылающий факел совершенно незабываемое зрелище. Большинство деревьев после пожара вновь зеленеет как ни в чем не бывало: ведь сгоревшая кора была уже мертвой.

Я бродил во время такого лесного пожара между деревьями и должен сказать, что зрелище это очень впечатляющее. Жаль

только, что в огне погибает множество живущих на эвкалиптах мелких животных, особенно если они так медлительны, как коала.

Но даже не эти пожары главная беда для сумчатых медведей. Гораздо страшней для них то, что они обладают красивым серебристо-серым, мягким и прочным мехом. Так, например, в одном только 1908 году на рынке Сиднея было продано 57 533 шкуры коала. А в 1924 году из восточноавстралийских штатов было вывезено более двух миллионов этих шкур!

Первыми тогда опомнились Соединенные Штаты Америки и запретили ввоз шкур коала в свою страну. Австралия же продолжала бездумно разбазаривать ценности, которыми обладала. Так, в 1927 году, когда из-за хищнической охоты и болезней в штатах Новый Южный Уэльс и Виктория сумчатые медведи почти полностью исчезли, штат Квинсленд, в котором они еще встречались в относительно большом количестве, объявил «свободную охоту». За один только этот год охотникам было выдано 10 тысяч лицензий; 600 тысяч шкур этих невинных и совершенно безвредных животных вывезли за границу.

Австралиец Эллис Трутон пишет: «Кажется прямо-таки невероятным, что в цивилизованной стране такое беззащитное и к тому же редкое животное могло подвергнуться подобному безжалостному истреблению, и все только ради корыстной торговли и прибыли».

Кроме того, с 1887 по 1889 и с 1900 по 1903 год среди миллионов коала свирепствовали тяжелые эпизоотии: они умирали от глазных болезней и воспаления надкостницы, от воспаления почек и кишечных паразитов. Массовые популяции еще способны такое пережить, а вот когда животных становится мало, они могут после любой эпизоотии полностью прекратить свое существование.

В 30-х годах австралийцы наконец спохватились, и сердца их смягчились по отношению к этим последним, уже почти исчезнувшим с лица земли беззащитным животным. За ними ведь так приятно и легко наблюдать в природных условиях! Дело в том, что живут они обычно в сухом редколесье или в саванне. Если выйдешь побродить ночью (а в Австралии можно себе это позволить, так как там даже в самой дикой чащобе нет никаких опасных животных), то коала всегда легко обнаружить по голосу. Во время брачного сезона самцы ведут себя

ночью довольно шумно, причем зов их звучит не очень мелодично: кажется, словно кто-то пилой перепиливает тонкую доску. Похожие звуки издает здесь еще только гигантская сумчатая летяга. Если коала осветить прожектором, они на это совершенно не реагируют, так же как днем они не обращают никакого внимания на людей. В лучшем случае они уставятся на вас с дерева своими круглыми глазами с таким же любопытством, с каким вы смотрите на них. Именно эта беззаботность и нежелание скрываться от человека многим из них стоили жизни. Что касается аборигенов, то те их убивали прямо дубинками, которые ловко забрасывали на дерево.

Словом, когда австралийцы обнаружили, что живые коала ничуть не менее красивы и ценны, чем снятые с них шкуры, они объявили этих животных охраняемым объектом природы. Однако встречается этот объект теперь только в восточной части континента — приблизительно от прибрежного города Таунсвилла к югу через Квинсленд до Мельбурна в Новом Южном Уэльсе. В глубь страны они распространяются только до западных склонов Большого Водораздельного хребта. В Юж-

ной и Западной Австралии нет больше ни одного коала. Но и в Квинсленде их число сократилось с миллионов до тысяч.

За последние десятилетия в штате Виктория неоднократно предпринимались попытки реакклиматизировать в лесах сумчатых медведей. Большинство завезенных животных было родом с острова Филлип. Там изобрели довольно ловкий способ их ловли: на конце длинной жерди укрепляется веревочная петля, которая набрасывается на шею коала, висящему высоко на дереве. Петля эта закреплена специальным узлом, который не дает ей затянуться настолько, чтобы задушить животное. С помощью такого лассо бедного мишку стаскивают с дерева, а внизу держат натянутое полотно, на которое его сбрасывают, чтобы он не ушибся. Самый тяжелый коала, которого когда-либо приходилось отлавливать на острове Филлип, весил 16 килограммов.

В штате Виктория уже в 50 местах вновь поселили сумчатых медведей.

Каждый раз, когда лесничие везут партию «новоселов» к месту их будущего жительства, они по дороге обязательно останавливаются возле каждой школы, открывают свои ящики и показывают ребятам, как занимательны и безобидны эти гербовые животные Австралии. Прекрасный способ добиться того, чтобы их снова не истребили: ведь в Австралии, к сожалению, носить оружие не возбраняется никому. Так что с некоторых пор можно говорить о своеобразном *come back*¹ коала на свою прежнюю родину.

Однако коала не очень торопятся с размножением. Половозрелыми они становятся, по всей вероятности, достигнув лишь трех- или даже четырехлетнего возраста. Энергичный самец к этому времени уже собирает возле себя гарем, который затем ревниво охраняет от посягательств соперников. Беременность самки длится от 25 до 30 дней, а детеныш весит при рождении только 5,5 грамма и пребывает после этого еще целых шесть месяцев в сумке матери. Самка обычно производит на свет только одного детеныша, двойни бывают крайне редко, а тройни вообще не может быть, потому что в брюшной сумке у нее только два соска.

¹ Возвращение (англ.).

Коала очень разборчивы в пище. Это растительноядные животные, причем едят они только эвкалиптовые листья. У других млекопитающих редко наблюдается такая узкая «кормовая специализация». Для переваривания грубого корма коала снабжены защечными мешками и слепой кишкой длиной от 1,8 до 2,5 метра (слепая кишка и у некоторых других животных служит для переваривания грубых растительных волокон). Длина слепой кишки коала в 34 раза превышает длину его тела, достигающую от 60 до 85 сантиметров.

«Специализированные листоеды» встречаются и среди других групп животных, например обезьян, но с коала никто в этом отношении сравниться не может. Ведь они питаются не всякими листьями эвкалиптов, а только совершенно определенного вида. В Австралии произрастает 350 различных видов этих деревьев, для питания же коала подходят только 20 из них, а из этих 20 мишки предпочитают пять. Больше всего они любят листья эвкалипта манна, или сахарного эвкалипта (*Eucalyptus viminalis*), пятнистого эвкалипта (*E. maculata*) и розового (*E. rostrata*). За день коала, не спеша, пережевывает примерно два с половиной фунта листьев.

К тому же оказалось, что у этих животных есть любимые местные «столовые». Когда коала из штата Виктория перевезли в маленький зоопарк, расположенный в городе Брисбене (штат Квинсленд), они не захотели даже притронуться к синим и серым эвкалиптовым листьям, которые с аппетитом поедали квинслендские коала. Пришлось в течение шести месяцев привозить по железной дороге листья эвкалипта манна из Виктории, пока капризные новоселы не привыкли наконец питаться тем, чем питались квинслендские постояльцы зоопарка.

Но и это еще не все. Даже на своем любимом эвкалипте манна коала привередливо выбирает какие-то определенные листья, и часто можно заметить, что целые ветви остаются с нетронутой листвой — их явно обходят. Для этого есть свои весьма веские причины, но выявить их удалось только совсем недавно.

Господин Амброз Претт, президент Зоологического общества штата Виктория, заинтересовался непонятной гибелью некоторых коала в Мельбурнском зоопарке. На вид здоровые и веселые, они без всякой видимой причины вдруг внезапно умирали. Никакие врачебные осмотры и даже вскрытия после

смерти не давали определенных результатов. Помогло решить эту загадку неожиданное обстоятельство.

Как раз в это время химики и фармацевты занялись изучением листьев эвкалиптов. При этом выяснилось, что любимое дерево сумчатых медведей — эвкалипт манна время от времени продуцирует в своих листьях и побегах синильную кислоту. Исследования показали, что синильная кислота образуется чаще зимой, чем летом, причем в основном в молодых листьях и побегах. На свободе коала, когда им не нравятся листья, просто меняют «столовую», то есть переходят на другое место, и стараются избегать молодой зелени. Но в неволе, когда им ничего другого не дают и из наилучших побуждений подкладывают именно самые нежные и сочные молодые побеги, бедным мишкам в конце концов приходится довольствоваться и ими (ведь голод не тетка!). Несколько исследованных проб содержали 0,09 процента синильной кислоты. Это невероятно много: 25 граммов таких листьев способны убить овцу. Так что как это ни печально, но некоторые зоопарковские работники сами принуждали своих подопечных к самоубийству!

Листья большинства видов эвкалиптов содержат вещества, имеющие важное значение для питания коала, — цинеол (или эвкалиптол) и фелландрен. Первое снижает кровяное давление и температуру тела, одновременно расслабляя мышцы; если принять его в слишком большом количестве, остановится дыхание. Фелландрен же, наоборот, по всей вероятности, повышает температуру. Исследователи, занимающиеся сейчас коала, предполагают, что обитающие на теплом севере Квинсленда более мелкие сумчатые медведи избегают виды эвкалипта, содержащие фелландрен, и предпочитают те, которые содержат цинеол. Более же крупные коала с прохладного юга Австралии, наоборот, охотней жуют листья, содержащие фелландрен.

В общем обеспечивать коала в неволе необходимым питанием — это целая наука. Остается пользоваться только одним способом: предлагать им ветки различных видов эвкалиптов и предоставлять им самим делать свой выбор.

Теперь каждый может себе представить, как трудно содержать этих животных в зоопарках.

Вот в этом-то и кроется основная причина, почему до сих пор ни разу ни в одном европейском зоопарке нельзя было увидеть этих забавных и интересных животных. Откуда же

взять постоянный ассортимент свежих листьев эвкалиптов, да еще в таком огромном количестве?

Коала настолько «пропитаны» эфирными маслами, содержащимися в эвкалиптовых листьях, что сами пахнут, как ментоловые пастилки от кашля. Может быть, этот запах служит им хорошую службу: не исключено, что именно поэтому в их красивой мягкой шкуре не водятся паразиты.

Выращенные в доме детеныши коала могут очень привязаться к людям. Большой популярностью пользовался ручной коала Тедди из Северного Квинсленда, много путешествовавший по стране со своими приемными «родителями» супругами Фаулкнерами. Принесли его им в возрасте трех месяцев, завернутого в кусок шкуры. Этот маленький беспомощный зверек сначала плакал все ночи напролет и требовал, чтобы его постоянно утешали и ласкали. Потом Фаулкнеры догадались обвязать подушку куском коаловой шкуры. Такая эрзац-мамаша вполне устроила маленького пискуна, и, прижавшись к ней, он молчал даже в тех случаях, когда его оставляли одного в комнате. Вначале «мишку» поили коровьим молоком, которое он медленно лакал из блюдца, словно котенок, а затем перевели на свежие синие эвкалиптовые листья.

Уже спустя четыре недели малыш отправился вместе со своими «родителями» в длительное путешествие в Западную Австралию. Дорогой он спокойно спал в маленькой корзинке, привязанной к животу большого плюшевого медведя. В Западной Австралии он довольно легко перешел на питание листьями местных видов эвкалипта, которыми, по всей вероятности, питались когда-то здесь обитавшие, а теперь начисто истребленные местные коала. Кроме листьев ему давали немного молока и мятные лепешки. Часто замечали, что он подбирает и кладет в рот песок и даже маленькие камешки. Прожил этот коала 12 лет, что, по всей вероятности, можно считать рекордным сроком содержания коала в неволе. В естественных условиях коала иногда доживают до 20 лет.

Если уж такой сумчатый медвежонок привыкнет к человеку, он не любит оставаться в одиночестве, а, наоборот, требует, чтобы его повсюду таскали за собой на руках и всячески забавляли. Он никогда не делает ни малейшей попытки удрать. Коала вообще проявляют не свойственные сумчатым животным смывленность и интерес к незнакомым предметам. Так,

например, одного медвежонка крайне заинтересовало зеркало; он даже зашел с другой стороны, чтобы проверить, где же все-таки прячется тот, другой.

В книгах часто можно прочесть, что слово «коала» на языке местных жителей Австралии означает «не пьет». Однако содержащиеся в неволе коала все, как один, охотно пьют молоко и воду, лакая из миски, точно так же как это делают собаки.

Ни первооткрыватель этих земель капитан Кук, появившийся здесь в 1770 году, ни первые поселенцы из заключенных, поселившиеся в районе Сиднея, не заметили этих животных. Упоминание о них впервые встречается в сообщении одного молодого человека, руководившего экспедицией в Голубые горы в 1798 году. Тот пишет, что он видел «животное, которое аборигены называют «калвайн» и напоминающее американских ленивцев». Затем в 1802 году один заинтересовавшийся этим делом молодой французский исследователь — Е. Ф. Барайе выменял у австралийских аборигенов на копье и томагавк «части тела какой-то обезьяны, которую они называли коло». К сожалению, ему достались только ноги, которые он закупорил в бутылку с коньяком и послал губернатору. А год спустя его превосходительство губернатор Кинг в Сиднее получил в подарок живую самочку коала, да еще с целой двойней в сумке.

Наверное, оттого, что все очень скоро поняли, с какими трудностями связано содержание сумчатых медведей вне Австралии, живой коала попал в Европу не так-то скоро. Лондонский зоопарк купил его у одного торговца 28 апреля 1880 года. Это был, должно быть, какой-то особенно живучий экземпляр. Его довольно долго кормили сухими листьями эвкалипта, которые привезли вместе с ним из Австралии. И только много позже прибыл запас свежих листьев. Трудно даже поверить, что в таких тяжелых для него условиях медвежонок оставался бодрым в течение целых 14 месяцев. И погиб-то он не от истощения, а от несчастной случайности. Дело в том, что он жил в комнате директора, где пользовался полной свободой; там он в один прекрасный день и прищемил себе голову тяжелой мраморной крышкой умывальника.

Последующие попытки Лондонского зоопарка содержать в неволе коала были менее удачными.

В 1908 году один сотрудник зоопарка сам поехал за ними в Австралию и на обратном пути немало натерпелся с этими жи-

вотными. Во-первых, они начали отказываться от корма, как только, взятые в запас листья эвкалипта немножко подвяли. Правда, капризные пассажиры милостиво согласились есть хлеб, молоко и мед; с особенным удовольствием они лакомились ментоловыми пастилками от кашля. К сожалению, когда корабль попал в зону холодных ветров, все они простудились и погибли.

Коала, прибывший в октябре 1920 года в Нью-Йоркский зоопарк, погиб через пять дней. Такая же участь постигла всех тех немногих коала, которые время от времени попадали на другие континенты.

Так, одним декабрьским утром 1927 года в дирекцию Лондонского зоопарка заявился какой-то моряк. В руках он держал мешок, который и водрузил прямо на стол бухгалтера. Велико же было удивление всех присутствующих, когда из этого мешка он извлек двух прелестных, абсолютно бодрых и веселых маленьких мишек коала. К тому же они оказались совершенно ручными: один из них тут же вскарабкался моряку на плечо, уселся и стал играть его волосами.

Из рассказа моряка выяснилось, что он «прихватил эти игрушки с собой домой из Австралии». Чем кормил? Ну, с этим не было никаких сложностей: прихватил с собой запас свежих листьев, которые держал дорогой в рефрижераторе парохода. Он пришел только узнать, не захочет ли зоопарк их купить. Ну разумеется, зоопарк захотел: кто же решится упустить такой редкий случай приобрести живых коала?

К несчастью, привезенный моряком корм вскоре кончился. Коала были немедленно выставлены для обозрения публики, и в газетах появились призывы о помощи: пусть отзовется каждый, кто может в кратчайший срок доставить в зоопарк хоть сколько-нибудь листьев эвкалипта для голодающих медвежат. Небольшую порцию прислал один провинциальный ботанический сад, но этого явно было мало, а от другой пищи медвежата наотрез отказывались. Тем временем становилось прохладнее, а запас корма так и не пополнялся. Уже спустя четыре недели оба чудесных веселых существа, успевших так полюбиться лондонцам, были мертвы.

После столь горького опыта с «высланными за пределы родины» коала может вызвать удивление, что миссис Бенчлей так обрадовалась предложению фирмы «Парамоунт-фильм» привезти ей зимой 1952 года живых коала из Австралии. Однако

нельзя забывать, что зоопарки Калифорнии, особенно зоопарк в Сан-Диего, в этом отношении находятся в значительно лучшем положении, чем европейские. Дело в том, что там уже 28 лет назад высадили несколько различных видов эвкалиптовых деревьев, которые прекрасно прижились и разрослись. Находятся они в той части парка, в которой произрастает в основном акклиматизированная австралийская флора. В полусушливом климате Калифорнии эта растительность особенно хорошо приживается. Поэтому один из двух коала, привезенных из Австралии в 1925 году тогдашним директором парка Фаулкнером, прожил здесь целых два года.

С того времени в парке успело подрасти много новых эвкалиптовых деревьев и ассортимент их значительно расширился.

Словом, вскоре после разговора с кинодеятелями в зоопарк в Сан-Диего прибыли восемь коала: четыре самца и четыре самочки. На этот раз два самца прожили здесь пять лет, а одна из самок — почти семь. В апреле 1959 года из Австралии прибыло еще шесть сумчатых медведей, причем три из них попали в зоопарк Сан-Диего, а три — в Сан-Франциско. В каждой тройке было по одной самке с детенышем в сумке. В двух этих зоопарках коала и потом приносили потомство.

Нет такой американской газеты или журнала, которые бы многократно не помещали на своих страницах портретов этих фотогеничных животных. Они прямо как будто созданы для того, чтобы их таскать на руках и гладить их мягкую шерстку. Коала были и остаются постоянными «звездами» телеэкрана. Своим приветливым нравом, медлительной обстоятельностью и тем, что они такие ручные, они завоевали сердца миллионов американцев и подсознательно расположили их к Австралии больше, чем любые генеральные консульства, информационные бюро и рекламные проспекты...

К счастью, и сами австралийцы за это время поняли, каким сокровищем обладают, и теперь бережно охраняют приветливых «плюшевых мишек», которых в свое время чуть было не истребили.

НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ

*Полет
бумеранга*

ОТ АВТОРА

Быстро бегут дни, месяцы и годы, наполненные интересными, важными и неотложными делами. Но когда в короткие минуты затишья возвращаешься памятью к прожитому, то для географа и натуралиста самыми примечательными, самыми яркими остаются страницы жизни, связанные с дальними путешествиями, длительными экспедициями, когда подолгу остаешься наедине с природой, наблюдаешь ее и пытаешься проникнуть в ее великие тайны.

Экспедиции и путешествия замечательны и тем, что удастся увидеть новые города и селения, дотоле знакомые лишь по карте, проехать и пройти по дорогам и тропам, встретить новых интересных людей, добрых попутчиков и собеседников. Вспоминаются путешествия на Командорские острова и в горы Талыша, по пескам Каракумов и в тайгу Прибайкалья, крутые тропы на склонах кратера Нгоронгоро и непролазные заросли мангров на побережье Индийского океана, поросшие пальмами

моготы на Кубе и прикрытая облаком могучая пирамида вулкана Као в архипелаге Тонга.

В предлагаемой вниманию читателей книге мне хотелось бы поделиться впечатлениями об одном из самых дальних и длительных своих путешествий — по Австралии. Этот материк, получивший еще название Пятого континента, примечателен прежде всего тем, что весь он лежит в границах одной страны, принявшей на себя почтенное имя материка — Австралия. Это единственный случай в истории континентов нашей Земли.

Расположение Австралии в Южном полушарии заставляет вновь прибывшего привыкать к тому, что Солнце и Луну надо искать на северной стороне неба. Труднее приучить себя к мысли, что оба светила — дневное и ночное — движутся по небосводу не слева направо, как у нас, а наоборот — справа налево. Поначалу так и кажется, что Солнце и Луна... пятятся назад по небу. Ночью над головой мерцают звезды в непривычных сочетаниях южных созвездий — Муха, Стриж, Меч-Рыба и, конечно, романтический Южный Крест. Но и здесь подстерегают неожиданности: так, совсем недалеко от воспетого моряками и студентами созвездия обнаруживается очень похожий на него Ложный Южный Крест. И не сразу разберешься, какой же из двух Крестов «настоящий».

Прогулка по улицам австралийского города знакомит нас с чертами человеческого быта, некоторые из которых привнесены из бывшей метрополии.

Автомобили с водителями на правом сиденье скользят мимо пешеходов по левой стороне улицы. Забавно, что и люди на тротуаре, подражая машинам, спешат по левой стороне, почему приезжий в первые дни часто сталкивается со встречными пешеходами.

Но самое замечательное, самое впечатляющее и уникальное — это удивительная природа Австралии, ее растительный и животный мир, миллионы лет формировавшийся в условиях изоляции от флоры и фауны других континентов. Хотя Австралию и называют иногда пустынным континентом, но разнообразие ландшафтов здесь велико — от жарких влажнотропических лесов Северо-Востока до заснеженных альпийских лугов на юге Водораздельного хребта, от кишущих жизнью подводных коралловых садов Большого Барьерного рифа до выжженных солнцем каменистых пустынь Центра. Высокоствольные эвкалиптовые леса, засушливые акациевые редколесья,

заросли древовидных папоротников, высокие, ярко-красные песчаные гряды — все это можно найти в разных районах обширного материка. Поражают воображение, будто изваянные сказочным скульптором, причудливые скалы, останцовые горы, живописные арки и гроты на морском побережье.

Немало дней и ночей удалось мне провести среди дикой природы Австралии, в эвкалиптовых лесах, саваннах и пустынях, в горах и на тропических островах. В дневное время вел наблюдения за жизнью птиц и пресмыкающихся, а с наступлением темноты не раз при свете фар или сильного фонаря разыскивал на лесных полянах пасущихся кенгуру или валлаби, выслеживал в кронах эвкалиптов медлительных коала или пугливых сумчатых летяг, записывал концерты хорового пения лягушек на берегу пруда, наблюдал неуклюжую ехидну у разоренного ею муравейника или вместе с коллегами забрасывал в тихую речушку сети «на утконоса».

В городах и на маленьких фермах, на улицах и в дальней дороге было много встреч и бесед с самыми разными людьми: студентами и профессорами университетов, фермерами и рабочими, шоферами и служащими контор, пожилыми домохозяйками и юными хиппи, журналистами и безработными бродягами, не имеющими крыши над головой. Люди похожи друг на друга в своих маленьких и больших заботах, в своих мечтах о счастье. Конечно, нужды и заботы, а отсюда и понятие о счастье у каждого разные. Они зависят от индивидуальности, характера человека и от того окружения, в котором он живет, от уклада самого общества. Поэтому так интересно было узнать об особенностях быта и нравов, об основных критериях ценностей в духовной жизни австралийцев — людей, населяющих столь далекий континент. Национальный характер этих людей сложился сравнительно недавно, — пожалуй, немногим более ста лет назад жители Австралии стали осознавать себя как самостоятельную нацию, со своей историей и традициями.

О городах и людях Австралии, о ее красочной и своеобразной природе, об удивительных животных, населяющих материк, вы узнаете, если совершите путешествие по страницам этой книги. Предлагаемое второе издание дополнено ранее не публиковавшимися материалами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ УТКОНОСА

МОСКВА — КАНБЕРРА

В наши времена всякое дальнее путешествие начинается обычно с самолета. Так и на этот раз. Поздним ноябрьским вечером 1972 года из московского аэропорта Шереметьево я вылетел рейсом на Сингапур. Ночью пролетаем над Пензой, Актюбинском, Самаркандом, но за иллюминатором самолета лишь черное звездное небо. Летим на высоте десять километров, за бортом температура минус пятьдесят пять градусов. Восход солнца прочерчивает на горизонте резкую красно-синечерную полосу.

Ранним утром самолет совершает посадку в аэропорту Дели. Позади осталось уже четыре тысячи восемьсот километров. Всего пять часов сорок минут понадобилось нашему самолету, чтобы преодолеть это огромное расстояние. Свежий утренний

ветерок встречает нас, едва мы ступаем на трап. В пять часов утра здесь тринадцать градусов, но поднимающийся из-за горизонта красный шар солнца предвещает жаркий день.

После небольшой остановки мы снова в воздухе — теперь курс на столицу Малайзии Куала-Лумпур. Под крылом самолета сплошь возделанный безлесный равнинный ландшафт. Уже с утра горизонт скрыт в серо-желтой дымке. Местами среди равнины возвышаются группы холмов. Пролетаем над раскинувшейся бисером домов и строчками улиц Калькуттой. За ней — океан, как черная пустота, прикрытая пеленой мелких кучевых облаков с отдельными крупными «башнями», будто из белой ваты.

И снова побережье — теперь уже впереди полуостров Индокитай. Вдоль берега — квадраты тщательно возделанных полей, а дальше в глубь суши — сплошной темно-зеленый покров девственного тропического леса. Каналы, прорезающие поля, изливают в океан шлейфы бурой воды, и морское течение сносит их к югу. У берега вода океана серая, на мелководье — светло-зеленая, а дальше — до горизонта — темно-синяя.

Ближе к Куала-Лумпуру возделанные земли все дальше забираются от побережий на окружающие холмы. Посадки сельскохозяйственных культур образуют на склонах изящные узоры, точно повторяющие линии горизонталей.

Садимся в Куала-Лумпуре в десять часов утра. Еще четыре тысячи километров остались позади. Здесь уже чувствуется полное дыхание тропиков — температура тридцать градусов. Следующий бросок — на Сингапур. Расстояние сравнительно небольшое, поэтому самолет не набирает большой высоты, идет прямо над облаками. До горизонта видны только поля и посадки; местность здесь более равнинная, поэтому леса всюду сведены.

Снижаемся над огромным городом, делаем круг над дельтой широкой реки; кое-где видны острова, и поверхность воды усыпана лодками и баржами. На мелководье стоят деревянные частоколы в виде буквы «V», обращенные открытой частью вверх по течению, очевидно, для ловли рыбы.

В Сингапуре полдень; температура — те же тропические тридцать градусов, солнечная погода. В двухэтажном аэропорту придется до вечера ждать пересадки на новозеландский самолет, идущий через Сидней. Поднимаюсь на второй этаж, ос-

матриваю киоски с товарами для пассажиров. Особенно хороши игрушки. Хозяин — старый японец — расставляет их перед входом в лавочку и ждет очередной волны пассажиров с детьми. Как только с эскалатора сплошным потоком выходят люди с прилетевшего самолета, хозяин быстро заводит все игрушки. Мохнатая обезьянка начинает ходить по кругу; слон играет на ударных инструментах и звенит колокольчиком, который держит в хоботе: собачки прыгают, пищат; самолеты кружатся на полу, сверкая яркими огнями, и, когда они останавливаются, открывается фонарь кабины, оттуда высовывается пилот в шлеме и очках. Дети, как зачарованные, глаз не могут оторвать от оживших игрушек; смотреть на детей даже интереснее, чем на сами игрушки. Когда родители вынуждены силой тащить малышей дальше, дети режут, как пожарные сирены.

Часов в пять вечера разразился тропический ливень. Полило как из ведра, земля сразу покрылась слоем воды. Но через полчаса непогода улеглась, а к заходу солнца стало совсем тихо и безветренно.

Взлетаем мы в десять вечера. Сингапур сверху — сплошное море огней. В гавани на черной воде — силуэты судов, очерченные горящими лампочками по бортам и вантам. И каждый из них повторяется своим отражением в воде, как в черном зеркале.

Проснулся утром, смотрю в иллюминатор — под нами Австралия! Сквозь пелену облаков видны заросли серо-желтого ксерофитного вечнозеленого кустарника — скрэба в темных пятнах редко разбросанных деревьев. Затем местность становится все более гористой, а растительность — густой. Пересекаем Водораздельный хребет, поросший густым эвкалиптовым лесом, снижаемся над Сиднеем. Город раскинулся до горизонта. Кроме центра, он весь одноэтажный. Бесконечные ряды коттеджей, и почти у каждого — ярко-синий кружок или квадратик — небольшие бассейны. Здесь и там видны стадионы для крикета — посреди желтовато-зеленого поля вытоптанная по диагонали полоска земли. Гигантские автостоянки забиты машинами; в центре — много эстакад: в таком городе жить и ездить на одном уровне становится явно невозможно.

В половине девятого садимся в Сиднейском аэропорту. Подходя к двери самолета, предвкушаю: сейчас я ступлю на землю Австралии! Но не тут-то было: по брезентовой трубе,

придвинутой вплотную к двери, нас, не пустив на землю, проводят сразу на второй этаж здания аэропорта в багажный зал.

Парни в белых комбинезонах ловко схватывают чемоданы, появляющиеся с транспортера, и размещают их на вращающемся круге. Все это очень слаженно и красиво, однако я не вижу моего большого чемодана. А в нем — километр фото- и киноплёнки, все мои африканские и алтайские слайды, которые я взял с собой для демонстрации на лекциях.

Вспоминаю шуточную рекламу авиакомпании «Люфтганза», как ее пересказал мне однажды профессор Б. Гржимек, имеющий большой опыт общения с авиасервисом многих стран: «Наша компания точно и в срок доставит вас в Токио, а ваш багаж — в Дар-эс-Салам!»

Дежурная, узнав о пропаже, аккуратно записывает приметы моего чемодана. На специальном бланке изображены все возможные типы и формы чемоданов, нужно лишь отметить свой вариант. Очевидно, розыск потерянного багажа — привычное занятие, поставленное на широкую ногу. Я отыскал «свой тип» и назвал наиболее характерное из его содержимого — сетки для ловли птиц и коробки с пленками. Выдают копию бланка, чтобы уже в Канберре обратиться в отдел авиакомпании «Квонтас» и получить чемодан. «Когда мы его найдем», — добавляет дежурная с очаровательной улыбкой. «Я очень надеюсь», — все, что остается мне ответить, не выходя за рамки международного этикета.

Войдя в зал местных линий, уже с некоторым трепетом сдаю последний оставшийся у меня чемодан и сажусь в большой автобус; меня везут по городу в аэропорт местных линий в гуще машин, петляя по эстакадам. Одна из них строится — нависла нелепым обрубком над улицей. Вдоль шоссе много складов, заводов. Это промышленный район города. Около аэропорта протекает зловонный канал с черными берегами, покрытый пленкой нефти.

Перед местным аэропортом образовалась «пробка» из машин. Чтобы дать автобусу заехать в аэропорт, полицейский выскакивает на мостовую, держа надпись «стоп» на большом круглом щите. Машины нехотя останавливаются, и автобус заезжает в аэропорт. Полицейский убирает «стоп», и лавина срывается с места, чуть не сшибая его.

Небольшой самолет, который должен доставить меня в Канберру, берет курс на юго-запад. Летит низко, среди облаков. Сквозь их разрывы видна холмистая местность, покрытая пожухлой травой, и отдельно стоящие эвкалипты. Весь пейзаж очень напоминает саванны Восточной Африки с той лишь разницей, что кроны деревьев здесь округлые, а не зонтичные. Полет длится недолго, и наконец завершается весь воздушный маршрут от Москвы до Канберры.

В зале ожидания аэропорта слышу по радио свою фамилию: просят подойти к стойке. Меня ждет молодой человек — служащий ректората Австралийского национального университета (АНУ). Эдуард Хелшби (так зовут моего нового знакомого) отвозит меня в общежитие — «Дом университета». Мне выделяют комнатку на втором этаже и сразу приглашают на ленч. Все обитатели общежития обедают в общем зале. Обслуживают их дамы, потомки английских переселенцев, с милыми и приветливыми лицами. Говорят они на австралийском диалекте, к которому мне еще нужно привыкнуть.

После ленча ко мне подошел доктор Николас — заместитель заведующего департаментом зоологии АНУ — и повез показывать город и университет. Объезжаем разбросанные по зеленым паркам и лужайкам здания университета. Все они малоэтажные, и нет двух одинаковых по архитектуре. Между ними живописно проложены пешеходные дорожки, созданы площадки для гольфа, крикета, теннисные корты.

СТОЛИЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Вместе с доктором Николасом въезжаем по серпантину на смотровую площадку, расположенную на вершине горы Блек-Маунтин. Отсюда открывается панорама столицы. Город раскинулся по берегам искусственного озера Берли-Гриффин. Названо оно именем американского архитектора, чей проект послужил основой при планировке молодой австралийской столицы. В центре озера вздымается вверх метров на тридцать струя мощного фонтана.

— Хотя озеро и расположено в центре города, но в нем можно иногда увидеть утконосов, — с гордостью говорит доктор

Николас.— Неплохое свидетельство в пользу наших работ по охране местной фауны, не так ли?

Охотно соглашаюсь: утконос в центре столицы — звучит очень привлекательно. На одном берегу озера, перехваченного большим мостом, расположился административный центр с высокими зданиями-коробками, а на другом — парламент и дипломатические миссии. Университет построен в стороне от центра, его здания невысоки, утопают в зелени. Близ университета, будто улеглось среди деревьев, — плоское и круглое, с окнами-иллюминаторами здание Академии наук.

От центра городка разбегаются на прилежащие склоны холмов рядами одно-, двухэтажные довольно однотипные коттеджи.

Спускаясь с горы, по дороге осматриваем естественный лес из эвкалиптов и искусственные посадки калифорнийской сосны. Насколько эвкалиптовый лес радостнее для глаза своим разнообразием, неравномерностью, пестротой! А ровные ряды посаженных сосен — без подлеска, все одинакового роста — нагоняют скуку. Даже птиц в таком лесу гораздо меньше, чем в эвкалиптовых зарослях.

— Пора и на работу, — усмехается Николас, лавируя по затейливым изгибам проезжих дорожек. Он тормозит у входа в департамент зоологии. В этом небольшом двухэтажном доме мне предстоит работать почти целый год.

Квадратное здание с внутренним двориком стоит на склоне, так что главный подъезд расположен на уровне второго этажа, а сзади можно подъехать к входу на первый этаж.

Стоянка для автомобилей перед главным подъездом огорожена метровым каменным забором. За ним виден ров, куда выходят окна первого этажа.

— Сначала этого забора не было, один лишь тротуарчик по краю, — рассказывает Николас, пока мы выбираемся из машины. — Так один из наших докторов — ученая рассеянность — умудрился въехать прямо в лабораторию на первом этаже, соскочив в ров. Я покажу вам снимок — его автомобиль на лабораторном столе. После этого случая пришлось сделать высокий и прочный забор.

Николас провел меня по всем комнатам и представил каждому сотруднику. Встречают радушно — все уже знают, что должен приехать научный работник из СССР. На доске объявлений у входа и еще в нескольких местах вывешены объ-

явления: «Всем сотрудникам департамента. 12 ноября к нам прибывает Николай Дроздов из Московского университета, СССР, зоолог и географ. Он будет работать в нашем департаменте в течение десяти месяцев. Его специальные интересы, а также степень знания английского пока неизвестны». При первых же беседах замечаю, что мой английский язык учебно-схематичен, а речь собеседников насыщена своеобразными идиомами, сугубо австралийскими жаргонными словечками — да, местный диалект английского языка еще предстоит осваивать.

Обойдя оба этажа по кругу, пожав руки всем оказавшимся на месте сотрудникам и не запомнив, конечно, почти ни одного имени, я спускаюсь в «чайную комнату»: там в половине четвертого на послеполуденный чай собираются все — от профессора до уборщицы. Правда, в нашем департаменте «уборщицы» — это трое пожилых мужчин, двое польских и один югославский эмигранты, попавшие в Австралию еще в 40-х годах. Более квалифицированную работу таким «иноземцам» найти нелегко.

Во время чаепития близсидящие выясняют, чем я собираюсь здесь заниматься.

Одного из моих собеседников отличает гортанное произношение — явно американское. Я не ошибся — это действительно стажер-физиолог из США, доктор Уилкокс, приехавший сюда на год.

После чая заведующий департаментом профессор Энтони Барнетт провел меня в комнату на первом этаже с окнами во внутренний дворик. На двери уже висит табличка: «Доктор Н. Дроздов». В комнате пишущая машинка с латинским шрифтом, все необходимые писчебумажные принадлежности, телефон.

— Номер вашего телефона будет опубликован в справочнике телефонов университета через пару недель, — говорит профессор. — Скажите, пожалуйста, что вам еще требуется, и мы постараемся все сделать.

— Благодарю вас за любезный прием. Комната очень удобная. Но раз уж вы предлагаете, то выскажу вам сразу просьбу: нельзя ли мне получить также пишущую машинку с русским шрифтом?

— Это — славянский шрифт? Гм, — смущенно запинается профессор. Видно, что мой вопрос ставит его в тупик. — Мы сделаем все возможное, — решительно добавляет он. (Следует

заметить, что через два дня я уже обнаружил на своем столе пишущую машинку с русским шрифтом.)

Распрощавшись с профессором, оглядев комнату, иду в коридор — осмотреться.

Интересно, кто же из сотрудников соседствует со мной? Рядом две комнаты подряд с надписью: «Опасно, радиация!» Приятное соседство, нечего сказать! А следом за этими комнатами вижу надпись на двери: «Доктор Уилкоккс». Ну что ж, и то хорошо — значит, к гостям с Востока и с Запада они относятся одинаково «бережно».

В конце рабочего дня забегает доктор Николас и отвозит меня в «Университетский дом». Ложусь немного отдохнуть перед ужином и... просыпаюсь в девять часов вечера. Ужин уже кончился. Совершаю ознакомительную прогулку по общежитию. Здесь есть читальня с газетами и журналами, кофейная комната — даже поздно вечером можно налить себе чашечку кофе. В музыкальном салоне хороший выбор пластинок — от классики до песен австралийских аборигенов. Есть и телевизионная комната — там можно послушать новости, нечто подобное нашей программе «Время».

К ночи поднялся сильнейший ветер, даже стекла дрожат под его напором. Кроны деревьев едва выдерживают порывы. «А за окном шумят эвкалипты» — с этой мыслью я засыпаю.

ПЕРВОЕ УТРО

В восемь утра выхожу из своей комнаты в общежитии — и в тот же момент открывается соседняя дверь. На пороге появляется высокий розовощекий старик в очках, со слуховым аппаратом. От него пахнет целым букетом лекарств. Мне даже кажется, что он специально сторожил меня, чтобы познакомиться.

— Меня зовут Рон Бейнбридж, — представляется он, — я статистик из Мельбурна, в университете я работаю на мощной ЭВМ, такого класса машин у нас в Мельбурне пока нет.

После завтрака Рон Бейнбридж приглашает меня в свою комнату и показывает серию туристических карт, а также книгу о птицах с прекрасными иллюстрациями. Оказывается, мистер Бейнбридж — заядлый турист, много ездит по

стране и особенно интересуется птицами, знает названия многих видов и по-английски, и по-латыни, хорошо различает их в природных условиях.

Попрощавшись с общительным соседом, отправляюсь в первую самостоятельную экскурсию по городу.

У самого входа в общежитие прыгают с веселым чириканьем самые заурядные домовые воробьи.

До центра города можно идти через лужайки с отдельно стоящими деревьями, мимо площадок для крикета, теннисных кортов. Тротуаров вдоль автомобильных дорог нет, тропинки пересекают зеленые лужайки в разных направлениях. Пешеходов почти нет, машин тоже немного — сегодня суббота.

Впереди торгово-административный центр города. Асфальт вытесняет зеленую траву, зато вдоль улиц появляются тротуары. Сегодня здесь все словно вымерло, как в фильме «Земляничная поляна» Бергмана. Лишь вдали видны отдельные фигуры пешеходов. Хочу спросить, как пройти к книжному магазину, пытаюсь догнать идущего на доступном расстоянии человека, но... в последний момент он скрывается в подъезде дома. Гоняться за маячащими на горизонте пешеходами кажется мне нелепым, и я с надеждой смотрю на машины. Но светофоров поблизости нет, а на ходу не очень удобно расспрашивать водителя.

Увидев на мостовой «зебру», решаю перейти на другую сторону улицы. Сойдя на мостовую, собираюсь пропустить мчащийся «фольксваген», и в тот же момент девушка за рулем мягко тормозит перед самой «зеброй». Она приветливо улыбается и делает жест рукой: мол, проходите, пожалуйста. Вот, оказывается, отличный способ остановить водителя и задать ему вопрос — нужно лишь ступить ногой на «зебру».

Выясняю у девушки, что книжный магазин находится совсем недалеко, за углом, после чего становлюсь опять на тротуар и предлагаю проехать сначала ей: «Ladies first»¹. — «Its so kind of you»², — доносится в ответ из набирающего скорость «жука».

В книжном магазине несколько отделов, книги выставлены на стеллажах и вращающихся стойках, все доступно для посетителя. Можно взять книгу в руки, посмотреть, хотя слегка

¹ Дамы — в первую очередь (англ.).

² Это очень любезно с вашей стороны (англ.).

разочаровывает не очень вежливая надпись поверх стеллажей: «У нас не библиотека» — напоминание для медлительных книголюбов. Мои первые покупки — книги о рептилиях, о пауках и популярная иллюстрированная «Природа Австралии». В отделе для книг карманного формата — целые серии «общепользных» популярных изданий. Здесь можно найти книжечки на самые неожиданные темы: о гимнастике йогов, о сервировке стола, о методах релаксации, о том, как подобрать имя новорожденному, об искусстве произносить застольные речи, о способах похудения, о том, как делать бумажные игрушки, и даже о том, как... разбогатеть. Причем каждая книжечка рекламирует свой единственно верный, совершенно новый, уникальный метод.

Вернувшись в общежитие, на пороге встречаю доктора Ричарда Барвика. Это сотрудник департамента зоологии, герпетолог, которому профессор Барнетт поручил «опекать» меня по научным интересам. Ричард, или «просто Дик», как он предлагает себя называть, хочет показать мне город и окрестности. Едем через уже знакомый административный центр на другую сторону озера по длинному мосту.

Здесь много зелени, среди которой разбросаны здания парламента, разнообразные по архитектуре посольства различных стран.

Над двухэтажным домом на зеленом пригорке развевается наш советский флаг. Это наше посольство, маленький кусочек Родины в этой дали! Проезжаем мимо ворот. У входа стоят трое дюжих полицейских в фуражках и голубых форменных рубашках.

Въехав в периферийные районы города, следуем между рядами типовых коттеджей. Одно-, двухэтажные, с зелеными лужайками перед фасадом, все они производят впечатление игрушечных домиков, аккуратно расставленных по склону прилежным мальчиком из старшей группы детсада. Сегодня суббота, и с самого утра пожилые или молодые мужчины в шортах и безрукавках с нескрываемой важностью стригут траву перед домом. Они толкают перед собой тарахтящие тележки, и злобонный бензиновый шлейф дыма тянется за ними. Видно, для этих джентльменов нет лучшего вида отдыха.

Минуем площадку для крикета. Все игроки в белых костюмах и шапочках с козырьками. Один стоит на корточках,

заслоняя собой торчащие из земли метровые палочки и держа в руках широкую деревянную битую. Кидает мяч «нападающий», который сначала долго прицеливается, делает замахи прямой рукой, разбегаются и что есть силы швыряет мяч в игрока с битой. Тот успевает отбить мяч, и стоящие поодаль игроки бросаются ловить его. После некоторого затишья та же сцена повторяется в разных вариантах.

— Довольно вялая игра — один кидает, другой отбивает, а остальные стоят и смотрят, — замечаю я.

— Это верно, — отвечает Ричард. — Но учтите — это не только игра, для англосакса это скорее «образ жизни», как и стрижка лужаек.

Поднимаемся на новую точку обзора города, где находится ресторан «Карусель». На столбе перед рестораном сидит черная австралийская ворона, задумчиво «разговаривает» сама с собой. В ее голосе слышны совершенно человеческие нотки.

Спустившись с обзорного холма, направляемся к Барвику домой, где нас уже ждет к обеду его жена Диана (Дайен). Сухоньякая брюнетка в очках, с умным, проницательным взглядом карих глаз радушно встречает нас на пороге дома. После «вступительной» чашечки кофе идем осматривать участок.

Место для своего дома Барвики выбирали долго — и не напрасно: он расположен выше всех других домов, на сухом взгорье. К ним во двор никто сверху не заглянет. А кругом — дворы, открытые для обозрения, и их хозяева не могут чувствовать себя в полном уединении. Еще одно преимущество: когда был сильнейший ливень, то многие участки залило, а они «вышли сухими из воды».

— При выборе жилья тоже нужно применять экологическое мышление, — шутит Дик.

На своей земле он ничего не разравнивает и не стрижет — напротив, подсаживает местные кустарники, охраняет муравейник подле эвкалипта. Несколько естественных групп камней придают этому маленькому пространству особую живописность и обаяние.

Под эвкалиптом Ричард соорудил затейливые кормушки для птиц. Пока мы гуляли по двору, на кормушки слетали с ветвей ярко-красные попугаи розеллы и черно-белые певчие вороны.

После обеда совершаем первую экскурсию за город — наконец-то я на природе! Первые снимки австралийского сельского ландшафта ложатся на пленку моего фотоаппарата. Вся земля вокруг дороги — частная собственность фермеров-овцеводов, огороженная колючей проволокой. Загородки делят весь ландшафт, куда хватает глаз. В местах въезда на участки висят грозные надписи: «Частная собственность. Нарушители будут наказаны». Для дорожного путника остается лишь «полоса отчуждения» шириной в пару метров за кюветом, усыпанная бутылками и жестяными банками из-под пива.

В обширных загонах пасутся овцы, а кое-где — и коровы. Эвкалиптовый лес местами вырублен полностью, а кое-где оставлен в виде отдельных деревьев или рощиц. Естественно, что мало-мальски крупным диким млекопитающим на таких территориях не выжить. Зато птиц вокруг много, и мы с Диком, вооружившись биноклями, приступаем к наблюдениям.

Хотя ландшафт и освоен, но повсюду встречаются уже местные, сугубо австралийские виды птиц. В кронах деревьев прячутся красные и желтые розеллы, по земле, подобно нашим грачам, бродят около стад певчие вороны и мелкие черно-белые сорочки жаворонки. На заборах расселись рыжие веерохвостые мухоловки, они кланяются и распускают хвост веером в такт поклонам. Высоко в небе пролетает пара снежно-белых желтохлтых какаду, с обочины мы испугиваем целую стайку розовых какаду — их головы тоже украшены хохлами. На толстой ветви сидит крупная большеголовая птица плотного телосложения, с мощным прямым клювом. Это знаменитый гигантский зимородок кукабарра, громкий хохочущий голос которого звучит в позывных австралийского радио! Но сейчас кукабарра не в настроении — он молча поворачивает голову вслед проезжающей машине.

Мы с Диком замечаем и некоторых менее обычных птиц, которых нам не удастся определить «на глаз» — приходится обратиться к помощи полевого определителя. Так мы узнаем синекрылую древесную ласточку и пеструю, черно-желтую «сорокопуттовую синицу».

Скоростное автомобильное движение оставляет свои следы на асфальте — сбитых птиц. Мы останавливаемся и стараемся определить их останки. Бедняга розовый какаду уже совсем

разутюжен. Певчую ворону сшибли совсем недавно, и я забираю ее с собой, чтобы вечером на досуге снять шкурку для коллекции кафедры биогеографии.

Во время одной из остановок мы выходим за обочину.

Я осматриваю листовую подстилку, заглядываю под валежник в поисках мелких животных, прячущихся в листве и дерне. Нахожу несколько мелких австралийских лягушек-лептодактилид бурого цвета, с выразительными черными глазами. А вот и более волнующая встреча: под корягой нашел себе убежище небольшой блестяще-черный паучок с красным пятном. Он отнюдь не безобиден — это ядовитый австралийский каракурт.

Возвращаемся после захода солнца в дом Дика. За ужином беседуем на самые разные темы. Хозяева расспрашивают меня о нашей стране, об университете, о многих интересных животных, которых они знают только по книгам.

Я в свою очередь спешу узнать побольше о местной фауне, об охране природы Австралии, о том, где и что удавалось Дику наблюдать самому. Оказывается, он даже исследовал биологию новозеландской гаттерии, или туатары, — одного из редчайших пресмыкающихся, заслужившего прозвище «живое ископаемое». Знакомлюсь с библиотекой Дика, его публикациями о туатаре, затем переходим к коллекции масок, которую хозяева привезли из экспедиций в Японию и на Новую Гвинею. От масок разговор переходит к австралийским аборигенам, и здесь мне удастся узнать много интересного: ведь Дайен — антрополог, она, как и Дик, работает в университете, ее научные исследования посвящены именно аборигенам Австралии.

В заключение вечера мы переместились в кофейную комнату. Здесь Ричард имел неосторожность включить телевизор. Разговор сразу распадается — к сожалению, так случается в любой компании, когда зажигается гипнотический «голубой глаз», — и вот уже Ричард заливается смехом над коллизиями заурядной бытовой комедии. Он пересказывает мне некоторые сюжетные ситуации, боясь, что «глубина» местного юмора не дойдет до меня. Действительно, особенности австралийского произношения и пока еще незнакомые жаргонные словечки не позволяют уследить за деталями, поэтому перевод на стандартный английский язык оказывается полезным.

Постепенно набираю багаж наиболее обиходных выражений и понятий, употребляемых австралийцами, которых не найдешь в словарях. Узнать их можно только от живых «носителей языка».

ОБЩЕЖИТИЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

На второй день по привычке орнитолога встаю на рассвете, в пять часов утра, и выхожу из общежития. Именно в первые утренние часы птицы наиболее активны: они с увлечением поют, кормятся, общаются друг с другом. Поэтому орнитологи проводят учеты птиц по голосам в ранние утренние часы, и мне привычно проснуться до восхода солнца — такой режим дня у нас всегда в экспедициях и на студенческих практиках.

Конечно, в городе возвращаешься к общепринятому режиму — утром ведь идешь на обычную работу, а не на учеты птиц. Но если и в городе, в его зеленой зоне, вы захотите понаблюдать птиц, то обязательно встаньте на восходе солнца. Как ни странно, но в городском парке это даже важнее, чем в девственном лесу. Дело в том, что обычная ранняя активность птиц усугубляется в условиях города фактором беспокойства. Как только на улицах или тропинках парка появляются люди, птицы становятся осторожнее, редко и с большой опаской спускаются на землю. А на рассвете многих птиц можно застать кормящимися в траве на лужайках, сидящими на нижних ветвях деревьев. Они так заняты своими делами, что легко подойти к ним совсем близко.

Вокруг общежития раскинулся парк, в нем живописно перемежаются эвкалипты, желтые акации, плодовые деревья, американские дубы, группы цветущих кустарников. Вдали сквозь деревья просматриваются здания, входящие в университетский комплекс.

Трава еще покрыта ночной росой. В низине близ озера — пелена тумана. Отовсюду слышны голоса птиц, особенно выделяются музыкальные возгласы певчих ворон. Эти бойкие, подвижные птицы подпускают меня на несколько метров. Ближайшая певчая ворона издает звонкий крик, косится рубиновым глазом. Основное оперение у нее черное, на затылке, спине и крыльях белые пятна, клюв серо-стальной.

Здесь целый выводок певчих ворон. Молодые ходят по земле, но корм еще не научились собирать — смешно ковыляют за родителями и выпрашивают у них пищу, издавая резкий металлический крик. Сейчас середина ноября — конец австралийской весны, и у певчих ворон птенцы уже покинули гнезда.

Отдельно от певчих ворон ходит по земле другая черно-белая птица, размером значительно меньше. Это — сорочий жаворонок, представитель особого австралийского семейства, на самом деле не сорока и не жаворонок (пестрый, как сорока, а размером с крупного жаворонка). Сорочьим жаворонком (*magpie-lark*) называли эту птицу англичане, мне же она напоминает силуэтом кулика-ржанку, а походкой — белую трясогузку. Так и нет у этой птицы «своего» имени. Подобная судьба постигла многих австралийских животных, названия которым давали европейцы, искавшие в их облике сходство с уже знакомыми европейскими животными. Так появились сорочьи жаворонки, певчие вороны, кукушковые сорокопуты, не говоря уже о целой компании сумчатых двойников — сурках, кротах, белках, муравьедах, медведях, мышах. Все эти двойники отнюдь не родичи тех животных, чьими именами они названы, — они лишь внешне похожи на них. Зоологу такие названия, по правде говоря, режут слух: уж очень явно для натуралиста несходство австралийских двойников с их европейскими моделями.

К удовольствию зоологов, в этом деле немало помогли австралийские аборигены. Им не с чем было сравнивать местных животных, и они дали им свои названия, которые и нам теперь удобно использовать: вомбат (сумчатый сурок), намбат (сумчатый муравьед), коала (сумчатый медведь), кенгуру и многие другие. Большинство этих аборигенных имен непереводимы: вомбат — это вомбат и никто другой, скажет вам любой абориген. Однако есть и имена со значением — например, коала означает «тот, который не пьет», или, проще, «непьющий». Довольно точное прозвище, хотя и звучит несколько двусмысленно. Ведь действительно коала не спускается к водоемам, он довольствуется влагой, содержащейся в листе эвкалиптов. Менее удачное и даже в известной степени обидное для европейцев название у самого известного австралийского животного — кенгуру. Дело в том, что, когда одни из первых европейцев увидели кенгуру, они спросили у повстречавшихся

им аборигенов: «Как зовут? Кто это?» На что те ответили: «Кенгуру». Так и вошло это название в отчеты и книги, и лишь позднее выяснилось, что ответ аборигена означал: «Не понимаю». Ответ вполне резонный для человека, не искушенного в английском.

Мои размышления над судьбой кенгуру и сорочьего жаворонка прерывает резкий скрипучий крик — это парочка красно-желтых восточных розелл спустилась с дерева на траву прямо передо мной. Я замер, прислонившись к стволу эвкалипта, и наблюдаю, как эти длиннохвостые попугаи неуклюже передвигаются по земле — вразвалочку, волоча хвост. Вскоре им, видно, такая ходьба надоела, да и ничего съедобного не нашлось — и два маленьких факела взмывают вверх и рассаживаются среди ветвей эвкалипта. Там хоть можно пощипать бутоны и цветы, а может быть, и разгрызть прошлогодние плоды — благо на эвкалиптах сейчас можно найти и то, и другое, и третье.

Из зарослей кустарника боттл-браш выскакивает веерохвостая мухоловка (тоже вовсе не родственница наших мухоловок), садится на горизонтальную веточку и проделывает гимнастику хвоста. Движения хвоста двойные: налево-направо и одновременно рулевые вместе-врозь, как бы сочетание движений хвоста у сорокопута и дрозда.

Неожиданно знакомый певучий голос — эту птицу я узнаю без труда: европейский черный дрозд. Один из двадцати двух видов птиц, завезенных в Австралию из Европы, Азии и Америки. Вон там, вдали, ловко скачет по земле черная длиннохвостая птица, останавливается, что-то роет клювом в подстилке. С другой стороны доносится столь же знакомый, но более резкий, металлический крик. Сидя на фонарном столбе, оглашает окрестности индийская майна. Мне ее голос напоминает пустыню Каракумы, Репетекский заповедник, где эти птицы — самые шумные и заметные обитатели маленького поселка в песках.

Солнце поднялось над деревьями, роса подсыхает, появились первые пешеходы — по территории университета студенты и преподаватели предпочитают ходить пешком по удобным тропинкам от здания к зданию, а то и просто по зеленым газонам.

За три утренних часа я уже обошел всю южную часть университетского парка, расположенную на левом берегу речушки Салливен: три шестиугольника Школы социальных наук, массивное здание библиотеки, одноэтажные, похожие на бараки домики почты, банковского центра и кредитного союза, старый госпиталь, а за ним — домик проректора, прячущийся в зелени. Ближе к берегу озера — приземистое здание Академии наук оригинальной архитектуры: точь-в-точь приземлившаяся «летающая тарелка». Так и ждешь, что оттуда выйдут космические пришельцы.

Возвращаюсь к уже знакомому трехэтажному зданию университетского общежития. Живут в нем аспиранты, стажеры и профессора — иногородние и иноземные, то есть те, у кого нет своего жилья в Канберре.

П-образное здание связано застекленной одноэтажной галереей. В ней расположены дирекция, канцелярия, музыкальная комната и читальня. Захожу во внутренний дворик; вдоль галереи идет каменная дорожка, а вдоль дорожки тянется заросший кувшинками бассейн. В нем сверкают чешуей золотые рыбки — их тут больше десятка. Оказывается, не я один в этот ранний час заинтересовался золотыми рыбками: по краю бассейна ходит большая серая цапля и пытается ухватить рыбку. Она почти уже добилась успеха, выбрав удачную позицию, но в этот момент хлопает дверь на дальней стороне галереи, и во двор выскакивает сухонький старичок в халате, с палкой в руке. Прихрамывая, он бросается на цаплю и угрожающе размахивает палкой. Цапля вынуждена ретироваться, взлетает и садится на конек крыши в надежде, что назойливый преследователь уберется восвояси.

Подхожу к воинственному старичку в халате, приветствую его, а затем замечаю: «Вы эффективно охраняете золотых рыбок». — «Увы, нет, — отвечает он, — эта проклятая цапля уж не раз вылавливала их, и мне приходится доставать и выпускать новых». Приглядываюсь к своему собеседнику: у него сухое, аскетическое лицо с орлиным носом; седые короткие волосы обрамляют классически круглую лысину; глаза окружены морщинками; энергичное лицо его то и дело освещается мягкой, доброжелательной улыбкой. Несмотря на палку и хромоту, он держит спортивную выправку истого англичанина, и произношение у него, как говорят, оксфордское. Мой собеседник

производит самое приятное впечатление, и, чтобы продолжить беседу, я представляюсь.

— О, я уже знаю о вашем приезде и очень рад видеть вас в нашем доме,— оживляется он и в свою очередь представляется: — Робертсон, директор этого дома.

Теперь наступает мой черед выразить удовольствие от нашего знакомства — действительно, это мистер Резерфорд Робертсон, директор университетского общежития. Но это далеко не все: я уже знаю, что этот джентльмен — известный австралийский ученый, ботаник, президент Академии наук (той самой, что обитает в «летающей тарелке»), а общежитием он заведует «между делом», поскольку живет здесь вместе со своей супругой. По происхождению он шотландец, получил степень доктора наук в Оксфорде (отсюда и оксфордское произношение!). Вероятно, он не хочет оставаться в Австралии насовсем — потому и живет в общежитии.

Недавно профессор Робертсон был удостоен звания сэра в очередном (ежегодном) королевском указе. Так что теперь его наиболее правильно называть не по фамилии, а по имени: сэр Резерфорд. И его супруга теперь уже не миссис Робертсон, а леди Резерфорд — супруга сэра.

— Как идет ваше выздоровление, сэр Резерфорд, и скоро ли вы снова будете в седле? — спрашиваю я.

— Спасибо, уже лучше,— улыбается он, польщенный моей осведомленностью о его новом звании и о его увлечении.— Надеюсь через месяц вскарабкаться на какую-нибудь смирную клячу.

Мне уже рассказали, что сэр Резерфорд — заядлый наездник. Месяц назад его сбросила наземь строптивая лошадь. Профессор сломал ногу при падении и лишь недавно вернулся из госпиталя. Но верховую езду бросать, конечно, не собирается.

Найдя общий язык, чему немало способствовала наша любовь к верховой езде, мы с профессором обходим внутренний дворик, после чего он удаляется в свои апартаменты, чтобы переодеться к завтраку.

Перед тем как пойти в обеденный зал, заглядываю в читальную комнату, чтобы просмотреть свежие газеты. Здесь уже сидят несколько завсегдатаев — любителей утреннего чтения; среди них Рон Бейнбридж и его приятель — небольшого роста, полный и лысый брюнет в серой каракулевой папахе, свобод-

ном белом костюме и туфлях на босу ногу. Мистер Бейнбридж знакомит нас, представляя его: «Мой старый друг мистер Хан из Пакистана». Узнаю, что мистер Хан — энтомолог, специалист по борьбе с вредителями сельского хозяйства.

Пора идти завтракать. Мы поднимаемся, но мистер Хан не трогается с места. Я приглашаю его, но тот с очень серьезным видом отвечает: «Благодарю вас, но у меня сейчас пост».

Мы с Роном отправились вдвоем, и по пути он объясняет мне, что у мистера Хана сейчас мусульманский пост. Пост заключается в том, что он не притрагивается к пище с восхода до заката солнца, но зато «берет реванш» с наступлением темноты. Пост, с моей точки зрения, своеобразный и никак не сказывается на поперечных габаритах мистера Хана.

— Видите ли, мистер Хан считает, что пост развивает его силу воли, — поясняет мне Рон.

После завтрака мистер Бейнбридж приглашает меня на экскурсию в расположенный близ Канберры национальный парк Тидбинбиллу.

— Мы вернемся только к обеду, поэтому нужно запастись ленчем «на вынос», — говорит он.

Перед завтраком каждый из нас записывается в «книгу заказов», и после завтрака на столе у выхода нас ждут пакеты с едой, на каждом — фамилия заказчика.

Рон с пунктуальностью англичанина проверяет содержимое своего пакета — там сэндвичи с беконом и сыром, яйцо, салат, различные фрукты. Я из солидарности тоже заглядываю в свой пакет и обнаруживаю там лишь две груши, яблоко и апельсин. Мне не удастся скрыть своего недоумения и разочарования, и Рон поясняет, что при заказе ленча нужно не только записать свою фамилию, но и поставить галочки в графы с буквами В (бекон), С (сыр), S (салат), Е (яйцо) и F (фрукты). Не найдя в моем заказе галочек, любезные дамы из кухни не стали лишать меня ленча, а на свое усмотрение предложили мне вегетарианское меню.

Проходя через читальный зал, Рон приглашает и Хана поехать в Тидбинбиллу. Выезд назначается лишь на одиннадцать часов — оказывается, до этого Рону необходимо пойти на воскресную службу в университетскую церковь.

— Я тем временем помолюсь дома, — с очень серьезным видом вторит ему Хан.

— А я почитаю книгу о национальных парках Австралии, — таким же серьезным тоном говорю я. Рон улавливает шутливость моего тона и чуть заметно улыбается, а мистер Хан, обремененный важностью своей духовной миссии, с непроницаемым лицом удаляется в свою комнату.

Пока мои новые приятели очищают свои души, я забиваю свою голову всем, что могу найти о Тидбинбилле.

НОЧЬ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ УТКОНОСА

В первый же день по прибытии в департамент зоологии Австралийского национального университета я познакомился с молодым австралийским ученым Питером Темпл-Смитом, который занят изучением биологии утконоса. Высокий и худощавый, с окладистой рыжеватой бородой, он оказался общительным собеседником и увлеченным исследователем. Он расспрашивал меня с живым интересом об особенностях фауны и охраны природы в СССР и в свою очередь охотно посвящал меня в проблемы, стоящие перед австралийскими зоологами.

Прошло лишь две недели моего пребывания в Канберре, как Питер собрался в очередной полевой выезд для отлова и мечения утконосов. Я с радостью принял его приглашение принять участие в этой поездке.

К нам присоединился молодой канадский зоолог Майкл Алексюк, проводивший в это время свои исследования при Австралийском национальном университете.

Район, где Питер проводит свои работы, находится примерно в ста километрах к югу от столицы. Сначала наш путь лежал по шоссе, но затем мы свернули на проселок. Вокруг сменяют друг друга маленькие поселки, фермы, участки пастбищ, отгороженные проволочными изгородями, и еще не тронутые островки девственного эвкалиптового леса. Местами и лес огорожен — кто-то купил участок и начинает расчищать его под пастбище. Деревья в таких случаях перед рубкой кольцуют, чтобы они высохли на корню. Окольцованный эвкалиптовый лес являет собой грустное зрелище...

Свернув с дороги, открыли калитку в изгороди и через участок пастбища выехали на берег тихой, поросшей кустарником речушки Шолхавен. С другого берега вплотную к реке

подходит густой эвкалиптовый лес. Вот здесь-то нам и предстояло увидеть утконосов.

У какого зоолога сердце не замрет от подобной возможности?! Справедливости ради нужно заметить, что утконосы, находящиеся под полной охраной с 1905 года, стали сейчас обычными во всех реках по склонам Большого Водораздельного хребта в Восточной Австралии. Они заплывают даже в большое искусственное озеро Берли-Гриффин, расположенное в самом центре столицы. Однако из-за скрытного ночного образа жизни утконосов очень мало кто, даже из австралийцев, видел в природе, не говоря уж о том, чтобы ловить их руками.

Сразу же начинаем сгружать оборудование — алюминиевую плоскодонку с веслами и пять сетей с оранжевыми поплавками в ярко-красных полиэтиленовых ведрах. Спустив лодку на воду, отплываем и начинаем расставлять сети в наиболее подходящих местах. Это участки, где берег крутой, поросший густым кустарником с ветвями, нависающими над водой. В таких местах и должны быть норы утконосов.

Конец сети подвешиваем к ветке над водой и тянем сеть на расстояние пять — десять метров от берега. Другой конец также набрасываем на ветви вместе с ведром: ночью по ярко-красному ведру легче будет найти сеть. Две сети расставляем наискось от одного берега к другому — ширина речки всего сорок — пятьдесят метров.

Пасмурно, временами накрапывает дождь, поэтому первые утконосы появились, не дожидаясь захода солнца: метрах в тридцати раздается всплеск — на поверхности воды появляется темная спина утконоса! Животное то выныривает на миг и, захватив порцию воздуха, тут же уходит вглубь, а то всплывает и неподвижно, как бревно, лежит на поверхности воды. Тогда ясно различимы его округлая спина, голова и плоское надклювье. Ноздри, расположенные посередине надклювья, вбирают воздух, а черные круглые глазки внимательно следят за окружающим. Малейшее подозрительное движение — и зверек ментально ныряет в глубину.

Расставив сети, возвращаемся на берег и разводим небольшой костер. Из леса и из кустов несется хор птичьих голосов, перемежаясь с мелодичными трелями лягушек. Особенно выделяется громкое пение небольших толстых лягушек, проз-

ванных бычьими за свое телосложение, но отнюдь не за голос, который у них очень приятен и музыкален.

Над окружающими долину холмами нависли темные дождевые тучи, а из-под их кромки перед самым заходом выглянуло солнце. Над эвкалиптовым лесом на другой стороне реки засверкала яркая двойная радуга.

Оглянувшись на реку, мы вдруг замечаем, что прямо напротив нас, на середине реки, спокойно отдыхает на поверхности большой утконос. С высокого берега его видно гораздо лучше, чем с лодки. В проекции сверху вырисовывается полностью очертание его тела: тупой хвост, кургузое туловище, крупная голова на короткой шее и плоский широкий клюв.

По оценке Питера, плотность популяции утконосов здесь очень велика: на протяжении пятисот метров обитает около двадцати особей!

Пока котелок на костре собирается закипеть, я, памятуя английскую поговорку «Если смотреть на котелок, он никогда не закипит», обхожу окрестности в поисках почвенных животных. Нахожу под валежником и камнями толстых черных тараканов, несколько мелких лягушек, сцинков, а также маленькую, длиной около тридцати сантиметров, изящную змейку. Она относится к семейству аспидовых, но не опасна, хотя и ядовита: рот ее слишком мал, чтобы нанести человеку действенный укус. Однако Питер и Майкл не разделяют моего оптимизма в отношении змейки, не решаются взять ее в руки и просят положить мешочек со змеей подальше от них в ящик. К сожалению, даже среди зоологов приходится наталкиваться на предубежденное отношение к змеям.

Вскоре мы отплываем на проверку сетей. Метров с тридцати замечаем, что в одной из них что-то бьется. Майкл гребет быстрее, Питер поднимает сеть. В ней — утконос!

Попалась небольшая самочка. Питер хватает ее за хвост и высвобождает из пут. Я беру ее в руки, перебираю густой, плотный, шелковистый коричневый мех, похожий на мех бобра. На брюхе шерсть светлее, а нижняя часть веслообразного плоского хвоста голая. Передние и задние лапы вооружены длинными, слегка уплощенными когтями. Пальцы задних ног соединены перепонками, не достигающими до когтей, зато на передних лапах перепонки громадные, в расправленном состоянии они даже длиннее пальцев. Но расположены перепонки

не между пальцами, а прикреплены к внутренней стороне пясти (ладони). Поэтому при плавании они расправляются наподобие веера. Сейчас же, когда зверек со страху свернулся клубком у меня на коленях, перепонки передних лап подогнуты внутрь, под ладонь. Когда Питер берет утконоса за хвост, зверек нервничает, делает ныряющие движения головой, резко гребет в воздухе перепончатыми лапами.

Опускаем утконоса в большое ведро. После нескольких попыток выбраться он успокаивается и затихает, свернувшись клубочком на дне.

Стоит прикоснуться к утконосу, как он сразу съеживается, опускает голову вниз и старается спрятать мягкий клюв, свернувшись калачиком. Обычно люди, знакомые с утконосом только по рисункам и сухим музейным чучелам, думают, что клюв утконоса — твердое роговое образование, подобное утиному клюву. Но это совсем не так. Мне удастся просунуть руку под брюхо утконосу, и он утыкается носом в мою ладонь, стараясь «зарыться» в ней. Я сразу ощущаю прохладную мягкость и эластичность его кожистого «клюва» — он покрыт черной пористой кожей, которая как бы натянута на основу из двух тонких и гибких дугообразных косточек, проходящих по краям надклювья и подклювья. Верхняя часть клюва значительно шире и длиннее нижней. Кроме того, от основания клюва сверху и снизу отходят назад мягкие кожистые щитки, прикрывающие подбородок и переднюю часть головы почти до самых глаз. Эти щитки увеличивают поле чувствительности при поиске пищи под водой. Ведь клюв утконоса — основной орган чувств во время ныряния: под водой глаза, уши и ноздри животного плотно закрыты.

Позже мне удавалось подолгу наблюдать за поведением утконоса в огромном аквариуме зоопарка Эрика Уоррелла в Госфорде, близ Сиднея. Я дважды был в гостях у Эрика — энергичного коренастого австралийца с черной седеющей бородой, владельца уникальной коллекции живых рептилий. В обширном парке Эрика Уоррелла помимо гигантских королевских кобр, тайпанов, синезыких сцинков и прочих чешуйчатых гадов живет утконос. Это редкий гость зоопарков, поскольку он в условиях неволи требует особой заботы при содержании. Аквариум длиной в несколько метров и глубиной

около метра имеет пологий выход на сушу и дальше — в искусственную нору, где животное прячется во время отдыха.

Наблюдая за животным из затемненного зала, я видел, как утконос спускается в воду, ныряет и плывет над самым дном. Голова его опущена, глаза плотно закрыты, на их месте видны два светлых пятна — это выделяется на фоне темно-бурой окраски светло-желтая шерсть сомкнутых век. Чувствительный нос вместе с лобным и подбородочным щитками служит утконосу основным органом ориентации и поиска пищи под водой. Животное держит клюв над самым дном и непрерывно быстрыми движениями поводит головой из стороны в сторону, взмучивая носом придонный ил, обследуя камни и пучки донной растительности. Захватив клювом со дна добычу, утконос поднимается на поверхность и, распластавшись на воде, тщательно пережевывает корм твердыми роговыми пластинками. Эти пластинки заменяют ему зубы, выпадающие еще в раннем возрасте. Пищей утконосу служат всевозможные водные животные — черви, моллюски, мелкие ракообразные, личинки насекомых. С более крупной добычей он выбирается на берег, чтобы там разгрызть ее и затем проглотить.

Утконосы исключительно прожорливы, не выносят длительной голодовки, поэтому содержание их в неволе сопряжено с постоянными хлопотами по снабжению свежим кормом. Из-за этого даже в Австралии лишь несколькими зоопаркам удалось подолгу держать у себя утконосов.

Тщательно обследовав пойманную самку, мы отправляемся с добычей к берегу, обсуждая и переживая поимку уникального зверя.

— Ник и Майкл, — обращается к нам Питер, — вы оба просто счастливые люди. Ведь Ник — первый русский, а Майкл — первый канадец, которым довелось собственными руками поймать утконоса.

Мы рассказываем Питеру о внешнем облике и образе жизни бобров, которых каждому из нас приходилось наблюдать у себя на родине. Мы находим ряд общих черт у этих совсем не родственных животных. Аналогии сформировались в результате длительного приспособления к полуводному образу жизни. Их можно проследить в общем сложении вальковатого тела с плоским веслообразным хвостом (у бобра он голый с обеих сторон, а у утконоса — только снизу), в структуре и

свойствах шерстного покрова: густой и упругий шелковистый мех хорошо противостоит намоканию, сохраняет кожу сухой и теплой во время плавания в воде.

Много сходного у бобра и утконоса также в строении перепончатых лап, в манере плавания и ныряния, в строительстве убежищ-нор (отнюдь не всегда бобры строят хатки, зачастую довольствуясь норами, вырытыми в крутом берегу реки). Примечательно, что эти отдельные черты сходства в морфологии, экологии и поведении выработались у животных не только не родственных, но и резко различающихся по многим другим особенностям строения, питания, размножения.

Значительно позже я подумал также о том, что можно провести аналогию между утконосом и нашим полуводным насекомоядным зверьком выхухолью. Просматривая фильм о жизни выхухоли, я был поражен сходством этого зверька с утконосом в кормовом поведении. Спустившись из норы в воду, выхухоль плывет над самым дном, взмучивая придонный ил своим подвижным хоботком, и захватывает донных обитателей — моллюсков, червей, рачков. Поймав добычу, он возвращается в нору, где и поедает ее. Все это очень похоже на поведение утконоса.

Через час едем снова проверять сети. На этот раз я сажусь на весла; бесшумно опускаю их в воду и маневрирую в темноте вдоль сетей, давая Питеру возможность просвечивать фонарем сеть под водой. В той же сети, в которую час назад попала самка, запутался крупный самец. Он вырывается из рук еще более настойчиво, но Питер держит его за хвост очень крепко и в то же время осторожно, избегая его растопыренных задних лап. Такая предусмотрительность вполне оправданна: на запястье каждой лапы с внутренней стороны торчит по толстой слегка загнутой острой шпоре. Шпоры эти светло-желтого цвета, полупрозрачные в свете фонаря. В них таится немалая опасность — самец утконоса отнюдь не так безобиден, как самка. Внутри каждой шпоры проходит полый канал, соединенный с протоком ядовитой железы, которая помещается в основании ноги. Железы содержат нейротоксический яд, смертельный для мелких животных. Для человека укол шпоры утконоса весьма болезнен, хотя и не смертелен. Странно, что утконос не старается воспользоваться шпорами для самозащиты. Он мог бы протянуть лапу назад и вонзить шпору в

руку Питера, но вместо этого он бессмысленно растопырил лапы и лишь судорожно подергивает ими.

До сих пор неясно, зачем нужны утконосу ядовитые шпоры. Для защиты от естественных врагов? Но таких врагов у утконоса немного — это вараны, крупные змеи и эндемичные водяные крысы. Для них утконосы представляют лишь случайную добычу. Кроме того, шпорами вооружены лишь самцы — а разве самкам меньше нужна защита от хищников? Может быть, самцы утконосов используют шпоры при борьбе между собой за самок или за индивидуальные участки? Отмечен случай, когда самец поранил шпорой попавшуюся ему «под горячую руку» самочку и та вскоре погибла. Но оказывает ли яд шпор заметное действие на более крупных самцов утконосов, пока неясно.

Поместив обоих пленников в большие ведра в кузове «лендровера», мы сами устраиваемся у костра для короткого сна. Заглянув перед сном в машину, я обнаруживаю, что утконосы заполнили ее резким запахом, который не был так заметен на открытом воздухе. Он напоминает запах свежельвленной рыбы. Такой сильный запах источают выделения околошейных желез. По этому запаху утконосы легко находят друг друга в природе.

Под утро становится прохладно, я зябко кутаюсь в плед и придвигаюсь поближе к костру. Легкий ветерок шевелит листву деревьев, черное ночное небо освободилось от туч и усыпано яркими звездами в непривычных нашему глазу сочетаниях южных созвездий. За две недели пребывания в Австралии я пока не научился безошибочно находить воспетый романтиками морей Южный Крест. Вопреки представлениям большинства обитателей Северного полушария это созвездие находится отнюдь не на южном полюсе неба, а в стороне от него, примерно так же далеко, как Большая Медведица от Полярной звезды. Остальные звезды Южного полушария я мысленно группирую в желаемые сочетания, и вот уже мне представляется очерченный яркими звездами силуэт... утконоса. Конечно, такого созвездия нет на карте звездного неба, ведь все они были поименованы отважными корсарами южных морей еще задолго до открытия этого животного. Но в эту ночь на берегу тихой австралийской речушки, где в темноте плещутся утконосы, мне ясно видится именно такое созвездие.

«Однопроходные яйцекладущие, яйцо кожистое» — такую феноменальную телеграмму послал в начале сентября 1884 г. австралийский зоолог В. Колдуэлл на сессию Британского зоологического общества. Так ученые впервые узнали, что утконосы не рожают живых детенышей, а откладывают кожистые яйца, подобно рептилиям. С того поразительного открытия прошло немало времени, и теперь мы уже знаем многое о размножении утконоса.

И самцы, и самки утконоса обычно проводят день в примитивных коротких норах, вырытых ими под корнями прибрежных деревьев или кустов. Однако на время размножения самку не удовлетворяет такое ненадежное убежище. Она роет сложную и длинную гнездовую нору. Вход ее располагается немного выше уровня воды, и затем нора идет вверх под углом примерно в 30°. От основного хода самка делает один-два боковых тупичка — очевидно, для того, чтобы сбить с толку непрошенных посетителей. Общая длина норы может достигать восемнадцати метров. В конце ее располагается овальная гнездовая камера, которую самка заботливо выстилает сухой травой и листьями.

В этой камере самка сносит от одного до трех кожистых яиц, подчас склеенных друг с другом. Размеры яиц — полтора-два сантиметра. Перед откладкой яиц самка забивает вход в нору несколькими земляными пробками. Это поддерживает постоянное тепло в норе и предохраняет от нежелательных визитов в самый ответственный период насиживания яиц. Чтобы ускорить их развитие, самка сворачивается клубком вокруг кладки и «насиживает» ее в течение одной-двух недель.

Вылупившиеся из яиц детеныши имеют длину чуть более двух сантиметров, они слепые и голые. К этому времени на брюхе самки формируются два оголенных млечных поля. Из скоплений млечных желез, подобно испарине, выступают мелкие капли густого молока, которое детеныши, забравшись на брюхо лежащей на спине матери, слизывают своими мягкими клювами. Растут детеныши медленно и только через четыре месяца покрываются шерстью. В этом возрасте они достигают длины около тридцати сантиметров и впервые покидают нору.

Немало проблем и тревог вызывает у ученых и деятелей охраны природы критическое состояние многих редких и ценных видов эндемичной австралийской фауны. Некоторые виды

уже безвозвратно исчезли с лица земли в результате прямого истребления или коренного изменения естественных местообитаний. Численность многих видов достигла такого низкого уровня, что необходимы экстренные меры для их спасения.

Все это по счастливому стечению обстоятельств не относится к утконосам. Хотя этих животных и уничтожали в прошлом веке тысячами ради их шкурок, но скрытный ночной образ жизни с использованием убежищ-нор позволил им пережить этот тяжелый период. Запрет отстрела утконосов, действующий уже более восьмидесяти лет, способствовал восстановлению их популяций. Естественных врагов у утконосов немного, и деятельность человека не оказывает явно отрицательного влияния на этих животных. Утконосы населяют реки не только в первичных лесах, но и в сельскохозяйственных ландшафтах и даже в окрестностях больших городов.

Лишь изредка утконосы гибнут, попадая в верши рыбаков или при искусственном сбросе воды в реках. Интенсивный выпас скота также может приводить к разрушению нор и оголению берегов, что вызывает исчезновение утконосов в этих местах. Но, несмотря на все эти мелкие неприятности, численность утконосов в Юго-Восточной Австралии сейчас близка к оптимальной.

Особую роль в сохранении эндемичной фауны в Австралии призвана сыграть созданная и расширяемая сеть национальных парков и резерватов, где должны быть сохранены все характерные типы местообитаний вместе с населяющими их животными.

Будем надеяться, что и далекие наши потомки смогут увидеть утконоса не только в зоопарках, а ученые откроют еще немало тайн эволюции, экологии и биологии этого уникального яйцекладущего млекопитающего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОГОНЯ ЗА ВАЛЛАБИ

Ранним дождливым утром мы покидаем столицу. В пять часов уже светло — ведь на дворе сейчас декабрь, разгар лета. Небо в плотных облаках, морозящий дождь превращает дорогу в скользкое, опасное для вождения серое полотно. Нас четверо в «лендровере»: руководитель экспедиции доктор Хью Тиндал Биско, его два аспиранта Джон и Мэрилин и я. Едем мы, сменяясь за рулем по очереди. Установили смену по кругу, как на волейбольной площадке: один спит сзади на лежащем месте, другой ведет машину, а двое сидят рядом с водителем. Первым уселся за руль Джон. Я сижу у окна и наблюдаю холмистую местность с чередованием парковых лесочков, полей, пастбищ. Всю дорогу вдоль обочины тянутся изгороди из колючей проволоки, а ближе к асфальту — сплошная лента из сверкающих под дождем, вымытых его влагой бутылок и банок из-под пива. Здесь принято выпитую бутылку или банку

выбрасывать прямо в окно автомобиля, благо что на этих громадных пространствах дорог пешеходов практически не бывает. Тянущиеся вдоль дороги изгороди показывают, что вся земля вокруг дороги принадлежит кому-либо. В одном месте я обнаружил участок без изгороди и даже обрадовался: может быть, это все-таки ничейная территория? Но Хью меня разочаровал, объяснив, что просто некоторые фермеры не строят заборов вокруг своих участков — это очень дорого.

Через сто шестьдесят километров Джона за рулем сменила Мэрилин. Она ведет машину еще более умело и быстро. На спидометре все время около ста пятнадцати километров в час. При этом она еще нарочито небрежно держит руль одной рукой и то и дело поворачивается в сторону, чтобы перекинуться парой фраз со своими друзьями.

Наша экспедиция организовалась довольно быстро. Мне повезло: в течение первого месяца пребывания в Австралийском университете я был приглашен принять участие в этой дальней экспедиции за островными кенгуру — таммарами или валлаби дама. Чтобы отловить более сотни валлаби для изучения их экологии и физиологии, группа специалистов Австралийского университета и направилась на остров Кенгуру. На нем действительно оказалось довольно много небольших кенгуру, относящихся к особому роду валлаби. Но об этом после, а пока отмечу, что было большой удачей оказаться уже в первый месяц пребывания в этой стране среди специалистов, отправляющихся в дальнейшее путешествие.

Доктор Хью Тиндал Биско, или попросту Хью, пригласил меня принять участие в этой поездке, желая доставить мне удовольствие, а заодно рассчитывая на мою помощь в отлове кенгуру. Хью уже многие годы ведет исследования по физиологии различных видов кенгуру, изучает рост и развитие детенышей в сумке и другие аспекты биологии размножения. Сейчас его особенно интересуют мелкие виды кенгуру, и в частности валлаби дама.

Хью высок и сухощав, с рыжеватыми редкими волосами. Лицо его обветренное, в рябинках, с тонким носом, светлыми, словно выгоревшими, бровями и всегда улыбчивым взглядом серо-голубых глаз. Он очень увлечен своей работой, и его трудно даже при желании увести в разговоре от темы основной специальности. Два верных помощника Хью — Джон и Мэ-

рилин, такие же увлеченные зоологи. Джон — небольшого роста, плотный, коренастый брюнет с красивыми, вьющимися волосами, смуглый, с правильными чертами лица. Внешностью он напоминает не австралийца, а скорее итальянца. Мэрилин — женщина среднего роста, с крупными чертами лица, длинными прямыми волосами, решительная, с твердым характером и соответственно резкими манерами. В экспедиции по ее способности переносить всевозможные тяготы путешествия и готовности всегда помочь она незаменима. Именно поэтому Хью и Джон довольны ее компанией.

Приближается полдень; проехав около трехсот километров, устраиваем ленч прямо у дороги. Мы уже переваливаем Водораздельный хребет; эвкалиптовые леса становятся суше, светлее. Они похожи здесь на саванновые редколесья Африки — это бросилось мне в глаза еще при обзоре сверху, с самолета. Погода стала солнечная и жаркая. На открытых местах растительность разрежена, с пятнами желтовато-серой голой почвы. Чрезмерный выпас заметно подавляет рост трав. Отары овец меланхолично стоят под палящим солнцем. Еще утром мы видели в окрестностях Канберры их соплеменниц, мокнувших под дождем. Любопытно, где же шерсть получается лучше, в окрестностях дождливой Канберры или в этих засушливых местах?

Во время отдыха нас донимают кустарниковые мухи. Это самые многочисленные в Австралии мелкие мухи, которые особенно докучливы в жарких и засушливых районах. Правда, они не кусаются, но забиваются в глаза, в нос, в рот во время еды и совершенно не дают покоя.

После легкого ленча Хью садится за руль, а я забираюсь назад, на спальное место. Теплый сухой ветер врывается в кабину, приятно обдувает лицо.

Еще через сто миль останавливаемся на заправку в маленьком городке. Жарища! Пьем лимонный сок, который приготовила Мэрилин. На улицах городка пальмы, деревья с синими цветами — жараканды, которые так часто попадаются на улицах Тропической Африки. Хью вспоминает, что эти же деревья видел он и в Индии, и в Колумбии. Начинаем энтомологические сборы. Хью поймал мне крупную красивую стрекозу.

Наступает моя очередь вести автомобиль. Для начала я выезжаю не на ту дорогу, и приходится возвращаться. Чтобы

не вызывать удивления моих спутников, веду машину все время со скоростью 90 и более километров в час.

Для меня такая скорость непривычна, но виду я не показываю. Дорога в основном хорошая, так что затруднений нет. Только страшновато, когда мимо проносятся двух-трехэтажные грузовики с шестью, а то и десятью легковыми машинами на борту. От них такая воздушная волна, что приходится буквально вцепляться в руль, иначе машину может сбросить в кювет.

Участки полупустыни и редколесий сменяются возделанными землями: зеленые виноградники чередуются с желтыми полями пшеницы. Все это очень напоминает наш равнинный Азербайджан или предгорья Узбекистана. Вдоль дороги то и дело видны останки сбитых машинами птиц и кроликов. Среди птиц можно определить даже на ходу белоспинную ворону и розового какаду. Эти два вида чаще других встречаются и «в живом виде». Хищных птиц немного: в поле зрения попались только один коршун и мелкий сокол. На полянах сухих эвкалиптовых лесов удалось дважды заметить страусов эму. Две группы паслись за изгородью там же, где и овцы. Мои спутники поясняют, что здесь еще не самые лучшие виноградники. Здешний виноград идет на изюм, а вот дальше будет тот, из которого делают вино.

Ближе к вечеру проезжаем небольшой, красивый и чистенький город Милдара, раскаленный, пышущий жаром. Но вот спадает жара, у дороги и над саванной все оживленнее птичья жизнь. Стаи розовых какаду все чаще попадают на глаза. Это большие красно-серые птицы с белыми головами; полет у них свободный, с парением, крылья широкие, взмах глубокий. Издалека подумаешь, что это не попугаи летят, а чайки или хищные птицы.

К вечеру все чаще встречаем попугаев прямо на дороге — видно, они прилетают сюда подкормиться галькой. А вот пара белоспинных ворон расклевывает свою соплеменницу, сбитую автомобилем. Они неохотно сходят на обочину перед самой машиной. Ну, погодите, «каннибалы», и вас подшибут!

Закат солнца над саванной так хорош, что я несколько раз прошу Мэрилин, которая теперь за рулем, остановиться, чтобы снять солнце у горизонта через причудливо изогнутые стволы эвкалиптов. Уже стемнело, когда мы приехали в Ренмарк. Долго петляем по городу в поисках открытого кафе.

После семи часов вечера в этих тихих провинциальных городках их можно найти только у заправочных станций. Наконец мы находим такое кафе и прямо из жаровни берем двух огромных цыплят. Покупаем также две бутылки пива — Хью и Джону и две бутылки яблочного сока — для Мэрилин и меня. Отъехав недалеко от города, уже в темноте, при свете фонаря едим горячих цыплят, запивая каждый своим излюбленным напитком. Место нашего ужина — это обочина дороги у самой изгороди, так что живописности особой здесь нет. Мы быстро завершаем ужин, тем более что с наступлением темноты оживляются комары. Хью садится за руль, а я забираюсь назад — отсыпаться. Хью отмечает, что расписание для меня, как в яслях, — после еды сразу сон. Проехав еще несколько десятков километров, в полной темноте останавливаемся на ночлег.

Чтобы проезжающие машины не гудели всю ночь над ухом, мы съезжаем с основной трассы на проселок. Он тоже окружен с обеих сторон колючей изгородью, но мы, пользуясь темнотой, перелезаем через нее и раскладываем матрасы и спальные мешки на сухом поле. Комары тотчас же принимаются за работу, но их немного, так что, укрывшись и высунув только нос, спать можно.

Я рассказываю моим спутникам, каковы комары бывают в тундре, и мне почти не верят.

Перед сном я прошу показать мне Южный Крест. Расположен он довольно далеко от Южного полюса неба. А сам полюс находят от этого созвездия путем сложных геометрических построений.

Южный Крест изображен на флагах Австралии и Новой Зеландии. Любопытно, однако, что на флаге Новой Зеландии в Южном Кресте — четыре звезды, а на флаге Австралии имеется еще и пятая маленькая звезда сбоку. Это сделано для того, чтобы число звезд равнялось числу штатов Австралийского Союза. На небе же в этом созвездии можно насчитать четыре, пять, а при желании и большее число очень мелких звезд. А на самом Южном полюсе или хотя бы в непосредственной близости от него хорошо заметной звезды нет. Даже не очень верится этому — ведь их так много. Черное небо просто усыпано ими. Немало и знакомых созвездий, таких, как Орион, Плеяды, заходящие из нашего, Северного полушария.

Жаркий ночной ветерок не охлаждает, но хотя бы разгоняет комаров. Вдали видна темная полоса леса у реки, и оттуда доносится неумолчный говор — хор лягушачьих голосов, крики ночных птиц. Жизнь там кипит. Но уж, наверное, и комаров поболее, так что мы предпочитаем чистое поле. За полночь ветер стихает, комары начинают брать реванш. Приходится поглубже забраться в мешок. К утру происходит «смена караула»: как только светает, комары отправляются спать, а к работе приступают кустарниковые мухи.

На западе очень хорошо видно зарево — это уже километрах в восьмидесяти от нас столица Южной Австралии Аделаида.

Утром быстро собираемся и в путь. Моя очередь вести машину. Приезжаем в городок Бароса-Вэлли, окруженный самыми знаменитыми виноградниками. Здесь виноград идет уже не на изюм, а на вино. Заходим в погреба известной компании виноделов «Кайзерштуль», где нас угощают местным шампанским. Не знаю, как французское, но наше шампанское все-таки лучше!

Осталось полсотни километров до Аделаиды. Началась опять холмистая местность и пасмурная погода, а у самой Аделаиды даже дождик. Такое впечатление, будто возвращаемся к Канберре: тот же ландшафт и та же погода, только, пожалуй, потеплее. Оно и понятно: здесь и холмы пониже, и пустыня поближе.

Въезжаем в большой и тесный город. Одно из самых высоких зданий — с тремя буквами АМП на крыше, такое же, как в Канберре, только буквы здесь не красные, а зеленые.

Центральные улицы трудно отличить от улиц Мельбурна или Сиднея, те же рекламы тех же фирм: «Джонс», «Кодак», рестораны, такая же архитектура, узкие улочки со старомодными светофорами — все это пестро, ярко, но, увы, стандартно.

Направляемся в Аделаидский университет. Здесь работает друг Хью — энтомолог доктор Бартер. Он показывает нам свои рисунки. Сейчас он работает над рисунком жука. Мне удастся определить его до семейства, и заодно я рассказываю Бартеру о том, где водятся подобные жуки у нас, чем питаются, об их поведении. Так маленький жук помогает нам быстро найти общий язык.

Затем заходим вместе с Джоном в Управление земельных ресурсов, где нам выдают крупномасштабные карты острова Кенгуру. Мы особенно интересуемся расчищенными участками

ми в центре острова, так как именно туда валлаби дама выходят по ночам кормиться. Нам показывают аэрофотоснимки, объясняют, где чьи землевладения и с кем согласовать наши ночные рейды, чтобы избежать конфликтов.

В центре города надо сделать закупку продуктов. Это довольно сложная процедура. Дело в том, что стоянка и даже остановка везде запрещена. Поэтому Джон едет на «лендровере», совершая непрерывный круговой маршрут вокруг торгового центра, а мы, закупив необходимые продукты, останавливаемся и, увидев проезжающего Джона, машем ему рукой. Он притормаживает, и мы на ходу закидываем пакеты в машину. К одному из магазинов он уже подъезжает, сзади подгоняют следующие машины, а мы еще не успели подойти с новой партией продуктов. Ему приходится ехать дальше, а нам ждать его на следующем витке. Так постепенно удается закупить все необходимое.

Наскоро закусываем в маленьком итальянском кафе. Я заказываю шашлык, и действительно подают его на шампурах, только без зелени, такой, как у нас на Кавказе или в Средней Азии. В итальянском кафе обстановка не похожа на типичные австралийские аккуратные, чистенькие и спокойные места «общепита». Здесь играет шумная музыка, молоденькие официантки сидят и, окутанные клубами табачного дыма, переругиваются по-итальянски с группой молодых ребят довольно бандитского вида, которые потягивают пенистый кофе «капучино».

По узким улицам пробираемся в порт. Здесь большой корабль берет наверх пассажиров, а в трюм — машины. Оставляем свою машину на пристани и идем на судно. Саму машину заведут в трюм портовые шоферы.

Перед тем как подняться по трапу, обнаруживаю, что на моем билете имя «мисс Банкрофт». Оказывается, одна сотрудница департамента зоологии должна была ехать в эту экспедицию, вместо нее поехать предложили мне. Но билеты заказывали заранее, поэтому заменить фамилию на билете не успели.

Контролер берет у всех билеты, я иду последним. Он отрывает контрольный талон у билета и, когда я уже поднимаюсь по лестнице, замечает имя в билете. Контролер бросает мне вслед подозрительный взгляд. Вид у меня весьма экстравагантный — поверх белой кепочки надета шляпа, а на шее — желтое

полотенце. Вся эта экипировка нужна была мне во время езды по пыльным дорогам пригородов Аделаиды. Я заговорщически улыбаюсь контролеру, и он озадаченно говорит мне: «О'кей», решив не выяснять, почему «мисс Банкрофт» имеет такую внушительную внешность.

Располагаемся на палубе. Пароход медленно отходит, отдавая набережную черным дымом. Вид у Аделаиды со стороны моря довольно мрачный, по крайней мере в пасмурную погоду. Это громадный серый город в дожде и дымах, лежащий в котловине между горами. Поздно ночью, уже в темноте, пароход прибыл в Кингскот — главный город и порт острова Кенгуру. Прямо на корабле нас встречает симпатичный парень лет тридцати. Это Питер Девис — сын хозяина фермы, где мы будем жить. Он очень высок и худ, с обветренным лицом крестьянина и застенчивой улыбкой человека, выросшего вдали от шумного общества.

Поджидаем на пристани, пока портовые шоферы выведут машины из трюма. Очередная машина появляется из темного трюма, подходит хозяин, говорит «спасибо», садится и уезжает. Приятно, что нет никакой проверки ни с той, ни с другой стороны. Вот и наш «лендровер». Мэрилин и Хью садятся с Питером в его машину, а мы с Джоном едем на нашей. Перед нами ночной остров Кенгуру! Быстро минуем небольшой городок Кингскот и выезжаем на хайвей — главную дорогу острова. Вокруг в темноте мелькают мимо машины густые заросли кустарников и серые стволы эвкалиптов. Небо все в звездах, но на западе тучи, сверкают молнии. Я уже легко нахожу Южный Крест.

За небольшим городком Парнданой хайвей уже без асфальта. Сырой грунт заставляет машины даже при скорости шестьдесят километров в час скользить то налево, то направо. Приходится снизить скорость. Ночь довольно холодная, и поэтому у дороги не видно ни одного животного. Наконец сворачиваем с хайвея налево, на юг, и Джон шутит: «Следующая остановка — Антарктида». Действительно, в этом направлении за островом Кенгуру нет уже никакой суши вплоть до Антарктиды.

Въезжаем на ферму через проем в ряду цветущих кустов с яркими красными цветами. Питер здесь сейчас один. Родители его — уже старики — живут в городке Парндане, в самом центре острова. Но здесь на ферме есть и телефон, и горячая вода. Мать Питера любит делать чучела. Он показывает

нам валлаби, поссума с детенышем и ехидну. Все они очень хорошо сделаны. Поужинав и выпив чаю с местным эвкалиптовым медом, отправляемся сразу ловить валлаби. На мотор «лендровера» прямо перед водителем укрепляем матрац. Туда садится Питер, держа в руке фонарь. Джон и Мэрилин, вооруженные сачками, становятся по бокам на подножки. Я пока сажусь сзади. Все мы держимся за прочную веревку, протянутую треугольником через крышу. Хью за рулем, а я должен помогать при ловле — вытаскивать валлаби из сачков.

Выезжаем на ближайšie поляны и сразу видим несколько пасущихся валлаби. При виде машины они начинают сначала медленно, потом все быстрее скакать к изгороди, ныряют под изгородь и исчезают в кустарнике.

Можно их ловить только у самой машины за один прыжок, если валлаби зазевался и подпустил близко. Такой промах допускают чаще всего молодые животные и самцы. Если же животное уже спугнуто, догнать его невозможно. Услышав соскочившего с подножки человека, валлаби «включает четвертую скорость» и исчезает, как тень. Оказывается, это очень быстрые животные. Все-таки за два часа ночной охоты нам удалось поймать пять валлаби — двух самцов и трех самочек. Джон, накрыв валлаби сачком, сам легко выхватывает оттуда животное, а Мэрилин приходится прибегать к моей помощи. Держать животное нужно только за основание хвоста, иначе валлаби или вывернется и вцепится зубами (а кусается он очень больно), или обдерет когтями задних лап.

Самцов легко отличить от самок: у них более яркие рыжие плечи, на загривке темная продольная полоса, мощные передние лапы, острая морда и в целом более крепкое и плотное телосложение.

Всего мы видели около пятидесяти валлаби, а также одного серого кенгуру. Это был большой самец, в одиночестве пасшийся на лужайке. Мы не встретили ни одного кролика. Я спросил у Питера, почему нам не попадаются эти столь обычные австралийские животные. Оказалось, что, к счастью, их сюда еще не завезли, и уж теперь, конечно, не завезут.

Ветер довольно сильный и холодный, руки мерзнут; изредка идет небольшой дождик. Возвращаемся в три часа ночи. С крыльца дома смотрю на темные силуэты кустарников, окружающих усадьбу. На небе, слегка затянутом об-

лаками, видна луна, наполовину закрытая тенью Земли. Здесь, в Южном полушарии, фазы Луны приходится отсчитывать наоборот. Если Луна имеет форму буквы «С», значит, она не стареет, а, наоборот, растет, увеличивается.

Утром нас встречает яркое солнце. На дворе фермы множество птиц, и прежде всего бросаются в глаза прелестные мелкие голубые крапивники. Они скачут по траве и ветвям кустарников с мелодичным трещанием, похожим на голос длиннохвостых синиц. Здесь же — желтые медососы, обсле-дующие садовые цветы. Особенно часто они присаживаются на розовые щетки боттл-браша. В переводе название этого австралийского кустарника означает «щетка для чистки бутылок». И действительно, соцветия очень похожи на этот предмет кухонного обихода.

Можно уловить и знакомые голоса с привычным для нашего уха музыкальным перебором — пролетает над головой стайка ярко-желтых щеглов.

— Может быть, хоть здесь еще нет воробьев? — спрашиваю я Питера. Увы, он показывает мне тут же самочку домового воробья, скачущую под кустом.

— Пока еще здесь их немного, — добавляет Питер. — Видно, местные птицы не хотят пускать в свои сады этих непрошенных гостей.

После завтрака Питер выводит меня за пределы сада и показывает долину реки Саус-Вест. Здесь, на этом острове, есть и частные земли, такие, как его ферма, а есть и так называемые «земли короны», то есть условно принадлежащие королеве Великобритании.

Все большие поляны, которые видим мы с Питером, расчищены им и его отцом. На них собраны копны сена, пасутся овцы и коровы, а вдали видны два островка девственного леса, которые меня особенно заинтересовали. Питер рассказывает, что до их поселения здесь вся долина реки была покрыта хотя и низкорослым, но сплошным и густым эвкалиптовым лесом.

Отправляюсь в оставшиеся участки нетронутого эвкалиптового леса. Между деревьями, в подлеске, растут пальмообразные ксанторреи и колючий низкорослый кустарник. Для начала я переворачиваю обильный валежник. Этот обычный метод поиска почвенных животных сразу дает богатый урожай. Попадаются большие жирные тараканы, кофейного цвета скорпионы с мощными клешнями. Под корягами и особенно под лепешками коровьего помета много дождевых червей. Здесь они удивительно проворные: если и не успевают нырнуть в норку, то, попав на ладонь, начинают прыгать, дергая хвостом и головой во все стороны, и стараются спрыгнуть с руки.

Помимо мелких ящериц — сцинков удалось встретить и довольно крупного самца варана, который прятался под большим бревном. Сделав несколько снимков, я его отпустил, но варан не полез больше под корягу, а побежал в одну из своих нор. Там надежнее, чем на временной «даче». У самой воды на берегу реки слышны из травы громкие голоса лягушек. Австралийцы называют их булфрэгс, то есть лягушки-быки. Голос у них действительно громкий, но совсем не похож на мычание быка. Замечаю, что голоса здешних лягушек-быков отличаются от тех, что пришлось слышать в окрестностях Канберры.

Птиц в лесу довольно много — это и стайки синих крапивников, и выводки попугаев розелл, и группы крикливых розовых какаду. На поле около леса кормятся желтолицые чибисы. Ходят они молча, но, взлетая, издают громкий резкий крик. Над долиной реки быстро пролетает выводок серых уток.

А с небольшого озера снимается и скрывается за горизонтом белошейный баклан. Приятно видеть, что среди окружающих птиц преобладают местные виды. Завезенных из Европы довольно мало, но все-таки опять около пасущихся овец замечаю небольшую стайку обыкновенных европейских скворцов.

Вернувшись к обеду, первым делом разбираю собранный материал. Коллеги с интересом просматривают найденных мною животных и, увидев черного паука, приходят в сильное волнение. Это паук атракс, укус которого может быть смертелен. Наряду с местным каракуртом атракс считается самым опасным из австралийских пауков. Я успокаиваю собеседников: любое животное я стараюсь поймать так, чтобы избежать неожиданного укуса. Заодно напоминаю им, что атракс — близкий родич южноамериканских пауков-птицеядов.

С наступлением темноты снова отправляемся на охоту за валлаби. Теперь мне уже доверено новое дело: я осветитель. Сажу на капоте с сильным фонарем в руках. Сегодняшнюю ночь мы полностью посвятили ловле валлаби и провели на пастбищах, лужайках, в зарослях кустарников около пяти часов. За это время нам удалось увидеть около ста двадцати валлаби, двадцать кистехвостых поссумов и восемь больших серых кенгуру. Охотились мы в основном за самками, потому что самцов раза в четыре больше и они легче подпускают. Поймали восемь самок и одного самца.

Пользуясь орудием осветителя — фонарем, я заодно изучаю, какого цвета и с какой силой горят глаза у различных животных, когда они попадают в луч фонаря. После небольшой практики можно отличать животных издали по цвету горящих глаз. Так, у поссумов глаза горят гораздо ярче, чем у валлаби. Хотя поссумы и древесные животные, но по ночам нередко спускаются на землю. И именно здесь мы часто застаем их. Увидев опасность, поссум бежит на всех четырех лапах, как бы стелется по траве, и, достигнув опушки, быстро взбирается на ближайшее дерево. На бегу хорошо виден его темный пушистый хвост. Недаром этого крупного сумчатого зверька зовут кистехвостым поссумом. По цвету глаз можно отличить и кенгуру от валлаби. Однажды в свет фонаря попало мелкое животное с какими-то очень яркими глазами. Я уже обрадовался, думая, что удалось увидеть новый вид сумчатых, но при бли-

жайшем рассмотрении это яркоглазое животное оказалось одичавшей домашней кошкой.

Перед рассветом, около пяти часов утра, мы едем в аэропорт, где помещаем отловленных животных в специальные картонные коробки, которые утренним рейсом будут отправлены в Канберру. Таким образом, животные уже сегодня попадут в хорошие условия и будут содержаться в вольерах до нашего возвращения.

Следующей ночью я побродил в одиночку по лесу. Странное ощущение — здесь нет ни одного животного, которое могло бы напасть на человека, видя в нем возможную жертву. Ведь где бы мы ни были — на Дальнем Востоке, в Индии, в Африке или в Европе, везде есть возможность встретить ночью леопарда, льва, тигра, медведя или волка. Все это крупные хищники, достаточно опасные для человека. Здесь же хищников в обиходном понимании просто нет. В то же время здесь нет древних хищных пресмыкающихся, которые вымерли еще в меловой период. Это как бы переходный период между господством крупных хищных пресмыкающихся и хищных млекопитающих.

Сегодняшняя ночная ловля обещает быть «урожайной». Мы осваиваем новые районы. Действительно, к девяти часам вечера уже поймано девять штук. Со вчерашнего дня мы разработали новую методику: Хью ведет машину не прямо на валлаби, а сбоку — слева или справа, постепенно заворачивая. Таким образом он останавливает животное. Валлаби замирает на месте, думая, что машина проедет мимо. Именно в этот момент Мэрилин, стоящая на подножке, накрывает животное сачком, не сходя на землю. Затем, выхватив животное за хвост из сачка, она профессиональным жестом нащупывает сумку у животного. Изредка происходит и небольшой конфуз, когда кажется, что мы гнались за самкой, а при проверке сумки не обнаруживается.

Если взрослые самцы и самки хорошо различаются, то молодые самцы иногда оказываются очень похожими на самок. Как только животное попадает в луч фонаря и кто-нибудь первый восклицает: «Это парень», фонарь сразу переводят на другую особь. Если же определяют: «Это девица», то начинается погоня. Ловим мы в основном самок. Самцов нам нужно немного, всего около десяти процентов.

Я спрашиваю Питера, давно ли отлавливают здесь валлаби для научных целей. Оказывается, уже три года. За это время добыто около пятисот животных. Естественно, что отлов мог стать основной причиной преобладания самцов в местных популяциях, так как вылавливали в основном самок.

Иногда в луч фонаря попадает куртина травы или сухой пенек, очень похожие на валлаби. Приблизившись и убедившись, что это не животное, кто-нибудь восклицает: «А это трава валлаби» или «Бревно валлаби».

При новой методике ловли, с заездом сбоку, мне, стоящему на левой подножке, ничего не достается. Дело в том, что Хью лучше видит справа, так как слева ему загораживает поле зрения Джон, поэтому он «подает» животных в основном на сачок Мэрилин. Заметив, что я начал скучать без добычи, Мэрилин предлагает мне поменяться местами. Становлюсь на правую подножку и вскоре ловлю своего первого валлаби самостоятельно. Хью, выхватив его из моего сачка, восклицает: «Русский валлаби».

Во время ночной охоты мы заезжаем на пастбище, где пасутся коровы. Стоя на подножке, вдруг слышу в темноте громкий рев и топот. Оказывается, прямо на нас тяжелой рысью мчится несколько коров. Кто-то сопит в затылок. Прошу Джона посветить назад и обнаруживаю здоровенного быка прямо у себя за спиной. Джон объясняет: «Не беспокойся, просто эти коровы привыкли, что их кормят с машины, и решили, что мы привезли угощение в такое неурочное время».

Среди дня, отдохнув от ночной охоты, собираемся на экскурсию к берегу моря. Погода прохладная, но на солнце тепло. По извилистой песчаной дороге выезжаем на берег бухты. Светло-желтый пляж, по бокам его черные скалы-башни, о них разбиваются громадные холодные волны. За горизонтом — Антарктида! Ветер оттуда и впрямь холодный.

Собираем на песке и по скалам различных моллюсков, выброшенных морем, высохших крабов, скелетные пластины каракатиц. Вокруг пляжа в зарослях низкорослых кустарников то и дело попадаются вараны. У самой воды кормится стая мелких чаек. Крупная тихоокеанская чайка стоит, как хозяин, на скале и, когда Джон бросает подбитую им рыбу, первой хватает ее, не обращая внимания на завистливые крики мелких сородичей.

Джон облачился в черный костюм ныряльщика, надел ласты и маску и, вооружившись подводным ружьем, начал охотиться на рыбу. Мне впервые приходится испытать на себе полный костюм «ветсьют», с шапкой, маской, поясными гирями, ластами и трубкой. К сожалению, в бухте сильное волнение, дна почти не видно, песок взбаламучен. Однако все же удастся над мутной придонной водой выследить довольно крупных морских рыб, заходящих в бухту.

В последний день пребывания на острове Кенгуру я взял у моих друзей машину на три часа, чтобы съездить в заповедник Флиндерс-Чейз, расположенный на западной окраине острова.

Раннее утро, солнце периодически проглядывает сквозь облака, и по дороге, поросшей зрелым высокоствольным лесом, я периодически снимаю типичные пейзажи. Дорога была пустынной, только навстречу мне попались фермер с сыном, едущие верхом. Перед въездом в заповедник — ворота, небольшой забор, уходящий в глубь зарослей, и плакат, на котором изображен коала и рядом надпись: «Не спалите его!» Еще по дороге мне попалось несколько знаков ограничения скорости с изображением кенгуру.

Приезжаю на кордон, где меня приветливо встречает старший лесничий Джордж Лонсар, одетый в зеленую форму с красивыми нашивками Управления охраны природы Южной Австралии. Он проводит по окрестностям и показывает животных, которых можно встретить поблизости от кордона. На лужайках пасутся группы серых кенгуру; здесь они почти ручные, и к ним можно подойти на несколько метров. На обширном сыром лугу расположилась громадная, более сотни, стая куриных гусей — замечательных австралийских эндемиков. Они мирно щиплют траву, но при попытке приблизиться взлетают и садятся поодаль. Около них прогуливаются две пары эму. Когда подойдешь к ним, самцы начинают издавать глухие гортанные звуки, выражая этим свою тревогу.

Долго наблюдаю за пасущимися кенгуру. При медленном передвижении кенгуру опирается на все четыре лапы — поочередно на заднюю и переднюю пару, периодически останавливается и принимает позу собачьей стойки: опершись на три ноги, поднимает правую переднюю ногу. Если обнаруживает что-либо тревожное, поднимается на задние ноги и направляет

уши-локаторы в сторону источника тревоги, а затем одно ухо поворачивает назад — для контроля ситуации с тыла.

Наиболее примечательны здесь коала. Они, правда, не водились на острове издревле, а завезены европейцами. Популяция их достигла здесь нормального уровня и находится в большей безопасности, чем на материке.

Мы с лесничим пошли по окрестностям, чтобы найти коала. Их трудно рассмотреть в кроне дерева, но уж если найдешь, то они никуда не убегают. Хождение по лесу принесло нам успех. Сначала Джордж показал мне самца и поодаль самку с детенышем. Я стал наблюдать за этой парочкой. Детеныш уже вполовину взрослого. Сначала он сидел на отдельной ветке, но, заметив, что я все время хожу под деревом, счел за лучшее перебраться поближе к мамаше, а затем вскарабкался ей на спину. Мама лишь слегка пошатнулась под тяжестью своего упитанного недоросля, но не выразила какого-либо недовольства. Вскоре она совсем закрыла свои подслеповатые глазки и мирно заснула. Пришлось попрыгать под деревом и испустить несколько громких воплей, чтобы разбудить ее и привлечь к себе внимание — спящую фотографировать не хотелось. Когда мамаша проснулась и сердито поглядела на меня, я сделал несколько неплохих снимков.

Попрощавшись с гостеприимным лесничим, возвращаюсь на ферму Питера. Последний сбор, повторная экскурсия на пляж. Мы едем по новой дороге, и я спрашиваю Хью: «Мы едем на другой пляж?» Хью отвечает: «Нет, на тот же самый». И, усмехнувшись, добавляет: «Ты знаешь, чудесное место эта Австралия — к каждому месту у нас как минимум две разные дороги».

После заключительной ночной экскурсии в половине четвертого ночи мы уезжаем. Я веду машину через весь остров до самой пристани. Все спят — и на переднем, и на заднем сиденьях. Когда едешь по холмистому острову на восток, хорошо заметно, что он постепенно снижается: преобладают крутые спуски, подъемов гораздо меньше. Приезжаем в порт Кингскот на рассвете.

Грузимся на тот же самый пароход и солнечным утром прибываем в Аделаиду. В устье реки много моторных лодок: семьи приезжают к берегу на машинах с лодками и сгружают

их прямо в воду, некоторые катаются на водных лыжах. По берегу и над водой у корабля много чаек. С корабля сначала сгружают мощные двухэтажные грузовики с коровами и овцами, а затем уже личные машины с нижней палубы. Мы ожидаем своей машины, и Хью отмечает: «У нас в отличие от Англии не леди в первую очередь, а овцы». Действительно, овцы — это символ Австралии, а заодно и ее несчастье. Ведь падение цен на овец в последнее время буквально катастрофическое, и, как сказал Питер, сейчас овца дешевле кролика. «Легче овцу убить, чем продать», — говорят отчаявшиеся фермеры.

Из Аделаиды берем курс на Канберру. Ночью в свете фар множество кроликов, около пяти-шести на каждую милю. Много также и сбитых зверьков. Как ни печально, но и мне пришлось сбить по дороге несколько кроликов — они бросались прямо под машину, и увернуться от них на скорости сто километров в час просто невозможно. Мне это очень неприятно, но Джон, сочувствуя мне, объясняет: «Ты не убийца, это они самоубийцы». В четыре часа утра мы останавливаемся на тихой окраине селения и спим до восьми часов под пение петухов и крики пары кукабарр. Когда резкий хохот этих гигантских зимородков раздается прямо над головой, все нервно ворочаются, а меня душит смех. Ведь очень уж долго мои коллеги искали тихое место, чтобы поспать спокойно несколько часов. В перерывах между душераздирающим хохотом кукабарр и пением петухов слышны резкие крики розовых какаду. Для меня, орнитолога, вздремнуть под голоса птиц — истинное удовольствие.

СНОВА НА ОСТРОВ КЕНГУРУ

Вскоре мне представилась возможность еще раз заглянуть в гости к Питеру, на его ферму. В конце февраля в Аделаиде состоится конференция по проблемам экологии аридных территорий, и департамент зоологии командирует меня туда с докладом об охране и освоении пустынь в СССР.

Ранним прохладным утром, наскоро позавтракав в столовой университетского общежития, спешу по зеленым газонам в департамент зоологии. В кронах деревьев слышна флейтовая переключка певчих ворон и резкие крики розелл Кримсона. Готовясь к отлету, собираю багаж — нужно воспользоваться

тем, что остров Кенгуру совсем недалеко от Аделаиды, и побывать там сразу после конференции. Пишу письмо профессору Гржимеку: делюсь с ним впечатлениями о посещении острова Кенгуру. Ему это будет интересно, ведь профессор провел на острове несколько дней, о чем упоминает в книге «Австралийские этюды». Другое достоверное свидетельство его пребывания там я нашел в книге посетителей заповедника Флиндерс-Чейз, в которой обнаружил запись и автограф Гржимека. Об этом я также с удовольствием сообщаю профессору в своем письме. Оно получилось длинное, на трех машинописных страницах, но думаю, что Гржимеку будет интересно узнать свежие новости о природе и животных знакомых ему мест. Отправляю письмо в Танзанию, в город Арушу, поскольку профессор неизменно проводит январь и февраль в национальных парках этой страны — в Серенгети, Маньяре и Нгоронгоро.

Мои соседи по общежитию Пол и Крис собираются на Ред-хилл ловить махаонов — по их сведениям, там сейчас идет массовая миграция этих бабочек. Они приглашают меня, но я с сожалением вынужден отказаться: в четыре часа пополудни вылетаю в Аделаиду.

Захожу к Биллу Хемфри. Он дает мне с собой портативный магнитофон и пару кассет, чтобы я записал свой доклад в Аделаиде. Он также предлагает подвезти меня в агентство, что очень любезно — времени остается в обрез. Втискиваемся в его почти новенький крохотный «мини-моррис».

В моем багаже чемодан, портфель, кинокамера, фотоснайпер и ружье с патронами, полученное на складе департамента зоологии (придется провести небольшие научные сборы птиц на острове Кенгуру для коллекции Московского университета). Беспокоюсь, как отнесутся в аэропорту к ружью и особенно к патронам. Дик Барвик советовал мне патроны с собой не брать, а купить в Аделаиде. Но я все же рискнул.

На регистрации в агентстве разрешили взять и ружье, и патроны, хотя долго разглядывали и их, и меня. Что-то в моей внешности внушило им доверие, и меня лишь попросили «держат патроны отдельно от ружья» — как будто рядом с ружьем они выстрелят.

Правила оформления багажа здесь своеобразные: регистрируется не вес, а число мест, причем одно место предоставляется бесплатно, а за остальные платишь по два доллара. Но

оружие произвело такое впечатление на приемщика, что он отказался взять деньги за мой багаж.

Прощаюсь с милейшим Биллом и сажусь в роскошный черный автомобиль (его здесь называют автобусом), доставляющий пассажиров в аэропорт. На этом маршруте больше трех-четырех пассажиров не бывает, и автобус гонять ни к чему. Сейчас нас двое: кроме меня едет непрерывно курящая девица. Хорошо еще, что на улице тепло и окна приоткрыты.

В аэропорту функционируют две авиакомпании — государственная ТАА (Трансавстралийские авиалинии) и частная «Ансетт» (по фамилии основателя и владельца компании). Их конкуренция доводит качество обслуживания до совершенства, но зато самолеты этих компаний вылетают в один и тот же пункт почти одновременно. Иногда в каждом сидит по два-три человека, а шум в окрестностях аэропорта, не говоря уж о стоимости полетов, возрастает вдвое.

Погода солнечная, ветреная и прохладная, на небе красивые кучевые облака. К моему удивлению, самолет оказался почти полностью загруженным — большинство пассажиров приехали в аэропорт на своих машинах. Мы летим самолетом компании ТАА. Он сразу круто берет вверх и, трясясь и ныряя, пробивает слой облаков. В это время сосед поясняет мне, что самолеты ТАА надежнее, чем «Ансетт»: до сих пор из них разбился лишь один, а тех — целых два. Я замечая, что если тряхнет сильнее, то счет как раз может и сравняться, после чего не склонный к черному юмору фермер мрачнеет и начинает встревоженно смотреть в окно.

Стюардессы в сопровождении радиозаписи показывают, как пользоваться спасательным жилетом. Мой сосед заинтересованно следит за их действиями и просит меня уточнить некоторые подробности экипировки. В перерывах между радиопояснениями играет легкая музыка, а затем периодически включает свой микрофон первый пилот. Он комментирует условия полета и рассказывает о местах, над которыми мы пролетаем. Каждое свое выступление он начинает элегантно-милым обращением: «Ladies and gentlemen, that's captain speaking again»¹.

¹ Дамы и господа, снова говорит капитан (англ.).

Хотя полет длился менее часа, стюардессы успели предложить чай и кофе (black or white?¹) с бисквитом.

Снижаясь для промежуточной посадки в Мельбурне, проходим через сплошную облачность, а под ней — обложной дождь. Со страхом думаю, как побегу в аэропорт под дождем: я даже без пиджака. Но подают от здания рукав-тоннель, и по нему мы попадаем сразу в зал ожидания.

Пока идет оформление новых пассажиров, мне приходит в голову позвонить Нине Михайловне Кристесен — заведующей департаментом русского языка в Мельбурнском университете. Я планировал посетить этот департамент, и номер телефона у меня с собой. Набираю номер по автомату и вот уже слышу веселый женский голос и, что особенно приятно, прекрасную русскую речь. Передаю привет из Москвы и сообщаю, что сейчас лечу в Аделаиду, а в марте собираюсь в Мельбурн. От Нины Михайловны узнаю, что через неделю в Аделаиду приезжает Андрей Вознесенский! В это время я буду уже на острове Кенгуру. Как жаль! «Ну ничего, — отвечает Нина Михайловна, — постарайтесь приехать в Мельбурн к одиннадцатому марта, он будет выступать здесь, и мы пришлем вам приглашение с оплатой проезда». Поясняю, что приеду на машине, поэтому нужно лишь заказать номер в отеле. Нина Михайловна обещает забронировать комнату в колледже. В ответ на просьбу прочесть лекцию соглашаюсь рассказать об охране природы в СССР. Прощаемся.

Объявляют наш вылет. Идет дождь, но из-под облаков, сквозь влажную дымку, ярко светит заходящее солнце. За аэропортом — красивая радуга. Пока выкруливаем на взлет, перед нами садится, дымя, как паровоз, очередной самолет. Сразу за ним выходим на взлетную полосу, наш самолет дрожит и ревет, готовый сорваться с тормозов, и вдруг — стоп: прямо перед носом садится еще один самолет! С предыдущей посадки прошло секунд сорок. Мы тут же взлетаем. Разрыв — секунд тридцать. Вот это теснота в воздухе!

Под крылом — австралийская древесная саванна, сильно освоенная. Холмистая равнина с полями, пастбищами и островками лесов по крутым склонам. Напоминает наше лесо-

¹ С молоком или без? (англ.)

полюе. Дальше в сторону Аделаиды холмы сменяет гладкая низменность в квадратах полей. Перелесков уже не видно.

Ровно через час прилетаем в Аделаиду — большой город прямоугольной планировки, расчерченный на кварталы освещенными улицами. В аэропорту получаю багаж и вместе с еще пятью пассажирами сажусь в автобус, который привозит нас в город к агентству ТАА. Замечаю, что и тут, в соседней комнате, — агентство «Ансетт». Как попугаи-неразлучники.

От агентства до моего отеля — пятьдесят метров, и это удачно, ведь багаж мой почти не подьмен. Отель «Гровенор» старенький, но с особым провинциальным «шиком». Мальчик-портье открывает дверь перед каждым входящим и выходящим. Комнатка крохотная, однако со всеми удобствами. Правда, окна почему-то не открываются, и остается надеяться на исправность вентиляции. Перед сном прошелся по опустевшим улицам. Уже одиннадцать часов, но я нашел одно кафе, где можно было выпить чашечку кофе.

Два следующих дня потратил на подготовку доклада, лишь ненадолго выходил прогуляться до рынка, чтобы купить дыню, бананов, слив, помидоров и винограда. Такое меню в летний зной гораздо лучше всяких мясных блюд. Погода стоит все время жаркая и безоблачная, к вечеру с моря поднимается сильный ветер.

Движение на улицах Аделаиды не такое интенсивное, как в Сиднее, и водители очень вежливы: стоит только сойти на мостовую, они тут же останавливают машину, давая перейти дорогу. На углах стоят высокие стройные полицейские в форменных фуражках с околышами в шашечку — я поначалу принял их за таксистов. В центре Аделаиды имеется своя аркада со сквозным переходом и массой лавочек по обеим сторонам. На одной из главных улиц расположился ночной стриптиз-клуб, фасад которого украшает полная гордости реклама: «Единственный стриптиз-клуб в Аделаиде и окрестностях!»

В центре города мало зелени, и на каменных опрятных улицах птиц не видно совсем, даже чириканья воробьев не слышно. Зато рядом, в университетском парке, птицы повсюду. Больше всего здесь домовых воробьев и австралийских чаек. Многие пенсионеры и служащие, отдыхающие в парке, едят

сэндвичи, сидя на скамейках или расположившись прямо на траве, а чайки с воробьями бродят вокруг в ожидании подачи.

В журнальном киоске я купил два первых номера серии «Мир дикой природы». Это замечательное произведение в десяти томах (в каждом томе — по пятнадцать журналов), написанное талантливым испанским натуралистом и писателем, автором многих фильмов о природе Феликсом Родригесом де ла Фуенте. Недавно началось издание этой серии на английском языке, и теперь нужно быть внимательным, чтобы не пропустить остальные сто сорок восемь журналов.

Вечером в фойе отеля несколько постояльцев смотрели телевизор. Шел какой-то концерт, но в тот момент, когда я проходил мимо, началась программа новостей. Она освещала визит Никсона в Пекин, и я остановился, заинтересовавшись этим политическим событием. Но тут поднялся один из зрителей и, обращаясь к остальным со словами: «Экая ерунда, не правда ли?», переключил на программу с фильмом о ковбоях. Все сидевшие у телевизора согласно закивали головами, а мне пришлось отправиться в свой номер.

Невольно вспомнился другой случай, позволивший мне получить некоторое представление об уровне развития интересов в обывательской среде. Задержавшись как-то вечером у телевизора, я увидел передачу с участием старшеклассников, некое подобие викторины для двух соперничающих команд. Сразу покорило то, что победителям тут же выдавали приз... деньгами. Вот это методы воспитания! Но еще больше разочаровали ответы школьников.

Ведущий спрашивает: «Где находится страна Гана?» Обе команды молчат, затем одна девочка нерешительно говорит: «В Азии». Узнав, что ошиблась, она снисходительно усмехнулась: мол, остальные вообще не имеют представления, где эта Гана!

На вопрос, какой европеец первым попал на Кубу, ответом было гробовое молчание. «Христофор Колумб», — наконец сказал ведущий. Все только равнодушно пожали плечами — ну Колумб так Колумб.

Зато, когда спросили, как зовут мужа Жаклин Кеннеди, все в один голос прошебетали: «Аристотелес Онассис!» — и даже привстали со своих стульчиков в порыве энтузиазма. Бедный Колумб!

Конференция открылась утром в актовом зале университета. В президиуме — доктор Бокс из США (штат Юта), приглашенный на средства оргкомитета, профессор Бонитон, председатель комитета водных исследований Южной Австралии, и неизвестный мне моложавый красавчик с округлым лицом, черными, как слива, глазами и вьющейся шевелюрой. На нем белый костюм, из нагрудного кармана торчит бабочкой (также белый) платочек. В общем на ученого он не похож.

Профессор Бонитон открыл конференцию и почтительно предоставил слово щеголю в белом костюме. Оказалось, что это — премьер-министр штата Южная Австралия, его превосходительство Данстен. Он прочел приветствие хорошо поставленным голосом, но не отрываясь от бумажки, и после этого сразу ушел. Доктор Рей Перри, один из ведущих географов-ландшафтоведов Австралии, специалист по аридным областям, сделал очень интересный и содержательный доклад об экосистемах пустынь. Однако он, как и большинство других выступавших, читал свой текст, уже розданный участникам перед конференцией. Поэтому, когда Перри дочитывал до конца страницы, в зале раздавалось дружное шуршание: все перелистывали конспект вслед за докладчиком.

На доклад дается ровно полчаса, и председательствующий вежливо, но настойчиво останавливает выступающего, если время истекло. Затем дается пятнадцать минут на обсуждение, и ни минутой больше. Ведь без четверти одиннадцать — традиционный утренний чай: святое дело! За чаем и кофе с бисквитами можно продолжить дискуссию в кулуарах.

Несколько слушателей, сидящих в первом ряду, записывают доклады на магнитофоны, подключив их к розеткам на авансцене. К услугам докладчиков проектор для показа слайдов на большом экране. Свет в зале гасят и зажигают постепенно (при помощи реостата), чтобы не перенапрягалось зрение. И даже в промежутках между слайдами экран не темный, а полусвещенный. Схемы, чертежи и графики Рей Перри и другие выступающие показывают, помещая их на световой столик на трибуне: изображение проецируется на большой экран. При необходимости докладчик дорисовывает детали, вносит поп-

равки прямо на столике, а зрители видят этот процесс на экране.

Второй докладчик — пожилой профессор Кашмор из Мельбурнского университета выступил с предложением сделать национальным парком почти всю Центральную и Западную Австралию. Все раскритиковали его идею как невыполнимую, но на следующий день в аделаидской газете появилась статья о конференции, и в ней сообщалось только об этом «нашумевшем» докладе.

После обеда выступил ботаник из Аделаидского университета доктор Ланге. Не пользуясь конспектом, умно и хорошо он говорил о методах преподавания, о том, как воспитывает из своих студентов будущих исследователей. После доклада один молодой человек — наверное, еще студент — спросил, а что делать, если после окончания университета не найдешь работы по специальности?

Доктор Ланге ответил, что его задача — воспитать мыслящих, творческих ученых, а проблемы безработицы были и будут впредь, и это уже не его дело. Тут я не удержался и вступил в дискуссию. Поблагодарив Ланге за великолепный доклад, я сказал, что роль преподавателя и воспитателя вижу не только в том, чтобы развивать в студентах творческое начало, но и в том, чтобы помочь им применить на практике полученные знания. А поэтому мы, педагоги, должны чувствовать ответственность за будущее студентов, должны содействовать им в устройстве на работу, наиболее подходящую их желаниям и способностям.

В заключение выступил биолог доктор Тим Или из Монешского университета в Мельбурне. Он известен как увлеченный популяризатор и в своем сообщении на тему «Животный мир и человек» с жаром рассказывает о роли кроликов и лис, об одичавших кошках, цитирует письма пенсионерок, жалующихся на кошку, съевшую птенчиков в их саду. Доклад завершается чтением длинного стихотворения, уместившегося на трех страницах. Остается впечатление, что по рассеянности милейший доктор Или прихватил на научную конференцию конспект выступления, подготовленный для собрания садоводов-любителей.

Весь вечер лихорадочно готовлюсь к завтрашнему докладу: кто-то из докладчиков не приехал, и меня попросили выступить

с первым утренним сообщением. Текст на русском языке готов, схемы и таблицы — тоже, но перевести конспект на английский удалось только до восьмой страницы, а их шестнадцать. Однако уже час ночи, нужно немного выспаться. Придется часть доклада переводить с листа.

Рей Перри обещал утром в половине девятого просмотреть мой английский текст и поправить его. Выхожу из отеля за пять минут до назначенного срока, идти пешком минут десять — чуть меньше километра. Но опаздывать здесь не принято! Подхожу к такси и прошу отвезти в университет, извиняясь за то, что занимаю машину на такое короткое расстояние. Шофер любезно приглашает сесть и удивляется: «О чем речь — ведь это наша работа!»

Вхожу в фойе с опозданием на минуту и вижу Рея, вбегающего с противоположной стороны. Вовремя я подоспел! Рей читает конспект моего доклада, расставляет, где нужно, артикли, уточняет некоторые слова, говорит, что все отлично, и вдруг обескураженно прекращает чтение, натолкнувшись на русский текст. Успокаиваю его, говоря, что уже понял принципы расстановки артиклей и дальше попробую сделать это в процессе доклада. Рей посылает куда-то юношу из оргкомитета с моими схемами и графиками. Теперь моя очередь беспокоиться: а вдруг он не вернется? Но через десять минут тот возвращается и приносит все рисунки, переснятые на прозрачную пленку для демонстрации со светового столика. «Чертова техника!» — произношу я про себя.

В списке участников конференции я значусь как Dr. Drozdon. Но я уже привык к таким разночтениям. В общежитии Канберрского университета мне приходит почта на фамилию Drozdog, а на авиабилете написано: «Mr. Drozdое». Очевидно, русское окончание «ов» кажется австралийцу почти произносимым.

В десять часов председательствующий профессор Радд предоставляет мне слово, предварительно зачитав краткое жизнеописание докладчика, составленное мной же самим. В этом «самообличении» я не удержался от упоминания, что дважды побывал в странах Африки.

В докладе здесь принято обязательно несколько раз пошутить, чтобы аудитория развеселилась. Памятуя об этом, пришлось сделать несколько «домашних заготовок». Перед са-

мым выступлением в зал впорхнули три десятка девочек в форменных платьицах и расселись по всей галерке. В первый момент я даже несколько смутился таким прибавлением аудитории, а уже после доклада узнал, что учительница географии из соседней школы привела свой класс на конференцию.

Начинаю доклад быстро по переведенному на английский тексту, показываю схемы, карты и рисунки на световом столике, пишу латинские названия растений и животных фломастером на прозрачной бумаге, все идет хорошо. При упоминании о зимних температурах в пустыне Каракумы — минус двадцать девять градусов — по аудитории проходит шелест. Дойдя до русского текста, замедляю темп, но в общем ход доклада не нарушается. Попутно сокращаю некоторые абзацы, чтобы уложиться в отпущенные полчаса, между делом замечаю, что Рей Перри тщательно конспектирует мой доклад: в июне он поедет в Ашхабад на международную конференцию по опустыниванию, и все это ему пригодится. Заканчиваю в половине одиннадцатого — точно в срок — и получаю серию вопросов.

Пожилая дама, видимо, ботаник, спрашивает: «Не из мавровых ли эти саксаулы?» — «Именно так», — отвечаю я.

«А для чего вы используете верблюдов? У нас-то они только бегают одичавшие». Приходится подробнее рассказать о всех полезных свойствах этих животных.

«Как вы боретесь с засолением?» Рассказываю про дренаж и фитомелиорацию.

«Какие породы овец вы разводите?» Даю справку в пределах своих познаний.

Чудаковатый фермер, сидящий в первом ряду с микрофоном в вытянутой руке, спрашивает меня: «Не лучше ли поливать поля опрыскивателями, а не вести воду по каналам?» «Конечно, лучше, — соглашаюсь я, — но расстояния и площади таковы, что одно другого не заменяет, а дополняет».

«Как у вас там с национальными парками?» Рассказываю о системе и типах охраняемых территорий, о преобладании заповедников — в них ставятся задачи охраны и научных исследований, но не рекреации. Поясняю, что в заповедниках могут жить только rangers¹, но не bushrangers. Последнее замечание вызывает общее оживление, все очень довольны тем,

¹ Работники охраны (англ.).

что я уже знаю о бушрейнджерах. Они стали предметом гордости австралийцев, хотя по сути дела это всего лишь дорожные грабители конца прошлого века. Но некоторые из них, например Нед Келли, более известны в Австралии, чем иные ученые и путешественники.

После доклада чувствую себя прекрасно — будто гора с плеч свалилась. Теперь можно спокойно слушать других и получать ничем не омраченное удовольствие от участия в конференции.

Во время выступления я обратил внимание на крупного и очень симпатичного седого старика, сидевшего в первом ряду. Я заметил, что профессор Бонитон, разместившийся рядом с ним, держался все время вполоборота к этому джентльмену и что-то периодически говорил ему на ухо с явным подобострастием. По окончании моего доклада старик заулыбался, затем дружелюбно кивнул всему президиуму и направился к выходу. Профессор Бонитон встал проводить его и открыл перед ним дверь. За чаем я узнал, что на доклад заглянул сам сэр Олифант — известный ученый-физик, которого два месяца назад назначили губернатором штата Южная Австралия! В беседе с Бонитоном мы сошлись во мнении, что приятно видеть на таком посту ученого — ведь раньше по традиции губернаторами назначали в основном военных.

В ходе общения с участниками конференции мне пришлось с некоторым огорчением обнаружить, как мало знают в Австралии о работах, проводимых советскими учеными в аридных регионах, и даже о физической и экономической географии этих регионов. Если уж специалисты не сведущи в таких вопросах, то что говорить о широкой публике.

На вечернем заседании выступил профессор Мак-Ферлейн из сельскохозяйственного института в Осмонде. Он с жаром, по-юношески увлеченно рассказал о животноводстве в аридных областях. Его идея — увеличение многообразия видов и пород животных в разных условиях хозяйства и в разной природной обстановке. Профессор сопровождал доклад показом слайдов, на которых запечатлены африканские племена с их стадами, австралийские аборигены, жарящие кенгуру на костре, а также всевозможные породы овец и коров.

Мне так понравилось выступление профессора Мак-Ферлейна, что я в прениях более подробно, чем в своем докладе,

рассказал об опыте верблюдоводства, о целебном верблюжьем молоке и порекомендовал организовать в Центральной Австралии несколько верблюжьих ферм. Профессор оживился при этой мысли и воскликнул: «Это хорошо, но как их удержать на ферме — это же невозможно!», на что из зала кто-то выкрикнул: «Но они же в России как-то это делают!»

В последний день конференции утреннее заседание открывается докладом приглашенного почетного гостя из США, профессора Теда Бокса. Он один из признанных специалистов, крупный ученый, директор Международного центра по изучению аридных земель. Поэтому профессор позволяет себе сделать «легкий» доклад, где проводит мысль, что австралийские пустыни во многих отношениях не хуже, а значительно лучше прочих пустынь, в которых ему приходилось бывать. В его выступлении немало остроумных замечаний, касающихся развития туризма, например о том, что современному туристу нужна иллюзия первопроходчества, будто он первым попал в «эти дебри», но... с кондиционером, плавательным бассейном и т. п. Профессор предложил также воспеть в фильмах приключения бушрейнджеров, что поможет привлечению туристов. Ведь фильмы о ковбоях принесли США во много раз больше дохода, чем сами ковбои за всю их историю.

В дискуссию по этому докладу вступает фермер — самый активный слушатель. Он рисует на доске схему: вот его ферма в одну квадратную милю, он сам, его лошадь, собака и кошка. Он ни за чей счет не живет, только микроорганизмы ему помогают. А на полуострове Манхэттен на такой же площади живет несколько десятков тысяч людей, и всех их надо кормить! Вот так преломляется проблема экологического равновесия в утомленном одиночеством мозгу...

После ленча все направляются в винные погреба, что в окрестностях Аделаиды, я же предпочитаю сбежать в зоопарк. У входа меня встречает миссис Салмон, заведующая лекториумом. Она знакомит меня с директором зоопарка мистером Ланкастером. Крупный, кряжистый старик с грубоватым, но умным лицом делится впечатлениями о других зоопарках мира. Он бывал и в Берлинском зоопарке у профессора Дате, и во Франкфуртском — у профессора Гржимека.

— Гржимеку повезло — Франкфурт американцы начисто разбомбили, и ему после войны был выстроен новенький, «с иголочки», зоопарк. А нашему уж невесть сколько лет.

Действительно, многие здания обветшали, давно требуют ремонта.

— Так что же, вы бы хотели, чтобы и ваш зоопарк разбомбили? — с укоризной спрашиваю я.

Ланкастер рад такой неожиданной мысли и восклицает:

— Некоторые здания — несомненно!

Основная достопримечательность Аделаидского зоопарка — большая размножающаяся колония кольцехвостого кенгуру. В природе эти кенгуру остались в очень малом числе по ущельям хребта Флиндерс, а здесь они приносят потомство и составляют надежный резерв на случай их полного исчезновения в естественных условиях. В обширной вольере, включающей группу скал, живет около трех десятков этих редких животных. Некоторые пары старательно демонстрируют зрителям, что это действительно размножающаяся колония. Остальные звери сидят спокойно, прислонившись спиной к дереву или камню, подложив под себя хвост, украшенный светлыми и темными рыжими кольцами.

В большой клетке спит вомбат, развалившись на спине и раскинув лапы. Есть в зоопарке и слон, и пара жирафов, и носорог. С ручным тигром мне удалось «побеседовать» — он терся щекой о решетку и почти что мурлыкал.

После осмотра зоопарка еду на телестудию, где обещал дать интервью доктору Или. Он уже ждет меня у входа. В студии нас встречает ведущий, и мы усаживаемся, чтобы «обговорить» предстоящую запись. Вначале я спрашиваю Тима Или:

— Какие вопросы вы хотели бы задать мне?

Тим растерянно смотрит на меня и отвечает:

— А какие вопросы вы хотели бы, чтобы я задал вам?

Поняв, что Тим Или не представляет, о чем говорить, я обращаюсь к ведущему:

— А какие вопросы вы хотите, чтобы доктор Или задал мне?

Смеемся. Тогда я сам составляю план интервью по наиболее интересным моментам моего доклада и готовлю Тиму список вопросов. После записи мы прослушиваем пленку, и забавно слышать свой голос на английском языке с крепким русским акцентом.

Ведущий приглашает нас к себе домой на ужин, и мы продолжаем беседу о природе. Тим вспоминает Гржимека — он встречался с ним, когда тот путешествовал по Австралии. Хозяин дома высказывает суждение, что ученые находятся в привилегированном положении: путешествуют по всему свету, встречаются друг с другом в разных странах.

Я категорически возражаю: по-моему, гораздо больше по свету колесят коммерсанты, артисты, особенно модные певцы и кинозвезды. Хотя в чем-то они проигрывают: их маршруты не включают скал на острове Кенгуру и ночной ловли утконосов, барханов в пустыне и встреч с коброй в горном ущелье. А по мне, не будь этого, любая поездка потеряла бы смысл.

Наутро пора отправляться в аэропорт, и снова — на остров Кенгуру! Самолет следует до главного населенного пункта острова — городка Кингскот. Оттуда возьму напрокат машину, которую я уже заказал по телефону, и доберусь до фермы Питера Девиса.

Вызываю портье, и он отвозит мои вещи на тележке до агентства — оно в полусотне метров от гостиницы. Эта услуга входит в сервис отеля, но я спрашиваю портье: «Сколько с меня?» Он смущенно отвечает: «Up to you»¹, — и уходит довольный, получив на чай.

В агентстве я долго хожу вдоль стойки, пытаюсь обратить на себя внимание, чтобы зарегистрировать билет. Однако встречаю косые взгляды и подчеркнутое безразличие к моей персоне. Где же их хваленый сервис? Почти перегнувшись через стойку, в упор спрашиваю дежурного:

— Где можно зарегистрировать билет?

Дежурный сквозь зубы цедит:

— Вам нужно обратиться в соседнее помещение — в ТАА. Тут наконец-то понимаю, почему ко мне так подчеркнуто безразличны. Я пришел сюда, к стойке «Ансетт», так как билет, который держу в руке, именно этой авиакомпания. Но к нему сверху остался приколотым билет Канберра — Аделаида, а ведь ту часть пути я летел на самолете ТАА!

Откалываю верхний, уже использованный билет, и сразу дежурные преображаются, увидев надпись: «Ансетт». Мгновенно выхватывают из рук билет, забирают багаж, провожают

¹ На ваше усмотрение (англ.).

к автобусу. В аэропорту меня встречают стюардессы «Ансетт» в круглых красных шапочках и сажают в почти пустой самолет на самое удобное место у окна справа.

Взлетаем и сразу оказываемся над морем. Под крылом — сине-зеленая вода, а вдали — безлесные желтые холмы, побережья. Лес и кустарник уже давно сведены, а до прихода европейцев ландшафт окрестностей Аделаиды был лесным.

Подлетаем к острову Кенгуру. Я впервые вижу его с воздуха, но там внизу столько знакомых мест — и селения, и дороги, и поля, по которым мы колесили ночами! Восточная часть острова полностью освоена. Она вся поделена на квадраты пастбищ со стадами коров и овец, с прудами для водопоя, посадками деревьев вдоль дорог и границами отдельных землевладений.

Высаживаюсь в аэропорту и направляюсь к месту выдачи багажа. Это та самая площадка, на которой мы по ночам выгружали пойманных валлаби. Тогда в темноте все вокруг казалось странным, таинственным и загадочным, а сейчас наполнено веселой суетой, гомоном, радостными восклицаниями встречающих.

В помещении аэропорта подле стойки «Прокат машин Авис» меня ожидают две девушки из фирмы мистера Диксона, с которым я говорил по телефону из Аделаиды. Они берут с меня залог в десять долларов, обязательную страховку в два доллара и вручают ключи от маленькой ярко-красной машины «датсун». Я устраиваюсь в машине, а девушки садятся в старенький синий «холден» и, помахав мне рукой, быстро уезжают. Теперь понятно, почему они явились вдвоем: чтобы не выбираться из аэропорта на автобусе. Приехали на двух машинах, а обратно возвращаются на одной.

В моем «датсуне» все такое миниатюрное: и руль-малышка, и мотор, работающий с каким-то «игрушечным» урчанием. В проспекте, который я смотрел еще в отеле «Гровенор», было сказано, что эта машина имеет обогреватель и радио. Печки мне не надо — температура поднялась к полудню до двадцати восьми градусов, а вот что радио не работает — жаль. Впрочем, печка тоже не включается. Отъехав несколько километров от аэропорта, останавливаюсь на обочине, чтобы послушать птиц в окрестных посадках. Слышны голоса певчих ворон и розовых какаду, тонкое щебетание голубых славок.

Доехав до Парнданы, заворачиваю к Девисам. Легко нахожу домик, знакомый по прошлому визиту. Застаю дома мать Питера и двух его младших братьев-школьников. Мать Питера угощает меня кофе с горячими пирожками и расспрашивает о новостях в Канберре. Очень радуется, узнав, что у Криса Тидеманна родилась дочка. Крис не раз вместе с Питером охотился здесь на валлаби.

Я предлагаю взять с собой на ферму обоих ребятишек, чему те бурно радуются — они любят бывать у старшего брата, на природе. Мать созванивается с мужем — он сейчас на ферме — и сообщает о том, что скоро я появлюсь вместе с мальчишками. И вот, нагрузившись гостинцами для старших мужчин, мы выезжаем в Брукленд-парк (так называется ферма Девисов).

Примерно на полпути что-то в моторе начинает все громче и громче стучать. Затем из-под капота появляется густой дым. Тут уж я останавливаю машину, и мы все выскакиваем из нее. Откидываю капот — оттуда вырывается столб дыма, сквозь который виден докрасна раскаленный мотор. Что случилось?

Пока мотор остывает, видим вдали машину. Вскоре к нам подъезжает вместительный «холден», из которого выходят трое совершенно одинаковых фермеров — в белоснежных костюмах, белых соломенных шляпах и черных очках. Они тощие, высокие, с загорелыми обветренными лицами. Ну впрямь близнецы. Лишь приглядевшись, замечаю, что лица у них все-таки разные. После обмена приветствиями фермеры обследуют остывший мотор и решают, что не хватает масла.

«Близнецы» сажают меня и одного из ребят в свою машину и везут до ближайшей фермы. Хозяин, выйдя навстречу и увидев троих мужчин в безукоризненно белых костюмах, шутливо восклицает: «Oh, all bosses inside!»¹ Он охотно дает нам банку масла, и мы возвращаемся к нашей машине. Заливаем масло, но мотор не заводится. Фермеры достают из багажника «холдена» трос и буксируют нашу «малютку» на ферму. Здесь все трое начинают рьяно возиться с мотором, невзирая на свои костюмы, которые вскоре покрываются темными масляными пятнами.

Между делом я выясняю, почему фермеры так парадно одеты. Сегодня в Парндане был большой матч по кеглям, и эти костюмы — просто форма игроков.

¹ О, одни боссы внутри! (англ.)

Попытка залить воду в радиатор дает неожиданный эффект — из задней части блока вода с веселым журчанием льется на землю. Заглядываем туда и обнаруживаем здоровенную дыру — там вылетела какая-то заглушка. После этого мои новые друзья-помощники теряют интерес к ремонту, ведь надежды оживить мотор не остается.

Мы благодарим фермеров за такую заботу, за помощь и прощаемся с ними. Ну до чего же чудесный народ — так старались ради случайного проезжего!

С фермы звоню мистеру Диксону и сообщаю о происшествии. Он обещает тотчас выслать механика. Звоню также и Питеру, объясняю, на какой ферме мы застряли. Проходит около получаса, и в наступающих сумерках появляется автомобиль Питера. Мы оба рады новой встрече. Питер предлагает тотчас ехать к нему, оставив здесь сломанную машину. Но я все-таки предпочитаю дождаться механика. А пока его нет, пускаемся в неторопливую беседу об урожае, об овцах, о вредителях — розовых какаду, поссумах и т. п.

Вскоре приезжает механик от Диксона, и мы оставляем его с пострадавшим «датсуном». Звоню еще раз мистеру Диксону и говорю, что автомобиль уже в руках опытного мастера, а я беру напрокат машину у Питера Девиса. Мистер Диксон разочарован, но что поделаешь!

Забавно, что внутри «датсуна» на приборном щитке приклеена яркая лента с надписью: «Dont let next accident on K. I. to be yours» (Не допусти, чтобы следующее происшествие на острове К. было с тобой).

Уже в полной темноте прибываем на ферму Девисов, в Брукленд-парк. Нас встречают Айвен Девис — основатель этой фермы и милостивая девушка — невеста Питера. Она приехала из Аделаиды, где раньше подружилась с сестрой будущего жениха. Питер и его невеста чем-то очень похожи друг на друга — оба стройные, высокие, с простыми и симпатичными крестьянскими лицами. Они помолвлены, и свадьба состоится только в августе. А пока они получили от друзей более тридцати красивых открыток с поздравлениями. Питер расставил открытки по окнам террасы, и среди них я не обнаружил двух одинаковых.

— Питер — большой мастер в ловле валлаби, а на этот раз поймал такую хорошую невесту, — замечаю я.

— Да что вы, это я его поймала,— смеется невеста.— Он сидит на ферме, как сыч, и мне пришлось из города сюда ехать, чтобы окрутить его.

Питер спрашивает о цели моего нового визита на остров. Он готов помочь мне в коллекционировании животных. С декабря он даже стал сам собирать в спирт скорпионов и пауков, а раньше просто убивал их. Питер предлагает поделиться своими сборами скорпионов. Я отказываюсь, поскольку уже собрал их много. Но Питер настаивает — он уверен, что один вид, пойманный им, мне не попадался. Мы с увлечением копаемся в груды спиртованных пауков и скорпионов, и невеста Питера спрашивает меня:

— Это за ними вы ехали в такую даль?

— Нет, откровенно говоря, просто подумал: ведь я был первым русским, попавшим на остров Кенгуру. Так почему же мне не стать также и вторым?

ЕХИДНА С ОСТРОВА КЕНГУРУ

Хотя это древнейшее млекопитающее распространено практически по всему материку, обнаружить и наблюдать его в природе совсем не просто. Ехидна ведет скрытный образ жизни; ночная и сумеречная активность, исключительная способность к зарыванию в землю, использование нор и других укрытий во время отдыха помогают ей скрываться от людей.

Мне удалось найти ехидн и провести наблюдения за их поведением лишь во время второй поездки на остров Кенгуру, которую я совершил в конце февраля. Там обитают ехидны, отличающиеся от материковых светлой, желтовато-коричневой окраской и особенно густыми, тонкими и длинными иглами.

Во время первого посещения острова с группой зоологов ехидн увидеть ни разу не удалось. Правда, тогда мы были всецело поглощены отловом валлаби таммаров.

Во второй раз я прилетел на остров Кенгуру один и смог посвятить все время обследованию заповедника Флиндерс-Чейз и наблюдению за ехиднами.

Питер Девис выкроил несколько часов из своего рабочего дня и провел меня в глухой участок низкорослого эвкалиптового леса близ реки, где чаще всего ему попадались ехидны,

и мы приступили к поискам. Сейчас конец февраля — по местным понятиям, конец лета, но на многих эвкалиптах распустились кисти ярко-красных цветов. Под пологом деревьев разбросаны отдельно стоящие ксанторреи, или травяные деревья, с черными столбовидными стволами и шапкой узких жестких листьев на макушке. С первого взгляда ксанторреи напоминают пальмы, хотя на самом деле относятся к семейству лилейных.

Почва густо покрыта сухой листвой, повсюду много валежника. Местами заросли молодых эвкалиптов становятся непролазными. Солнце уже начинает клониться к горизонту, и в глубине леса сумрачно, несмотря на почти безоблачную погоду.

Над лесом пролетает большая стая крикливых розовых какаду. Они направляются на поля убранной пшеницы, чтобы подобрать рассыпанные зерна. В кустах раздаются мелодичные трели и короткие позывы синих крапивников. Выводок из восьми крошечных птичек с вертикально вздернутыми хвостиками скачет по ветвям. Один лишь самец украшен яркосиней шапочкой и мантией, остальные члены семейки — скромного буроватого цвета.

Из-под ног то и дело выбегают и, шурша в сухой листве, прячутся под валежником мелкие коротконогие сцинки. Переворачиваю несколько полусгнивших стволов и нахожу под ними гнезда муравьев, крупных кивсяков, темно-бурых скорпионов с толстыми клешнями.

И вот наконец за одной из валежин мы слышим шорох листвы и видим колючую спину ехидны. Она сосредоточенно бредет вдоль бревна, обнюхивая землю своим длинным носом. Ноздри ее расположены на влажном чувствительном конце вытянутой мордочки. Маленькие сонные глазки близоруко смотрят по сторонам. Мы с Питером бросаемся вперед, но зверек и не думает бежать. Заслышав наши шаги, ехидна останавливается, фыркнув, убирает голову под брюхо и выставляет кверху короткие и толстые спинные иглы.

Внешнее сходство животного с ежом поразительно. Я осторожно дотрагиваюсь до левого бока ехидны, она тотчас же прижимает эту сторону тела к земле. Хочу подцепить ее с другого бока — ехидна наклоняет тело вправо. С некоторой опаской беру зверька за спинные иголки. Помню, что в этих случаях ежи обычно с резким фырканием подпрыгивают, вы-

гибая спину и стараясь ударить своими иглами. Но ехидна еще не владеет таким приемом защиты, и я легко беру ее в руки. Она сразу сворачивается в плотный клубок, прячет голову и лапы внутрь.

Иголки ехидны толстые, короткие и острые, светло-желтые, с черными концами. Ноги, брюхо и голова покрыты щетинистой темно-бурой шерстью. Особенно мощные иглы расположены на загривке, по бокам тела и вокруг короткого тупого хвоста. По хребту проходит полоска более мелких игл, между ними хорошо виден темный «подшерсток».

Слегка отгибаю ноги ехидны, пытаюсь получше рассмотреть их строение. Зверек напрягает мышцы, сопротивляясь моим намерениям. Все же удается разглядеть передние лапы с мощными тупыми когтями. Они слегка загнуты и уплощены. На задних ногах когти, напротив, заостренные, причем второй и третий гораздо длиннее остальных — ими ехидна пользуется для почесывания кожи между иголками. На внутренней стороне задних ног чуть выступают из шерсти короткие и толстые шпоры. Значит, нам попался самец: у самок шпор не бывает.

Питер подставляет большой мешок, я закатываю туда колючий шар. Отправляемся на дальнейшие поиски и еще засветло натыкаемся на вторую ехидну, поглощенную едой. Она нашла муравейник около трухлявого пня и, разрыв его сильными передними лапами, начала слизывать разбегающихся муравьев. Длинный и тонкий язык быстро высовывается и, подхватив лакомство, втягивается внутрь. Попросив Питера остаться поодаль, я бесшумно подкрадываюсь к ехидне и наблюдаю за ней с расстояния в несколько шагов. Она деловито снует языком по поверхности разрытого муравейника, поводя мордочкой и пофыркивая. Время от времени ехидна разгребает муравейник то левой, то правой лапой, заставляя муравьев лихорадочно бегать по поверхности. Но вот ее обеспокоили какие-то кожные паразиты, и она, ловко задрав заднюю ногу, с явным наслаждением почесывает спину между иголками длинными острыми когтями.

Под моей ногой хрустнула сухая ветка, и ехидна тотчас спрятала мордочку и подтянула лапы. Этого зверька мы тоже прячем в мешок вслед за первым. На задних лапах у этой ехидны шпор нет — значит, попалась самочка. Возвращаемся с добычей на ферму и выпускаем пленников в небольшой

загон. Ставим им на ночь мисочки с молоком и заранее приготовленными дождевыми червями.

Наутро первым делом направляюсь к загону и обнаруживаю, что одна из ехидн спит, уткнувшись в угол, а другая зарылась в землю так, что с обеих сторон образовались два валика свежерытой земли, наружу торчат только спинные иголки. Зарывшуюся ехидну приходится откапывать лопатой — иначе ее просто не за что ухватить.

Провожу несколько часов в обществе наших пленниц, наблюдая их поведение. Выпускаю зверьков на лужайку и стою неподвижно. Видят они плохо и, не слыша никаких звуков, вскоре успокаиваются, начинают ходить. Походка у них неторопливая, вперевалку; при этом задние ноги они ставят на землю когтями назад, как бы волоча их за собой, опора падает на повернутую назад ступню и крайний коготь, короткий и уплощенный.

Ехидне, чтобы зарыться в землю до уровня спинных колючек, требуется лишь несколько минут. Роет она в основном передними лапами, уходя под землю наклонно вниз и вперед. Выставив наружу только колючую спину, зверек успокаивается и остается в таком положении, не пытаясь углубиться дальше.

Если ехидну не беспокоит, она не зарывается и не прячется, прогулка ее становится более целенаправленной и содержательной. Она идет медленно, исследуя предметы своим длинным носом, периодически останавливаясь с поднятой передней ногой и вытянутой мордочкой, — ну прямо легавая в стойке. Иногда при изучении встречного предмета ехидна забавно кланяется, поводя носом вверх и вниз и громко посапывая.

На любой посторонний звук ехидна реагирует, резко останавливаясь, втягивая голову, поднимая иголки дыбом и фыркая. Но, если потревоживший ее шум не повторяется, она снова расслабляется, опускает иглы и продолжает свой путь.

Периодически, утомленная хождением, ехидна впадает в кратковременный сон, распластавшись и уткнув в землю свою длинную мордочку.

Одну из ехидн я застал на второй день в загоне спавшей на спине с раскинутыми в стороны лапами! Но чаще всего ехидны засыпают, просто забившись в угол загона, а на воле — в глубь густого кустарника.

Когда пути двух ехидн пересекались, они с сопением обнюхивали друг друга и затем самочка, видимо, смущенная более крупными габаритами самца, уступала ему дорогу. Стоило ей немного замешкаться, как самец внушительно толкал ее плечом и продолжал свой путь.

Найдя корм, ехидны ощупывали его длинным тонким шершавым языком, затем начинали быстрыми движениями языка лакать молоко или подхватывали дождевого червя и заглатывали его, пережевывая своими узкими челюстями, вооруженными, как у утконоса, роговыми пластинками. Немного поев или попив, любопытный зверек непременно засовывал нос под блюдечко, толчком головы переворачивал его и с чувством исполненного долга отправлялся дальше. Впрочем, так же ехидны поступали и с любым небольшим предметом, попадавшимся на пути, — камнем, куском коры или палкой. Желание перевернуть что-либо очень характерно для их поведения при поисках пищи.

Обе ехидны через несколько дней отправились в Канберру на том же самолете, что и я, но только в багажном отделении. По прибытии они поступили в лабораторию, где зоологи университета продолжили наблюдения над этими животными.

Многие подробности размножения и развития ехидны прояснились только в последнее время.

Большую часть года ехидны ведут одиночный образ жизни, избегая встреч с сородичами. Постоянный район обитания каждой особи имеет радиус около полутора километров, но отдельные животные совершают переходы до пятнадцати километров. Брачный период наступает обычно в сентябре, во время австралийской весны. Тогда у самки образуется на брюхе временная сумка в виде складки, прикрывающей два млечных поля. Примерно через месяц после оплодотворения самка откладывает одно кожистое яйцо (очень редко их бывает два), которое закатывает в сумку и носит около двух недель. Новорожденный детеныш, слепой и голый, лишен колючек; он присасывается к одному из млечных полей.

Во время насиживания и выкармливания самка проводит почти все время в неглубокой гнездовой норе. Недель через десять детеныш достигает веса до четырехсот граммов и покрывается колючками. Самка, уходя на поиски пищи, прячет его в гнездовой норе, но возвращается, чтобы покормить мо-

локом. Через полгода, достигнув веса девятьсот граммов, детеныш начинает вести самостоятельную жизнь.

Уже более полувека ехидна находится под полной охраной государства. К счастью, этот закон редко нарушается, поскольку ехидна не представляет практически никакой коммерческой ценности. Ее колючая шкура не привлекает охотников за пушниной, а мясо почти не употребляется в пищу. Лишь однажды на базаре в г. Порт-Морсби на Новой Гвинее среди прочих «даров природы» мне пришлось увидеть ехидну. Завезенные в Австралию хищники (лисица и другие) не наносят вреда ехиднам, так как не в состоянии с ними справиться. Отравленные приманки для кроликов, поедаемые многими местными видами животных, ехидн совершенно не привлекают, лишь изредка они попадают в капканы для кроликов. Сами же кролики там, где они многочисленны, вытесняют других наземных животных, в том числе и ехидн.

В целом же ехидны благодаря своему образу жизни и экологической неприязательности сохраняются во многих уголках Австралийского материка.

ПЕРВЕНЕЦ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

В службе национальных парков в Сиднее мне посоветовали посетить старейший национальный парк страны Ройял. Меня сопровождает Фред Херси, заместитель директора службы, худощавый блондин в зеленой рубашке и шортах. Перед отъездом в парк мы сидим в маленьком дворике его городского дома и наблюдаем за мелкими ящерицами-сцинками, которые пьют воду у крана. Сын Фреда, Питер, ловит ящериц в окрестностях города и выпускает их у себя во дворе. Они держатся около садовых кранов, пьют воду, ловят мух. Многие из ящериц стали почти ручными.

Направляюсь за пределы Сиднея: национальный парк Ройял расположен недалеко от города. Вдоль автострады тянется пригородный пустырь, у обочины валяется искореженный автомобиль с надписью на нем: «Dont drink and drive»¹. Такая наглядная агитация в пользу трезвости очень впечатляет.

¹ Не пей за рулем! (англ.)

Добравшись до парка Ройял уже к ночи, останавливаюсь у директора парка Джефа Мартина. Он любезно оставляет меня ночевать. Утром за окнами пасмурно, моросит дождь. У Мартина живут собака, кошка, серый кенгуру и ручной ворон с кривым клювом и почти человеческим голосом. За завтраком Мартин рассказывает мне, что парк Ройял был основан еще в 1879 году. За последние десять лет резко увеличился так называемый рекреационный пресс на ландшафты парка. Стало слишком много автомобилей, которые буквально укатывают всю траву в долине реки. А ведь раньше, с сожалением вспоминает Мартин, народ ходил сюда пешком с поезда. Теперь приходится ограничивать и число машин, въезжающих в парк, и места их стоянок. За специальными изгородями восстанавливают исчезнувший травяной покров, подсаживают траву заново. Конечно, трудно сохранять неприкосновенность природы парка, когда он находится совсем рядом с гигантским городом.

В глубине парка на лесной полянке расположен центр для посетителей. Здесь организована большая выставка растений и животных. Подробная карта заповедника, на которой нанесены две точки наблюдения за пожарами. С этих точек, если увидят огонь, передают сведения об азимуте наблюдения, и на карте двумя нитками, привязанными к этим точкам, легко засекают место начала пожаров.

Если человек хочет посещать парк постоянно, то он покупает специальный пропуск за шесть долларов и становится постоянным посетителем. В центре-музее организован также показ слайдов, а у самого входа стоит чучело коала, одетое в форму — куртку и фуражку лесничего.

— Этот центр был построен еще в тридцатых годах, тогда здесь был даже зал для танцев, — говорит Мартин. — Надо же как-то привлечь жителей из города в эти дебри, — усмехается он, — а теперь их отсюда палкой не выгонишь.

Всех животных, которых находят в парке мертвыми или погибшими, регистрируют на двери холодильника и помещают в него, завернув в полиэтиленовые пакеты, с тем чтобы потом провести вскрытие и необходимые анализы. Рядом лежат пакеты с ленчами сотрудников парка. Заметив мой недоуменный взгляд, Мартин ощупывает один из пакетов и говорит:

— Конечно, бывают случаи, что впопыхах и схватишь не сверток с ленчем, а какого-нибудь задавленного машиной поссума.

По тихим лесным дорожкам объезжаем территорию парка. В глубине леса организована мусорная свалка. Она состоит из громадной груды пивных бутылок, банок и прочего мусора, оставляемого потоками посетителей. Здесь также около сотни автомобилей. Помимо разбитых и проржавевших машин есть и почти новые. Я удивленно спрашиваю у Мартина, кто же бросает такие хорошие машины.

— Эти машины просто угнаны. Покатаются угонщики, а потом приезжают сюда и бросают их в лесу,— поясняет мне Мартин.

По дороге в лес мы видим стаи ворон, у самой обочины замечаем изящных оленей и в отдаленном уголке леса обнаруживаем еще одну брошенную машину.

— Да, вот еще не успели увезти на свалку,— замечает Мартин.

В 1968 году половина парка сгорела от небольшого костра. Сейчас проблема борьбы с пожарами приобретает все большую остроту.

Прямо через парк проходит старая дорога из Сиднея на Вуллонгонг. Эта дорога называется Принцесс-Хайвей. Многие любят эту дорогу за ее живописность, и в часы пик около дома Мартина скапливается иногда бесконечная вереница машин, ползущих со скоростью пять километров в час.

— Так ведь надо бы закрыть эту дорогу. Вероятно, такое обилие проезжающих сильно увеличивает опасность пожара в лесу,— замечаю я.

— Конечно,— отвечает Мартин,— но правительство никогда не решится на этот шаг — это вызовет недовольство жителей Сиднея, и на следующих выборах правительство может не получить большинство голосов.

В глубине леса Мартин с гордостью показывает мне небольшой, высотой метров десять, водопад.

— Наш собственный водопад,— отмечает он.— Посмотрите, вокруг водопада нет выгоревших участков, густые заросли верещатников. Необходимо сохранить хотя бы немного таких зарослей. Это прекрасное убежище для поссумов и медососов.

За уютным водопадом неожиданно открывается стоянка автомобилей, в четыре ступени спускающаяся со склона до самого пляжа. От стоянки начинаются пешие тропинки — маршруты по парку. У начала этих тропинок стоит ящик, в котором лежит целая пачка проспектов с планами маршрутов.

Каждый может взять себе в дорогу экземпляр, чтобы не заблудиться.

— Мне кажется неуместным охранять оленей — это ведь не местная фауна, а завезенный вид,— замечаю я.

— Согласен с вами,— отвечает Мартин,— но вспомните, что олень этот яванский, родом из Индонезии, где он теперь почти исчез. Таким образом,— усмехается Мартин,— они еще приедут к нам и попросят у нас этих оленей, чтобы вернуть их к себе на родину.

Около группы машин большое оживление, люди чем-то очень увлечены. Оказывается, сегодня здесь проходят соревнования по ориентированию. Группы игроков одна за другой уходят в глубь леса, вооруженные планшетами, компасами и другими атрибутами следопытов.

В заключение Мартин рассказывает мне, что сейчас имеется проект отчуждения двух процентов территории парка Ройял для строительства платной автострады на юг от Сиднея. Эта автострада, по подсчетам экономистов, должна дать доход около двух миллионов долларов в год. Есть, однако, и альтернативный проект — использовать эту территорию под строительство домов.

— Но никому и в голову не приходит,— разочарованно заключает Мартин,— отвергнуть оба проекта и сохранить наш уникальный Ройял-парк.

У КОЛЫБЕЛИ АВСТРАЛИИ

Сегодня мне предстоит особо волнующее событие: я собрался посетить место первой высадки капитана Кука. Для каждого географа подобные места на карте мира полны особенно глубокого значения.

Направляюсь к месту высадки Кука через городок Кёрнелл, который находится на одноименном полуострове, на берегу залива Ботани-Бей, прямо напротив старого Сиднея. Выехав в окрестности города, проезжаю мимо обширного песчаного карьера. Мощные экскаваторы поднимают тучи пыли. Эти разработки ведет компания «Пионер». Название ее звучит немного двусмысленно: ведь именно капитан Кук считается пионером Австралии. А теперешняя компания с таким роман-

тическим названием, кажется, готова скрыть весь полуостров и не оставить даже места высадки великого Пионера восемнадцатого века.

Вслед за песчаным карьером вдоль дороги тянутся корпуса химического завода. Прорвавшись сквозь густую завесу рыжеватого дыма с едким запахом, попадаю в окрестности нефтеочистительного завода — и снова дым и гарь. Куку, вероятно, такое и не снилось.

У въезда в Кёрнелл небольшая, но очень милая надпись: «Милости просим в Кёрнелл — место рождения Австралии». Рядом с дорогой попадаются большие щиты с надписями: «Бросать мусор запрещено, за нарушение — штраф сто долларов». Рядом с этими щитами и вдоль всей дороги бутылки, бумага, пустые консервные банки. Если бы удалось оштрафовать всех набросавших мусор, то Австралия, несомненно, могла бы удвоить свой бюджет за счет одних этих штрафов.

Подъезжаю к ограде небольшого парка — и вот я у места высадки капитана Кука! На рейде в бухте Ботани-Бей — большой пассажирский пароход. Близ берега виден небольшой каменный островок, на котором сидят пять белогрудых бакланов и около тридцати изящных чаек. Может быть, именно к этому месту и пристала шлюпка капитана Кука двести лет назад.

На той стороне бухты зубчатый силуэт Сиднея, занавешенный шлейфами дымов, особенно вдоль пригородов, где расположены фабрики и заводы. А вокруг места высадки небольшой живописный парк с мемориальным домом-музеем и многочисленными памятниками. Главный обелиск в виде мощной стелы с подножием и гранитными ступенями возвышается у самого берега. По нему лазают дети, на ступенях спокойно сидят старики. Выше него на склоне растет величественная стройная араукария, у ее ствола лежит камень высотой метра полтора; на нем виден след-квадрат от бывшей здесь когда-то мемориальной доски. Очевидно, это самый древний памятный знак, и когда-нибудь австралийцы спохватятся и восстановят его как ценную реликвию.

На главном обелиске медная доска с надписью: «Капитан Кук высадился здесь 28 апреля 1770 года. Этот монумент установлен в 1870 году почтенным Томасом Холтом в царствование королевы Виктории» — и далее выдержка из дневника капитана Кука: «Суббота, 28 апреля 1770 года от Рождества

Христова. На склоне дня мы обнаружили бухту и бросили якорь у южного берега около двух миль в глубь от входа, тридцать четыре градуса южной широты, двести восемь градусов тридцать семь минут западной долготы, глубина воды шесть фатомов».

Немного поодаль, тоже недалеко от берега, расположен памятник сэру Джозефу Бэнксу. Этот выдающийся ученый-ботаник, будучи в то время еще совсем молодым человеком, прибыл сюда вместе с капитаном Куком. Ему было всего двадцать семь лет, но он уже состоял членом Британского королевского общества — английской Академии наук. Проведя здесь исследования австралийской флоры и фауны, Джозеф Бэнкс привез в Англию обширнейшие материалы, великолепный гербарий, уникальные коллекции. После возвращения из этого путешествия Джозеф Бэнкс стал президентом Британского королевского общества и оставался им до конца жизни. А сейчас мы видим повсюду на побережье кустарник банксию — это одно-из растений, в названии которого увековечено имя этого замечательного ученого.

Памятник Джозефу Бэнксу представляет собой бронзовый горельеф ученого и примыкающую к нему полукруглую скамейку, на которой очень удобно сидеть рядом с изображением великого человека. На спинке скамейки крупными буквами выбита фамилия — Бэнкс. Рядом на трех бронзовых щитах надпись: «В благодарную память о сэре Джозефе Бэнксе, 1743 — 1820, знаменитом британском ученом, который посетил эти берега вместе с капитаном Джеймсом Куком в 1770 году. Его содействие британскому поселению в Новом Южном Уэльсе, его благотворное влияние на организацию и администрацию этого поселения, глубокие исследования австралийской флоры, яркая личность и широта воззрений заслужили ему признание как Патрона Австралии».

Еще дальше у берега виден невысокий обелиск, на нем надпись: «Форби Сазерленд — моряк корабля «Эндевор» под командованием капитана Кука. Первый британский гражданин, умерший в Австралии, похоронен здесь 1 мая 1770 года». Так увековечил себя один из моряков многочисленной команды капитана Кука, который на третий день после высадки скончался от дизентерии и оказался действительно первым англичанином, умершим на Пятом континенте. Грустный спо-

соб стать знаменитым. Вспоминаю, что один из районов Сиднея — Сазерленд — носит имя этого бедняги.

Немного в стороне от печального памятника виден высокий гранитный обелиск, перед ним установлен флагшток. Подхожу к обелиску и читаю надпись: «Этот обелиск воздвигнут в память о Даниэле Карле Соландере, который вместе с капитаном Куком и сэром Джозефом Бэнксом высадился в Австралии в апреле 1770 года. Сооружен его согражданами в Австралии в августе 1914 года». В экипаже «Эндевора» был один шведский гражданин — доктор Даниэль Соландер — ботаник, ученик великого Карла Линнея. Он вместе с Джозефом Бэнксом вел научные исследования и дневники в течение всего плавания. То, что вместе с англичанами в открытии Австралии принял участие и швед, не преминули отметить его соотечественники, поселившиеся на Пятом континенте.

В небольшом округлом здании музея, деревянном, с большими светлыми окнами, находятся пушка с корабля «Эндевор», старые карты, которыми пользовался капитан Кук, а также картины, отображающие момент высадки Кука и его команды.

И конечно, взгляд орнитолога привычно фиксирует: на площадке около музея прыгают, собирая случайный корм, черные с желтыми бровями майны. Эти индийские скворцы, завезенные в Австралию, хорошо прижились здесь в садах и парках.

ШТРИХИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Сегодня состоится доклад доктора Хью Тиндала Биско о его поездке в Южную Америку. Целый год Хью изучал биологию сумчатых в различных районах Южной Америки. По этому случаю Хью, который обычно ходит в серой рубашке нараспашку, надел костюм, темный галстук в полоску и выглядит очень респектабельно, но явно непривычно как для него, так и для окружающих. В чайной комнате собралось человек сорок; большей частью это длинноволосые студенты, обросшие бородами, и студентки в очевидных, но невероятных мини и разноцветных брюках.

Доктор Николас на правах заведующего департаментом представил Хью, отпустив пару шуток о его пребывании в

Колумбии и «о том, чем он там на самом деле занимался». После этого доктор Тиндал Биско приступил к рассказу о своей работе в Колумбии.

Он рассказал, что мелкие сумчатые многочисленны в колумбийских лесах. И хотя систематика сумчатых Южной Америки известна уже достаточно хорошо, но о биологии их известно очень мало, а местные ученые в основном изучают систематику и географию этих животных.

После того как Хью ознакомил слушателей с системой южноамериканских сумчатых, он перешел к рассказу о своей работе, показал карту района исследований. В этих местах почти нет сезонных изменений климата, но зато в связи с высотной зональностью на расстоянии четырех часов езды можно увидеть смену ландшафтов от влажнотропического леса до высокогорной тундры. Свой рассказ Хью сопровождает показом диапозитивов с типичными ландшафтами Колумбии.

— Для этих мест, — говорит Хью, — характерно чрезвычайное разнообразие птиц.

В это время на экране появляется слайд с группой коров, что вызывает общий смех. Далее — очень интересные снимки капибары, броненосцев, агути и других характерных млекопитающих Южной Америки, дикой морской свинки (сверху она серая, с беловатым брюшком) и, наконец, самого обычного из сумчатых — опоссума дидельфус. Он обитает в садах и парках. Хью говорит, что это наиболее безобразное и дурно пахнущее животное, которое он когда-либо встречал. Другой вид опоссумов — пятнистый водяной опоссум. Он отлично плавает и поселяется в прудах. Четырехглазый опоссум имеет всего два глаза, но над ними два светлых пятна, и создается впечатление, будто на мордочке этого симпатичного зверька четыре глаза. Все самки южноамериканских сумчатых имеют сумки, но некоторые вынашивают детенышей снаружи, потому что сумка настолько мала, что детеныши там не помещаются. В горных местах Колумбии помимо опоссумов живут горная тупайя, коати и очковый медведь. Горный опоссум, или ценолестес, очень похож на землеройку и вначале, когда его впервые добыли, даже был записан в землеройки. Позднее ценолестеса стали считать предком австралийских сумчатых, но сейчас доказано, что он не имеет с ними прямого родства.

Первый экземпляр опоссума привез в Европу Пизон, а описал его Гесснер. На рисунке, сделанном Гесснером, опоссум был больше похож на уродливого человечка, чем на животное. И название, которое дал ему Гесснер, тоже было своеобразным — симевульпа, что значит «обезьянолис». У южноамериканского опоссума беременность длится всего тринадцать дней. Затем крошечные детеныши забираются в сумку, в которой и проводят целых три месяца. Один выводок следует за другим с интервалом всего в три месяца. Пока предыдущий выводок сидит в сумке, самка уже беременна следующим выводком.

Все сумчатые ведут ночной образ жизни и поэтому часто попадают под колеса автомобилей в ночное время. Местные жители не любят опоссумов. Они считают их вредителями сельского хозяйства. Однажды Хью нанял таксиста из местных жителей, чтобы съездить с ним для отлова опоссумов. Он не сказал ему о цели поездки, боясь, что тот не повезет, если узнает, что нужно ловить малопривлекательных и вонючих зверьков. Когда же они доехали до места и Хью поймал несколько опоссумов, таксист восторженно воскликнул: «О, опоссум, это же отличная еда! Поздравляю вас!»

После доклада мы еще некоторое время беседуем вчетвером — Хью, Дик Барвик, Майк Ламберт и я. Майк специально пришел на доклад, чтобы разузнать о Южной Америке: он поедет в апреле домой, в Великобританию, через Южную Америку, а также Новую Зеландию, острова Пасхи и Таити. Хью дал Майку целый ряд ценных советов и адресов.

Вечером я отправляюсь в гости к университетскому филологу доктору Гранту, который занимается языками редких племен. Сейчас он собирается с женой Джулией и маленькой дочерью отправиться на остров Пасхи, где будет изучать язык тамошних аборигенов. Ранее Грант изучал язык басков и хорошо владеет им. Он уже бывал на острове Пасхи, в Куско, Лиме и стал знатоком Центральной Америки.

— Ряд знаменитых статуй острова Пасхи поставлен недавно стоймя в шеренгу, и все — лицом к морю, — возмущенно говорит Грант. — Это грубая ошибка — ведь аборигены всегда ставили статуи лицом к суше.

— Вот и прекрасно, — говорю я Гранту, — теперь ты имеешь возможность исправить это: приедешь и повернешь их все правильно, как по команде «кругом».

— Да, — восклицает Грант, — но они же чертовски тяжелые! Грант показывает нам слайды этих статуй, поставленных, по его мнению, неправильно, а также неоконченных, выступающих наполовину из скалы или из земли. Все это тоже поле деятельности Гранта. Он еще не знает, где будет там жить, и, показывая на слайдах каменные пещеры аборигенов, говорит, что, может быть, поселится именно в них.

На следующий день я поехал в наше посольство, взял разнообразную литературу о Советском Союзе, чтобы подарить мистеру Садек Хану — пакистанскому энтомологу. Он просил меня об этом уже несколько раз. Попрощавшись с товарищами из посольства, я заехал к нему в департамент ботаники, взял целую батарею банок-морилок для насекомых, которые он специально сделал для меня. Вместе возвратились в общежитие, и Садек Хан пригласил меня к себе на чашку чая.

В своей комнате Садек переоделся в белый шелковый костюм — нечто похожее на ночную рубашку с торчащими из-под нее кальсонами, расстелил коврик и стал молиться, встав на колени и обращая молитву на восток — в угол над кроватью.

За чаем я отдал Хану литературу. Особенно его заинтересовала книга «Религия в СССР», где много фотографий церквей, мечетей, служителей различных культов, и в частности мусульманских священников, молящихся. Он был очень удивлен, так как был уверен, что молиться в нашей стране запрещено, особенно молодежи. Он читал об этом в каких-то газетах. Удивило его и то, что я разбираюсь в вопросах религии и «даже» отличаю одну веру от другой. Мистер Хан полагал, что научному работнику в нашей стране знать такие вещи не положено.

ОКРЕСТНОСТИ СТОЛИЦЫ

Солнечное безветренное мартовское утро. За моим окном на ветвях американского дуба кормятся красно-желтые попугаи розеллы. Они срывают желуди и поедают их, придерживая одной лапой и разгрызая клювом. Один попугай закусывает желуди зелеными листочками. Мне удастся сфотографировать их фотоснайпером.

После завтрака мы с соседями по общежитию — румынским стажером-физиком Василем Морариу и английским этномологом Майком Ламбертом — выезжаем в Голбурн в поисках родео. Нам стало известно, что сейчас в окрестностях Голбурна можно увидеть это красочное зрелище. У выезда из общежития прихватываем с собой французского этнографа Жака. Он шел в библиотеку, собираясь приступить к изучению малайского языка.

— Ну, видно, не судьба выучить этот язык: как ни соберусь начать, кто-нибудь отвлекает меня, — сетует Жак и, махнув рукой, садится к нам в машину.

— Неужели тебе мало тех семнадцати языков, которые ты уже знаешь? — спрашивает его Майк.

— Конечно, мало. Я должен выучивать по языку в год, чтобы не терять форму, — мрачно отвечает Жак и погружается в чтение очередного самоучителя.

Доезжаем до Голбурна и только тогда узнаем, что родео не здесь, а в окрестностях Круквелла, в двадцати милях отсюда. Приехав в Круквелл, обнаруживаем, что здесь не родео, а сельскохозяйственная выставка. В центре ее мы видим своеобразный аттракцион, который называется «замок с привидениями». Это большой двухэтажный автофургон, на стенках его нарисованы скелеты, ведьмы, черти и прочие «дьявольские» атрибуты. За небольшую плату можно войти внутрь и увидеть все эти персонажи воочию. Я предлагаю Жаку зайти, но он говорит:

— О, я думаю, внутри так же кошмарно, как и снаружи.

Но после этого он первый берет билет и забирается по лестнице, чтобы зайти в замок. Мы попадаем в темный тесный коридор. На стенах светящейся краской нарисованы черти, черепа. Все это фосфоресцирует и дрожит в неясном голубом свете темно-синих ламп, горящих под потолком. Поглядев друг на друга, мы обнаруживаем, что лица наши в свете этих ламп мертвенно-синие, со светящимися зубами и глазами. Продвигаясь дальше по тесному тоннелю, попадаем в полную темноту. Я ощущаю, как в кромешной тьме кто-то трогает меня легкими прикосновениями за лицо и волосы. Очевидно, что-то свисает с потолка. Затем сбоку чувствую — кто-то толкает и цепляется за меня.

Я догадываюсь, что это какие-то механические рычаги, но становится немного не по себе. Продвигаясь дальше, неожиданно

наступаю на что-то мягкое, лежащее на полу. Как только я ступил на это нечто, оно затряслось под моими ногами, как живое. Очевидно, это мягкий коврик с автоматическим движком. В заключение мы все попадаем в темный тупик, где нас что-то толкает, тискает, у каждого что-то трясется под ногами. Растерянно смеясь, пытаемся найти выход из тупика, но его нет.

Проведя в полном замешательстве несколько минут, слышим снаружи голос мальчика, который продавал нам билеты: «Можно мне помочь вам, господа?» Мы хором кричим: «Да!» Слышим звук выдвигаемого засова, и в нашем тупике открывается небольшая дверца на улицу. Выходим с обратной стороны фургона — все очень довольны пережитым приключением. Можно себе представить, в каком восторге бывают мальчишки, попавшие в этот «замок с привидениями».

Затем осматриваем выставку сельскохозяйственных животных. Особенно хороши бараны-рекордсмены. Австралийское овцеводство действительно на высоте. Фотографируем лучшие экспонаты выставки. В это время к нам подходят два пожилых фермера, сухоньких и сморщенных. Увидев наше многочисленное фотоснаряжение, они спрашивают: «А не хотите ли вы снять парочку бравых ребят?» Мы оглядываемся, ища глазами, кого же они имеют в виду. Заметив наше недоумение, старики смеются и тычут себя пальцами в грудь. Нам ничего не остается, как сделать по одному кадру этих фермеров-оптимистов.

Очень много на выставке различных развлечений и игр, особенно для детей. Автоматические раскрашенные клоуны с раскрытыми ртами поворачивают головы то налево, то направо, приглашая принять участие в разных играх. Карусели всевозможных систем, площадки с электрическими «гоночными» машинами. Ребятишки с увлечением гоняют по площадке, сталкиваясь и обгоняя друг друга. Иногда то одна машина, то другая «не контактит»: что-то нарушается в ее электропроводке. Тогда дежурный подбегает к машине и толкает ее ногой, после чего она снова приходит в движение.

Обратно в Канберру мы едем другой дорогой — через Бангендор, минуя озеро Джордж. К северу от селения Торего я замечаю по левой стороне очень большой и живописный овраг. Останавливаемся и спускаемся в него. Длинной овраг несколько

сот метров, в ширину около двадцати, а в глубину до трех метров. В середине его торчат столбчатые останцы. На дне оврага спугнули кролика — основного виновника появления таких оврагов. Кролики, а также овцы разрушают растительный покров, а затем оголенная почва уже не может противостоять овражной эрозии.

На заборе из колючей проволоки обнаружили замечательных мелких многоугольных пауков. Среди них есть и чисто черные, и яркие бело-пятнистые. Эти пауки плетут паутину на кустах и на колючей проволоке, причем предпочитают заборы — здесь на каждых ста метрах можно найти около двадцати пауков. И в форме своего тела они будто переняли что-то от колючей проволоки: с боков брюшка торчат во все стороны шесть шипов. Пауки эти называются рождественскими: появляются они обычно перед самым Рождеством.

Останавливаемся в небольшом селении Торего. В центре его старинный каменный дом — местный отель, небольшой темный бар при отеле, где два старичка с кружками пива в руках беседуют между собой на типичном фермерском диалекте, вставляя *bloody*¹ через каждую пару слов. Недаром это слово здесь называют «великое австралийское прилагательное». Заходит еще один фермер, средних лет, и весело спрашивает одного из стариков:

— Ну, как ваша пенсионная жизнь?

— О, чертовски прекрасно, — отвечает тот. — Я слишком много имел в своей жизни этой чертовской работы, пора и отдохнуть.

Майк и Жак за кружкой пива обсуждают, какие улицы Лондона наиболее привлекательны и где можно найти хорошее кафе, а где хороший магазин. Дело в том, что Жак жил некоторое время в Лондоне и знает по крайней мере центральную часть города не хуже Майка.

Майк говорит на чистом английском языке, а Жак — с французским акцентом. Хозяйка бара внимательно прислушивается к их разговору и пристально, с подозрением осматривает их обоих. Фермеры тоже замолкают и, приоткрыв рты, разглядывают диких гостей. Я специально отсел в сто-

¹ Употребляется в значении «чертовски», «проклятый», нередко и в хорошем смысле, например «чертовски хорошая погода» (*англ.*).

ронку с бокалом апельсинового сока и, не привлекая внимания, наблюдаю эту сцену со стороны.

Майк рассказывает, что, как правило, чистый английский язык всегда выдает его неавстралийское происхождение. А англичан в провинциальных районах Австралии недолюбливают, для них здесь есть особое название «pommy bastard». Значение этой клички расшифровывается по-разному, но во всех случаях неблагоприятно для англичан. Однажды во время поездки по «глубинке» Майк обнаружил надпись на пыльном кузове своего «лендровера»: «Bloody pommy bastard». Очевидно, пока он перекусывал в придорожном кафе, ребяташки, услышав его произношение, решили обозначить национальную принадлежность владельца автомобиля.

Озеро Батерст, недалеко от Торего, совсем не фотогенично. Оно мелкое, без какой-либо древесной растительности по берегам, с обширной илистой отмелью. Зато на дороге близ озера обнаруживаем раздавленную машиной крупную коричневую змею. Она повреждена лишь немного. Я беру змею с собой. Приехав в Канберру, первым делом бегу в лабораторию, чтобы поместить змею в спирт.

На следующий день мы выезжаем на экскурсию в лес Ури-ярра. Близ дороги я замечаю крупную ящерицу — бородатого дракона. Она запрокинула вверх голову: принимает солнечную ванну на самой обочине. Я проезжаю буквально в десяти сантиметрах от нее, но она даже не шевельнулась. Тогда я останавливаюсь и выхожу из машины, осторожно ступая и приготовив сачок. Но нет! Она тут же исчезает под скалой у дороги. Значит, ящерица понимает, что машина не опасна, если сидишь на обочине, а вот пеший человек — всегда враг.

На цветущих кустах в долине реки Кондор-Крик находим ярких, красочных бабочек далиас. Их здесь целая стайка, они перепархивают по белым пахучим цветам. Тут же мы обнаруживаем мелких коричневых крапивниц и великолепных жуков, зеленых, с металлическим блеском.

Вернувшись в Канберру, отправляемся на фестиваль популярной музыки, который состоится после полудня в пригороде Канберры. Фестиваль проходит на открытом стадионе. Вокруг скопились сотни автомобилей. Здесь же полисмены и полицейские машины. Одна из них — грузовик с решеткой, очевидно, на случай буйного поведения участников.

Здесь собралось более двух тысяч человек, в основном молодежь. Большинство из них — весьма экстравагантно одетые хиппи. У одного на голове потрепанная ковбойская шляпа, у другого — картонная коробка из-под фруктов, некоторые облачились в какое-то тряпье, другие обнажены до пояса. Они ходят, сидят на земле и лежат обнявшись. Повсюду расставлены киоски, бойко торгующие напитками, горячими сосисками (hot dogs) и сэндвичами. Продаются здесь и громадные, в метр диаметром, яркие надувные шары. Обертки и банки все бросают прямо наземь, и все поле выглядит как большая мусорная корзина.

Хотя сборище очень пестро и беспорядочно, однако бросается в глаза общая доброжелательность и какое-то миролюбие всех собравшихся. Не слышно ни выкриков, ни грубых слов, ни ссор, не видно ни одного пьяного. Здесь продаются только безалкогольные напитки. Парни ведут себя так спокойно и дружелюбно, что полицейским даже нечего делать. Несколько полисменов лениво прогуливаются по полю среди мусора, переступая через сидящих и лежащих молодых людей.

Разглядев издали эстраду, мы увидели громадные рупоры, направленные на поле. Подойти близко к эстраде нам не удалось: громкость звука такая, что даже в дальних рядах я почувствовал себя нехорошо, барабанные перепонки подвергались почти невыносимому испытанию. Выступающие ансамбли с одинаковой громкостью исполняли одну песню за другой, отличить которые не посвященному в современную популярную музыку оказалось практически невозможно. Я не мог понять, как выдерживает этот шум молодежь, сгрудившаяся у эстрады. Вспоминаю газетное сообщение о том, что у любителей современной эстрадной музыки отмечено сильное понижение остроты слуха, достигающее иногда до частичной глухоты.

Покидая стадион, замечаем у выхода юношу и девушку — милых и аккуратно причесанных в отличие от большинства посетителей фестиваля. Они раздают всем выходящим листки. В них сообщается, что реформистская церковь призывает присоединиться к ней под лозунгом: «Come alive» — буквально: «Приходи живьем». Нас обгоняет полицейский грузовик с решеткой, занавеска опущена — значит, рейс все-таки не порожний.

Вернувшись в общежитие, встречаю профессора Робертсона с женой, которые тоже приехали с воскресной прогулки. Профессор еще ходит с палкой, но машину уже водит. Выражаю свое удовольствие, видя его столь активным. Профессор отвечает, что водить машину для него легче, чем ходить. Его машина с автоматическим сцеплением, и поэтому левая, сломанная нога не требуется при вождении.

ПО ПУТИ НА ТАСМАНИЮ

Целый день я занят подготовкой к отъезду: получаю оборудование, звоню в Мельбурн, чтобы предупредить о своем приезде. Пишу письмо профессору Александру Михайловичу Чельцову на нашу кафедру о том, что департамент зоологии шлет в дар посылку с уникальными животными. Утконос и ехидна, а также другие редкости поступят в коллекцию кафедры биогеографии.

К девяти часам вечера заканчиваю сборы и выезжаю в Мельбурн. Проехав город Ясс и еще около сотни километров, останавливаюсь ночевать на одной из площадок для отдыха, которые расположены через каждые пятьдесят — семьдесят километров вдоль трассы.

Солнечным теплым утром после зарядки и легкого завтрака отправляюсь в дальнейшую дорогу. Она вьется среди холмов, поросших отдельными эвкалиптами или живописными рошицами. Основная же площадь вокруг дороги занята пастбищами. Между мелкими городками попадаются только въезды на фермы. У каждого — почтовые ящики, сделанные в основном из железных бочонков, окрашенных белой краской.

Каждая ферма имеет свое название, и бочонки иногда очень живописны. Так, один из них укреплен на большой цепи, которая завита в спираль, поднимающуюся из земли.

Пришлось за этот день увидеть две «эффектные» автокатастрофы. Легковая машина с прицепом-караваном врезалась в придорожное дерево. Машину уже увезли, а прицеп, смятый, как пачка сигарет, обнял ствол дерева и обвился вокруг него. В другом месте из-под обрыва краном достают машину, которая «забыла» повернуть налево и скатилась вниз, где и застряла в кустах на крутом склоне.

Навстречу проносятся огромные грузовики с расположенными в два-три этажа автомобилями, с коровами и овцами. На одном грузовике проехал навстречу ржавый танк без пушки. Возможно, реликвия войны? А на другом — я в первый момент даже не поверил своим глазам — весь контейнер заняли четыре громадных индийских слона!

В четыре часа дня прибываю в Мельбурн. Еще за десять километров пахнуло морским воздухом, но в городе приходится окунуться сначала в городской воздух, пропитанный выхлопными газами. Над улицами висит шапка темно-серого смога, вдали видна мрачная группа небоскребов. Это Сити — центральная часть города.

Быстро нахожу Мельбурнский университет и прибываю в департамент русского языка (буквально — «русский департамент»). Меня радушно встречает Нина Михайловна Кристенсен — встретиться с ней мне рекомендовали еще в Москве. Я уже «запланирован» на завтра для доклада в Монешском университете, а на послезавтра — в департаменте русского языка, которым заведует Нина Михайловна.

Оказалось, что я опоздал на интереснейшую встречу: всего лишь три часа назад здесь выступал Андрей Вознесенский и читал свои стихи. Он прибыл в Мельбурн на ежегодный фестиваль искусств «Мумба». Слово «мумба» на языке аборигенов означает «праздник с развлечениями». Под таким экзотическим названием ежегодно устраивается в Мельбурне фестиваль, на котором часто бывают и советские участники. На этот раз сюда приехал Андрей Вознесенский. Сначала состоялось два выступления в концертных залах, но аудитория была полупустой — оказывается, австралийская публика еще недостаточно подготовлена к знакомству с советской поэзией.

Сегодня в большую аудиторию буквально набились сотни студентов, а многие даже не смогли попасть внутрь.

Андрей Вознесенский выступал с большим подъемом и остался очень доволен теплым приемом.

Организовал выступление сотрудник департамента поэт Игорь Иванович Межаков-Корякин. Этот человек небольшого роста, коренастый, лет около сорока, с темной шевелюрой и седеющими бакенбардами говорит по-русски совершенно свободно и правильно, хотя попал в Австралию еще ребенком. Далеко не все русские сохраняют здесь такое свободное вла-

дение родным языком. Игорь Иванович очень доволен успехом этого мероприятия. Он провожает меня до университетского общежития, где мне еще с пятницы забронирована комната. На доске жильцов уже набрана белыми пластмассовыми буквами моя фамилия. Директор общежития, типичный английский джентльмен с рыжеватыми усами, увидев, что я в шортах и кедах, встревоженно спрашивает, есть ли у меня костюм: на ужин нельзя приходить в спортивной форме. Успокаиваю его, что есть костюм и даже галстук.

У Игоря Ивановича нет автомобиля, поэтому я отвожу его домой. Заехав «на минутку», задерживаюсь у него на пару часов. Игорь Иванович заводит для меня магнитофонную запись сегодняшнего выступления Вознесенского. Он прекрасно читает стихи, «с надрывом», так что даже мурашки по спине пробегают. Оказывается, он также и комментирует свои стихи по-английски, причем говорит хорошо, даже шутит, и студенты живо реагируют на его шутки, а после чтения бурно и подолгу аплодируют. Но за полный перевод своих стихов он не берется, и переводы на английском читает студентка Мельбурнского университета мисс Ландон.

Игорь Иванович рассказывает о своих мытарствах с переводами советских поэтов. Ему удастся очень неплохо переводить Евтушенко, Вознесенского, Бэллу Ахмадулину и других современных советских поэтов. Но здесь есть также несколько переводчиков-англичан, которые подвизаются на этом поприще, не зная как следует русского языка. Поэтому переводы у них получаются подчас весьма комичными. Игорю Ивановичу удалось уже в гранках задержать перевод «Братской ГЭС» Евтушенко, который сделали эти англичане. Он привел мне лишь несколько примеров. Так, строчку «Листами под покрывками шурша» они перевели, как «Под крышами шуршала трава»; фразу «И плывут струги» эти переводчики перевели, как «Стружки плывут вниз по реке». Такая фраза, как «Я вбирал, припав к баранке», была переведена ими: «Жевал калач», а уж, конечно, жаргонной фразой «по фене ботают ножи» эти переводчики были полностью дезориентированы. Решив, что «феня» — женское имя, они перевели так: «Девушки танцуют с ножами». К счастью, Игорь Иванович увидел это все в гранках и сумел полностью исправить.

Год назад Игорь Иванович совершил длительную служебную поездку по США, Индии, Индонезии, был он также в Москве и Ленинграде.

Будучи в Москве, он побывал во многих памятных местах, и в частности в Переделкине, у могилы Бориса Пастернака. Там он встретился с молодым человеком — туристом. Они сфотографировали друг друга у могилы поэта, а потом разговорились. Игорь Иванович спросил молодого человека, откуда он. Тот с гордостью сказал: «Угадайте!» — «С Кавказа?» — «Нет, дальше». — «Из Средней Азии?» — «Еще дальше». — «Из Сибири?» — «Да нет, дальше». — «С Дальнего Востока?» — «С Камчатки», — гордо ответил парень. «А вы откуда?» — в свою очередь спросил он Игоря Ивановича. «Тоже угадайте», — ответил тот. Парень перебрал все дальние края нашей страны и, дойдя до Камчатки, в изнеможении остановился. «Так откуда же вы?» — «Из Австралии», — был ответ.

Когда стемнело, мы пошли посмотреть ручных кольце-хвостых поссумов, которые живут в маленьком саду около дома. Хозяин приучил их появляться после заката солнца на подкормку. Угощение для них — кусочки хлеба, гроздья винограда. Зверьки не даются в руки, но позволяют почесать за ухом, после того как получают угощение. Их трое: самочка и двое детенышей. У мамы русское имя Маша, а дети уже австралийцы — Мики и Мини.

И снова Игорь Иванович возвращается к воспоминаниям о своем пребывании в Москве и Ленинграде, где он обошел все музеи, театры, библиотеки, и месяц промчался для него как один день. «А что же самое примечательное, — спросил я, — из того, что вы увидели или на что обратили внимание?» — «Самое удивительное — это то, что все там говорят по-русски», — ответил он со вздохом.

Вернувшись в университет, мы отыскали там биолога доктора Тима Или. Мы долго беседовали о его зоологических исследованиях. От сугубо специальных вопросов разговор постепенно перешел к различным приключениям, связанным с животными. Доктор Или рассказал, что в Мельбурнском зоопарке есть надувной механический слон, на котором катают детей. Раньше для этого держали живых слонов, но после несчастного случая пришлось это прекратить.

Механических слонов изготавливает приятель Тима. Он собирает их в своем гараже и затем поставляет в зоопарки и на выставки. Однажды Тим привел к нему своего друга и сказал, что в гараже хозяина есть живой слон, поэтому нужно быть очень осторожным, чтобы случайно не выпустить его. Друг сначала не поверил этому, однако Тим заранее позвонил своему приятелю и предупредил об этом маленьком розыгрыше. Хозяин зашел в гараж и, звеня посудой и производя трубные звуки, начал кричать на слона: «Стой! Пошел назад! Не напирай на меня!» и тому подобное. Потом, осторожно выйдя из гаража, показал гостю через щель механического слона, который стоял в темном гараже. Тот был поражен и совершенно уверился, что слон живой. Когда же впоследствии он узнал, как его разыграли, то, расхохотавшись, лишь смог вымолвить, обращаясь к доктору Или: «You bastard!»¹

Доктор Или — большой любитель различных розыгрышей, или, как называют таких людей, *practical joker*². На своем крыльце он периодически прикрепляет на цементе монеты в двадцать центов, а затем с удовольствием наблюдает, как некоторые из гостей пытаются поднять их. Но однажды, придя домой, он обнаружил, что все его монеты по двадцать центов сколоты, а вместо них прикреплены монеты по одному центу. Так ответил на шутку кто-то из его друзей.

В Монешском университете, где работает доктор Или, я читал лекцию на тему: «О преобразовании и охране природы пустынь». Собралось человек пятьдесят. Это студенты и преподаватели. Первую часть я успел подготовить на английском языке, а вторую пришлось сразу переводить с русского текста. После доклада задавали много вопросов. Чувствовалось, что эта тема интересует здесь многих. Спрашивали о методах полива, о борьбе с засолением, о типах колодцев, о пастбищах, о породах овец, о пустынных заповедниках.

После лекции телевизионный продюсер Кен Тейлор приглашает меня на телестудию, где он создает серию фильмов о природе Австралии. В содружестве с доктором Или он уже сделал шесть фильмов о птицах и сейчас готовит еще шесть. У Кена Тейлора есть идея снять совместно с кинематографи-

¹ Ну, негодник! (*англ.*)

² Штатный шутник (*англ.*).

стами Советского Союза фильм об острохвостом песочнике, который гнездится в нашей стране, а зимует в Австралии. Я предлагаю Кену Тейлору снимать фильмы не только на тему об общих животных, но также по общим проблемам, а именно об охране природы, о заповедниках, животном мире пустынь.

Посмотрев фильмы Кена Тейлора, я убедился, что они действительно очень хороши. Один из них посвящен клинохвостому орлу. В нем убедительно доказывается, что эта птица не вредна для овцеводства. Показана работа ученых, исследующих биологию клинохвостого орла.

Замечательны также фильмы о жизни пеликанов на гнездовье. Особенно любопытно поведение птенцов. Наевшись рыбы, которую они достали из зоба родителей, птенцы ложатся наземь, как мертвые, распластав крылья.

Они делают это, чтобы их не беспокоили другие птенцы, иначе из-за волнения они могут непроизвольно отрыгнуть всю полученную пищу. Очень удачно сняты сцены общения пеликанов, их полет в замедленном темпе, и все это сопровождается замечательной музыкой Корелли, Вивальди и других итальянских композиторов. Музыка настолько хорошо подобрана под движение птицы, что кажется, будто сама птица при помощи крыльев дирижирует этой музыкой.

Очень красочны и музыкальны также фильмы о бролге — австралийском журавле, о рыбающей хищной птице скопе. Танцы журавлей и броски скопы в воду за рыбой — редкостные кадры, интересные и натуралисту, и массовому зрителю.

По дороге в общежитие замечаю на центральных улицах Мельбурна в кронах деревьев громадные стаи скворцов, которые собираются на ночевку с щебетом и шумом. Такие же стаи скворцов можно видеть зимой в скверах наших южных городов — Баку, Тбилиси.

На следующий день у меня выступление в русском департаменте. На этот раз Нина Михайловна просит меня сделать доклад на русском языке, чтобы студенты могли послушать «натуральную» русскую речь. Все слушатели — преподаватели и студенты — расселись в аудитории на полу: так как стульев не хватало, решили, что лучше никто не будет сидеть на стульях, и вынесли их в коридор.

Я рассказываю об охране природы в СССР — об охране почв и лесов, о спасении зубра и соболя, о заповедниках, о

проблеме Байкала, о чистом воздухе Москвы и об Обществе охраны природы.

После выступления задают много вопросов, а затем Нина Михайловна также делится своими впечатлениями о Москве. Она говорит, что действительно в Москве воздух удивительно чистый для такого крупного города. Только вот в самолетах у нас еще курят. Это единственный вид транспорта, на который еще оказывают влияние международные правила. Но в наземном транспорте курить у нас запрещено в отличие, например, от австралийских автобусов, где курильщиков просят лишь пройти в задние ряды, но автобус все равно наполнен табачным дымом.

Получив билет на пароход «Принцесса Тасмании» для себя и для автомобиля, я возвращаюсь в департамент и сообщаю об этом. Все удивлены, как мне удалось заказать билет всего за две недели. Обычно на машины нужно заказывать место за полгода, а на такие праздники, как Рождество и Пасха, даже за два года вперед. Поэтому доктор Или, узнав о моем успехе, восклицает: «Ну, ты просто везучий парень!»

Покидая университетское общежитие, прощаюсь с директором. Он просит меня обязательно приехать на следующий фестиваль «Мумба». Оказывается, меня считали участником фестиваля, так как я приехал в день открытия и уезжаю на следующий день после закрытия. Пришлось с сожалением сообщить, что я не был ни на одном из фестивальных мероприятий.

Перед отъездом из Мельбурна Нина Михайловна приглашает меня провести время в кругу ее семьи. Выезжаем из центральной части города, сдавленной серыми многоэтажными зданиями, и вскоре оказываемся в зеленом пригороде с уютными домиками, выстроенными на небольших участках разгороженного заборами эвкалиптового леса. На пороге дома нас встречает муж Нины Михайловны — Клемент Берн Кристесен; он просит называть его просто Клем.

В ходе теплой добросердечной беседы узнаю, что Клем Кристесен — поэт и писатель-очеркист, а кроме того, — издатель солидного литературного ежеквартального журнала «Минджин Куотерли».

Клем дарит мне несколько номеров этого журнала, а затем вместе с женой надписывает для меня недавно вышедшую свою книгу «Рука памяти». Великолепно изданная, с изящными иллюстрациями, книга содержит повести, рассказы и стихи

Клема, выходявшие ранее в разных журналах. Повести я обещаю прочесть впоследствии, а несколько стихов просматриваю сразу и с удовольствием выражаю искреннее восхищение: тонкие, лиричные стихи о природе, о человеческих чувствах, их можно сравнить по стилю со стихами Мея или Фета. Клему такое сравнение ничего не говорит, но Нина Михайловна даже зарделась от такой похвалы ее мужу и, пока я проглядываю книгу дальше, вполголоса объясняет ему, в какую когорту классиков его предлагают включить.

Выходим во двор и прогуливаемся по участку, заглядывая под валежник, выслеживая птиц в кронах деревьев. Супруги Кристесен, по горло занятые творчеством и служебными делами, не притрагиваются к лесу на своем участке — здесь для них лишь общение с природой в короткие часы отдыха. Подойдя к забору, Нина Михайловна говорит:

— А вот эта территория тоже принадлежала нам, но мы ее продали.

— Если не секрет, что заставило вас отказаться от части земли, ведь ее все здесь очень ценят? — спрашиваю я.

— В двух словах: я отказалась от куска земли здесь, чтобы иметь возможность увидеть родную землю.

— Как это?

— Длинная история... Еще ребенком я попала сюда, в Австралию, вместе со своими родителями. Они покинули Россию в начале века, жили в разных странах, а затем осели в Мельбурне. В семье всегда говорили только по-русски, часто вспоминали родные края, много рассказывали мне о Родине, о ее природе, о людях. И у меня с детства возникло и крепло желание восстановить связи с родительской землей, побывать в России, в Советском Союзе. И вот когда я уже преподавала русский язык в Мельбурнском университете, вышла замуж за Клема, мы решили, что мне надо съездить в Россию. Поездка на другой край света стоит дорого, вот мы и придумали продать половину нашего участка, а на вырученные деньги купить туристическую путевку в Советский Союз. Удивительное было ощущение — в Москве все вокруг говорят по-русски, а на Красной площади, у Кремлевской стены, скрипит под ногами снег (я была там зимой).

— Не открою секрета, если скажу вам, что, несмотря на все годы, прожитые здесь, вы говорите по-английски с заметным акцентом,— замечаю я.

— Да, это я прекрасно знаю,— смеется Нина Михайловна.

— Но вот русский язык у вас безукоризненный, нет ни малейшего акцента, будто вы вчера прибыли из Москвы.

— Это приятно слышать, я ведь преподаю свой родной язык, и мне важно знать, что доношу его до учеников без каких-либо искажений,— довольная похвалой, улыбается Нина Михайловна.— После первой поездки, когда уже лишилась половины своего участка, я неоднократно бывала в Москве по служебным делам. Мне удалось установить научные и педагогические контакты с кафедрой английского языка в Московском университете, и особенно я рада моей дружбе с замечательным ученым и педагогом Ольгой Сергеевной Ахмановой. Бывала у нее на кафедре, дома в Москве и на подмосковной даче — это маленький домик на Рублевском шоссе, у самой Кольцевой дороги.

— С большим удовольствием сообщу вам, что я хоть и недолго, но учился английскому у Ольги Сергеевны. И конечно, перед моим отъездом она просила передать вам сердечный привет и этот небольшой сувенир,— говорю я и вынимаю из сумки роскошную матрешку, врученную мне в Москве О. С. Ахмановой.

Нина Михайловна и Клем искренне радуются при виде русского сувенира и долго разглядывают и раскладывают его.

— Громадное спасибо за привет и сюрприз,— говорит Нина Михайловна.— А я тоже приготовила вам маленький сюрприз. Приглашаю вас попить чайку к своему соседу, но не к тому, что купил у меня участок, а к другому. Я уже позвонила ему, и он ждет нас. Это мой старинный друг Алан Маршалл.

— Тот самый? — удивленно восклицаю я.— Он вам знаком?

— Он мой сосед,— словами из «Евгения Онегина» отвечает Нина Михайловна и смеется.— Пойдемте, он уже вышел на порог своего дома.

Мы идем по узенькой тропинке через лужайку к соседнему дому, и оттуда навстречу нам, опираясь на костыли, шагает крепкий, широкоплечий старик невысокого роста. Еще издали он лучезарно улыбается нам. У Алана Маршалла доброе, мужественное, с крупными чертами лицо: высокий лоб, глубоко

посаженные веселые глаза, большой красивый нос, квадратный подбородок. Остановившись, он крепко пожимает нам руки.

— Очень рад видеть гостя из Советского Союза,— говорит Алан Маршалл.— Вы ведь, наверное, знаете, что я имею честь в течение ряда лет быть президентом общества «Австралия — СССР».

— И я рад передать вам, большому другу нашей страны, горячий привет от Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (в этом союзе я активист Ассоциации дружбы с народами Африки). Уверяю вас, что не только члены союза, но и миллионы моих сограждан разных возрастов и профессий — ваши верные друзья, почитатели вашего таланта.

— Когда я приехал в Советский Союз, то был приятно удивлен, что там мои книги знают лучше, чем во многих англоязычных странах. И теперь у меня много друзей в вашей стране.

— Дорогой Гуравилла,— улыбаясь, говорит Нина Михайловна,— покажите, пожалуйста, нашему гостю вашу библиотеку.

— Как вы назвали Алана? — шепотом спрашиваю я, пока мы следуем за хозяином по тропинке к дому.

— «Гуравилла» на языке аборигенов означает — сказитель, народный певец, близко по значению к европейскому — бард, менестрель. Так прозвали Алана аборигены, среди которых он провел много дней и о ком так тепло и сердечно поведал в своих рассказах.

Входим в скромный домик писателя и попадаем в большую комнату — кабинет с письменным столом и книжными полками по стенам. Алан с гордостью показывает свои книги в переводе на русский язык. Это автобиографическая повесть «Я умею прыгать через лужи» и другие произведения писателя, хорошо известные в нашей стране.

— Особое значение я придаю работе над повестями и рассказами о жизни австралийских аборигенов,— говорит Алан Маршалл.— Меня остро волнует судьба коренного населения Австралии, его будущее. Ведь у аборигенов еще сохранилась самобытная культура, фольклор, наскальная живопись. Их произведения искусства представляют исключительный интерес. Но все это быстро исчезает под напором цивилизации. Как помочь аборигенам не только выжить на собственной земле,

все более заселяемой белыми пришельцами, но и, главное, сохранить свое лицо, свою национальную самобытность, стать полноправными гражданами своей страны, войти в нашу современную жизнь, не растворившись без следа среди белого населения? Вот вы сказали, что занимаетесь проблемами Африки. Должен заметить, что в нашей стране многие аспекты борьбы аборигенов за свои права сродни тем проблемам, с которыми сталкиваются народы африканских стран в борьбе за независимость. Но здесь все гораздо сложнее.

Алан Маршалл раскрывает одну из своих книг, которую, по его словам, любит больше других. Называется она «Мы такие же люди».

— Вот что я написал в заключение этой книги: «Нелепо уверять коренных австралийцев, что все люди — братья, когда белые отказываются принять их, как равных, эксплуатируют их, считают их просвещение угрозой своему благосостоянию и отказывают им в гражданских правах. В Австралии существует рабство — рабство в самой постыдной и жестокой форме».

— Страшные слова,— невольно поежившись, обращается ко мне Нина Михайловна.— Но трудно усомниться в их справедливости, когда говорит сам Алан Маршалл,— уж он-то знает жизнь аборигенов не понаслышке.

— Давайте перейдем к чаю и к другой теме,— предлагает писатель, заметив, как мы помрачнели. Он приглашает нас в другую комнату, где его сестра — обаятельная, энергичная пожилая дама — уже накрыла маленький столик к чаю.

— Через пару месяцев мне стукнет семьдесят лет, но я еще планирую совершить новую поездку по Советскому Союзу,— улыбается Алан Маршалл.— Я побывал не только в Москве и Ленинграде, мне удалось проехать по Сибири и Кавказу, Средней Азии и Дальнему Востоку. Видел я и Байкал, и Голодную степь, ставшую цветущим краем, и больше всего радовался встречам с советскими людьми — простыми, дружелюбными, живущими какой-то особенной, светлой, духовно богатой жизнью, занятыми большим общим делом. Это удивительное ощущение — хоть и не понимал языка, но чувствовал себя среди родных, близких людей.

— Спасибо вам, дорогой Алан, за ваши теплые слова. Должен признаться, что я еще не был во многих местах,

где вы уже побывали, — не видел ни Байкала, ни Владивостока, хоть и географ.

— Ну вот, я рад за вас, — смеется писатель. — У вас еще впереди столько новых впечатлений. И обратите внимание, — возвращается он к прежней теме, — как живут малые народности Сибири и Дальнего Востока, как сохраняется самобытность народов Средней Азии и Кавказа. Вот хороший пример решения национального вопроса. Исходя из опыта вашей страны, мы в Австралии должны искать пути решения проблемы аборигенов.

Разговор снова переходит на живо интересующую меня тему. Писатель рассказывает о своих путешествиях в Центральную Австралию, на остров Четверга, расположенный в Торресовом проливе. Я говорю о планах посетить эти места и получаю от Алана Маршалла много ценных советов, основанных на личном опыте, впечатлениях проницательного этнографа, художника и, главное, человека — доброго и внимательного к нуждам простых людей.

Два часа промелькнули незаметно, и вот уже настала пора прощаться. В порту меня ждет судно-паром, на котором мне предстоит пересечь Бассов пролив по пути в Тасманию. Алан Маршалл выходит на крыльцо, мы желаем друг другу исполнения задуманных планов, здоровья и счастья. Уношу с собой как драгоценную реликвию подписанную автором книгу «Мы такие же люди».

Оглянувшись для прощального приветствия, мы видим Алана Маршалла вдали на пороге его дома. Опершись на костыли, он машет нам рукой. Судьба жестоко обделила этого удивительного, мужественного человека, но наперекор всему он стал прекрасным писателем-гуманистом, сделал свою жизнь счастливой, посвятив ее всю без остатка служению людям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА ОСТРОВЕ ДЬЯВОЛА

На причале Мельбурнского порта меня встречает ярко-желтое судно «Принцесса Тасмании». Через открытый трюм въезжаю внутрь корабля, затем по специальному мостику машину поднимают на второй этаж. Сложными переходами пытаюсь добраться до пассажирского салона. В тесном коридорчике перехода встречаю фермера, который, как и я, не может найти выход в пассажирское отделение и в отчаянии говорит: «Im bloody lost!»¹ Вместе с трудом находим дорогу.

С наступлением темноты «Принцесса Тасмании» отчаливает и направляется на юг, чтобы пересечь Бассов пролив. Ночью на палубе ветер, сильная качка. Все ходят, держась за стены; каждый наклон судна сопровождается визгом и смехом. Большинство пассажиров — жители острова, не привычные

¹ Черт побери, я совсем потерялся! (англ.)

к морским путешествиям. Один из матросов ходит среди публики и любезно раздает пакеты. Он шагает, широко расставляя ноги, «морским шагом». Стараюсь копировать его походку — это хорошо помогает против качки и позволяет мне отказаться от пакета.

Подошел к борту. Темное небо затянуто облаками, вода вдали черная, лишь у самого борта она освещена. Здесь волны, пена, большие пучки водорослей. Сзади по правому борту виден маяк на материке, а впереди — непроглядная чернота. На палубе — ни души. Упади сейчас — никто не спохватится. Инстинктивно покрепче сжимаю перила: мне еще как минимум хочется увидеть Тасманию.

Утро встречает нас прохладным ветром и тонкими слоистыми облаками. Впереди показалась полоска земли. Очевидно, так ее увидел и Тасман, первым из европейцев прибывший сюда более трехсот лет назад. Старик, стоящий рядом со мной у перил, шутит: «А мы ведь совсем близко, теперь уж оставшее расстояние можно и проплыть, но чертовски холодно». Как часто они используют это слово «чертовски»!

Входим в длинную бухту Мэрси-Ривер и причаливаем левым бортом. Небольшой красивый городок Девонпорт раскинулся на обоих берегах реки. Центральная часть города — Сити — состоит из двух-трех улиц с непрерывной вереницей стандартных магазинов вдоль тротуаров. Сейчас суббота, в двенадцать часов магазины уже закрываются. Едва успеваю купить все три тасманийские газеты: «Меркури», «Экземинер» и «Эдвокейт». Нахожу интересные статьи об озере Пэддер. Электрические компании хотят построить плотину и создать гидроэлектростанцию, при этом озеро будет затоплено. Деятели охраны природы стараются защитить уникальный бассейн с эндемичной фауной и замечательными ландшафтами, но лидеры обеих ведущих партий отказываются выступить против могущественных электрических магнатов. Одна девушка собирается приковать себя к камню у самого берега, чтобы остановить затопление озера. Еще интересная заметка: двое ученых организуют поиски сумчатого волка и говорят, что ядохимикаты — основная опасность для этих вымирающих животных. Ядохимикаты используют здесь для борьбы с кроликами, раскладывая отравленные приманки.

Узнаю из газет, что сейчас близ Девонпорта проходит яблочный фестиваль, приуроченный к окончанию сбора яблок, выезжаю в направлении, указанном в газете. Уже издали на открытом месте видны временные строения, витрины, балаганы, множество людей. Это местные жители, съехавшиеся из города, селений, с окрестных ферм. Здесь проходит много интересных и красочных соревнований. Больше всего народу собирается около традиционных встреч лесорубов. В одном уголке собрались пожилые люди лет шестидесяти и даже более. Эти крепкие, кряжистые мужчины соревнуются в скорости рубки. Перед каждым из них установлено большое бревно стандартного диаметра. Верхушка бревна привязана тонкой веревочкой к горизонтальному шнуру. По сигналу одновременно все начинают лихорадочно рубить свои бревна, и когда верхняя часть ствола падает, то судейская коллегия получает сигнал по рывку веревки, прикрепленной к шнуру. Удары, которые наносят лесорубы, рассчитанные, мощные, откалывают от дерева крупные ровные куски. Я осмотрел инвентарь лесорубов. Топоры — у каждого свой — тщательно и любовно отточены. Хранятся они в специальных деревянных футлярах с мягкой подкладкой. Видно, что для лесорубов они так же дороги, как скрипка для музыкантов. Большое, диаметром около полуметра, бревно разрубается меньше чем за минуту.

Мужчины помоложе соревнуются в рубке деревьев на высоте около пяти метров. Высокие стволы укреплены в земле; и по сигналу судьи к каждому из них подбегает человек, держа помимо топора еще три доски. Не тратя ни секунды, лесоруб вырубает засечку, вставляет в нее одну доску, вспрыгивает на нее, делает еще одну зарубку, закрепляет там вторую доску, перескакивает на нее, делает следующую зарубку, укрепляет в ней третью доску и, уже балансируя на третьей доске, начинает рубить дерево на высоте пять метров. Сильными, уверенными ударами он вырубает половину ствола, затем быстро спрыгивает на землю, выдергивая за собой вставленные доски. Молниеносно те же операции повторяются с другой стороны. Забравшись наверх, лесоруб быстро срубает вторую половину. На все это у самого ловкого и быстрого мастера уходит около двух минут. Ни одного лишнего или ошибочного движения. Доска укрепляется прочно, никто с нее не падает. Зрелище это удивительное. Можно себе представить, каковы эти ребята

в своей обычной работе на рубке леса. Чувствуется, что они любят свою профессию, которой владеют в совершенстве.

Тут же на ярмарке состязания в беге, в езде на мотоцикле, различные аттракционы, выбор яблочной королевы года среди местных красавиц, конкурс плодоводов, различные лотереи, пестрые киоски.

Среди разнообразных игр одна привлекает многих простодушных фермеров необычным объявлением: если не получаете приза — вам возвращают назад деньги. Как же устроители лотереи при этом получают доход? Оказывается, призы стоят от двух долларов до пяти центов, а билет — двадцать пять центов. Так что больше всего шансов получить «приз» в пять центов.

Забавно и соревнование для детей, которое называется «Dirty pig»¹. Состоит оно в том, что свинью вымазывают глиной и дети должны поймать ее. Свинья не только грязная, но к тому же очень скользкая, поймать ее почти невозможно. Победителем считается тот, кто полминуты удержит в объятиях свинью, которая оглушающе визжит, рвется и выскользывает из рук.

Все-таки больше всего зрителей около лесорубов. Чувствуется, что именно это действие ближе всего сердцу сельских и даже городских жителей. Один парень так близко подходит к состязающимся, что сосед говорит ему: «Осторожней, ты подходишь так близко, что тебе сейчас снесут ухо». В самом деле, топоры остры, как бритвы, и некоторые лесорубы уверяют, что могут ими бриться. В конце соревнования раздают призы. Крупные призы победители получают в чеках, а мелкие премии выдают прямо деньгами. Один из главных победителей — старик лет шестидесяти. Все окружающие относятся к нему с большим уважением. А молодой парень получил всего два доллара и, стараясь скрыть разочарование, зовет товарища: «Пойдем выпьем пива». Соседи посмеиваются: «Ты лучше возьми сайду (яблочный напиток)».

После захода солнца выезжаю на юг, взяв курс на Хобарт — столицу Тасмании. Просмотрев карты, решил ехать не основной дорогой, которая идет по низменности и достаточно на-

¹ Грязная свинья (англ.). (В переносном смысле употребляется как уничтожающая характеристика.)

селена, а выбрал глухую, называемую Лейк-Хайвей, лежащую вдоль ряда озер, где много нетронутых и живописных мест.

Ночью в свете фар через дорогу скачут мелкие лягушки, пробегают кролики. На обочине заметил двух полосатых бандикутов. Эти сумчатые зверьки, остроносые и ушастые, сидят на задних лапах и, завидев опасность, быстро исчезают. Попадаются на дороге посумы, тасманийские курочки, одичавшие кошки. Во многих местах на дороге очень густой туман, и немало животных гибнет под колесами автомобилей. В одном месте у дороги догорает кустарник. Ночью это мрачно-красивое зрелище обугленных ярко-красных стволов, вспыхивающих языков пламени и шевелящегося красного угля.

Неожиданно обнаруживаю, что мне удалось «перейти Рубикон»! Так называется маленькая речушка перед городком Делорен. Совершив такой «решительный поступок», останавливаюсь ночевать в лесу, чуть в стороне от дороги, а ранним утром выезжаю дальше на юг. Асфальт вскоре кончается, и по грунтовой дороге углубляюсь в сырой и темный горный лес. Дорога петляет все далее вверх, вокруг поднимаются эвкалипты по сорок — пятьдесят метров высотой, а под ними — густая молодая поросль и коренастые древовидные папоротники с веером ажурных листьев.

Затем дорога поднимается на горное плато. Слева и справа видны столовые горы с обрывистыми склонами и осыпями, с плоскими вершинами. Становится заметно холоднее. Именно здесь проходит верхняя граница эвкалиптового леса, далее растет кустарник. В одной из межгорных котловин справа — плоское озеро Пайн-Лейк, по его берегам заросли ерника и отдельные горные сосны. Ну точь-в-точь как Алтайское тундровое озеро в горах! Ерник соприкасается с низкорослым эвкалиптовым лесом. На больших площадях он мертвый — из зеленого полога кустарников поднимаются лишь белые скелеты деревьев.

Спустившись с верхней ступени плато, выезжаю на берег озера Грейт-Лейк. В ряде мест из воды торчат целые рощи погибших деревьев. Кое-где видны также старые печи от домов, стоящие в воде. Очевидно, этот подъем воды — следствие строительства очередной гидроэлектростанции. В горных районах Тасмании много таких подпруженных озер, и деятелям охраны

природы приходится все время защищать эти живописные озера от ретивых электрических компаний.

На небольшой площадке для проезжающих останавливаюсь перекусить. Здесь, где отдыхают шоферы дальних рейсов, держится большая группа тасманийских курочек. Они привыкли подбирать остатки пищи и почти не боятся людей. На двух соседних деревьях расположилась пара белоспинных певчих ворон. Они переговариваются между собой нежными, воркующими голосами, а с другой стороны площадки сидят две черные вороны и разговаривают басом. Подражать нежному, воркующему голосу белоспинной вороны мне, увы, не удастся, но я попробовал изобразить голос черной вороны и, к своему удивлению и радости, обнаружил, что черные вороны меня сразу поняли и начали откликаться на мое басовитое урчание. Поболтав немного со случайными знакомцами, трогаюсь в дальнейший путь.

Ночевать останавливаюсь близ дороги, не доезжая до селения Уз. Ночь прохладная: около десяти градусов, ветрено; вдали на юго-востоке темное небо подсвечено заревом Хобарта.

Наутро, постепенно спускаясь с гор в низины, попадаю в обжитые речные долины среди холмов. Здесь перемежаются посадки сосны, роши эвкалиптов, яблоневые и сливовые сады, тополя, кипарисы. Близ дороги попадаются группы домов, окруженные высокими кущами бамбуковидного тростника с пышными белыми кистями.

Впереди показался Хобарт. Он удивительно красиво раскинулся на склонах гор вокруг живописной бухты. В окрестностях города мне попадает группа школьников с геологическими молотками, они возвращаются с полевой экскурсии. Первым делом посещаю музей, где нахожу только энтомолога. Остальные зоологи сейчас в экспедициях.

По автомобильному радиоприемнику узнаю о состоянии автодвижения в городе. Автоинспекция сообщает, на каких улицах сейчас образовались пробки и какими улицами лучше проехать, чтобы попасть из одной части города в другую.

В городском парке чайки, желтолицые чибисы и белоспинные певчие вороны бродят по лужайкам, собирая случайный корм. В кронах деревьев раздается громкий щебет скворцов. Сейчас они собрались большими стаями. Гнездовой период уже закончился.

Около моста в заливе собралось много мелких чаек, по размерам похожих на наших сизых, а также пара крупных темноспинных тихоокеанских чаек. Здесь же на выходах скал сидят два белобрюхих баклана. Заметно, что мелкие чайки концентрируются в нескольких местах побережья. Оказывается, они дежурят у канализационных труб. Мрачное зрелище: трубы выходят прямо на берег бухты, и там, где они обрываются у самой воды, собираются чайки. Они уже не смотрят в сторону моря, а заглядывают в жерла труб, ожидая очередной подачи.

Поставил машину в центре города и случайно захлопнул дверь, забыв ключи внутри автомобиля. Машина у меня весьма комфортабельная — «фалькон автоматик», сам же я одет в штормовку и грубые башмаки. Чувствую, что в таком «полевом» виде неудобно самому заниматься взломом машины на многолюдной улице. Могут ведь подумать, что не мой автомобиль, поэтому звоню из автомата в полицию.

Буквально через пять минут приезжает полицейский. Объясняю ему, в чем дело. Он тут же достает из своей сумки соответствующую отмычку, уверенно вскрывает ветровое стекло, открывает дверь и, предлагая мне занять место в машине, сразу уезжает.

Только оставшись один, соображаю, что полицейский не спросил у меня никаких документов. Ему, видимо, в голову не пришло, что его могли попросить вскрыть чужую машину.

Теперь нужно позвонить в Управление национальных парков и охраны природы. Опять обращаюсь к услугам телефона-автомата, но он «съедает» последнюю монету. Чтобы не идти снова разменивать мелочь, пытаюсь использовать другой способ. Звоню в справочное бюро и прошу связать меня с Управлением национальных парков. Справочное бюро сразу соединяет меня с этим учреждением. Секретарь подключает меня к телефону директора, а тот, поговорив со мной, переключает связь на Джеймса Хемсли, который ведает приемом иностранных специалистов. Все это происходит в течение трех минут на одном канале связи.

Нахожу Джеймса в его офисе. Небольшого роста, коренастый, круглолицый англичанин с гладкой лысиной и ореолом седеющих волос вокруг нее, с курносом носом и живыми светлыми глазами. Он переехал сюда из Лондона, по образованию ботаник-систематик. Мы с ним быстро находим общий

язык и получаем удовольствие, вспоминая латинские названия весенней европейской флоры. Затем переходим к деловому разговору. Меня интересует положение дел с охраной природы на острове. Получаю ведомственные материалы и исчерпывающую информацию.

Позднее я расспрашиваю его, почему он переехал сюда из Англии. Оказывается, прибыл он сюда шесть лет назад с женой и четырьмя детьми. Что же послужило причиной переезда? Джеймс с обстоятельностью англичанина излагает три основные причины. Первая — это недовольство современными нравами и укладом жизни в Англии. Там стало слишком много хиппи, поп-музыки и тому подобного. Все это в целом способствует моральному упадку среди молодежи. Здесь же для воспитания детей условия значительно лучше — ближе к обстановке доброй патриархальной Англии, которую он помнит еще по дням своей молодости. Вторая причина в том, что в Лондоне он уже достиг своего «потолка» по организации охраны природы и дальше пошла, по его выражению, рутинная. Здесь же для него открылось широкое поле деятельности.

— Ну а третья причина, — улыбается Джеймс, — просто хотелось посмотреть самую дальнюю от Англии землю с удивительной флорой и фауной.

Гордостью Джеймса является то, что он создал здесь, в Тасмании, новую систему актов по охране природы, которые только что вошли в силу. Основной лозунг действий Джеймса Хемсли: от протекционизма к динамичной охране. В новых актах об охране природы учтены привычки местного населения. Это и охота на лань, которая завезена на остров, и охота на птенцов буревестников. На северном берегу имеется даже коммерческая охота на птенцов, на остальном побережье — только для личного потребления.

— Мы вводим в разряд охраняемых все местные виды, но постепенно, — акцентирует Джеймс. — Мы должны быть очень осторожными, — растягивает он это слово. — Экзотические виды, как правило, не нуждаются в охране. Вы знаете — экзотическими мы называем домового воробья, черного дрозда, лису, кролика. Забавное смещение понятий в Южном полушарии, не правда ли?

Я рассказываю Джеймсу о наших заповедниках, о зубрах, о сайгаке, о лосе, о белом и буром медведях. Ему очень нра-

вится, что в нашей стране так серьезно поставлена охрана природы, и многое его удивляет. Оказывается, он почти ничего не знал об охране природы в Советском Союзе. Он знаком с охраной природы в Кении, Уганде и Танзании, где работал в шестидесятых годах, собирая гербарий. Ему интересно услышать от меня более свежие впечатления об охране природы в этих странах. Рассказываю о своих недавних поездках в национальные парки Серенгети, Маньяра, Нгоронгоро. В заключение дарю ему значки и марки о наших заповедниках.

Простившись с мистером Хемсли, я еду ночью в сторону полуострова Тасмана. Дорога сильно петляет, я сверяюсь с картой на каждой развилке, чтобы попасть в избранные мною места. Проезжаю по дамбе через залив, в окно автомобиля врывается запах застоявшейся морской воды.

Останавливаюсь ночевать у дороги, прямо на берегу бухты Даннели-Бей, за селением Даннели. Волны таинственно плещут в темноте совсем рядом. Не вижу ничего вокруг и с трудом догадываюсь о характере окружающей местности. Лишь вдали на холме видно, как догорает лес. Поднялся сильный ветер, и начался дождь. Машина даже вздрагивает под порывами ветра.

Утром, проснувшись, обнаруживаю, что море ушло. Сейчас отлив, и вода теперь в пятистах метрах от меня, а ночью шумела у самых колес автомобиля. Хорошо, что я остановился у самой воды во время прилива, если бы в то время был отлив, то я проснулся бы уже под водой.

Читатель, вероятно, помнит, как без труда я нашел место первой высадки Джеймса Кука, расположенное в пригороде Сиднея, в бухте Ботани-Бей. Там сейчас популярный туристический центр, толпы народа прибывают туда ежедневно; оборудован музей, и можно познакомиться с деталями этого исторического события. Совсем иначе обстоит дело с местом первой высадки Абея Янса Тасмана. Оно обозначено на карте Тасмании, но дороги туда до сих пор не существует. Значком помечена лишь точка на пустынном лесистом побережье, к которому нет ни одной даже пешеходной тропинки. Но мне как географу очень хочется побывать на этом историческом месте. Поэтому, ориентируясь по карте, я сворачиваю с асфальтового шоссе на грунтовую дорогу и доезжаю до фермы, которая расположена на краю леса.

Хозяина застать не удалось: он на полевых работах. Жена фермера говорит, что от конца дороги, которая уходит в глубь леса, нужно еще пройти около семи километров пешком через лесные заросли, а дальше несколько километров на север по побережью. Там, как она слышала, есть какой-то памятник. Жена фермера вручает мне ключ от ворот. Оказывается, вся северная часть полуострова — собственность ее семьи и без ключа туда не попадешь. Доезжаю до ограды, но ворота отперты — нахожу фермера с сыном, работающих на опушке леса. Они здесь уже с самого раннего утра. Знакомлюсь с симпатичными гостеприимными хозяевами и еще раз расспрашиваю их о дороге к месту высадки Тасмана. Отец и сын очень похожи друг на друга. Оба они рыжие, длинноносые, с узкопоставленными глазами, в веснушках и с рыжей щетиной на щеках — типичные австралийские фермеры. На них черные полупальто и черные картузы. Фермер объясняет дорогу, а сын лишь в конце немного его дополняет. Но пока отец говорил, сын даже не шевельнулся — чувствуется строгая семейная дисциплина.

Оставив машину в лесу там, где кончилась дорога, я двинулся по тропинке через эвкалиптовый лес с папоротником, затем вышел на травянистые болота. Там я обнаружил стадо овец. Посреди болота на палках высотой около метра установлены большие дуплянки.

Потом жена фермера пояснила мне, что так они привлекают уток, чтобы развести их для последующей охоты. Некоторые виды здешних уток охотно гнездятся в дуплянках.

За высоким песчаным валом, поросшим густым кустарником, слышен рокот морского прибоя. Нахожу сухое русло, прорезающее песчаный вал, выбираюсь по нему на песчаный пляж. На горизонте видны маленькие острова, гористые и зеленые. Куда ни глянь — никаких дорог, домов, пастбищ, до самого горизонта нетронутая природа.

Направляюсь на север вдоль пляжа. На песке много следов валлаби. Легко различить парные следы задних ног во время прыжков и следы всех четырех лап, когда животное медленно шагает.

В конце пляжа поднимаюсь на скалистый холм, поросший густейшим кустарником, а выше — эвкалиптовым лесом с папоротником. Вспугнутые мной крупные тасманийские курочки

с шумом продираются сквозь подсохший папоротник. Они не летают, а только бегают.

Переваливаю через гребень холма и спускаюсь к тихой бухте Тасман-Бей. Так вот какое место выбрал Тасман, после того как обошел всю южную часть острова. Теперь понятно почему: ведь юго-западная и южная части острова — это сплошные обрывистые скалы с пенящимся прибоем. Мореплавателю пришлось обойти всю южную часть острова, пока он не нашел эту действительно тихую, удобную для высадки бухту. Она привлекает и пологим берегом, и тем, что в горле бухты проходит барьер из гальки, отделяющий глубинную часть от открытого моря. Тем самым сдерживается морская прибой. Может быть, это и привлекло Тасмана? Обшарив глазом берег, обнаруживаю в самой глубине светло-серый монумент, стоящий в зарослях папоротника, метрах в тридцати от берега. Он не совсем там, где показан на карте, которой я руководствовался в своих поисках.

Около памятника три старых пня: деревья спилили, когда ставили памятник. Тут же лежат и полусгнившие стволы. Надпись на монументе гласит: «На этом месте экспедиция под руководством Абеля Янса Тасмана была первой группой белых людей, ступивших на Тасманийскую землю и установивших голландский флаг 3 декабря 1642 года. Памятник установлен Географическим обществом Тасмании в 1923 году».

Думаю, что, если бы Тасман высадился сейчас, он бы даже не догадался, что кто-то был в Тасмании после него (если, конечно, убрать монумент и три спиленных дерева). Весь вид до горизонта: ни густой кустарник у берега, ни высокоствольный лес — ничто не несет следов присутствия человека. Сюда еще не протоптана туристическая тропа, в этом смысле Тасману повезло гораздо больше, чем Джеймсу Куку с его местом высадки в Ботани-Бей.

Конечно, если бы Тасман углубился далее в лес, то через несколько километров наткнулся бы на изгородь из колючей проволоки, а дальше нашел бы и овец на лесных полянах. Тогда он узнал бы, что весь полуостров — частная собственность одной фермерской семьи и у них просто пока руки не доходят до этой отдаленной части, чтобы вырубить лес и устроить здесь пастбище. Пока же сюда пробираются лишь единичные любители географии. Некоторые из них уже успели

«наследить в истории». Так, между строками на плите выцарапаны имена, инициалы, особенно «хороша» надпись: «М. Бадтон и собака, 1965». А ниже еще чьи-то инициалы с припиской: «Без собаки».

Уходя из этой тихой бухты, оглядываюсь издали на одинокий монумент. Ведь я здесь в последний раз. Бывая в менее отдаленных местах, мы всегда надеемся, что когда-нибудь еще вернемся туда, но здесь приходится оставить всякую надежду.

Второй раз за мою короткую жизнь я уж наверняка не доберусь до этих мест.

Конечно, такое ощущение не всегда оправдывается; то же самое думал я, покидая в 1970 году кратер Нгоронгоро. Место тоже довольно отдаленное, но уже на следующий год опять оказался на гребне кратера и снова был потрясен фантастической панорамой этой гигантской вулканической чаши. На обратном пути на песчаном валу по краю пляжа нахожу внушительную нору сумчатого сурка-вомбата и следы его ночных походов. В лесу меня оглушает хохотом пара кукабарр. Когда эти гигантские зимородки держатся парой, то обычно кричат дуэтом. Одна птица начинает, другая подхватывает, и двойной раскатистый смех сотрясает воздух. Я слышал, что австралийские радиопередачи начинаются хохотом кукабарры. Но сколько я ни слушаю здесь радио во время поездок, ни разу не обнаружил такого вступления. Может быть, только радиостанции для зарубежных слушателей используют хохот зимородка. Да, вряд ли эти звуки могут доставить большое удовольствие местным жителям, которые сыты ими по горло в «натуральном» исполнении.

Нахожу машину, стоящую у дороги, и отправляюсь в обратный путь. Еще по пути сюда со мной случилось небольшое происшествие. Во время крутого поворота на грунтовой дороге, мокрой от дождя, меня занесло и ударило правым задним бортом о скалистую обочину, а потом отбросило по инерции с дороги на другую сторону; мне удалось остановить машину прямо перед большим деревом, при этом задний буфер и крыло заметно помялись, а глушитель сорвался с подвески и стал периодически падать на землю. Поднимаю его, вставляю одну трубу в другую и еду до следующего падения, которое легко замечаю по скрежету трубы и по реву мотора без глушителя.

Так с несколькими остановками добираюсь до дома фермера и отвечаю на расспросы хозяйки о моих впечатлениях. Заметив, что я с большим уважением и интересом отношусь к личности Тасмана, она спрашивает: «А вы что, голландец?» Узнав, что я из Москвы, она не может скрыть своего удивления.

Заодно она выражает сожаление о том, что в местных газетах почти ничего не пишут о Советском Союзе. Но некоторые ее друзья уже были в СССР и вернулись полные самых ярких впечатлений, так что она имеет представление о нашей стране.

Беседуя об истории Тасмании, мы переходим на тему о тасманийских аборигенах. Судьба этих людей оказалась трагичной: они были полностью истреблены белыми поселенцами.

— Вот все, что осталось от прежних хозяев нашего острова, — говорит хозяйка и показывает мне каменный топор, сделанный тасманийскими аборигенами. — Такие топоры и ножи еще можно найти в песке по побережью, а вот этот топорик я просто выкопала в своем саду.

Любуюсь инструментом — это типичный неолит: лезвие топора тщательно обработано. Возвращаю жене фермера топорик, прощаюсь с ней, благодарю за гостеприимство и уезжаю.

Отъехав от фермы, начинаю жалеть, что не попросил этот топорик — ведь хозяйка сказала, что находит их здесь часто. С каждым метром дороги чувствую все больше, как потом буду проклинать себя за нерешительность. Уже через триста метров осознаю, что это нужно сделать не только для себя, но и для всех моих друзей и коллег, которые никогда не видели орудий тасманийских аборигенов. Останавливаюсь, разворачиваю машину и опять подъезжаю к ферме. Хозяйка выбегает на крыльцо и обеспокоенно спрашивает меня:

— Что случилось?

Улыбаясь, объясняю ей:

— Все в порядке, но мне хочется попросить у вас один такой топорик для коллекции Московского университета.

Фермерша тут же с готовностью соглашается и добавляет:

— Вы знаете, как только вы отъехали, я подумала: надо было подарить этот топорик, ведь он так вам понравился.

Она приглашает меня войти в дом и показывает еще более крупный топор и целую горсть мелких ножей из разных сортов камня. Я прихожу в восторг: эти орудия очень похожи на те топоры и ножи эпохи неолита, которые я собирал в

детстве вместе с отцом под Москвой. На обрывистом берегу Москвы-реки, где мы жили, обнажилось несколько стоянок первобытного человека, и мы находили там великолепные неолитические кремневые орудия.

Фермерша просит меня взять всю ее коллекцию:

— Я-то найду еще, а вы уже никогда такого не увидите.

Поначалу я слабо сопротивляюсь, но затем быстро сдаюсь и забираю этот чудесный набор орудий. В благодарность преподношу гостеприимной хозяйке несколько пластинок с русскими песнями и красивый иллюстрированный альбом с видами Москвы и Ленинграда.

Заодно рассказываю моей собеседнице, как сегодня утром меня занесло на дороге, и показываю помятое заднее крыло. Она говорит:

— То-то я сегодня днем видела странный след и подумала: кто бы это мог ездить здесь поперек дороги?

На обратном пути замечаю оставленный машиной след — действительно странное зрелище: он идет сначала к скалистому правому борту дороги, а затем почти поперек за дорогу, в глубь кустарников. Загадка для следопыта.

Приезжаю в Даннели. Станция «Кальтекс», где я могу получить бензин, закрыта. Ни души. Дело в том, что Австралийский университет имеет договор на заправку бензином только с этой фирмой. Придется ждать. Беру в маленьком магазинчике кофе и сижу в машине, потягивая горячий напиток и разглядывая, как действует разводной мост на канале. Мост этот не поднимается, а вращается. Дежурный закрывает дорогу, включает мотор, и мост начинает разворачиваться на девяносто градусов. Открываются два прохода для рыбацких катеров из канала в залив и обратно.

Подъезжает автомобиль, в котором сидят двое очень похожих друг на друга мужчин с пышными усами и бакенбардами. Одному лет за сорок, у него седые виски, а другой — совсем молодой. На заднем сиденье пристроился худощавый подросток. Все приветливо улыбаются, старший выходит из машины и представляется. Его зовут Джим Эрншоу — строитель по профессии, владелец мотеля и станции «Кальтекс». Его младшему сыну Биллу семнадцать лет. Оказывается, он увлечен зоологией, собирает и изучает всех местных животных.

— Представляете, как у Билла глаза на лоб полезли, когда он увидел вашу машину с надписью: «Департамент зоологии», — смеется Джим.

Мои новые знакомые приглашают меня в бар, который расположен в двухстах метрах отсюда. Оказывается, после рабочего дня они приехали сюда пропустить по кружке пива. Им даже в голову не приходит, что можно было бы пройти пешком двести метров от их дома до бара.

За кружкой пива Эрншоу рассказывает, что он уехал из Англии десять лет назад, чтобы найти спокойное место для воспитания детей (примечательно: причина та же, что и у Хемсли, с которым я беседовал в Хобарте). Эрншоу говорит, что он провел недавно в Англии пару недель и рад был поскорее вернуться сюда.

Начинаю внимательнее приглядываться к своему собеседнику — высокий, крепкий, поджарый мужчина с большими мозолистыми рабочими руками, с волевым лицом и крупными резкими чертами лица, с пронзительным умным взглядом серых глаз. Оба сына явно уступают ему в размерах. Старший, Лестер, хотя и носит такие же «ноздревские» бакенбарды, как и отец, но очень уж сухопар и невысок.

Джим просит меня зайти к нему на ужин. Оказывается, станцию «Кальтекс» с рестораном и мотелем Джим и Лестер построили собственными руками.

За ужином вся семья собирается в полном составе: отец, мать, двое сыновей и дочь. Джим обращается к шестнадцатилетней дочери: «Говори, дочка». Девочка скороговоркой читает молитву — благодарение за пищу, посланную Богом. Все молча, не шелохнувшись, слушают и по окончании молитвы сразу приступают к еде.

— Какую религию вы исповедуете, Джим, протестантскую, католическую или иную? — спрашиваю я.

— У меня своя религия, — отвечает Джим и добавляет: — Для меня она важна, как своего рода дисциплина в семейной жизни.

Билл буквально засыпает меня вопросами на зоологические темы. Отец притворно сердится на него, но видно, что на самом деле очень доволен любознательностью сына. После ужина Билл исчезает из дома — он отправился за валлаби в лес. А Джим и Лестер ведут меня на участок, где они держат

восемь валлаби Беннетта. Им периодически приносят детенышей, оставшихся без матерей после дорожных столкновений. И вот сердобольные хозяева мотеля сделали в вольере мешки-сумки с электрическим подогревом, куда осиротевшие детеныши прячутся, как в материнскую сумку.

— Все валлаби почти ручные, но обратите внимание — самки более осторожны, чем самцы, — замечает Джим.

— Наверное, потому, что в будущем им придется беречь потомство у себя в сумке, — отвечаю я.

Советую Джиму создать здесь зоопарк. Это привлечет в его мотель больше туристов. Заодно я рассказываю ему о посещении места высадки Тасмана и высказываю предположение, что в будущем туда проложат дорогу и толпы туристов потянутся в этом направлении, как раз мимо мотеля Эрншоу. Рассказываю также о ферме Эрика Уоррелла в Госфорде и о гигантском бетонном диплодоке. Джим, будучи строителем, мог бы соорудить какое-нибудь животное перед своим отелем.

— У меня уже есть мысль сделать у дороги большой монумент с надписью: «Земля Тасмана. Здесь он высадился», — говорит Джим.

— Ведь фактически он высадился именно здесь? — спрашивает он, ожидая моего подтверждения. — Ведь не там же, — он указывает пальцем на лесистый полуостров, — а здесь!

Я смеюсь и, не желая поддерживать такое нарушение географической истины, предлагаю ему другой вариант.

— Ты лучше так напиши, Джим: «При открытии острова Тасман высадился недалеко отсюда и остановился в этом мотеле».

— О, это прекрасная идея! — восклицает Джим.

Он просит меня остаться в их мотеле хотя бы на один денек, но я отказываюсь: мне нужно утром быть уже в Порт-Артуре.

Прощаюсь с хозяевами и еду на юг по ночной дороге. Моросит дождь, около одиннадцати градусов тепла. В свете фар мелькают посумы, кролики, а в Порт-Артуре, прямо в центре, у самой церкви, — бурый бандикут. На проводах у опушки леса замечаю светлую сову — тасманийскую сипуху.

Развалины Порт-Артура замечательны прежде всего интересной архитектурой. Это остатки древней крепости, в которой содержались заключенные, но рядом с ними жили и те, кто

их охранял, включая самого губернатора сэра Артура. Очевидно, он был по существу высокопоставленным ссыльным на этом краю ойкумены.

Разница была лишь в том, что заключенные обитали в узких казематах крепости-тюрьмы, а у губернатора был отдельный дом со львами по бокам широкого крыльца.

Мне особенно повезло, что развалины этого города я впервые вижу среди ночи. Прямо на дороге из черной темноты выступает фантастический остов старинной церкви с черными глазницами ворот и окон. Он действительно расположен посреди дороги — перед самой церковью она раздваивается и охватывает с двух сторон это причудливое здание.

Проезжаю городок и останавливаюсь ночевать на берегу моря, за песчаным валом. Чуть дальше расположено чье-то частное владение с невежливой надписью: «Private property, keep away»¹.

Наутро осматриваю побережье полуострова Тасмана. Повсюду скалистые, крутые берега, и вдали, сколько можно видеть, крутые черные мрачные скалы, окруженные пенной полосой бешеного прибоя, обрываются в море с большой высоты. Теперь мне становится ясно, что Тасман на этом неприступном побережье так и не смог найти подходящего места для высадки. Здесь действительно нигде не пристанешь. Особенно живописны скалы вдали направо — это мыс Рауль, похожий на гигантские карандаши, торчащие из моря.

Спускаюсь к удивительно глубокому и длинному гроту, который выходит в океан. Сейчас прилив, и грот заполнен водой. Волны докатываются до меня и выбрасывают огромные пучки водорослей прямо под ноги. Сквозь почти стометровый грот хорошо виден вдали океан. Обнаруживаю, что с этой точки обзора жерло грота имеет почти точные очертания острова Тасмании.

После осмотра побережья возвращаюсь в Порт-Артур. Все еще облачно; развалины древней крепости в серых, мрачных тонах. Эти краски очень идут руинам тюрьмы, церкви, где молились осужденные, и другим атрибутам того времени, когда Австралия была местом ссылки подданных английской короны. Остов церкви при дневном свете не столь мрачно-таин-

¹ Частная собственность, держись подальше (англ.).

ственный, как ночью, но и сейчас весьма внушителен. В тюремных казематах уже нет крыш, но в пустых камерах и залах видны остатки каких-то колод и цепей.

Посреди городка стоит дом губернатора сэра Артура. От этого дома тоже остались только стены да крыльцо, по бокам которого, как бы продолжая сторожить власть короны, присели два британских льва. Недалеко от дома губернатора небольшой киоск, где своеобразно «популяризируется» история Порт-Артура. Здесь демонстрируются орудия наказания, сигнальные лампы, наручники и прочее тюремное оборудование. Машина рекламы работает вовсю.

В киоске продаются висящие связками брелоки для ключей. На них прикреплены миниатюрные пластмассовые фигурки в продольную полоску. Приглядевшись, обнаруживаю, что эти фигурки изображают... заключенных. В маленьких пузырьках продается коричневая жидкость. На этикетках написано: «Пот заключенных». Вот уж действительно черный юмор. Рядом более приятный юмористический сувенир — пустой пузырек с пробкой и надписью: «Свежий воздух Тасмании». На этикетке также пояснение: «Держать плотно закрытым» — и приписка: «Это единственное количество нашего свежего воздуха, который Вы можете купить, остальной воздух Тасмании предоставляется Вам бесплатно». И дальше любопытное противопоставление: «Ежегодно тысячи и тысячи туристов едут из запыленной и загрязненной Австралии на наш зеленый остров, чтобы подышать здесь свежим воздухом».

Прощаюсь с останками мрачной крепости-тюрьмы и отправляюсь вновь на север.

У выезда из городка вижу на обочине молодого парня с худым изможденным лицом, соломенными волосами до плеч и жиденькой бороденкой; за плечами небольшая котомка, а в глазах отчаяние. Он жестом просит подвезти его. Останавливаюсь и спрашиваю, куда ехать. Парень торопливо объясняет, что ему нужно попасть в Хобарт и он уже четыре часа стоит, а мимо проезжают сотни машин, но никто не останавливается. Действительно, стало трудно: уважаемая публика не хочет сажать к себе в машину неопрятных, замызганных и заросших парней. Есть и другая причина: газеты в подробностях описывают разные преступления, включая и ограбления, совершенные хиппи, которых подвозят доверчивые во-

дители. Прочтя такую статью, подумаешь в следующий раз, подвозить или нет человека, стоящего на обочине дороги. Но весьма замученный и несчастный вид парня не вызывает у меня ничего, кроме сочувствия. Поэтому я беру его в машину, но предупреждаю, что еду не прямо, а с заездами. Парень готов на любой маршрут: он уже потерял надежду, что кто-либо согласится его подвезти. Трогаемся в путь, и буквально через несколько минут начинается сильнейший ливень. Хорошо бы был мой случайный спутник сейчас на дороге!

Зовут его Крис. Он живет в Хобарте, а в Порт-Артур ездит работать: сейчас здесь сезон сбора яблок. Сегодня он возвращается домой на уик-энд.

— А что же, в Хобарте работу разве нельзя найти? — спрашиваю я.

— Ну найти-то работу можно, но случайную и очень низкооплачиваемую. А здесь, на сборе яблок, можно сейчас неплохо подработать, — отвечает Крис. — У меня ведь пожилая мать и еще сестра и брат, которые учатся в школе.

На побережье осматриваю своеобразный геологический феномен, созданный морской абразией. Называется он «Кухня дьявола». Две стены скал стоят друг против друга, метров двести высотой каждая, а между ними — бушующая стихия. Действительно, дьявольский котел. Неподалеку другое скальное образование — Арка Тасмана. Волны пробили в скале глубокую сквозную нишу, и образовалась висячая арка. Ливень кончился, и солнце, опускаясь за горы, высветило над морем великолепную радуго. Дальние острова еще укрыты дымкой дождя, а ближние сверкают в лучах яркого предзакатного солнца.

В Хобарт мы приезжаем уже в темноте. Крис просит меня зайти к нему на ужин. От ужина я, конечно, отказываюсь, но выпить чашку кофе соглашаюсь. Жилище Криса — бедно обставленная комната со старой, обшарпанной мебелью. Кофе нам подает его младшая сестра — тщедушная и бледная девочка.

Оглядывая эту бедную обстановку и беседуя с молодыми людьми, я думаю про себя, что и впрямь не все в Австралии живут так благополучно, как можно подумать, бывая в гостях у моих университетских коллег.

Прощаюсь с этими милыми ребятами и еду далее на север от Хобарта, чтобы с утра попасть в зоопарк Гудвилл близ небольшого городка Грантон.

Останавливаюсь ночевать, съехав метров на сто с темной дороги на проселок.

Утром, проснувшись, замечаю, что я в центре газона в небольшом парке, окруженном цепочкой коттеджей. В первый момент мне неловко, что я оказался посреди поселка, но затем обнаруживаю в этом большое удобство: во время сборов я снова захлопнул машину с ключами внутри и идти за помощью недалеко. Молодой хозяин ближайшего коттеджа охотно соглашается помочь. У здешних машин запоры устроены так, что подобное часто случается, и местные жители хорошо знают, как вскрывать машину с оставленными внутри ключами. Он вооружается проволоочной вешалкой и начинает энергично терзать резиновые прокладки ветрового стекла. К счастью, до того как мой помощник успевает вырвать ветровое стекло, второй вешалкой открываю дверь, подняв запорную кнопку через щель в окне. Поблагодарив молодого человека за его вешалки и активную помощь, отправляюсь в путь.

Приезжаю в зоопарк Гудвилл, о котором знаю заранее, что именно в нем содержатся сумчатые дьяволы. В самом Хобарте зоопарка нет, а этот зверинец представляет собой жалкое зрелище: несколько гектаров территории на холме заняты клетками и вольерами, на многих клетках надписей нет, около половины обитателей составляют куры и утки. Дело в том, что этот зоопарк частный и хозяева содержат здесь же свое домашнее хозяйство. Во многих клетках случайно собранный «букет» из различных видов птиц; ни киосков, ни мест для отдыха. Неудивительно, что многие посетители, побродив между клетками, уезжают уже минут через двадцать. Вскоре я становлюсь единственным посетителем. И это в субботу! Даже хозяина нет, и по зоопарку лениво прохаживаются его дочери лет пятнадцати — семнадцати.

Меня интересует тасманийский дьявол. В природе этот редкий вид хищного сумчатого удавалось видеть только мельком ночью во время поездки по острову, когда эти животные перебежали дорогу в свете фар. Там и разглядеть-то их трудно, а сфотографировать и вовсе невозможно. Зато здесь в двух шагах от меня восемь дьяволов! Они сбились в кучу и спят,

громко храпя и испуская резкий запах, как в нечищенном сви-нарнике. Прошу дочерей хозяина сделать что-нибудь с дьяволами, чтобы они проснулись. Ведь я приехал за многие сотни и тысячи километров, чтобы увидеть этих редких животных.

Сначала девочки отказываются будить дьяволов. Они говорят, что сюда приезжают многие люди, не только из Хобарта, но даже из Мельбурна и Канберры, и нельзя будить бедных животных ради каждого посетителя. Тогда я объясняю им, что приехал гораздо дальше — из Москвы. С восторженным удивлением оглядев меня с ног до головы, они, весело визжа, бегут в маленький домик и приносят баранью голову. Для гостя из Москвы они готовы разбудить даже самих дьяволов.

Как только баранью голову кидают в клетку, три самых крупных дьявола вскакивают и начинают с неукротимой энергией рвать и грызть добычу. Челюсти у них очень крепкие, слышен громкий хруст бараньих костей. Все трое тянут каждый к себе, издавая громкое сопение, но не огрызаются друг на друга и не кусаются. Передними ногами они упираются в землю, на задние приседают.

Хвост у дьяволов короткий и толстый, с тупым концом и с очень редкими волосами. Зубы малодифференцированы и скорее похожи на зубы землероек, чем хищников. Все поведение зверей — быстрые и торопливые движения, жадность, какая-то прямолинейность поступков — никак не сравнить с осмысленным и осторожным поведением настоящих хищных млекопитающих. Скорее оно напоминает более примитивное поведение насекомоядных зверей.

Пока три больших дьявола возятся с головой, остальные, более мелкие, лежат в углу и спросонья посматривают на них. Интересно, они сыты или уступают старшим? Вот один из тех, что помельче, тоже подошел и все-таки урвал себе кусок. Никто из больших его при этом не тронул.

В конце трапезы дьяволы подбегают к миске с водой и жадно, по-собачьи, пьют. После этого один из них присел на задние лапы и стал по очереди вылизывать передние, испачканные в крови. Это уж совсем по-кошачьи, только лапу он держит не как кошка, а прямо, почти не сгибая.

Девочки открывают дверь в клетку, дают мне войти внутрь, чтобы снять дьяволов. Сначала снимаю от самого

входа, затем придвигаюсь ближе и делаю еще несколько кадров. Не могу удержаться — трогаю одного дьявола за хвост, а другого даже хлопаю по лбу, когда он пытается выйти в открытую дверь. Дьявол широко разевает белую пасть и сердито шипит на меня. Девочки в ужасе, просят меня не трогать дьяволов, боясь, что те укусят. Но я прошу их не пугаться. Зато теперь могу сказать своим друзьям, что держал за хвост самого дьявола и даже гладил его!

Подъезжает на машине семья — молодой мужчина с женой и тремя детьми. Они сразу окликают девочек:

— У вас есть лев?

— Извините, но льва у нас нет, — отвечают девочки.

Вся семья искренне разочарована.

— А что же у вас интересного можно посмотреть? — спрашивают они.

— Да вот, разве что дьявола, — говорят девочки извиняющимся тоном. Очевидно, для местных жителей тасманийский дьявол почти то же, что для москвичей — заяц в клетке.

У вольера с дьяволами перекидываюсь несколькими фразами с подошедшим мужчиной. Оказывается, по национальности он турок, зовут его Ахмет Мемиш.

— Вы содержите кафе или магазин? — спрашиваю я его.

— В отличие от большинства моих соотечественников я не торговец, а врач-психиатр государственного госпиталя в городке Нью-Норфолк, — весело смеется Ахмет.

Жена его англичанка и работает там же. Узнав, откуда я, Ахмет просит меня заехать на ленч. Поскольку Нью-Норфолк по пути, я не отказываюсь. Заодно интересно осмотреть довольно редкое здесь учреждение — государственный госпиталь.

Мы приезжаем в городок госпиталя. Здесь есть корпуса для тихих больных — без запоров, корпуса для опасных — с запорами снаружи и коттеджи для сотрудников — с запорами изнутри. Весь госпиталь содержится на государственные средства, включая и квартиру Ахмета.

О нашей стране Ахмет имеет очень смутное представление. Он спрашивает меня, есть ли у нас госпитали, подобные тому, в котором мы сейчас находимся. Я говорю, что, конечно, госпитали есть, и рассказываю ему вкратце о государственной

системе медицинского обслуживания. Мой собеседник очень осторожно, как бы боясь случайно обидеть, спрашивает:

— Ну а как у вас поступают с детьми, совсем не способными к труду?

Я ему отвечаю, что их помещают тоже в специальные госпитали. Тогда Ахмет восклицает:

— Ну, извините, я потому вас так спросил, что в одной из тасманийских газет недавно прочел, будто у вас в стране таких детей просто умерщвляют!

Меня такая дикая ложь настолько поражает, что с моих уст невольно срывается очень крепкое выражение в адрес журналистов, которые пишут такие гадости. Моя искренняя реакция лучше всяких объяснений убеждает Ахмета, что подобного нет и быть не может.

Вскоре на чашку кофе приходит профессор, заведующий госпиталем, и еще один врач — оба англичане. Они снова спрашивают меня о медицинском обслуживании в СССР, о наших обычаях и образе жизни.

Один из врачей госпиталя собирается в ближайшее время поехать в Москву и Ленинград в служебную командировку. Я рассказываю ему о двух женщинах-психиатрах, друзьях моей матери, которая тоже врач по профессии. Обе они доктора наук. Они читают лекции, руководят подготовкой диссертаций, одна из них заведует отделением в психиатрической лечебнице.

Мои собеседники очень удивлены тем, что женщины-психиатры занимают такие важные, ключевые посты в советской психиатрии.

Прощаясь с Ахметом и его семьей, я дарю его дочке набор слайдов с видами Москвы. Она в ответ просит передать маленький сувенир моей дочери.

Ахмет подходит к машине и обращает внимание на правое переднее колесо: оно полностью стерто, без рисунка на протекторе. Может быть, поэтому меня и занесло позавчера на мокрой дороге? Ахмет напоминает, что за такое стертое колесо меня могут оштрафовать на двадцать долларов. Остается только выразить удивление, как же выпустили эту машину в такой дальний рейс, ведь перед отъездом она проходила техосмотр. Но в такой дали от университетского гаража эти претензии имеют сугубо теоретический характер.

Выезжаю уже на закате солнца и с наступлением темноты достигаю национального парка Маунт-Филд. Уже в полной темноте начинаю десятикилометровый подъем по серпантину к озеру Добсон, которое расположено в центре парка высоко в горах.

Вдоль дороги можно наблюдать смену растительных поясов. Внизу сырой эвкалиптовый лес с высокоствольными и прямыми гигантами-эвкалиптами, с густым подлеском из папоротников типа орляка, а также красивых древовидных папоротников. Выше он сменяется более низкорослым эвкалиптовым лесом с подлеском из колючих кустарников. Еще выше древесный ярус становится реже, переходит в парковый, а затем в субальпийские кустарниковые заросли с участками заболоченных лугов и даже каменистой тундры.

Перевалив плоскую возвышенность, подъезжаю к озеру Добсон, которое в темноте и тумане практически не вижу. Обнаруживаю его лишь по надписи на небольшом деревянном щите и по блеску воды в свете фар.

По пути сюда я увидел много интересных животных. Вначале попадались кистехвостые поссумы, которые держатся в основном в нижнем поясе леса и сосредоточиваются около мест для пикника. Здесь они подбирают остатки еды. Вот уж действительно животные — спутники человека.

Валлаби попадают реже, но равномерно, независимо от мест подкормки и достигают самых верхних субальпийских возвышенностей. Поведение этих животных также различно. Поссумы, когда машина останавливается, сразу сбегают на обочину и лезут на дерево. Валлаби же продолжают скакать вдоль обочины, то и дело становясь на четыре лапы и подбирая пищу. Они пасутся в свете фар, не обращая внимания на приближающийся автомобиль.

Я попробовал выйти из машины и, шагая на цыпочках, подошел к одному из валлаби на расстояние всего трех метров. Так, двигаясь за ним, я сделал несколько снимков с лампой-вспышкой. Во время вспышки он лишь поднимал голову и старался разглядеть причину яркого света. Если не издавать звуков, то валлаби оглядывается на человека, успокаивается и снова продолжает пастись. Стоит сделать хотя бы один неосторожный шаг, как зверь тут же, не оглядываясь, пускается вскачь и уходит с дороги в лес.

Останавливаюсь на ночевку прямо на площадке над озером. Туман становится все гуще, холодает. Это и понятно: озеро Добсон лежит на высоте около тысячи метров над уровнем моря. В час ночи мой термометр отметил температуру семь градусов, а в семь часов утра, когда я проснулся от сильного холода, на градуснике был всего один градус выше нуля.

После восхода солнца туман быстро растворился. Яркое солнце на безоблачном небе осветило великолепную панораму гор со скалами, осыпями, зарослями кустарников, хвойными деревьями и, ниже, эвкалиптовым лесом. Озеро Добсон оказалось небольшим и очень мелким, в красивом окружении хвойных деревьев. Дальше, примерно в полукilометре, видно озеро поменьше. У самого берега по площадке пробегает мелкий сцинк, другого мне удалось увидеть в развалинах камней. Таким образом, и здесь, на каменистых возвышенностях, обитают ящерицы.

Вдали за горой виден гигантский лесной пожар. Бурые облака поднимаются высоко и образуют шапку, напоминающую силуэт атомного взрыва. Уже позже в управлении парка я узнал, что пожар был вне территории парка и поэтому, как выразился местный лесничий, «вне нашего контроля».

Дальше озера хорошо видна древняя ледниковая долина реки. На ней просматриваются светлые травянистые равнины на песках, поперечные темные гряды с кустарниковой растительностью на валах морен и цепь подпруженных озер.

Спускаюсь вниз уже при дневном свете. Теперь можно лучше разглядеть и деревья, и кустарники, но зато днем не видишь ночных животных. Таким образом, ночной маршрут оказывается незаменимым для знакомства с сумчатыми животными.

В лесу слышны голоса птиц. Издали доносится звонкое пение птицы-лиры, а прямо над головой раздается резкий, металлический крик больших черных какаду с желтыми полосами на хвосте. Парочка этих птиц сидит на ветвях, их громадные несоразмерные головы кажутся чужими на неуклюжем туловище. Заметив, что я остановился и вышел из машины, птицы снимаются с ветвей и летят свободным полетом, с мощными взмахами крыльев. На лету птицы более красивы и изящны.

В управлении парка получаю различную литературу и очень полезную книжечку «Безопасность в буше» — для тех, кто ходит пешком по лесу. В ней много ценных советов: как вести себя в лесу, если заблудился, если неожиданно укушен змеей, если обнаружил пожар, и тому подобное.

В беседе с лесничим я обращаю внимание на то, что только в Австралии слово «буш» используется для обозначения зарослей и ландшафта в целом. В Англии понятие «буш» — это только отдельный куст. В русском языке употребление слова «кустарник» ближе к австралийскому, чем к английскому, то есть может обозначать и отдельный куст, и целую местность, поросшую кустами.

Многие приезжают в национальный парк на машинах, оставляют их на смотровых площадках и уже оттуда идут тропами в глубь заповедника, запасшись провизией. Именно таких людей и называют bush-walkers (буквально: бродяги в буше). Одну семью с двумя детьми шести и четырех лет я встретил идущей пешком даже в нижнем лесу, где есть еще автодорога. При этом младший ребенок удобно сидел на папиных плечах. Это довольно редкое и приятное зрелище, когда люди в парке добровольно отказываются от езды на автомобиле.

Обратный путь к вечеру привел меня на берега живописного озера Сент-Клэр. Оно расположено в южной части обширного национального парка. Местность стала гористой, на горизонте видны скалистые пики, а на противоположном берегу озера возвышается плосковершинная гора с громким названием Олимпус. Очевидно, на такой горе удобно разбить лагерь для «слета» богов.

На следующий день по извилистой горной дороге удалось перевалить несколько хребтов и спуститься в межгорную котловину, на дне которой приютился небольшой тихий городок Куинстаун. Чистенькие, почти безлюдные улочки, деревянные дома «колониальной» архитектуры — все дышит ароматом Дикого Запада. Кажется, будто на съемках ковбойского боевика объявили перерыв, актеры разошлись и декорации на время опустели.

На самом же деле в прошлом веке в этом городке разыгралась не кинематографическая, а реальная «золотая лихорадка». Когда в окрестных горах нашли медь и золото, сюда хлынули толпы искателей легкой наживы и приключений. Тогда

и город, и все вокруг кипело жизнью. Городок быстро рос, а окрестности превратились в сплошные открытые разработки. Лес был сведен, и теперь склоны котловины лишены и растительности, и почвы — мрачный, зловеще красочный «лунный» ландшафт. Лишь кое-где торчащие мертвые пни, будто в последней судороге вцепившиеся корнями в оголенную породу, напоминают о прежней девственной природе.

Пока еще жители Куинстауна не успели оценить ущерб, который нанесен природным ландшафтам его окрестностей. Но недалеко время, когда им захочется видеть вокруг города зеленые холмы, лесистые склоны гор, их станут удручать пыльные шлейфы в засуху и потоки грязи в дождливую погоду. Конечно, вернуть «лунному» ландшафту его прежний, земной вид не просто, но надеюсь, что путешественнику следующего поколения живописная котловина Куинстауна откроется в зеленых красках лугов и рощ, полных птичьего пения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В СЕРДЦЕ КРАСНОЙ ПУСТЫНИ

Путешествие в пустыни Центра — в самое сердце Австралии — началось из тихой, уютной и зеленой Канберры. Когда я готовился к этой дальней экспедиции, мои друзья в департаменте зоологии сказали мне:

— На этот раз, Николай, тебе придется найти попутчика. Хватит разъезжать по стране в одиночку. И так мы переволновались, когда ты целый месяц колесил по Тасмании, не подавая вестей. До Мельбурна и Сиднея ездил сколько хочешь: дорога оживленная, то и дело попадаются фермы, бензозаправочные колонки. Но в пустыни Центра одного ни за что не отпустим. Там дикие места, и, если что-нибудь случится с машиной или тобой, помощи ждать долго, может, и несколько дней. А нестерпимый зной — не шутка: день-два — и, глядишь, твои останки достанутся на обед собакам динго. Так что изволь найти хотя бы одного спутника.

— Рад видеть любого из вас рядом со мной в автомобиле, — ответил я. — Но ведь вы все заняты своими делами. Кто же бросит свои эксперименты или полевые работы только ради того, чтобы поехать по моему маршруту?

— Ну, ты прав, Николай, — согласились мои коллеги, с которыми я обсуждал свои планы. — Действительно, никто из нас не собирается в пустыни Центра, но ведь у тебя есть еще и соседи по общежитию.

Вернувшись к себе, я стал перебирать в памяти своих новых знакомых. Все они занимались либо физико-математическими, либо гуманитарными науками. Вряд ли стоило ожидать, что они заинтересуются природой пустынь. И все же я решил побеседовать с некоторыми из них. И не напрасно! Выяснилось, что румынский стажер-физик Василь Морариу давно мечтал попасть в глубинные районы Австралии, он даже собирался присоединиться к какой-нибудь экспедиции. Кроме физики Василь живо интересовался бытом австралийцев, много ездил по окрестностям Канберры. Он готовил книгу о двух годах, проведенных им в Австралии. Уже и название было придумано: «Южный Крест».

Поэтому мне не стоило труда уговорить Василя присоединиться ко мне в роли завхоза. Он обещал помогать мне во всех делах — сборе и учете животных, в их ловле, фотографировании; не пугали его и тяготы, неизбежные в подобном путешествии.

Василь оказался хорошим товарищем, добросовестным помощником. Он был всегда энергичен, неутомим и жизнерадостен. Конечно, выпадали и такие дни, когда мы оба до предела уставали. Но это вознаграждалось богатством и новизной впечатлений. К сожалению, ни его, ни мой родной язык не могли служить нам средством общения: я совсем не знаю румынского, а Василь учил русский в школе, но говорить на нем так и не научился. Поэтому нам пришлось общаться на английском. Любопытно, что за два месяца путешествия у нас обоих заметно ухудшилось произношение и уменьшился словарный запас английского языка. Не подкрепляя фонетику и лексику постоянным контактом с носителями литературного языка, мы постепенно «опустились» до уровня пиджин-инглиш — примитивного жаргонного диалекта. Эпизодические встречи и беседы с шоферами, фермерами, безработными абор-

ригенами еще более укрепляли нас в этом — ведь жители австралийской глубинки используют в общении простой и крепкий жаргон, могущий шокировать «благородный» слух. Но если вникнуть в дух этого языка — он хотя и прост, но точен, образен, меток и полон сочного юмора.

Дорога от Канберры до Аделаиды была мне уже знакома по прошлой поездке на остров Кенгуру, и новое путешествие началось, когда мы от Аделаиды повернули на север. С каждым десятком километров ландшафт становится все более засушливым, и вот, уже проехав городок Порт-Огаста, мы увидели настоящую щебнистую пустыню, поросшую редкими кустарниками. Мы отправились в путь в конце апреля, когда в Южном полушарии наступила осень.

Большинство кустарников сбросило листву, и это усугубляет впечатление безжизненности ландшафта. Асфальт кончился, и пыльная грунтовая дорога ведет нас на северо-запад, лениво, будто нехотя, извиваясь меж невысоких пологих холмов и озерных котловин. Будто манящая влага, сверкает белизной под лучами солнца соляная корка, сковавшая дно высохших озер. Конечно, и после редких здесь дождей, когда котловины ненадолго заполнятся водой, жажду ею не утолишь — вода будет горько-соленой.

Оглянувшись, видим за собой густой шлейф пыли, но тут встречная машина заставляет на минуту-другую окунуться в серое облако ее шлейфа.

Пыль проникает к нам в кузов, оседая на руках, лице, одежде, во рту, и скрипит на зубах.

Но к нашему удовольствию, встречных машин становится все меньше, и все реже случаются пылевые ванны.

Увидев, что дорога совсем опустела, я решаю по просьбе Василя дать ему уроки управления «лендрровером».

Вначале нужна теоретическая часть, и я говорю моему спутнику:

— Пожалуйста, не делай всего того, что делаю я, а именно: не едь по правой стороне дороги, не глазей по сторонам, не держи «баранку» одной рукой, не высовывайся по пояс из окна, если увидишь ящерицу или змею, не открывай дверь на ходу и так далее и тому подобное.

Василь старается следовать моим советам, и я надеюсь, что из него получится неплохой водитель. Через каждые де-

сять — пятнадцать километров попадают остовы брошенных автомашин. Они, наверное, не первый год ржавеют в пустыне, а некоторые используются как рекламные щиты. Особенно запомнился кузов автомобиля, на котором белой краской был выведен оптимистичный призыв: «Enjoy Mildara brandy today!» (Насладись сегодня же бренди Милдара!)

Попадают гигантские серые кенгуру. Они стараются держаться подальше от дорог, и вскоре становится ясным почему. Оказывается, фермеры, не сдерживаемые здесь никакими ограничениями, убивают животных, если те появляются на расстоянии ружейного выстрела. Время от времени мы видим на дороге трупы этих крупных и красивых животных. Осмотр показал, что они, как правило, не задавлены, а застрелены. Кстати, наскочив на гигантского серого или рыжего кенгуру, можно и перевернуться. Поэтому во избежание автомобильной катастрофы многие водители укрепляют перед мотором решеку из водопроводных труб, которая так и называется — *sangaoo bar* (решетка от кенгуру).

Крохотный поселок Кингунья состоит из трех десятков домов, заправочной станции и магазинчика. Группа аборигенов, которые живут здесь оседло, собрались в магазине и слушают песни в стиле «кантри», записанные на магнитофонную ленту.

К закату солнца мы уже в городке Кубер-Педди. Здесь добывают опалы. Вся местность вокруг поселка изрыта большими и малыми ямами, в которых трудятся, а часто и живут добытчики полудрагоценного камня. Кстати, само название «Кубер-Педди» на языке аборигенов означает «яма, вырытая белым человеком».

Ночевка в пустыне недалеко от дороги доставляет громадное удовольствие. В сухом русле небольшого ручья, под кроной эвкалипта, который достает своими корнями грунтовые воды и потому сохраняет зеленую листву, мы разводим костер, варим кофе и слушаем ночные звуки. После дневной жары вечер приносит прохладу. Темнота обступает со всех сторон, и из пустыни доносятся голоса птиц, стрекотание саранчовых. Над головой пролетает какая-то птица, на свет костра подлетают бабочки, жуки. Они падают у самого пламени и начинают ползать в световом круге. Тишина зачаровывает нас.

Наутро продолжаем путь. Ландшафт становится разнообразнее — щебнистая пустыня сменилась песчаной. По сторонам дороги появляются песчаные гряды, а между ними в понижениях зеленеет растительность. В таком зелено-красном обрамлении мы и движемся до границы штата Южная Австралия и Северной Территории. Она обозначена двумя большими щитами. Встречных машин почти нет. Они попадаются так редко, что водители на радостях приветствуют нас взмахом руки, а иногда и останавливаются, чтобы обменяться новостями.

Пока мы переживали торжество въезда на Северную Территорию, Василь случайно поставил красную ручку демультипликатора в нейтральное положение. Не заметив этого, я попытался тронуться с места, но безуспешно. В чем дело? Я осмотрел всю машину. Хотел уже обращаться за помощью, но, к счастью, не было ни одной встречной машины, и мне удалось самому найти причину «поломки». Василь был смущен и обещал больше не трогать никаких ручек без спроса.

УЛУРУ И КАТАЮТА

Миновав поселок Кулгеру, мы повернули на запад. Основная трасса ведет дальше, на Алис-Спрингс, но наша цель — обследовать национальный парк Айерс-Рок. К вечеру мы оказываемся у въезда в этот парк и читаем надпись: «No camping beyond this point» (За этим пунктом разбивать лагерь запрещено).

Проснувшись до восхода солнца, мы трогаемся дальше. На горизонте неожиданно, как некое чудо, возникает подобие странного гигантского существа, лежащего на песке, похожего на кита среди морских волн. В лучах восходящего солнца Айерс-Рок кажется нежно-розовым. Но проходит еще полчаса, солнце поднимается повыше, и гора становится красновато-рыжей. Хочется непрерывно снимать и снимать, чтобы запечатлеть это удивительное творение природы во всех оттенках и ракурсах.

На маленьком четырехместном самолете, который взлетает с местного аэродрома, мы в течение получаса рассматриваем с высоты птичьего полета и Айерс-Рок, и расположенный

поодаль другой не менее причудливый монолит — Маунт-Ольга, или Катаюта. Сделав несколько виражей, летчик рассказывает нам об особенностях монолитов, об истории национального парка, обращает наше внимание на ущелья и пещеры, образовавшиеся в результате ветровой и водной эрозии.

Пролетая над гребнем Айерс-Рока, замечаем тропинку и фигурки людей, карабкающихся по спине этого рыжего «кита». У подножия горы неожиданно блеснуло зеркало воды. В тени деревьев прячутся небольшие водоемы, до которых не добирается солнце пустыни.

Маунт-Ольга своим силуэтом напоминает мусульманский город с куполами мечетей. Маунт-Коннор — останец, расположенный еще дальше — ровный, как стол, с обрывистыми краями.

Самый высокий из этих горных массивов — Маунт-Ольга: он вздымается над равниной на пятьсот сорок пять метров. Айерс-Рок имеет высоту триста сорок девять метров, а подножия этих гор лежат на высоте пятьсот десять метров над уровнем моря.

Чтобы дать нам возможность лучше осмотреть удивительные природные образования, летчик закладывает такие виражи, что мы буквально валимся друг на друга, но зато удается сделать уникальные снимки.

Но вот мы на земле. Поблагодарив пилота, отправляемся к месту подъема на Айерс-Рок. Проезжая вдоль подножия горы, видим обрывистые склоны, испещренные живописными узорами и трещинами. То и дело попадаются ущелья и пещеры, названия которым дали аборигены. Еще несколько десятков лет назад вокруг этого монолита в пещерах жили их племена. Они использовали воду скудных источников, сохраняющихся здесь в тени скал, и обожествляли самое могучее творение природы. В начале тридцатых годов аборигенов переселили в резервации, где они находятся под присмотром ретивых миссионеров. Как память об исконных обитателях этих мест остались лишь названия. Их удалось сохранить для потомков благодаря деятельности первого куратора национального парка Айерс-Рок Билла Харнея. Прибыв на «место работы» в 1958 году и поселившись в палатке у подножия Айерс-Рока, Билл отыскал в одной из резерваций двух стариков аборигенов, которые родились и жили здесь до того, как их выселили.

Вместе со старожилками Билл в течение многих дней обошел, обследовал и описал все пещеры и другие достопримечательности Айерс-Рока. Долгими вечерами у костра он слушал рассказы, легенды и песни аборигенов. Спутниками Билла в его походах были аборигены Какадека и Ималунг по прозвищу Генри Большая Нога. Они раскрыли Биллу Харнею — простому, доброму и любознательному человеку — свои сердца и души, поведали об истории племен, населявших эти места, открыли ему названия многих пещер и смысл древних мифов и верований.

Теперь уже нет ни Билла, ни двух последних аборигенов, хранивших в памяти вековое наследие предков, и только счастливая случайность, которая свела их вместе у походного костра, сохранила для нас удивительную и романтическую историю племени улуриджа, населявшего окрестности священной горы Улуру — так называли Айерс-Рок аборигены.

Какадека и Ималунг рассказали Харнею предание о том, что в водоеме, называемом теперь Мегги-Спрингс, жил священный водяной питон Ванамби, хозяин горы, а на крутом скалистом склоне обитал Нингери — черный варан. Билл узнал, что в пещере Вориаки, куда женщинам входить запрещалось, старейшины исполняли древний обряд: кровью из своих вен они обновляли рисунки на стенах, созданные первыми героями племени. Пещеру Буллари, у входа в которую лежит огромный камень, посещали женщины перед тем, как родить ребенка.

Глубокую пещеру, прорезающую скалу поперек у подножия, аборигены называли «Перерезанное горло», а высокую округлую — «Сумка кенгуру». Поперечная расщелина, похожая на раскрытый рот, получила название «Улыбка». Глубокую овальную пещеру ее обитатели прозвали «Звучащая раковина». Длинная, выступающая на склоне часть скалы именовалась «Нога эму». Вдоль крутого склона отслоился ровный кусок скалы длиной более ста метров, который аборигены называли «Палка для рытья», а белые пришельцы переименовали в «Хвост кенгуру». На высоте тридцати метров скала будто покрыта причудливым узором, рисунок которого похож на поперечный срез мозга. Аборигены так и называли это место — «Мозг».

А вот и подъем на Айерс-Рок. Лишь с одной стороны горы можно подняться на ее гребень. Все остальные склоны слишком круты и обрывисты. У ведущей вверх тропы — щит с грозным предупреждением: «За увечья и гибель посетителей администрация парка ответственности не несет».

Подъем действительно нелегок, на особо крутых участках приходится двигаться на четырех конечностях. В одном наиболее трудном месте в скалу вбита железная цепь, за которую необходимо держаться при подъеме и спуске.

Наконец мы на пологом гребне горы. Отсюда открывается великолепный вид на пустынную равнину и виднеющиеся на горизонте останцовые горы Маунт-Ольга и Маунт-Коннор. До верхней точки Айерс-Рока еще довольно далеко. Но путь к ней идет уже по пологой гребневой части. То и дело дорогу пересекают глубокие трещины, обширные «ванны» различной формы.

Остановившись на кратковременный привал, исследуем породы, слагающие Айерс-Рок. Подцепив несколько крупных, готовых отвалиться чешуй на теле горы, обнаруживаем беловато-серый кварцит. Лишь на несколько миллиметров поверхность породы как бы пропитана красными железистыми окислами кальция, господствующими в современной окружающей пустыне. А сами серые кварциты отлагались на дне кембрийского моря сотни миллионов лет назад, затем их слои были вздыблены вертикально горной складчатостью, разрушались волнами третичного моря, а позднее — дождями и ветрами. Так Айерс-Рок приобрел современный вид кварцитового вертикально-слоеного пирога на красном блюде песчаной пустыни.

Мы обнаруживаем пунктирную белую полосу, которая указывает направление, куда надо идти. Сначала мне показалось это неуместным: ведь нас окружала нетронутая, дикая природа. Но вскоре я понял, что без такой подсказки нам вряд ли удалось бы найти дорогу к вершине Айерс-Рока.

Особенно важен этот пунктирный указатель на обратном пути. Было несколько случаев, когда, взобравшись на гребень горы, посетители не могли затем найти дороги к пологому спуску. Они подходили то к одному, то к другому обрыву и были в полном отчаянии, на грани гибели от голода и жажды. Работникам национального парка пришлось организовать нес-

сколько спасательных экспедиций на вершину Айерс-Рока. Тогда и была проведена эта пунктирная полоса.

На верхней точке горы установлен каменный столб с бронзовой пластиной. На ней — карта Австралии, где указано местоположение Айерс-Рока — в самом центре материка. Каменный столб — пустотелый, в нем хранится книга для автографов посетителей. Мы расписываемся в книге.

Знакомимся с пожилым мужчиной в белой рубашке и шортах, который, очевидно, сильно устал после подъема и отдыхает недалеко от вершины. Он по профессии врач, приехал из Монреаля вместе с женой, которая ждет его у подножия горы. В шестьдесят пять лет ему очень трудно было карабкаться на вершину. Чтобы спуститься, он теперь нуждается в помощи, и мы предлагаем пойти вместе. На крутых участках приходится держать его за обе руки. Он с благодарностью говорит нам: «Мог ли я представить, что в такой глуши, на этой дикой горе меня будет поддерживать слева рука румына, а справа — русского». Внизу его встречает жена, а также работник национального парка, который вручает запыхавшемуся канадцу диплом «За покорение Айерс-Рока». Пока мы спускались, наш новый знакомый говорил печально:

— Да, видимо, это последняя гора, на которую мне пришлось взобраться.

Мы дружно подбадривали его:

— Кто знает, кто знает? Может, и еще придется...

Получив диплом, он стал гораздо бодрее и совершенно другим тоном заявляет:

— Это первая гора, которую я покорил.

Мы радуемся перемене его настроения и добавляем:

— И конечно, не последняя.

Наш милый канадец просит сфотографироваться вместе с ним на память. Он становится между нами и держит перед собой диплом о покорении Айерс-Рока.

Незадолго до заката мы отъезжаем на полкилометра от Айерс-Рока и наблюдаем, как постепенно в лучах заходящего солнца цвет монолита меняется от ярко-рыжего к более темному и наконец к пурпурному. В последних солнечных лучах, когда земля под горой уже темная, на фоне темно-синего неба кроваво-красная гора производит удивительное впечатление. Можно представить себе, как поражало такое зрелище корен-

ных обитателей этих мест. Постепенно краски темнеют, и гора как бы засыпает в нагретой за день молчаливой пустыне.

Ночная экскурсия по пескам приносит нам ряд интересных встреч. Сначала попадаетесь небольшая изящная змейка рыжей окраски с черными поперечными колечками. Она ядовита, но очень редко пускает в ход свои зубы, и поймать ее несложно. Из старой норки тарантула вылезает ярко-красный с темно-коричневыми пятнами геккон. На крепких тенетах между двумя кустарниками висит крупный длинноногий паук, сторожа ночных насекомых. Из норки выбегает песчаный тарантул. По песку проворно спешат за кормом жуки-чернотелки.

Утром, как бы в дополнение к ночным впечатлениям, в песках попадаются термитники двух различных типов и небольшие муравейники. Под валежником находим темно-бурого, покрытого шипами геккона. Небольшой дракон (как называют здесь ящериц семейства агамовых) пробежал через песчаную полянку и скрылся в норе. Нора оказалась неглубокой, через несколько минут «мини-дракон» выбежал на солнышко и дал себя сфотографировать.

Нас преследуют полчища кустарниковых мух, от которых неплохо спасает специальная сетка, но стоит приподнять ее и поднести к глазам фотоаппарат, мухи облепляют все лицо. Они вьются прямо перед объективом, мешая съемке.

В кустах у подножия Айерс-Рока фотографируем различных бабочек черных долгоносиков, которые расселись по веткам. Забираются до самых концевых веточек и муравьи.

На следующий день находим у подножия горы удивительно живописные пещеры. В некоторых из них закопченные потолки, рисунки аборигенов на стенах. Мы нашли рисунок змеи, ящерицы, изображение солнца. Хорошо видно, что рисунки старые, принадлежат коренным обитателям материка.

На северной стороне горы попадаетесь небольшой бассейн в гранитном ложе, по краю которого растет ярко-зеленая трава. В соседних кустах раздаётся нетерпеливый щебет. Стайка красноклювых ткачиков-астрильдов ожидает, пока мы отойдем от водоема. Как только мы удаляемся, они тут же слетаются к воде.

Можно представить себе, как ценили аборигены водоемы в бескрайней пустыне. Эти места были центром жизни во всей округе.

На поверхности скалы мне удастся обнаружить муравьев, у которых брюшко черное, а спина окрашена в рыжий цвет, точь-в-точь такой, как у поверхности скалы.

Забираемся в «Сумку кенгуру». Это обширный неглубокий грот, на потолке которого видны красно-бурые гнезда ласточек. Все они старые. Сейчас не время для гнездования. Близ этого грота — два водоема глубиной до полуметра и диаметром от двух до трех метров. Оба бассейна буквально кишат головастиками. Их здесь около трехсот. Значит, пустынные жабы выводят тут потомство.

В кустарнике снова видим гигантского паука, которого обнаружили прошлой ночью, изучаем строение его тенетной сети. Каждая паутина прочнее, чем нитка сорокового номера. Сам паук черноголовый, с белым брюшком и длинными коричневыми лапами. На этом же кусте прикреплен кокон, под паутиной лазают несколько малышей. Значит, нам встретилась самка.

Проехав около двадцати километров по плоской равнине, достигаем Маунт-Ольги. Вначале обследуем восточную сторону. Вспоминаем, что аборигены называли ее Катаюта («много голов»). Действительно, будто головы гигантских витязей в круглых шлемах торчат из земли. Характер эрозии здесь совсем иной, чем на Айерс-Роке. Нет причудливых, будто выеденных, пещер и гротов. Зато под одним углом по всем «головам» проходит ряд параллельных ложбин. Но с запада Маунт-Ольга выглядит иначе. Она напоминает Айерс-Рок, разрезанный на три ломтя. Именно с этой стороны мы наблюдали монолит в последних лучах солнца. Кроваво-красный цвет залил гору на несколько минут.

После заката солнца едем вдоль Маунт-Ольги с южной стороны. Обрисованный глубокими черными тенями, горный массив кажется в волшебном лунном свете спящим чудовищем, бока которого будто вздымаются при дыхании.

Полубовавшись некоторое время, выходим из машины и пробираемся к скале через каменные завалы и густые заросли: нужно взять образцы пород. Не гасим подфарники, чтобы потом найти «лендровер». Василь остается на полпути к горе, а я устремляюсь к загадочно светлеющим на фоне темного неба куполам. Одному бродить ночью вдоль мрачных скал с черными провалами пещер и жутковато, и приятно. Кажется,

вот сейчас из темноты появится силуэт аборигена с копьем и тушей кенгуру за плечами. Но, увы, всех обитателей здешних мест давно выселили в закрытые резервации. Холодом нежилого дома, оставленного хозяевами, веет от скал.

Весь склон горы сложен конгломератом, а вовсе не тем слоистым кварцитом, что мы нашли на Айерс-Роке. Крупные валуны и галька, хорошо обкатанные, как бы спаяны в прочную породу. Беру образцы валунов и цементирующей основы, а затем спускаюсь опять в непролазные заросли кустарников и спинифекса. Найдя Василя, пробираюсь с ним дальше на свет подфарников нашей машины.

В последний раз проезжаем мимо спящей громады Улуру, как называли аборигены Айерс-Рок. Он меньше Маунт-Ольги, но привлекательнее: Катаюта — это группа скал, а Улуру — единое целое, и потому воспринимается как ярко выраженная индивидуальность.

«Прощай, Улуру! Вряд ли увижу тебя еще когда-нибудь», — думаю я. Но... «we never know» (кто знает) — так говорят здесь при расставании.

Выехав рано утром, добираемся до Кертин-Спрингса, ближайшей бензоколонки. Заправщик — австриец лет тридцати пяти, здоровяк и балагур. Он живет здесь постоянно и очень доволен — Австрия кажется ему скучной страной. Родители не могут понять его восторгов. Ведь сын пишет им, что ближайший пивной бар расположен в ста с лишним километрах, а кругом расстилается пустыня. Но он любит простор, да и в городке Алис-Спрингс целых три бара, куда же больше?

День становится все жарче, мухи лезут в глаза, рот. Надеваем сетки — просто спасение! Новая дорога местами спрямлена, рядом видны участки более извилистой грунтовой дороги домашнего века. Она живо напоминает времена, когда первые переселенцы передвигались на повозках, запряженных волами, лошадьми, на верблюдах, а то и пешком. Невдалеке от дороги кружат три черные вороны, высматривая падаль. Однако в самое пекло, когда мы остановились на отдых, вороны садятся близ дороги и прячутся в тени кустов. Да, в их черных «смокингах», наверное, можно изжариться на солнце.

Впереди над ровной линией горизонта появляется темный зубчатый гребень, который по мере приближения становится все выше. Наконец взгляду открывается земляной вал длиной

метров двести и высотой с трехэтажный дом. Сворачиваем с дороги и по едва заметной колее подъезжаем к нему. Находим проезд и оказываемся в кольцеобразном тупике. Вокруг — горы выброшенной земли, глыбы породы. Все это начинает зарастать кустами. Создается впечатление, что когда-то здесь работали мощные бульдозеры и экскаваторы, готовя площадку для большого цирка. На самом же деле мы находимся в центре падения крупного метеорита. С гребня главного кратера поодаль видны несколько воронок поменьше — очевидно, метеорит перед ударом о землю распался на несколько кусков. Судя по очертаниям выброшенной породы, природная катастрофа произошла в середине прошлого века. Вероятно, свидетелями этого события были жившие в пустыне аборигены.

Дальнейший путь на север, в сторону Алис-Спрингса, пролегает по песчаной пустыне, местами пересеченной речными долинами с ярко-зеленой растительностью. Большинство долин — сухие.

Мы приближаемся к «столице» Центральной Австралии, и дорога становится более наезженной, чаще попадаются встречные машины. В долинах рек пасутся стада коров. Окрестности Алис-Спрингса хорошо освоены.

В наступившей темноте неожиданно замечаем, что дорога загорожена огромным грузовиком. Пытаясь объехать его справа, Василь, сидящий за рулем, в последний момент в туче пыли разглядел стоящую рядом с грузовиком легковую машину с трейлером. Резко тормозя, глубоко врезаемся в песчаный бархан у обочины. Оказывается, водители грузовика и легковой решили обменяться новостями и распить пару банок пива.

— Можно было побеседовать, не занимая всю дорогу своими машинами, — укоризненно замечаю я.

— Ночью по пустыне надо ездить медленнее, тогда не придется сворачивать в бархан, — парирует собеседник.

— Мой друг еще учится водить машину, — поясняю я.

— Черт побери, этот парень не нашел лучшего места, чтобы учиться, — смеются водители.

Потратив полчаса на откапывание «лендровера» из песка и поделив с новыми приятелями наш скромный ужин, трогаемся дальше, и я сажусь за руль. Василию нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Перед самым городом выезжаем на асфальт, от которого уже отвыкли за последнюю неделю.

Близ дороги замечаем кинотеатр «драйв-ин» — для зрителей в автомобилях. С дороги хорошо виден гигантский экран.

Через ущелье невысокой горной цепи, входящей в систему хребта Мак-Доннелл, попадаем в межгорную долину, где укрыт от жаркого дыхания пустыни Алис-Спрингс. Город больше и живописнее, чем я представлял его себе. Ярко освещенная центральная улица, кафе, рестораны, магазины. На улицах много стареньких, обшарпанных машин и полевых работяг — «лендроверов» и «джипов», на решетках которых подвешены спереди брезентовые мешки с водой. В таких мешках вода остается прохладной в дороге даже при здешней жаре.

Мы минуем город и останавливаемся на ночлег в долине сухой речки Чарлз-Ривер, «впадающей» в не менее сухую реку Тодд-Ривер. Обе они заполняются водой лишь в редкие периоды дождей. Годовая сумма осадков составляет в этом районе всего двести пятьдесят миллиметров.

Наутро осматриваем город с холма Анзак-Хилл. Все десяти тысячное население размещается на четырех улицах, прижатых железной дорогой к правому берегу сухого русла Тодд-Ривер, и на трех «авеню» — по левобережью. В панораме города зелеными пятнами выделяются три парка, серыми глыбами залегли у дороги госпиталь и тюрьма, и манит на отдых мотель «Оазис».

Наше внимание привлекли две картинные галереи, принадлежащие художникам Рексу Баттерби и Гасу. В своем творчестве эти художники подражают выдающемуся пейзажисту-аборигену Альберту Наматжире, поэтому основная ценность их собраний — работы самого Наматжиры и его сыновей. Удивительные пейзажи пустыни, гор и речных долин в красно-синих тонах с причудливыми силуэтами белоствольных эвкалиптов. Такой видел свою родную природу талантливый художник-абориген, проживший всю жизнь в миссионерской резервации Германсбург, недалеко от Алис-Спрингса. В цветовой гамме его произведений слились воедино яркий художественный вымысел и реальная игра красок жаркого австралийского солнца.

Интересны также и картины различных художников, сюжеты которых навеяны мифами и легендами аборигенов, серии выразительных портретов жителей пустыни, бытовые зарисовки. Нашлось здесь место и фотовыставке, отражающей ис-

торию Алис-Спрингса: караван верблюдов, ведомый афганцем, повозка, запряженная волами, разбившийся маленький самолет, бунгало под соломенной крышей с надписью: «Отель» — с этого начинался город в конце прошлого — начале нашего столетия.

Рекс Баттерби, талантливый художник, посвятивший свою жизнь сохранению культуры и искусства аборигенов, радушно пригласил нас к себе и рассказал о школе Наматжиры.

Чтобы отдать дань уважения памяти замечательного художника, направляемся на городское кладбище, где похоронен Альберт Наматжира. На голом поле, без единого деревца — ровные ряды могил. К нашему удивлению, первые ряды пустуют, уставленные колышками с надписью: «Reserved» (Занято). Видимо, честолюбивым горожанам предоставлена возможность заранее обеспечить себе пребывание «на виду» и за последней чертой жизни. Недостает лишь столь обычного здесь в транспортном сервисе призыва: «Book ahead please!» (Резервируйте места заранее!)

Дальше могилы распределены по религиозному признаку: ряды англиканский, пресвитерианский, методистский, лютеранский, романо-католический. Знал бы Христос, сколь причудливо разветвится его вероучение!

Обойдя уже почти все ряды, мы не можем найти могилу художника. Обращаемся к высокому и полному меланезийцу, сидящему у входа, не знает ли он.

— Me mother know (Моя мать знает), — отвечает он на классическом пиджин.

К нам подходит пожилая женщина и, узнав, что Наматжира жил в резервации Германсбург, направляет нас в лютеранский ряд.

Прах Наматжиры покоится под бетонной плитой с выбитым на ней крестом и несколькими букетами увядших цветов. Принесенные нами цветы немного освежили скромную могилу выдающегося художника-аборигена.

Наутро, планируя дальнейший маршрут, заходим в местный научный центр и беседуем с географом Биллом Лоу о возможности пересечения пустыни Симпсона. Билл разворачивает несколько листов карт, на которых изображена в крупном масштабе эта песчаная пустыня. Преодолеть ее на машине можно только с северо-запада на юго-восток — по ложбинам

между высокими, почти непрерывными песчаными грядами. Биллу уже приходилось пересекать пустыню Симпсона, и он по памяти наносит желтым фломастером возможный путь. На главном листе, где нет никаких ориентиров, кроме песчаных гряд, он просто соединяет крайние точки карты прямой линией по диагонали и говорит:

— Примерно здесь.

Его коллега, принимающий участие в разговоре, берет у него из рук фломастер и проводит линию на пять километров восточнее:

— По-моему, скорее здесь.

— Но в общем, как попадете между грядами, поезжайте — все равно ни вправо, ни влево свернуть невозможно. Примерно через сто тридцать километров пески кончатся и начнется щебнистая пустыня. А дюны нанесены очень точно — по аэроснимкам. Правда... — Билл взглянул на легенду карты и усмехнулся, — аэросъемка проводилась в пятидесятом году, дюны могли с тех пор передвинуться.

После выхода на щебнистую пустыню на карте появляются пунктиры дорог. Ведя линию по ним, Билл комментирует:

— Эта дорога здесь обозначена, но ее не существует... Эту дорогу смыло два года назад... Эта дорога идет не прямо, а вокруг холма, совсем в другом месте... А насчет этой дороги я не знаю — ее могло смыть в последние дожди...

Меня такие объяснения приводят в восторг, а Василь, напротив, все более мрачнеет.

Я успокаиваю его:

— Не волнуйся, Василь, все равно впереди будет побережье океана — дальше не проедем.

Прощаемся с коллегами, пополняем запасы воды и топлива — и в путь. Впереди траверс пустыни Симпсона, впереди новые испытания и приключения!

ЧЕРЕЗ ПЕСКИ АРУНТЫ

С обеих сторон за окнами автомобиля высятся ярко-красные гряды барханных песков, лишенные растительности. А впереди до горизонта тянется широкая зеленая «дорога» — это поросшая травой межгрядовая ложбина. Такие ложбины

пролегают с северо-запада на юго-восток и могут служить наземной трассой через пустыню Симпсона, или Арунта, как ее называют аборигены.

Рядом со мной сидит пропыленный и обросший черной щетиной Василь Морариу. На легких участках пути он учится водить машину. Но сейчас, когда дорогу заменяет заросшая кочками колючей триодии ложбина, я не решаюсь доверить ему управление тяжелым «лендрровером».

Прошло уже почти три недели, как мы выехали из Канберры, и за это время нам удалось достичь самого сердца Австралийского континента. Мы проехали уже более двух тысяч километров, и из них более тысячи по пыльной грунтовой дороге — трансавстралийской магистрали, пересекающей материк от Аделаиды до Дарвина.

Теперь, запасшись крупномасштабными топографическими картами, мы совершаем траверс пустыни Симпсона, начав его из городка Алис-Спрингс и намереваясь выйти к одинокой ферме Андадо на другом краю безлюдного моря барханных гряд.

Сейчас начало мая — глубокая осень. Температура днем не поднимается выше двадцати пяти градусов. Яркое солнце припекает в середине дня. На небе почти нет облаков. Дождей уже давно не было, но злаки в межгрядовых понижениях еще зеленеют, используя сохранившуюся в почве влагу.

Если через три дня мы не выедем к ферме Андадо, то сотрудники научного центра в Алис-Спрингсе свяжутся с фермером по радио и будут искать нас с помощью самолета. Но пока все идет благополучно.

Изредка попадаются небольшие рощицы или отдельно стоящие акации малга, изящные, прямоствольные, с прозрачной серовато-зеленой кроной. С одного такого дерева слетает небольшая стайка волнистых попугайчиков — тех самых, без которых не обходится ни один наш зоомагазин. На земле предков эти яркие длиннохвостые птички имеют лишь один вариант окраски: все они изумрудно-зеленого цвета. Это уже птицеводы в Европе развели синих, белых и желтых.

Два черных пустынных ворона медленно летят над ложбиной, обследуя местность в поисках случайной добычи. Из густых куртин триодии вспархивает стая розовых какаду, крупные хохлатые птицы делают круг и снова опускаются на землю.

Быстро, легко и стремительно пролетают над самой землей две крошечные бриллиантовые горлицы.

На очередной остановке мы обследуем растительный покров пустыни. Приятно размяться после жесткой езды по бездорожью. Под ногами удивительный ярко-красный песок, сыпучий и мелкий. Такую своеобразную окраску придает ему пленка окислов железа, покрывающая каждую отдельную песчинку.

Зеленый покров в ложбине разрежен, им покрыто менее половины поверхности почвы. Основу составляет триодия Базедова, образующая мощные колючие куртины. Стоит положить ладонь на поверхность куртины — ощущаешь множество уколов. Да, вряд ли такой злак окажется съедобным для каких-нибудь домашних животных, кроме верблюдов. Между куртинами триодии видны и другие злаки, а также разнотравье. Ближе к подножию барханной гряды растительный покров становится все разреженнее, а на склоне ее видны лишь отдельные экземпляры зигохлэ, птилотуса и кроталарий.

По крутому склону, увязая в красном песке, вскарабкиваемся на гребень восьмиметровой гряды. Сверху открывается великолепный вид на безлюдный и безбрежный ландшафт. Зеленые ложбины, рассеченные выпуклыми рыжими спинами барханных цепей, тянутся параллельно. Ширина каждой из них достигает двухсот — трехсот метров. Склоны покрыты затыливой ветровой рябью, нарушаемой кое-где следами крупных темно-серых жуков-чернотелок и розовато-серых ящериц-драконов.

У основания бархана под куртиной видна маленькая воронка, из которой то и дело выбегают суетливые черные муравьи. А вот и «чудо природы» — ящерица-молох, покрытая сверху и с боков острыми, но на ощупь довольно мягкими шипами. Молох охотится на муравьев и вначале не замечает нашего присутствия. Мы выдаем себя упавшей на него тенью, и тотчас молох растопыривает лапы, выгибает спину, упирается мордочкой в песок, выставив вперед рогатый затылок. Такой оборонительный прием, возможно, смутит недостаточно смелого хищника.

Почти из-под ног вспархивает небольшой рыжеватый куличок — это замечательный австралийский зук, живущий в глубине пустыни, вдали от воды. Он быстро скрывается среди

травы, а мы, приглядевшись к ровной рыжей почве, замечаем оставленного птенца. Малыш еще не летает, покрыт бурым пухом, ему приходится затаиться, плотно прижавшись к земле. Сейчас он похож на небольшой камешек, лежащий на песке. При этом птенец не забывает строго ориентироваться по солнцу, повернувшись к нему спиной. В таком положении глаза его оказываются в тени и не выдают своим блеском присутствия птицы.

В ложине на плотном, слежавшемся песке замечаю стелющееся растение с серо-зелеными резными листочками и ярко-красными цветами, сидящими на длинных цветоножках. Каждый изящный цветок вооружен эффектной шпорой. Это пустынный горошек Стерта, и сейчас время его цветения. Встречается он на песчаных почвах во внутренней Австралии. Красочный облик этого растения невольно привлекает взгляд, и недаром оно служит эмблемой штата Южная Австралия. Однако открыто оно было на дальнем северо-западе материка. Пустынный горошек оказался одним из первых растений, попавших в Европу из Австралии.

За семьдесят лет до того, как знаменитый ботаник Джозеф Бэнкс смог посетить Австралию вместе с Джеймсом Куком и собрать свой уникальный гербарий, на северо-западном берегу Австралии высадился бывший пират Уильям Дампир. Этот человек, посвятивший молодость скитаниям по Атлантике и грабежу испанских и португальских судов, впоследствии направил энергию в более полезное русло и совершил три кругосветных путешествия, составив ценнейшие карты многих южных морей Пацифики. Во время одного из этих плаваний Дампир обследовал северное побережье Австралии, именовавшейся тогда Новой Голландией, и в 1699 году нашел там пустынный горошек, собрал его и засушил. Любопытно, что собранные бывшим пиратом растения сохранились до сих пор и украшают гербарий Оксфордского университета.

Имя Дампира запечатлено в научном названии пустынного горошка — *Clianthus dampieri*. Английское же название — *Sturts desert pea* — воскрешает в памяти имя другого отважного путешественника — Чарлза Стерта, который вновь нашел это растение через полтора века после Дампира на противоположной окраине его ареала. Отправившись в 1844 году из Аделаиды на север, он нашел и собрал пустынный горошек

в районе Брокен-Хилла. Эта экспедиция Стерта открыла для географов глубинные районы материка. Стерту удалось обследовать восточную часть пустыни Симпсона и убедиться, что в центре материка нет гигантского озера, как тогда предполагали.

Закончив описание растительности и сборы насекомых, собираемся трогаться дальше и неожиданно натываемся на следы, крупные, округлые, так хорошо знакомые всем, кто был в пустынях Средней Азии. Это верблюды! Взбежав на гряды, вглядываемся в направлении уходящих следов и видим вдали одинокую фигуру одногорбого верблюда, пасущегося в зеленой ложбине.

В памяти всплывают новые героические страницы исследования Австралии. Чарлз Серт не смог исполнить свою мечту — пересечь Австралию с юга на север. Отважный Роберт О'Харра Берк в августе 1860 года отправился из Мельбурна в глубь материка с караваном из двадцати пяти верблюдов, закупленных в Афганистане.

Ему удалось к февралю 1861 года пересечь континент и выйти на берег залива Карпентария. Однако на обратном пути, уже в мае этого года, герой вместе со своим спутником Уильямом Уиллсом погиб в глубине пустыни, оставшись без припасов и даже без верблюдов, которые раньше, чем люди, погибли, не выдержав тягот пути и голода.

В 1862 году другой исследователь, Джон Макдуалл Стюарт, без верблюдов благополучно пересек Австралию от Аделаиды до побережья Арнхемленда и вернулся обратно, причем именно Стюарт проходил где-то здесь, по окраине пустыни Симпсона. Нужно заметить, что он совершил этот выдающийся переход «с третьей попытки», после двух неудач — в 1860 и 1861 годах, когда накопил уже большой опыт пустынных экспедиций.

После Берка верблюдов неоднократно завозили в северные районы Австралии, используя как транспортное животное. К началу века их было здесь более шести тысяч, но затем автомобили оттеснили на второй план «пустынного вездехода», и брошенные верблюды одичали. Теперь одиноких бродяг, дальних потомков тех верблюдов, можно встретить в глубине пустыни.

Довольные впечатлениями, мы с Василем садимся в «ленд-ровер». Трогаемся с места, но через пятьдесят метров мотор

вдруг чихает и... глохнет. Наступает непривычная тревожная тишина. На щитке приборов еще полбака бензина. Обескураженные, выбираемся из кабины и лезем под капот.

Василь — специалист по ядерной физике, и помощи в починке мотора ждать от него не приходится. Но по крайней мере он поддерживает меня своим искренним сочувствием и неподдельной заинтересованностью. В десятый раз проверяю все узлы и детали, пытаюсь завести мотор — никакого результата. Утомившись от жары и ползания под «лендровером», сажусь на колючую куртину триодии. Собираем внеочередной «военный совет». Что делать? Ждать, когда через пару дней нас начнут искать с самолета? А вдруг они найдут нас и обнаружат, что в машине какая-нибудь пустячная неисправность? Вот уж будет позор! Пойти вперед пешком к ферме Андадо? Смотрим на карты. До нее еще больше сотни километров — по песку и по жаре!

Опять принимаюсь подкручивать, простукивать, продувать. И вот наконец-то повезло! Оказывается, забился песчаной пылью бензопровод от запасного бака.

Прочищаем его, и снова слышится мощный рев мотора!

На второй день после романтического ночлега под звездами в глубине пустыни мы видим впереди несколько домиков. Андадо! Но что это? Вокруг — ни души. Лишь черные вороны да горлицы оживляют безмолвный пейзаж. Ферма давно заброшена. Постройки уже изрядно поедены термитами. Только гора пивных бутылок за стеной главного здания не поддается челюстям этих неумолимых насекомых.

От заброшенной фермы начинается старая, но ясная колея. И вот через час езды на горизонте появляется большая ферма с загонами для скота, конюшнями, бассейном артезианской воды и даже... маленьким самолетом.

Нас радушно встречает сухощавый высокий мужчина с приветливым обветренным лицом, протягивает нам широкую огрубелую ладонь.

— Знаю, знаю, о вас мне по радио из Алис-Спрингса сообщали. Как дорога? — радушно приветствует он нас.— Мы в прошлом году с сыном тоже ездили этим путем в Алис-Спрингс.

Обмениваемся впечатлениями за крепким чаем, расспрашиваем о жизни в этой глуши.

— Мои родители жили на той старой ферме, которую вы видели. Но там плохо идет вода из колодца, и мы перебрались сюда, ближе к краю пустыни. Отсюда уже начинается малга-кантри¹.

— А зачем вам самолет? — спрашиваем мы.

— Стада у меня пасутся свободно, уходят далеко в пустыню, и когда приходит пора гнать скот в Аделаиду на продажу, то найти его нелегко. Раньше я искал их на мотоцикле, а теперь быстро нахожу стада с самолета. И еще... — усмехается фермер, — примерно раз в месяц такая тоска заедает в этой глуши, что я сажусь в самолет и лечу в Аделаиду. Выпьешь там с друзьями бочонок-другой пива, обменяешься новостями и анекдотами — как-то и полегчает.

Перед расставанием фермер идет в холодильник, где висят коровьи туши, и отрезает нам увесистую телячью ногу.

— Перед ночлегом пожарьте себе на костре, устройте аборигенное пиршество да вспомните добрым словом мой заброшенный уголок.

Поздний вечер. Мы с Василем сидим у костра, поджариваем телятину и вспоминаем наше путешествие. Глядя на пламя и с наслаждением вдыхая сухой ночной воздух, долго еще обсуждаем увиденное и пережитое в глубине австралийской пустыни.

ЗНАКОМСТВО С КИСТЕХВОСТЫМ ПОССУМОМ

Только вчера я вернулся из месячной экспедиции в Центральную Австралию, где пришлось проехать по пустынным дорогам и вовсе без дорог около восьми тысяч километров. Прохлада и мягкая зелень холмов, окружающих австралийскую столицу, так непохожи на палящий зной и кирпичную красноту пустынь Центра.

Впереди несколько недель, заполненных обработкой собранных материалов.

Закончив очередную страницу дневника, я стал разглядывать ночной пейзаж за окном моей комнаты. Окружающий университет парк погружен в полную темноту.

¹ Малга-кантри — ландшафт пустынного редколесья с господством акации малга.

Над вершинами деревьев мерцают яркие звезды. Вдали, в километре отсюда, светятся озаренные прожекторами коробки зданий административного центра Канберры. Свет настольной лампы выхватывает из темноты крону дуба с сухими коричневыми листьями и множеством желудей. Левее проступает в полутьме белый ствол эвкалипта.

В парках Канберры пестрое смешение местных декоративных деревьев и кустарников с экзотическими для этих мест породами из Европы, Азии, Америки. И вот сейчас, в середине мая (глубокой осенью), клены оделись в огненно-красную листву, ивы и тополя — в нежно-желтую, листья дубов стали темно-коричневыми, и лишь эвкалипты сохранили свой привычный серовато-зеленый тон, хотя крона их уже значительно поредела.

Уже первый час ночи, городок затих; только из центра доносится еще рокот запоздалых автомобилей. Прохладный ночной воздух (около пятнадцати градусов) струится в комнату через открытое окно. Вспомнился дом, Москва. Сейчас там пять часов вечера и, наверное, светит солнце, теплое и весеннее.

Закончив писать, я погасил настольную лампу. И тут же раздался грохот железной крыши и что-то тяжелое шлепнулось сверху в крону дуба. Закачались ветви, зашуршала сухая листва. Осторожно подойдя к окну, вижу темный силуэт зверя величиной с крупную кошку, быстро и ловко передвигающегося по гибким ветвям. Без труда узнаю в нем кистехвостого поссума. Это самка с большим детенышем, повисшим у нее под брюхом. Видимо, она долго ждала, пока я, наконец, погашу свет, чтобы без помех обследовать в темноте приглянувшееся ей дерево. Живо представляю себе, как зверек с нетерпением заглядывал через край крыши в мое освещенное окно и сердился на непредвиденную задержку с ужином. Взяв карманный фонарик, направляю его луч в крону дуба. Кружок света вырывает из темноты пушистую серую мордочку с розовым носом, большими треугольными ушами и удивленно-испуганными круглыми глазами. Заметив нежелательное внимание к своей особе, поссум быстро перебирается на противоположную сторону кроны. Теперь слышен только шелест листвы и хруст разгрызаемых желудей.

Весь следующий месяц, до самого отъезда на Большой Барьерный риф, я имел возможность наблюдать вечерами

за этим поссумом. День он проводил где-то на крыше дома, а на ночь спрыгивал вниз и методично, обследуя ветку за веткой, снимал урожай желудей. К середине июня детеныш уже перестал цепляться за мать и начал самостоятельно лазать по ветвям. Пристроив фотоаппарат на подоконнике, я сделал из окна несколько снимков с лампой-вспышкой, на которых запечатлел всю семью.

Однажды ночью обычно молчаливый поссум неожиданно поднял шум и возню на дереве. Ветви сотрясались, раздавалось громкое раздраженное шипение и фыркание. Оказалось, что в крону дуба забрался еще один поссум, привлеченный обилием желудей. Но хозяйка дерева, озабоченная сохранностью «провианта» для себя и своего отпрыска, энергично атаковала пришельца, и ему пришлось срочно ретироваться. Спрыгнув на землю, он большими прыжками убежал в глубь парка.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПОССУМОВ

Хотя история освоения Австралии изобилует примерами исчезновения или резкого уменьшения численности многих видов-эндемиков, тем не менее некоторые из них, напротив, нашли соседство с человеком весьма для себя удобным. Так, в частности, произошло и с кистехвостым поссумом, которого называют еще лисьим кузу или щеткохвостым поссумом. Этот зверек размером до полуметра, с длинным хвостом распространен почти по всей Австралии, а также на многих прилежащих островах. Его цепкие лапы с шершавыми подушечками и длинными острыми когтями позволяют ему вполне удобно чувствовать себя на ветвях деревьев. Большой палец на задней ноге резко противопоставлен остальным четырем, и при кормежке на дереве поссум часто висит вниз головой, ухватившись за ветку задними лапами, а передними захватывает плоды или нежную листву с нижней ветки. Хвост поссума покрыт пушистой черной шерстью только сверху, а снизу он голый и шершавый, так что служит пятой конечностью при лазании.

Шерсть у кистехвостого поссума пышная и мягкая от серебристо-серого или рыжеватого цвета до почти черного.

У пары поссумов типичной окраски может появиться детеныш черного цвета. Число меланистов (особей черной окраски) особенно велико в юго-западных районах материка — до двадцати процентов.

Заселяя практически все природные зоны и области Австралии, кистехвостый поссум проявляет исключительную экологическую пластичность. Этого зверя можно встретить повсюду — в высокоствольных эвкалиптовых лесах Юго-Востока, в густых низкорослых кустарниках южного побережья, в засушливых редколесьях внутренних областей и даже в пустынях Центра, где поссумы живут вдоль долин сухих и временных рек с отдельно растущими эвкалиптами.

Древесный образ жизни весьма характерен для кистехвостого поссума. На дереве он находит и корм, и спасение от наземных хищников; в дуплах он проводит дневное время, выстилая внутренность их сухой листвой. Но поссумов можно встретить и в безлесных местностях: за неимением подходящего дуплистого дерева они поселяются в нишах обрывистых речных террас и в норах кроликов. Поскольку австралийским фермерам не раз приходилось видеть кистехвостых поссумов выходящими из кроличьей норы, они сочинили небылицу, будто бы поссумы и кролики могут скрещиваться между собой.

Основное меню поссумов составляют листва, почки, цветы, плоды деревьев и кустарников, но они находят себе пищу также на земле, поедая различные травы и семена. Именно поэтому нередко приходится видеть, как кистехвостые поссумы не только перебегают от дерева к дереву, но и спокойно «пасутся» на лугу, довольно значительно удаляясь от ближайших деревьев.

Экологическая непритязательность поссума, умение приспособливаться к самым разнообразным условиям позволили этому виду успешно заселить быстро расширяющиеся антропогенные ландшафты с сочетанием вырубок, пастбищ, искусственных насаждений, садов и поселков. Сейчас кистехвостого поссума можно с одинаковым успехом найти как в соседнем лесу, так и на чердаке дома. Каждое взрослое животное охраняет свой личный участок, причем самцы владеют площадью до двух гектаров, а самки — участками поменьше.

Дважды в году: в марте — апреле и в августе — сентябре — поссумы спариваются. И уже через две-три недели происходят

роды. Перед этим самка тщательно обследует и вычищает сумку, а также вылизывает шерсть на пути детеныша к сумке. Крошечный новорожденный, голый и слепой, уверенно находит сумку и присасывается к одному из двух сосков. Хотя природа и предусмотрела два соска в сумке, но у кистехвостого поссума рождается лишь один детеныш.

Только через три с половиной месяца после рождения детеныш прозревает, но и после этого продолжает жить в сумке до четырех-пяти месяцев. Затем он покидает сумку и путешествует по деревьям, уцепившись за брюхо матери. Лишь в возрасте семи месяцев молодой поссум становится самостоятельным.

У поссумов немало врагов, которые могут поймать зверя на земле (динго, лисица), на ветвях дерева (клинохвостый орел) и даже в дупле (крупные вараны).

Кроме того, поссумы в течение многих десятилетий служили объектом пушного промысла, и в начале нынешнего века в Австралии добывалось ежегодно до двух миллионов зверьков. Их шкурки шли на международные пушные рынки под названием «поссум», «скунс», «бобр», «аделаидская шиншила». В одном штате Виктория в двадцатых годах добывалось ежегодно до полумиллиона кистехвостых поссумов. Когда в 1931 году был открыт сезон охоты на июнь и июль, за два месяца было добыто более восьмисот тысяч зверьков. Начиная с тридцатых годов этот вид был взят в различных штатах под полную или частичную охрану с ограниченным сезоном охоты или лицензионным отстрелом.

Во время пребывания на острове Кенгуру мне приходилось слышать жалобы фермеров на бесчинства поссумов в их садах. Зверьки объедают молодую листву, почки, цветы и фрукты на плодовых деревьях и кустарниках. Однако разрешение на отстрел определенного количества зверьков фермер может получить лишь в том случае, если инспектор управления охраны природы удостоверится в значительности ущерба.

Конечно, далеко не всегда фермеры обращаются за лицензиями в это управление, предпочитая расправляться с поссумами самостоятельно. Любопытно также, что фермеры обращаются за лицензиями по поводу «вреда от поссума» в основном зимой, когда шкурка у него хорошая, а плодов в садах

вовсе нет; летом же фермеры, напротив, отказываются от предлагаемых лицензий.

Совсем иное отношение к поссумам у городских жителей, которые чаще всего рады появлению милого и забавного зверь-ка в своем саду. Здесь кистехвостый поссум может не бояться соседства человека. Домовладельцы часто ставят на верандах или в саду кормушки, наполненные хлебом, яблоками, виноградом, и с наступлением темноты из-под крыши или из глубины сада появляется осторожной поступью толстый и пушистый гость с вкрадчивыми движениями и выразительными глазами. Он забирается на кормушку и, ловко хватая лакомые кусочки, передними лапками направляет их к себе в рот. В некоторых семьях кормление поссумов составляет неприменный ритуал после вечернего чая.

Меньшую известность приобрел кольцехвостый поссум, обитающий лишь в лесных областях Восточной Австралии. Это более изящный зверек размером до сорока сантиметров. Хвост его не так сильно опушен, как у кистехвостого поссума; к концу он суживается и покрыт на конце белой короткой шерстью. Нижняя сторона хвоста голая, что позволяет поссуму крепко держаться им при лазании по ветвям. Кольцехвостый поссум встречается и в нетронутых лесах, и в освоенных местах: садах, городских парках.

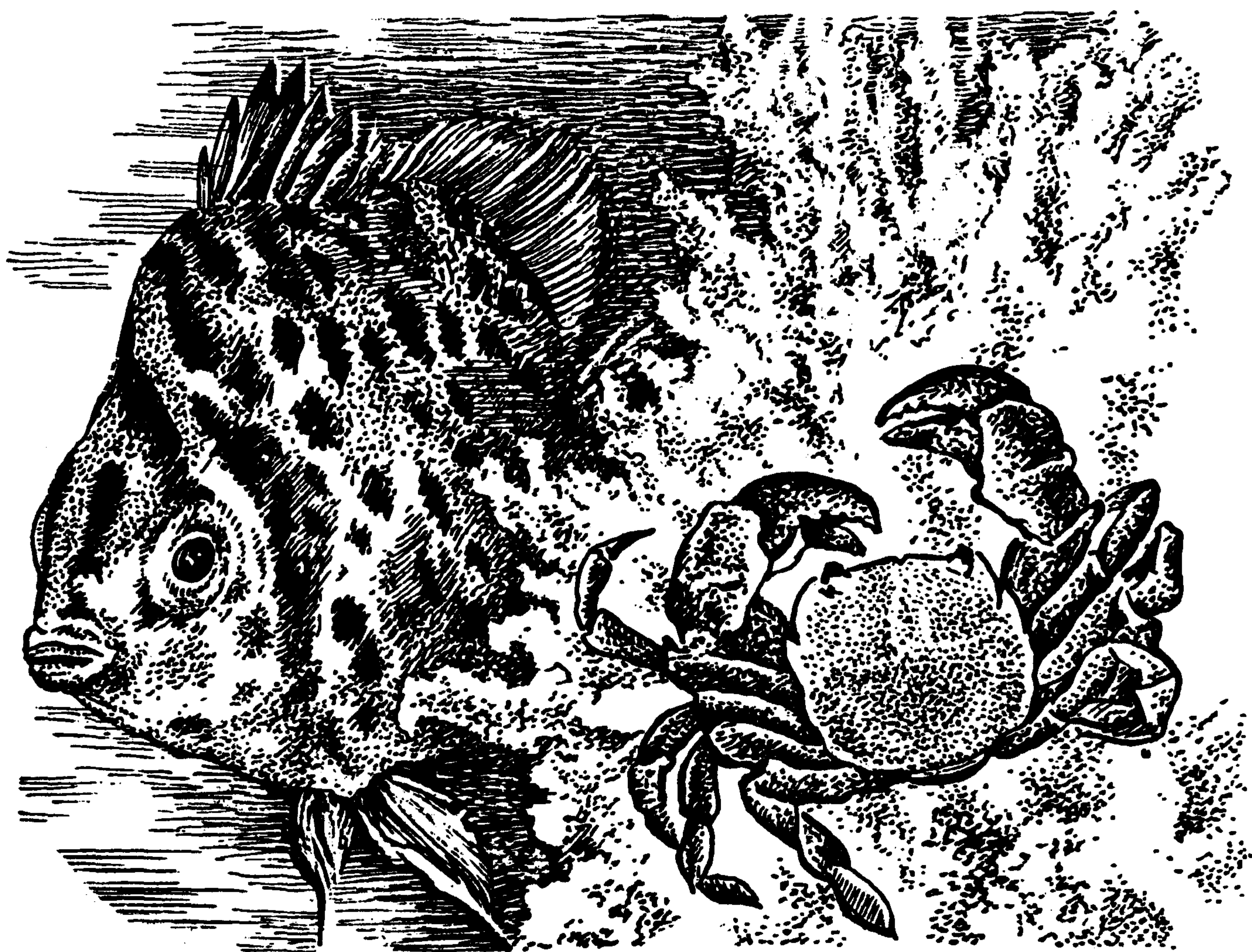
В отличие от кистехвостого поссума его меньший собрат строит шарообразное гнездо из веток и листвы на кустарниках и деревьях, иногда поселяется в дуплах и лишь изредка проникает в дома и на чердаки. В гнезде самка приносит двух детенышей, которые появляются на свет в январе, а в апреле уже покидают сумку. Затем детеныши еще около месяца путешествуют на спине матери, вцепившись лапами в шерсть и обхватив ее туловище цепким хвостом. Питается кольцехвостый поссум листвой, почками, бутонами и цветами эвкалиптов, а в садах — листьями и плодами фруктовых деревьев. Поэтому в некоторых районах этого поссума также считают вредителем садоводства.

В Мельбурне мне пришлось видеть семью кольцехвостых поссумов — самку и двух подросших детенышей — на подкормке в маленьком саду около дома. Кормушка была установлена на длинном, высотой около полутора метров, шесте под кроной дерева. С наступлением полной темноты семейство

поссумов появлялось из гущи крон, и каждый из них, повиснув на цепком хвосте вниз головой, выхватывал из кормушки лакомые куски. Хозяин рассказывал мне, что не обнаруживает никакого вреда от присутствия семьи поссумов в саду: зверькам достаточно пищи, которую кладут в кормушку.

На дорогах Тасмании ночью в свет фар постоянно попадают переходящие дорогу тасманийские кольцехвостые поссумы. Они заселяют окрестные леса, пастбища, сады. Из-за своей медлительности эти зверьки часто гибнут под колесами автомобилей. Несколько легко раненных и оглушенных машинами поссумов я подобрал на дороге, посадил в багажник и снабдил яблоками. Перед возвращением на материк я выпустил подлечившихся и окрепших зверьков в глухом лесу вдали от больших дорог.

Все виды поссумов взяты в Австралии под охрану, несмотря на то что они могут наносить некоторый вред садам. Научная и эстетическая ценность этих зверей бесспорно превышает приносимый ими вред. Можно надеяться, что благодаря охране поссумов сады и парки Австралии всегда будут населены этими красивыми сумчатыми животными.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОРАЛЛОВЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Ранним августовским утром большая шхуна с громоздким названием «Торрес-Стрейт-Айлендер» отчаливает от острова Терсди и берет курс на северо-восток, к самым северным островам Большого Барьерного рифа. Дует свежий восточный ветер, температура воздуха перед восходом солнца — двадцать один градус. На борту нас всего десять человек: шкипер с четырьмя матросами, четверо местных жителей, возвращающихся домой после отпуска, проведенного на острове Терсди, и я.

Цель моей поездки — ознакомление с работами по сохранению морских черепах. Сотрудник Австралийского национального университета доктор Роберт Бастард организовал на нескольких островах специальные фермы, где местные жители выращивают морских черепах до таких размеров, когда им уже не страшны морские хищники. Тогда подросших жи-

вотных выпускают на волю. Таким путем смертность молодежи морских черепах снижается до десяти процентов, а в природе гибель черепах достигает девяноста процентов.

Роберт Бастард, а попросту Боб, пригласил меня совершить с ним инспекционную поездку по черепаховым фермам. Нужно было проверить, в каких условиях содержатся животные, соблюдается ли режим кормления, смены воды и т. п. Ведь вся эта сеть ферм находится под эгидой Международного союза охраны природы, и Боб персонально отвечает за ее эффективность.

Боб остался на причале: у него еще есть дела на острове Терсди; завтра он догонит нас самолетом. Наш путь пролегает между холмистыми материковыми островами — это вершины гор, которые поднимаются со дна океана. Они расположены на опустившейся под воду окраине материка..

С восходом солнца ветер усиливается, волны начинают заливать палубу, пассажирам приходится скрываться в тесной каюте. Экипаж судна прячется от брызг позади каюты.

В полдень на горизонте появляется первый коралловый остров — Су-Айленд. В отличие от материковых коралловые острова лишь чуть возвышаются над уровнем моря. Издалека Су-Айленд выглядит ярко-зеленым пирогом на желто-белом подносе. Буйная зелень окаймлена пляжем из кораллового песка. Хорошо видна окраина рифа, окружающего остров: цвет воды с темно-синего меняется на светло-зеленый. Так обозначается рифовая отмель — «крыша» кораллового рифа.

Наша шхуна становится на якорь у края отмели, к берегу мы добираемся на моторной лодке. Из-за наступившего отлива даже моторка не может подойти к берегу — приходится проделать остаток пути по колено в воде, лавируя между острыми скелетами кораллов.

После короткой стоянки и обеда на Су-Айленде снова забираемся на шхуну и к ночи прибываем на остров Коконат. Этот коралловый островок сплошь засажен пальмами, мы спим на песке под мирный шелест листьев.

Еще до рассвета в прохладной темноте отправляемся в путь и к восьми утра уже достигаем острова Йорк. Это сравнительно крупный коралловый остров, здесь есть посадочная площадка для маленького самолета. На берегу нас поджидает Боб, прилетевший сюда вчера вечером. Здесь организованы

три черепаховые фермы. Одну из них содержит пожилой мужчина, другую — молодая девушка, а третью — толстый здоровяк средних лет, оказавшийся по совместительству единственным местным полицейским. Черепахи покрупнее содержатся в бетонных бассейнах, а мелкие — в старой ванне, в больших тазах. «Главное — дважды в день менять воду и давать свежий корм», — настойчиво объясняет Боб. Он показывает на несколько черепашек, пораженных грибковыми заболеваниями. Это произошло потому, что недостаточно часто меняли воду. Теперь их придется лечить, и Боб оставляет фермерам лекарственную мазь.

После обеда совершаем уже вместе с Бобом последний переход на шхуне к конечной цели нашего путешествия — острову Дарнли. Этот небольшой, но гористый островок был виден еще с Йорка. В северной части он более крут и покрыт лесом, а в южной — полого спускается к морю, склон там травянистый. Внизу видна открытая бухта с песчаным пляжем и широким коралловым рифом. Начался прилив, на лодке мы подходим к самому пляжу.

Нас встречает почти все местное население. Впереди вождь деревни в пурпурной тунике, завязанной спереди большим узлом, полицейский в зеленой форме и широкополой шляпе, учитель, священник и несколько старейшин в ярких туниках. Длину туники они меняют в зависимости от погоды или дальности прогулки — от «мини» выше колен до «макси» по щиколотки.

Живописная деревушка, окруженная кокосовыми пальмами и посадками бананов, гостеприимно курится дымом костров. По случаю прихода шхуны будет большой «кайкай» — праздничное пиршество.

На отмели у берега видны высокие квадратные загоны из бамбуковых жердей — это черепаховые клетки. Они установлены прямо на рифовой отмели, и проблема смены воды отпадает: она сама сменяется с очередным приливом. Зато в шторм бывает, что забор рушится, и черепашки обретают свободу раньше намеченного срока и становятся добычей хищных рыб.

Свою первую экскурсию я начал незадолго до заката солнца, вооружившись сильным фонарем и решив обойти остров кругом, пусть даже придется вернуться лишь к утру.

Белый песчаный пляж усеян обломками кораллов, раковинами, близ линии заплеска тянется полоса выброшенных водорослей. Среди разнообразных «даров моря» особенно поражает красотой формы раковина наutilusа — головоногого моллюска. Строгая симметрия хорошо отличает ее от асимметричных раковин брюхоногих моллюсков.

Местами песчаный пляж прерывается выходами черных скал, и на них буквально кишат мелкие черные сцинки. Поймать их невозможно: они молниеносно скрываются в расщелинах.

Быстро темнеет, приходится включить фонарь. В лучах света по песку разбегаются прозрачные песчаные крабы. Они держатся у самой кромки воды и с каждой волной отбегают повыше, но тут же сбегают вниз, когда волна откатывается и оставляет за собой мелких животных — желанную добычу крабов.

Неожиданно впереди появляется темная преграда — пляж сменяется зарослями мангров в илистой лагуне. С трудом перешагивая через дугообразные корни, пробираюсь через лагуну. Здесь, на илистом дне, обитают более крупные и темные крабы.

Из мангров поднимаюсь на склон и попадаю в тропический лес. Толстые стволы крупных круглолистных деревьев — пизонии и турнефорции перемежаются с прямыми изящными стволами длиннолистного пандануса, которые держатся на конусе из воздушных корней. К ветвям деревьев прилепились черные наросты — это поселения термитов. В сыром лесу они предпочитают жить повыше над землей.

Листья деревьев кое-где «сшиты» по два-три вместе в виде толстых пакетов. Это тонкая строительная работа тропических муравьев-экофиллов. Стоит потрянуть ветку, и из пакета сыплются прозрачные зеленые муравьи. Попав на голову, руки или за шиворот, они наносят болезненные укусы.

В подстилке раздается шуршание — крупные коричневые ящерицы сцинки выбегают из-под ног. На стволах деревьев, слившись с корой, застыли ночные ящерицы — гекконы. Между ветвями висит огромное колесо плотной паутины, а в центре ее — крупный и длинноногий паук нефила. На листве сидят большие черные тараканы и ярко-зеленые кузнечики. Переворачиваю валежник — несколько длинных, до пятнадцати сантиметров, сколопендр скрываются в подстилке. Под

другим сдвинутым бревном оказывается целая компания коричневых скорпионов с толстыми клешнями. На тонких ветвях среди листвы прячутся ярко-зеленые квакши.

Дневные экскурсии в лесу хотя и менее таинственны, но также богаты наблюдениями и впечатлениями. В кронах деревьев слышно воркование горлиц. На просветах по краям тропинки порхают красочные бабочки. У цветов тюльпанового дерева и гибискуса на опушке леса выются желтогрудые нектарницы, а над устьем маленькой речки ярким пятнышком проносится сине-зеленый зимородок. Из-под ног стремительно выскакивает полуметровый варан и пулей взлетает на дерево, скрываясь в кроне.

После завтрака местный учитель приглашает меня на рыбную ловлю. Пользуясь приливом, выходим в море на моторной лодке. Под нами «крыша» кораллового рифа, образованная мертвыми кораллами. Хотя сами кораллы не могут жить в теплой и бедной кислородом воде лагуны, жизнь на «крыше» пестра и богата.

Дождавшись отлива, я покидаю лодку, стоящую на якоре у внешнего края рифа и, пока учитель рыбачит, отправляюсь пешком по мелководной лагуне.

Повсюду видны черные и желтые «колбасы» — это голотурии, дальние родичи морских звезд. Движение их заметить невозможно, так медленно они ползут по дну. Но о направлении их перемещения можно судить по следу, тянущемуся за ними. Если дотронуться до голотурии, она выпускает из ротового отверстия белые клейкие нити. Так же медленно, как и голотурии, движутся по дну лагуны синие и красные морские звезды. Поразительно разнообразие брюхоногих моллюсков. Среди них особенно красивы моллюски рода ципрея, или каури. Мелкие молочно-белые каури прячутся целыми группами под обломками кораллов, реже попадаются крупные пятнистые каури. Особой осторожности в обращении требуют моллюски рода конус: их «нога» вооружена твердой роговой пилочкой. Стоит схватить конуса, как он высовывает свою пилочку и режет руку, внося в ранку сильный яд.

В тени крупных обломков прячутся длинноиглые ежи. Потрявоженные, они быстро забегают на другую сторону камня, шагая на своих длинных иглах. Собравшись перевернуть не-

большой обломок, я неожиданно обнаруживаю, что это рыба. Недаром ее называют рыба-камень: маскировка под облик замшелого камня превосходна.

Из укрытия выныривает небольшой осьминог и пытается улизнуть, но я успеваю подхватить его сачком, чтобы хорошенько рассмотреть и сфотографировать.

Возвращаюсь к лодке и, вооружившись трубкой и маской, плыву вдоль наружного края рифа, где стена его круто уходит в темную глубину. Здесь уже господство живых кораллов. Медленно парю в воде над фантастическим «садом», роль цветов в котором выполняют кораллы. На концах хрупких ветвей нежные розетки всех возможных цветов — розовые, белые, фиолетовые. В основание коралловых построек выросли крупные двустворчатые моллюски — тридакны. Их створки окаймлены ярко-синей бахромой. Внутри коралловых зарослей прячутся пестро раскрашенные рыбки, а над поверхностью рифа медленно бродят более крупные хищные рыбы — групперы, королевские окуни, макрели. Некоторых удается подцепить на крючок с насадкой из сардины.

В темной расщелине, извиваясь, скрывается змеевидная мурена. На глубине пяти метров вдоль коралловой стены проплывает морская черепаха. Медленно взмахивая передними лапами, она постепенно уходит вглубь.

После успешной рыбной ловли возвращаемся в деревню, где нас ждет Боб. С ним вместе мы проверяем работу девяти фермеров острова Дарнли. Особенным усердием отличается Тимото — пожилой островитянин, не жалеющий времени для ухода за своими питомцами. И черепахи у него самые крупные и красивые, с хорошо сформированным, гладким и блестящим панцирем. Скоро можно будет выпускать их на волю, и они поселятся среди окрестных рифов.

ПАПУАССКАЯ НЕДЕЛЯ

Пятого сентября просыпаюсь на борту шхуны «Мелдига», которая швартуется к причалу острова Терсди. Обратный путь с Дарнли занял два дня. Прощаюсь с капитаном и командой, и вот я снова на суше. Стая серебристых чаек кружится над побережьем, отыскивая случайный корм, выброшенный со

шхун. Солнечный день, на небе легкая облачность, ветер упруго и настойчиво дует с юго-востока. Парусная погода!

Завершаю организационные дела. На почте отправляю письма, а затем звоню в наше посольство в Канберру, сообщая, что я еще жив, здоров и направляюсь на Новую Гвинею, в Порт-Морсби. Слышно хорошо, будто из соседнего дома. Приятно после целого месяца «островной изоляции» снова услышать русскую речь.

В местной таможне получаю визу для въезда на Новую Гвинею. Офицер-таможенник, смуглый полный мужчина лет сорока пяти, в военной форме, с добродушным округлым лицом, говорит мне:

— Терпеть не могу этих длинноволосых хиппи. Они наводнили всю Австралию, а теперь пытаются проникнуть и на Новую Гвинею. Есть, к счастью, закон, по которому можно их не пускать туда. Но вы, — добавляет он, взглянув на меня, — совсем непохожи на этих волосатых молодых людей, поэтому вам я с удовольствием вручаю визу на Новую Гвинею. — Он протягивает мне оформленный документ.

В четыре часа мы погружаемся на маленькую моторную лодку и переправляемся на ней на Хорн-Айленд — там расположен аэропорт. На причале встречаю Боба Бастарда. Мы обмениваемся с ним впечатлениями: он только что прилетел с Йорк-Айленда и направляется теперь на Терсди, откуда я только что прибыл.

Далее автобусом едем в аэропорт через разреженный сухой эвкалиптовый лес с обилием светло-серых термитников в полтора-два метра высотой. Все они имеют четыре вертикальных ребра, ориентированных строго с севера на юг.

Это и есть знаменитые магнитные термитники. Конечно, обитающие в них термиты отличают стороны света отнюдь не по компасу и не по магнитному полю. Такая строгая направленность ребер объясняется тем, что именно при таком их положении термитник меньше всего нагревается в жаркие полуденные часы. Солнечные лучи скользят вдоль ребер, и нагревание поверхности термитника в этом случае, конечно, минимальное.

Самолет берет курс на Меипу. Летим мы сначала вдоль берега моря. Справа по борту исчезает остров Терсди, внизу открывается лесистое низменное побережье с полосой желто-

песчаного пляжа, с зарослями мангов и извилистыми темными лентами рек. Лес в долинах рек и по берегам озер сочно-зеленый, густой, а в междуречьях и на склонах холмов — серо-зеленый, сильно высохший за прошедший сухой сезон. Эвкалипты на междуречьях стройные, с высокими светло-серыми стволами, торчащими прямо из земли, которая покрыта высохшей травой и сухой листовой подстилкой. Кроны эвкалиптов округлые, приверхушечные, некоторые из них яркого светло-зеленого цвета. Это новая листва уже пошла в рост к началу дождливого сезона.

Перелет Меипа — Кернс — Порт-Морсби — и я оказываюсь на территории Папуа — Новой Гвинеи. Сейчас идет последний год фактического колониального владения Австралии. Получив мандат на опеку над восточной частью острова Новая Гвинея, Австралия пока называет ее формально своей «внешней территорией». Но уже идет подготовка к выборам в парламент, и фасады домов, витрины магазинов украшает новая эмблема, символизирующая независимость страны, — великолепная пурпурная райская птица¹.

В аэропорту оформляю напрокат маленькую машину и направляюсь в Управление по охране природы. Здесь я знакомлюсь с руководителем управления доктором Максом Даунесом. Это седой высокий мужчина лет пятидесяти, по внешнему виду — типичный английский джентльмен, подтянутый, с пышными седыми усами и бровями.

Макс Даунес проводит меня по большому питомнику-парку и заодно рассказывает о работе своего управления и об охране природы на Новой Гвинее.

В управлении работают три секции. Первая — по изучению крокодилов. Макс Даунес — специалист по крокодилам и, конечно, называет эту секцию в первую очередь. Вторая — занимается изучением биологии оленей, а третья — общим исследованием фауны. Вскоре должна открыться четвертая секция специально для изучения райских птиц.

— Ну а теперь я расскажу вам о своих любимых крокодилах, — усмехается Макс. — Вплоть до шестидесятих годов их

¹ Папуа — Новая Гвинея получила самоуправление 1 декабря 1973 года, а 16 сентября 1975 года была провозглашена независимым государством, входящим в состав Содружества наций.

здесь отстреливали самым жестоким образом. Вы помните, что у нас обитают два вида крокодилов: солоноводный, или гребнистый, и пресноводный, тот же, что и на побережье Северной Австралии. Вначале мы ввели контроль за отстрелом крокодилов, втрое сократив нормы продажи их шкур. Напомню заодно, что одна шкура крокодила длиной около трех метров стоит сейчас шестьдесят — семьдесят долларов. Основное место промысла крокодилов — область Сепик и река Флай. Именно в долине этой реки остаются еще популяции на уровне промысловых. Сейчас и покупка шкур у местного населения, и их экспорт проводятся только по лицензиям.

— А почему вы специально занимаетесь оленем, ведь это интродуцированный вид, завезенный на остров. Стоит ли уделять ему такое особое внимание? — спрашиваю я.

— Да, завезли яванского оленя еще голландцы в двадцатых годах нынешнего столетия. Они выпустили его в болотистых местах, к югу от реки Флай, и сейчас общее поголовье достигло семи тысяч. Вторая популяция яванских оленей держится в окрестностях Порт-Морсби, а в Маданге есть еще и небольшое стадо оленя-аксиса из Индии. Хотя это и интродуцированный вид, хотелось бы сохранить его и как объект охотничьего промысла, и как новый элемент местной фауны.

Сейчас к югу от реки Флай плотность населения очень невелика — в среднем всего один человек на квадратную милю, поэтому там вскоре будет создан национальный парк площадью около двух тысяч квадратных миль. На этой территории расположено десять деревень. Местные жители будут охотиться на оленей, казуаров, кабанов. Кстати, мясо казуаров очень вкусное и стоимость его доходит до четырех долларов за фунт.

Когда Макс говорит о казуаровом бифштексе, лицо его расплывается в улыбке. Видно, что это воспоминание приводит его в очень благодушное настроение.

— Какой же ландшафт в тех местах, где закладывается национальный парк? — интересуюсь я.

— В основном это примерно тот же сухой склерофильный лес, который вы можете видеть и вокруг Порт-Морсби, но благодаря крупной реке с притоками там очень много водоплавающей дичи.

— А чем же вы сами занимаетесь, Макс? Я понимаю, конечно, что крокодилами, но какие проблемы особенно вас сейчас волнуют? — возвращаю я Макса к его любимой теме.

— Моя работа — это изучение питания и роста крокодилов в районе Порт-Морсби. У нас создан недавно крокодиловый питомник на озере Мари. Там около восьмисот штук моих любимцев. Мы осуществляем проект фермы, которая будет отлавливать молодь в природе, а может быть, и выращивать ее из яиц. Пока что во внутренних водах острова плотность крокодилов еще высока. Это видно хотя бы по тому, что девяносто процентов дохода местного населения составляет торговля шкурами этих животных.

Сложнее обстоит дело с охраной райских птиц. Всего их на острове более тридцати видов, и многие из них стали очень редкими. Раньше этих роскошных птиц добывали главным образом на окраине леса. Охотники боялись проникать в глубину его: там была реальная возможность погибнуть от стрелы или копья. Но в последние годы охотники забираются в самые нехоженые места в поисках райских птиц.

Официально запрещено охотиться на райских птиц европейцам, а местные жители могут добывать их только при помощи лука или духового ружья. Горсть перьев райской птицы стоит сейчас десять — двадцать долларов, поэтому местные жители продолжают интенсивно охотиться на нее.

— Всемирный фонд охраны природы собирается выделить средства на исследование распространения, биологии и охраны райских птиц, — говорю я.

— Ну а пока что здесь введен штраф в двести долларов за попытку вывоза райской птицы, — отвечает Макс и добавляет смеясь: — Так что будьте осторожны, если повезете с собой райскую птицу, не забудьте иметь под рукой двести долларов.

Промысловыми животными оказываются даже... сорные куры. Групповые гнездовья этих птиц представляют собой уникальный источник для сбора яиц. Местные жители обычно сохраняют гнездо и берут из него лишь часть яиц, ведя таким образом рациональный промысел. В местах гнездования, например, одна деревня собирает до пятнадцати тысяч яиц в год с группового гнездовья. На северном берегу Новой Британии сорные куры откладывают тысячи яиц прямо в горячий песок у гейзеров.

Вожди племен и руководители деревень понимают, что нужно ограничивать промысел. Существуют деревенские законы, которые регулируют сроки и нормы сбора яиц. В частности, принято, что сбор может проходить только два дня в неделю.

Осматривая питомник, мы с Максом подходим к вольере с крокодилами. В одном отсеке содержится крупный самец, а в другом — несколько молодых крокодильчиков в возрасте двух-трех месяцев.

В большой вольере пасется изящный самец яванского оленя. Этот пришелец с острова Ява прекрасно прижился на Новой Гвинее, и теперь его здесь тщательно охраняют.

Особенно интересны местные виды сумчатых. Кенгуру доркас, обитающие во влажных, дождевых лесах, передвигаются по земле, опираясь на хвост.

Макс замечает:

— Посмотрите-ка, этот зверь использует свой хвост как палочку, не волоча его по земле, а именно опираясь на него.

После осмотра питомника Макс приглашает меня к себе на обед. Он живет в просторной вилле с обширным садом. Дома у него все обставлено и заведено точно так же, как у типичных австралийцев где-нибудь в окрестностях Сиднея или Мельбурна. Чувствуется, что хозяин тщательно старается сохранить весь образ жизни, к которому он привык, живя на материке. Макс предлагает мне остановиться у них, но я ссылаюсь на то, что меня ждет номер в гостинице, и прощаюсь с любезными хозяевами.

Макс Даунес дарит мне на прощание большую книгу. Это составленная им всемирная библиография по крокодилам. Ему удалось собрать все известные литературные источники по этой группе животных. Макс, вручая мне эту книгу, особо отмечает:

— Я искал также литературу о крокодилах и на русском языке.

— Есть лишь немного работ по морфологии крокодилов. Дело в том, что в нашей стране крокодилы не водятся, и я знаю единственного советского специалиста — это Николай Николаевич Иорданский. Он работает в Московском университете и изучает строение черепа крокодилов.

— О, это очень интересно, я не слышал об этих исследованиях. Очень прошу вас — напишите мне фамилию и адрес этого ученого. Я обязательно свяжусь с ним, чтобы узнать о его работах. Но вы знаете, мне удалось найти две другие работы по крокодилам русских авторов,— говорит Макс.

— Какие же? — с удивлением спрашиваю я.

Макс быстро перелистывает свою книгу и с гордостью показывает мне:

— Смотрите, вот это, несомненно, русский автор. Я заглядываю в книгу и читаю: «Ф. Достоевский. Крокодил».

— Мне придется вас разочаровать, Макс. Это не исследование по крокодилам, а художественное произведение, ведь Достоевский — наш выдающийся писатель.

— Ну, тогда вот — посмотрите, я нашел еще и периодическое издание, которое выходит в вашей стране. К сожалению, мне никогда не удавалось видеть самого этого журнала. Посмотрите — журнал «Крокодил». О чем же пишут в этом журнале? — спрашивает Макс.

— О, этот журнал я вам обязательно пришлю. Это очень интересный и веселый журнал, но в этом случае ваш любимец выступает в виде аллегорического существа, которое служит символом сатиры и юмора. Мы так и говорим — зубаст, как крокодил.

— Вы сделали существенный комментарий к моему списку литературы,— смеется Макс.— Теперь я буду знать, о чем пишут в этом журнале, и не буду ссылаться на него при подготовке работ по реальным крокодилам.

С Экой Порафаэ я познакомился случайно. Выйдя из почтамта на одной из центральных улиц Порт-Морсби, я огляделся и в раздумье остановился, решая, куда лучше пойти, так как мне предстояло сделать сразу несколько срочных дел. В это время около меня остановился молодой человек лет тридцати, с приятным умным лицом, одетый в белую рубашку, коричневые шорты, но босиком. Его внешность была очень располагающей, лицо интеллигентное, высокий лоб с залысинами, большие карие глаза и добродушная улыбка.

— Не нужна ли вам помощь или совет, сэр? — спрашивает меня незнакомец.

— Пожалуй, да,— отвечаю я.— Подскажите мне, как пройти к Управлению сельского и лесного хозяйства?

— Я сейчас свободен и могу проводить вас,— говорит мой новый знакомый и протягивает руку для приветствия:— Меня зовут Эка Порафаэ. Я живу в окрестностях Порт-Морсби, а работаю здесь, в самом центре.

— Очень приятно,— отвечаю я.— Меня зовут Николай. Я тоже живу довольно далеко отсюда, но сейчас по служебным делам приехал сюда.

Вместе с Экой мы находим мою машину, которую пришлось оставить на соседней, менее загруженной улице, садимся в нее, и он показывает мне дорогу сначала в одно, а затем и в другие учреждения, которые я должен сегодня посетить. У моего нового приятеля оказался свободный день, и он готов сопровождать меня всюду. Приветливость и добродушие Эки очень располагают к нему. Он хорошо говорит по-английски и не спеша, с легким юмором рассказывает мне о своей жизни.

Раньше Эка работал в департаменте рыболовства. По заданию этого департамента он объездил всю Новую Гвинею. В разных районах острова ему приходилось рыть водоемы для рыб. Основные разводимые в искусственных водоемах рыбы — это золотой карп, завезенный из Индонезии, и тилапия — уроженка Нила.

Работа была интересная, но зарплата слишком маленькая. Платили всего пять-шесть долларов в неделю. А у него уже немалая семья — жена и трое детей.

— Мы жили раньше в деревне,— говорит Эка,— но мне показалось, что там я не смогу дать образование своим детям, хотя самому мне и удалось выучить английский и устроиться на государственную службу. Дети же, живя в маленькой деревушке, где в хижинах нет ни воды, ни электричества, а жители говорят только на своем местном наречии, не смогли бы получить образования. А ведь они должны принять активное участие в новой жизни, которая сейчас откроется перед всеми нами, когда наша маленькая страна добьется независимости. Поэтому я и решил переехать в Порт-Морсби. Конечно, мне не удалось поселиться в центральной части города: здесь живут только белые, но на окраине города сейчас построены государственные дома. Они очень примитивны. Это просто однокомнатный домик на сваях, но в нем есть электричество и вода. Стоит такое жилище немало. В неделю мы платим за него шесть долларов. Сейчас я устроился работать в фотола-

бораторию и получаю тринадцать долларов в неделю. Мне одному было бы трудно снимать такой дом, потому что тогда от зарплаты останется слишком мало на питание и одежду для семьи. Поэтому я пригласил из своей деревни брата с женой и маленьким ребенком. Уговорил его, что жизнь даже на окраине Порт-Морсби все-таки предоставит нам больше возможностей для интересной работы и для воспитания детей. И вот мы с братом сняли этот государственный дом на двоих, каждый вносит в неделю по три доллара. Правда, сейчас у нас живет еще один друг с женой, но он приехал к нам в гости, и поэтому, конечно, денег мы с него не берем.

— А велик ли по площади ваш домик? — спрашиваю я.

— Не так уж мал. Общая комната метров двадцать пять. Мы ее поделили на четыре части. В трех живем мы тремя семьями, а четвертая — столовая, или, можно сказать, гостиная. А не хотите ли поехать к нам в гости на ужин? — приглашает Эка.

Меня так заинтересовало описание этой жизни в государственном доме, что я соглашаюсь посетить моего нового знакомого. Выезжаем за пределы центральной части города, где административные здания чередуются с виллами и коттеджами австралийцев. Попадаем в пригородную часть столицы — здесь уже лепятся друг к другу деревянные хижины, покрытые листвой и приподнятые над землей на длинных сваях. Мы видим на обочине двух старушек, которые несут тяжелые бидоны с водой. Эка просит меня остановиться — оказывается, это его тетушки.

Мы знакомимся. Веселые тощие старушки, жующие красную жвачку — бетель, хлопают меня по плечу и восклицают: «Гуд, гуд!» Больше по-английски они, кажется, ничего не знают. Им нужно нести воду к своим хижинам, которые расположены далеко от водоема. Я предлагаю подвезти тяжелые бидоны. Ставим их в багажник, тетушки забираются на заднее сиденье, и мы направляемся в гору.

С трудом лавируем по узкой крутой улочке между свайными домами и наконец подъезжаем к той самой хижине, где живут тетушки Эки. Навстречу выбегает множество ребятишек, которые с радостными криками облепляют машину, помогают вытащить из багажника бидоны и дружно тащат их к дому. Распрощавшись с нашими спутницами, быстро спускаемся

вниз, к основной дороге, и вскоре добираемся до жилища Эки Порафаэ. Это небольшой, но вполне современный домик, сделанный не из дерева и листьев, а из асбоцементных плит и крытый шифером. Однако по конфигурации он почти повторяет традиционные хижины — также стоит на сваях, и пол его приподнят над землей. Нас встречают дети Эки, его брат, друг, их жены, одна из них с маленьким ребенком на руках. Всего в этом однокомнатном домике живет десять человек, но, судя по радостной общительности, оживленному разговору и улыбкам, вся эта большая компания очень дружна.

Вечерет. Во дворе у самого крыльца замечаю больших жаб, которые торопливо, короткими прыжками скачут по траве. Это жабы аги, завезенные на Новую Гвинею для борьбы с вредителями сахарного тростника. Они хорошо размножились здесь и встречаются повсюду — от плантаций до лужаек около деревенских домов.

Хозяева домика приглашают к ужину в «гостиную». Это четвертая часть общей комнаты, отгороженная легкими стенами из фанеры. Располагаемся мы все на плетеных тростниковых циновках, садимся в кружок, а на середину циновки хозяйки выставляют синий вареный ямс и сладкий картофель в кокосовом молоке; в отдельной миске подается вареная рыба, которую зовут здесь «длинный Том», и белый пресный рис.

В заключение нашего вечера я дарю хозяевам слайды с видами Москвы и Ташкента, значки заповедников, открытки с изображением различных рыб.

Эти открытки особенно интересны Эке, который сам занимался расселением рыб по Новой Гвинее. Мои новые друзья весь вечер спрашивают о нашей стране. Их интересует все — от погоды, растительности и животного мира до обычаев и облика людей, их одежды, привычек. Но больше всего, конечно, интересуют моих собеседников социальные проблемы.

Сейчас все жители Новой Гвинеи обсуждают перспективы грядущей независимости, и их очень волнует, каким же будет здесь социальный строй, как эти изменения скажутся на образе жизни и благосостоянии местного населения. Поэтому за ужином меня особенно спрашивают о медицинском обслуживании, социальном обеспечении, об обучении детей. Моих слушателей поражает, что воспитание и обучение детей, все медицинское обслуживание в нашей стране не только доступны

каждому, но и совершенно бесплатны. Когда я рассказываю о системе квартирной платы, о том, что я плачу за свою квартиру всего пять процентов моего заработка, они приходят сначала в недоумение, а потом в неподдельный восторг.

Понимают мой рассказ только мужчины. Ни женщины, ни дети не знают английского и поэтому просто с интересом и любопытством смотрят то на меня, то на мужчин, которые задают мне вопросы или требуют более подробных разъяснений. Женщины не пытаются перебить мужчин и спросить их, о чем разговор, а только улыбаются, видя оживление на лицах своих мужей.

Беседа затягивается уже за полночь, и мои новые друзья предлагают переночевать у них.

— Большое спасибо за гостеприимство, но я не хочу беспокоить вас, — отвечаю я, — у меня заказана гостиница.

— Ну нет, не обижайте нас, — говорит Эка. — Мы уже приготовили вам отдельную комнату. Немного потеснимся, а самая лучшая часть нашего дома будет ваша. Моя жена уже постелила там новую циновку, которую сплела только вчера. Вы можете на ней хорошо отдохнуть, — убедительно добавляет он.

Видя такое расположение моих друзей, я считаю неудобным отказаться и, пожелав им спокойной ночи, отправляюсь в выделенные мне апартаменты. Там на полу действительно лежит циновка, пахнувшая еще свежей травой. Укладываюсь на ней, подложив под голову любезно предложенный мне большой пучок сена. Из-под потолка доносится стрекотание домового геккона.

Уже в полусне слышу из гостиной негромкий, но очень внушительный голос Эки, который пересказывает женщинам и детям все, что он только что услышал от меня, переводя наш разговор на их родной язык. То и дело рассказ Эки прерывается удивленными возгласами, вопросами, но беседа ведется приглушенно, чтобы не мешать мне заснуть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОХРАНА ПРИРОДЫ — ГОРДИЕВ УЗЕЛ ПРОБЛЕМ

Среди ученых — зоологов, ботаников, экологов, — с которыми пришлось встречаться и вместе работать в Австралии, большинство не только заняты решением частных научных вопросов, но и глубоко озабочены общим состоянием природных экосистем, загрязнением окружающей среды, сокращением численности редких видов животных и растений. Процесс деградации природы под натиском промышленности и сельского хозяйства достиг в Австралии значительных масштабов. Об этом рассказал в своей книге «Грязная история» эколог Дерек Уайтлок, с которым я встретился в Аделаидском университете. На обложке смелой и правдивой книги — затоптанный в мусор австралийский флаг. К сожалению, такая аллегория находит подтверждение в вопиющих фактах, приведенных на страницах издания. Заводы и фабрики, построенные без очистных сооружений, загрязняют воды, почву и

воздух, губят здоровье людей, отравляют природу, но приносят прибыли как местным, так и иностранным (в значительной степени — американским) компаниям. За двести лет, прошедших со времени высадки капитана Кука в заливе Ботани-Бей, население Австралии достигло двенадцати миллионов человек. И за те же двести лет были уничтожены или поставлены на грань исчезновения десятки эндемичных видов растений и животных, превращены в свалки мусора, в безжизненные пустыри окрестности крупных городов, на месте живописных лесов возникли голые склоны, на месте озер и родников — зловонные водоемы.

— С чего же все началось? — спросил я Дерека.

— Человек появился на нашем континенте около сорока тысяч лет назад. То были предки нынешних аборигенов, достигшие Австралии с севера, с островов Малайского архипелага. Некоторые ученые пытаются свалить часть вины за современное состояние природы на аборигенов — они, мол, тоже охотились, жгли деревья и таким образом начали процесс уничтожения природы. Но я считаю и докажу, что аборигены были первыми и весьма эффективными хранителями природы Австралии. У них не было технических средств, и они не были одержимы идеей «покорения природы». По своим верованиям аборигены были тотемистами и анимистами. Они считали окружающую природу, животных и растения одним гигантским храмом, в котором все предметы и живые существа имеют священный смысл. Аборигены верили, что богоподобные предки оставили им в наследство все эти пещеры, деревья, огонь и пищу и что ко всему этому надо относиться с особым уважением. Они собирали плоды, корни, насекомых, охотились на ящериц, на различных сумчатых и за каждую удачную добычу благодарили своих богов. Удивительно, как разумно сохраняли аборигены хрупкое равновесие в природе. Они берегли источники воды, освящая их, они не охотились на крупных животных в период их размножения, вели переложную систему использования охотничьих угодий. У аборигенов была выработана сложная система запретов — табу, ограничивавших добывание тех или иных видов животных или охоту на определенной территории.

— Вряд ли можно предположить полное исчезновение каких-либо животных в Австралии «по вине» аборигенов,— добавляю я.

— Да, конечно. Единственное, в чем их можно было бы упрекнуть, так это в том, что около десяти тысяч лет назад они завезли на материк собаку динго. Хотя вполне вероятно, что собака динго сама добралась до Австралии и уже здесь «пристала» к людям. Этот ловкий хищник, лишенный всяких «табу», нанес существенный урон эндемичной фауне Австралии.

Динго поедают любую живую добычу, но уничтожить какой-либо вид животных целиком вряд ли им под силу. Пожалуй, лишь исчезновение сумчатого волка на материке можно связать с прессом со стороны динго.

— Того самого сумчатого волка, которого теперь называют тасманийским? — спрашиваю я.

— Вот именно, ко времени появления белых в Австралии этот вид уже исчез, сохранившись лишь на острове Тасмания. Но, судя по найденным костным остаткам и даже мумиям в пещерах Южной Австралии, сумчатый волк жил на материке всего тысячу лет назад. Вероятно, этот примитивный хищник не выдержал жесткой конкуренции за места обитания и пищевую базу со стороны динго. Но ведь исчезновение сумчатого волка на материке еще не означало его исчезновения как вида. В Тасмании он был весьма обычен двести и даже сто лет назад и заселял все ландшафты острова — от побережья до горных вершин. Идя навстречу пожеланиям фермеров-овцеводов, правительство Тасмании в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году назначило крупные премии за голову сумчатого волка. Фермеры, обвинявшие этого хищника в истреблении овец и домашней птицы, рьяно начали уничтожать его. Теперь мы думаем, что вред сумчатого волка животноводству был сильно преувеличен. Однако дело шло быстро, и к началу нашего века этот вид стал весьма редок. Последнего «вольного» сумчатого волка добыли в тысяча девятьсот тридцатом году, а четыре года спустя в зоопарке города Хобарта умер последний сумчатый волк, живший в неволе. На память об этом виде нам остались лишь скелеты и шкуры в музеях, фотографии и небольшой кинофильм, снятый в зоопарке.

— Я ознакомился с историей природоохранного законодательства и обратил внимание, что в тысяча девятьсот тридцать восьмом году правительство Тасмании объявило сумчатого волка строго охраняемым видом, — напоминаю я Дереку.

— Удивительно вовремя, не правда ли? — горько усмехнется он. — Нам нужно сделать выводы из этой печальной истории и постараться спасти другие виды редких животных, взять их под охрану до того, как они исчезнут. Что же касается сумчатого волка, то никакой реальной надежды найти его в Тасмании не осталось. Так что в целом, как вид, сумчатый волк истреблен не динго, а белыми поселенцами Тасмании. Хотя это еще не самое большое преступление, совершенное белыми на острове. Что уж говорить о сумчатом волке, когда в середине прошлого века фермеры выходили в лес охотиться... на людей! Случалось такое и на материке. Безысходное состояние австралийских аборигенов вы можете увидеть своими глазами, но в Тасмании был «успешно» осуществлен настоящий геноцид. К семидесятым годам прошлого столетия белыми поселенцами была полностью истреблена целая этническая группа — коренные тасманийцы. Они существенно отличались от австралийских аборигенов антропологически и, вероятно, заселили Тасманию не из Австралии, а из Новой Каледонии. У них был свой особый язык, из которого мы успели узнать лишь несколько слов. Когда об этом напоминаешь современным жителям Тасмании, они искренне содрогаются от жестокости своих недалеких предков.

— Да, мрачные страницы истории, — соглашаюсь я. — Но и теперь еще расовые предрассудки коренятся в сознании многих людей, и отношение к коренным австралийцам среди остального населения далеко не однозначно. Беседуя с разными людьми здесь, в Австралии, я встречал и активное сочувствие и поддержку справедливых требований аборигенов, и пассивное безразличие к их нуждам, и плохо скрываемую неприязнь, и открытую ненависть. Немало еще потребуется времени и, главное, труда, чтобы перестроить сознание людей, сделать его истинно культурным. Ведь еще есть целые страны, в которых расизм и апартеид составляют основу государственной политики. Но я убежден, что расовые предрассудки уже стали уродливым анахронизмом в современной культуре человечества.

— Однако их хватает еще в нашей стране, и сложности в решении проблемы коренного населения Австралии пока нарастают год от года, — говорит Дерек. — Но теперь мне хотелось бы вспомнить недавние события, когда в феврале тысяча девятьсот семидесятого года в Австралию приехала королева Елизавета, чтобы принять участие в празднествах по поводу двухсотлетия открытия континента. Пик торжества был на месте высадки капитана Кука. Вы ведь там были, помните этот уголок на южной стороне Ботани-Бея?

— Конечно, помню — тихий уютный парк у самого города, сразу за заводами и пыльной свалкой, — отвечаю я.

— Вот именно! — оживает Дерек. — Это празднество было весьма символично — стало ясно видно, что сделали с Австралией за двести лет. Королеве отвесил поклон «сам капитан Кук», высадившийся в том же месте, что и тогда, два века назад. Театрализованное представление передавали по всем каналам телевидения, была уйма журналистов и фоторепортеров. А над всей этой толпой в небе тянулся шлейф заводского смога, на воде плавали нефтяные пятна от судов и нефтеочистительных заводов, и прибой шевелил гирлянду мусора, который наспех вымели с места торжества прямо в море. Заодно при подготовке сцены уничтожили и последний песчаный пятачок, окруженный травой, который до того дня сохранялся в память о капитане Куке, но не пережил двухсотлетнего юбилея. А в это время тысячи сиднейцев и гостей оказались в многокилометровой пробке по дороге к месту праздника, и сидели в машинах, укрытые пологом из выхлопных газов. Радужная картинка, не правда ли?

— Да, годом позже мне удалось достичь полуострова Кёрнелл без затруднений — пробки на дороге не было, но все остальное я застал: шлейфы дыма, мусор и пыль. Но ведь это — на пороге крупнейшего города, а в Австралии еще столько ненаселенных мест, неосвоенных ландшафтов... — пытаюсь я увести собеседника ближе к нетронутой природе.

— Загрязнение проникает в самые отдаленные районы, подчас опережая человека, ведь вода и воздух быстро разносят отходы производства, дымы и газы. Почитайте эту книгу, она только что вышла, — говорит Дерек и размашистым почерком надписывает мне свою книгу «Грязная история» («Загрязнение в Австралии»). — Здесь я собрал самые яркие факты о загряз-

нении почвы, воды и воздуха. Прочтите и убедитесь в правоте моих слов. Главное сейчас — осознать, что дальше так жить нельзя, нужно срочно и круто менять наше отношение к природе, иначе мы задушим и отравим самих себя, и не понадобится третьей мировой войны, чтобы уничтожить человечество.

— Действительно, проблемы экологии и охраны окружающей среды встали сейчас в один ряд с самой животрепещущей проблемой современности — проблемой сохранения мира и устранения угрозы ядерной войны, — поддерживаю я мысль собеседника.

— Справедливости ради нужно отметить, что за последние десятилетия отношение австралийцев к охране окружающей среды стало меняться к лучшему. В ряде штатов приняты законы об охране природы, созданы десятки и даже сотни хотя и небольших, но подчас уникальных природных парков и резерватов на сохранившихся участках природных ландшафтов. Приняты ограничения сроков и норм охоты на многие виды местных зверей и птиц, ряд видов взят под полную охрану государства. Однако контроль за этими законами в малонаселенной местности с разбросанными фермами, безлюдными дорогами практически неосуществим. И если фермер, не выходя из кабины автомобиля, стреляет с дороги в кенгуру или клинохвостого орла, кто его остановит? Только собственная совесть. А психология «австралийского пионера» еще сильна и теперь. Для людей, заселявших Австралию, местная природа была враждебной, вставала препятствием к освоению. Недаром лозунгом пионеров были такие слова «If it moves, shoot it. If it stands still, cut it down» (Если оно движется — застрели его. Если оно стоит — сруби его). Всех животных они делили на полезных — тех, которых можно добывать ради шкуры, мяса, перьев, и на вредных — их нужно было уничтожать, так как они наносили ущерб пастбищам и фермерскому хозяйству. К полезным относилось все покрытое мехом или красивыми перьями, а также съедобное: все виды кенгуру, валлаби, коала, утконосы, посумы, птицы-лиры, попугаи. Вредными считались те же кенгуру (едят траву), эму (тоже едят траву), вомбаты (роют норы), клинохвостые орлы и другие пернатые хищники (нападают на овец и домашнюю птицу), сумчатые куницы, тасманийские дьяволы и сумчатые волки (хищники — значит,

заведомо враги). Поселенец стремился расчистить участок «буша», вырубить деревья и кустарники, отодвинуть от порога своего дома чуждую природу и, вспахав часть земли, засеять ее обычными полезными овощами или зерновыми, а на остальной площади устроить выпас для овец. Может быть, и не стоит осуждать тех наших предшественников — ведь они вели суровую борьбу за выживание. И конечно, пелерина из десятка сшитых вместе шкурок коала была спасением от холода и ветра для белого колониста в первые годы его жизни где-нибудь на юго-востоке континента. На этом этапе «покорения природы» поселенцы еще незначительно превзошли уровень использования природных ресурсов аборигенами. Драматическая история началась тогда, когда животные стали добываться, а леса — вырубаться не для личных нужд, а на продажу, в промышленных масштабах, причем на продажу сначала в растущие города, а затем — и за океан.

— Гарольд Коггер показывал мне в Сиднейском музее пелерину из сотни шкурок коала: она изъята у владельца и передана в музей на надежное хранение. Теперь это своеобразная реликвия, напоминание о прошлом, — вспоминаю я свой визит к известному австралийскому герпетологу.

— О совсем недавнем прошлом, — уточняет Дерек. — Охота на коала в промышленных масштабах привела к тому, что в штате Южная Австралия он был истреблен к тысяча девятьсот двадцать третьему году. Но неограниченная охота на этих легкодоступных и безобидных сумчатых продолжалась, и только в двадцать четвертом году из Австралии было экспортировано около двух миллионов шкурок коала! И неизвестно, сколько осело на внутреннем рынке. Последним штатом, где коала еще неплохо сохранились, был Квинсленд. И хотя в других штатах уже ввели ограничения на охоту, правительство Квинсленда в двадцать седьмом году объявило открытый сезон. Только в этом штате тогда было добыто около шестисот тысяч коала, и опять-таки в основном на экспорт. И заметьте, коала не нападал на овец, не портил посевы пшеницы и даже не пил драгоценную воду (недаром его прозвали «непьющим»). Вся его вина и беда — в пушистой шубке. Правда, теперь уж туристам приходится довольствоваться игрушечными коала разных размеров, сделанными из шкур рыжего или серого кенгуру. Индустрия промысла перекинулась на эти пока еще

массовые виды животных. За последние десять лет организованный, хорошо отлаженный промысел больших рыжих и серых кенгуру держится на уровне более одного миллиона голов в год. Охотники добывают кенгуру у водопоев в ночное время: стреляют с «лендровеера» в свете фар и быстро доставляют добычу к дороге, где ждет грузовик-рефрижератор. Забрав «урожай» у нескольких бригад, холодильник быстро достигает ближайшего города, где ведется промышленная обработка мяса и шкур кенгуру.

— Доктор Гарри Фрис подсчитал, что такой уровень изъятия составляет около семидесяти процентов естественной популяции рыжих кенгуру в Центральной Австралии и он уже привел к резкому сокращению численности этого вида в ряде районов и, следовательно, к снижению уровня добычи. «Урожайность» популяций крупных кенгуру явно падает, охотники рубят сук, на котором сидят,— добавляю я сведения, полученные от руководителя отдела по изучению дикой природы Австралийской научно-промышленной исследовательской организации.

Это научное учреждение объединяет ряд отраслевых, прикладных лабораторий, отделов, и каждый из них можно сравнить по объему и уровню с академическим институтом средних размеров. В целом эта организация, базирующаяся в Канберре и имеющая отделения во всех штатах, создает здоровую конкуренцию Австралийской академии наук. Гарри Фрис много лет посвятил изучению кенгуру и других промысловых видов австралийской фауны.

— Мне хорошо знакомы исследования Гарри Фриса и Джона Калаби,— говорит Дерек.— Я думаю, что именно на их подсчеты надо опираться, чтобы планировать рациональную эксплуатацию природных запасов массовых видов кенгуру. Пора значительно снизить нормы добычи, пока мы и эти виды не поставили на грань уничтожения. Я беседовал с фермерами здесь, в Южной Австралии, на окраине пшеничного пояса. В шестидесятых годах они приветствовали охотников, зазывали их на свои пастбища и посевы — фермерам нужно было избавиться от крупных кенгуру. А сейчас они жалеют о том, что кенгуру исчезли: надо было оставить немного «на развод». И совсем не из сентиментальности: просто в эти годы цена овцы упала до нескольких центов, а стоимость одного

кенгуру выросла до двух с половиной долларов! Остается только завозить их обратно...

Несколько бесед с Дерекком Уайтлоком за время моего пребывания в Аделаидском университете позволили в ряде случаев по-новому взглянуть на сложно переплетающиеся проблемы охраны и использования ресурсов, загрязнения среды и спасения редких видов животных и растений, освоения земель и создания национальных парков и резерватов. Неординарное, глубокое видение проблем, ярко критический взгляд на вещи, остроумный, подчас парадоксальный ход рассуждений, неожиданные сравнения — все это мне лишь в малой степени удалось передать в записи нашей беседы.

В Канберре мне пришлось еще не раз встречаться и обсуждать вопросы охраны природы с доктором Гарри Фрисом и профессором Дерриком Овингтоном. Профессор Овингтон в то время работал в Австралийском национальном университете и возглавлял группу зоологов, готовивших предложения от австралийской стороны для Красной книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП).

Впоследствии профессор Овингтон сделал очень много для развития охраны природы в своей стране. Этот скромный, как будто даже стеснительный человек небольшого роста, с мягкими чертами лица, спокойным, доброжелательным взглядом серых глаз казался мне вначале типичным кабинетным ученым. Но в дальнейшем я убедился, что в его мягкой манере общения, неспешном разговоре кроются сила и убедительность, которым не могут противостоять оппоненты и в которых его соратники черпают энергию для активных действий.

Когда мы встретились в следующий раз в 1975 году на XII Генеральной ассамблее МСОП в Киншасе, профессор Овингтон — тогда уже председатель комиссии по экологии в этом международном союзе — поделился новостями со своей родины за прошедшие годы.

После 1972 года сделано немало. Главное, удалось повлиять на правительство страны и убедить его, что нужна активность на общегосударственном уровне. До этого все законы и акты по охране природы принимались правительствами штатов и часто весьма различались по содержанию и направленности, а ведь границы между штатами в Австралии ничуть не связаны с природными рубежами. И по-

лучалось, что по одну сторону от прямой линии — границы между штатами — действует один закон, а по другую — совсем иной. А природная обстановка идентична, и возникает дисбаланс в воздействии человека на природу.

В 1972 году федеральное правительство подписало международную конвенцию об охране антарктических ластоногих, а годом позже — конвенцию по международной торговле исчезающими видами фауны и флоры. Таким образом, удалось вовлечь правительство в систему международной ответственности за состояние живой природы. Чтобы скоординировать природоохранные действия правительств штатов, в 1973 году в Канберре был созван совет министров по делам охраны природы всех штатов, на котором выработали главные, общие, приоритетные задачи в этой области. На совещании был утвержден ряд проектов по охране животных, выполняемых совместными усилиями нескольких штатов.

Далее профессор Овингтон рассказал, что в 1974 году удалось утвердить в федеральном парламенте законопроект, по которому из общегосударственного бюджета ежегодно выделяется от одного до двух миллионов долларов на приобретение земли у частных владельцев с целью организации резерватов и национальных парков. Это позволит значительно расширить сеть охраняемых территорий и, главное, поставить дело на прочную и долговременную финансовую основу под государственным контролем. Нетрудно понять, как все это важно в условиях частной собственности на землю: никакие благие пожелания и призывы не подействуют на землевладельцев. Если же государство заплатит за землю, собственник расстанется с ней, чтобы вложить деньги в какое-нибудь другое предприятие. А на этой территории возникнет национальный парк!

Под руководством профессора Овингтона были подготовлены рекомендации Австралии к списку редких и находящихся под угрозой исчезновения животных мировой фауны. Этой работой уже ряд лет занималась комиссия по редким видам (буквально: Комиссия службы выживаний — Survival Service Commission), которую возглавляет сэр Питер Скотт. Список послужил основой Красной книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), а сам сэр Питер

получил неофициальное звание «крестный отец Красной книги». В Красную книгу МСОП Австралия внесла двадцать два вида млекопитающих, шестнадцать видов птиц и четыре вида рептилий.

Первое ознакомление со списком австралийских животных, занесенных в Красную книгу МСОП, может вызвать некоторое удивление у читателя, даже лишь в общих чертах осведомленного о состоянии мировой фауны. Многие ожидали бы увидеть среди краснокнижных видов утконоса и ехидну, птицу-лиру и сорную курицу, беседковую птицу и тасманийского дьявола, сумчатого муравьеда и коала, ведь о них чаще всего пишут в газетах и журналах, причем сообщают об угрозе существованию этих видов в различных районах Австралии, о мерах, принимаемых для их спасения, о перевозке животных из одного места в другое.

Но именно этих наиболее популярных австралийских животных и нет в Красной книге МСОП. И хотя в ряде районов они находятся под угрозой исчезновения, но в целом по стране упомянутые выше виды не подходят ни к одной из пяти категорий редкости Красной книги МСОП. Так что охрана и восстановление популяций этих зверей и птиц — дело самих австралийцев. Эти виды могут и в ряде случаев должны быть внесены в Красную книгу Австралии или в Красные книги отдельных штатов.

А какие же виды австралийской фауны попали на страницы международной Красной книги? Начнем с млекопитающих, поскольку эта группа животных австралийской фауны обладает наибольшим своеобразием. Вспомним, что в Австралии обитают двести тридцать видов млекопитающих, или зверей, как их еще называют. Кстати, с научной точки зрения вполне корректно назвать зверем не только тигра или волка, но и мышь, и корову, и кролика.

Напротив, нельзя называть зверем крокодила, комодского варана или лохнесское чудовище, хотя они и страшны на вид, и довольно опасны. Ведь относятся они не к классу зверей, а к классу пресмыкающихся (лохнесский «змей» — условно).

Из двухсот тридцати видов австралийских зверей более половины — сто двадцать четыре — принадлежат к отряду сумчатых. Мы знаем, что сумчатые обитают не только в Австралии и на Новой Гвинее, но и в Южной и Северной Америке.

Но видовое разнообразие сумчатых в Австралии непревзойденно, и дело не только в числе видов, но и в своеобразии групп. Из девяти семейств сумчатых мировой фауны два распространены в Новом Свете, а остальные семь — в Австралии! Это свидетельствует о длительном пути эволюции сумчатых на Пятом континенте, о глубине дивергенции видов, формировавшихся в условиях изоляции от фауны других материков Земли.

В фауне Австралии насчитывается всего два вида из отряда однопроходных — утконос и ехидна (или три — если тасманийскую ехидну считать самостоятельным видом), но они составляют основу уникального отряда, выделяемого в особый подкласс яйцекладущих млекопитающих. Однопроходные представлены и на Новой Гвинее, где живут три вида проехидн. За пределами Австралии ни современные, ни ископаемые яйцекладущие млекопитающие неизвестны, что придает этой группе древних зверей особый «вес» в фауне континента.

Немногим более ста видов австралийской фауны принадлежат к плацентарным млекопитающим. Помимо собаки динго, завезенной человеком, котиков и тюленей, обитающих в прибрежных морях, лишь представители двух отрядов смогли проникнуть на континент: грызуны и рукокрылые. Для последних морские проливы не могут быть серьезным препятствием, как и для птиц, поэтому Австралию населяют более пятидесяти видов рукокрылых. Среди них крыланы, ложные вампиры, ночницы, подковоносы и даже обыкновенный длиннокрыл — тот же самый вид, что обитает у нас в Крыму, на Кавказе и на юге Туркмении.

Из грызунов наиболее склонными к морским путешествиям между островами оказались виды семейства мышиных. Около пятидесяти видов своеобразных крыс и мышей населяют ныне весь спектр ландшафтов Австралии, включая самые засушливые. Причем адаптации к жизни в пустынях привели к возникновению видов, удивительно похожих на миниатюрных тушканчиков (кстати, эта линия эволюции у грызунов шла параллельно с направлением адаптаций у сумчатых, среди которых появились свои, сумчатые «тушканчики»). Наличие нескольких особых родов пустынных мышей свидетельствует о том, что история эволюции мышиных в Австралии весьма длительная. Теперь таким обитателям пустынь были бы не

под силу путешествия по морю на естественных плотках, которые, несомненно, совершили их далекие предки,— иного пути в Австралию для них не было.

Конечно, в первую очередь кандидатами в международную Красную книгу были предложены сумчатые, поскольку с однопроходными — утконосом и ехидной — дела обстоят сравнительно благополучно, а грызуны и летучие мыши по шкале приоритета отходят на второй план, ведь их эндемизм — на уровне видов и родов, а сумчатых — на уровне семейств.

В разряд находящихся на грани исчезновения вошли тасманийский сумчатый волк, о котором мы уже говорили, северный шерстоносый вомбат (единственная колония этого вида сохранилась на юге Квинсленда) и уздечковый когтехвостый кенгуру. Последний вид был широко распространен вдоль западного склона Большого Водораздельного хребта, но расчистка кустарников под пастбища лишила его излюбленных местообитаний. И теперь лишь в небольшом районе на юге Квинсленда еще живут несколько десятков уздечковых когтехвостых кенгуру. Недавно удалось выкупить территории двух ферм, где они обитают, и организовать там резерват.

Остальные виды сумчатых, внесенные в Красную книгу МСОП, распространены в Западной, Центральной или Южной Австралии и мало известны как самим австралийцам, так и зарубежным натуралистам. Это зверьки средних и мелких размеров, ведущие скрытный, ночной образ жизни, редко попадающиеся на глаза местному жителю. Сокращение численности таких животных, уменьшение ареала происходит не потому, что их преследует человек. Причина в том, что изменяются их места обитания под воздействием скотоводства. Кроме того, их вытесняют и уничтожают завезенные хищники — не только собаки динго, но и кошки и лисы.

В Красной книге есть группа из семейства сумчатых барсуков, или бандикутов. Кроличий бандикут, или билби, сохранился лишь в нескольких районах пустынь и саванн Севера. Полосатый бандикут еще живет на двух островках у побережья Западной Австралии, но на материке исчез совсем, свиноголового бандикута не встречали с 1926 года.

В Красную книгу МСОП включены и несколько видов кенгуровых крыс — в основном обитателей пустынь Центра. Они настолько редки, что известны подчас по считанным экземплярам в музейных коллекциях. Например, пустынная кенгуровая крыса, обитающая по долинам сухих русел в безлюдной местности восточнее озера Эйр, была описана Гульдом в 1843 году и затем второй раз найдена лишь в 1931 году. Численность этого вида столь низка и, очевидно, изменчива в зависимости от дождливых и засушливых лет, что с 1961 года пустынная кенгуровая крыса снова «пропала». По крайней мере целая экспедиция, исследовавшая уже известные места и районы ее обитания, не обнаружила ни одного зверька.

Песчаная сумчатая мышь, размером меньше десяти сантиметров, с острым носом, большими ушами и длинным хвостом, была добыта впервые в 1894 году близ озера Амадеус в Центральной Австралии. После того случая в течение семидесяти пяти лет о ней не было никаких сведений, и этот вид сочли вымершим. Однако в 1969 году в тысяче километров к югу от места первой находки ученые поймали четырех зверьков. Условия обитания оказались такими же — песчаная пустыня с куртинами триодии. Рядом с местечком Бунерду, где произошла столь неожиданная встреча, расположен резерват Хембридж, и можно надеяться, что там еще живет немало этих мелких скрытных зверьков.

Численность и распространение некоторых сумчатых до сих пор настолько малоизвестны, что виды, считавшиеся вымершими или очень редкими, вдруг оказываются обычными в каком-либо вновь обследованном районе. Интенсивные полевые работы, развернутые австралийскими зоологами в 60 — 70-х годах нашего столетия, позволили заново открыть целый ряд зверей и птиц, считавшихся уже безвозвратно исчезнувшими.

Еще в конце прошлого века были найдены костные остатки карликового горного поссума. Возраст костей составлял около пятнадцати тысяч лет, и этого поссума занесли в список сумчатых, вымерших еще до появления в Австралии первых аборигенов. Каковы же были удивление и радость зоологов, когда в 1966 году в горном лесу национального парка Косцюшко удалось обнаружить вполне процветающую популяцию кар-

ликового поссума — ожившего ископаемого! Оказалось, что парк Косцюшко расположен очень удачно — будто задуман для карликового поссума.

С валлаби парма «расставание» было не столь долгим — всего тридцать пять лет.

После 1932 года этот небольшой лесной кенгуру, казалось, навсегда исчез из эвкалиптовых лесов восточного побережья Австралии. Места здесь густонаселенные, и отсутствие находок в течение трех десятилетий заставило ученых внести валлаби парма в список вымерших видов. Но в 1966 году в районе Иллаварра под Вуллонгонгом, в склерофильном лесу, обнаружилась небольшая колония валлаби парма. Вскоре нашли еще одну группу этих животных севернее, во влажном субтропическом лесу.

Долгое отсутствие валлаби парма не очень волновало ученых, поскольку этот вид еще в 1870 году был завезен в Новую Зеландию, где стал весьма обычным и давно уже рассматривался как нежелательный, наносящий вред местной флоре. Там валлаби и стреляли, и травили, однако избавиться от этого австралийского пришельца до сих пор не удается. Зоологам новозеландская популяция валлаби парма всегда казалась надежным резервом для обратного завоза (реинтродукции) на случай, если данный вид совсем исчезнет на континенте.

Но дело оказалось сложнее, чем предполагали. Когда в 1974 году одиннадцать особей валлаби парма привезли из Окленда в Сидней, все они неожиданно погибли от неизвестной вирусной болезни. Такого вируса до сих пор не обнаруживали у австралийских кенгуру и решили пока категорически запретить завоз валлаби из Новой Зеландии, чтобы не распространить здесь новую болезнь. Кстати, этот вирус проверили в лабораторных условиях на других видах кенгуру, и те оказались к нему восприимчивы.

Забота о спасении редких сумчатых была первым делом, первой задачей австралийских териологов. Но сразу же за сумчатыми были выдвинуты кандидатами в Красную книгу и местные эндемичные грызуны, те, которые заселили Австралию задолго до человека. Среди грызунов, находящихся на грани исчезновения, есть крупные — толстохвостая скальная крыса, обитающая на хребте Макдонелл, и крыса-строитель из пус-

тынь Южной Австралии. Ее громадные гнезда высотой более метра и диаметром до шести метров, сложенные из толстых палок, отмечали еще Мичелл и Стерт — первые путешественники, проникшие в южные пустыни. К началу нашего века крыс-строителей становилось все меньше, а в 1921 году на материке была отмечена последняя особь этого вида. К счастью, жизнеспособная популяция крыс-строителей сохранилась на острове Франклин у южного побережья Австралии.

Целую группу краснокнижных видов образуют местные мыши рода псевдомис. Так, новоголландская мышь считалась вымершей с 1887 года, но после восьмидесяти лет загадочного исчезновения найдена в лесах и на вырубках по всей восточной части штата Новый Южный Уэльс. Удивительно похожая на тушканчика мышь нотомис (ее так и называют — тушканчиковая мышь), населяющая остров Грот в заливе Карпентария, также занесена в Красную книгу. Остальные виды рода нотомис, распространенные на материке, пока не вызывают тревоги за их существование.

Со времени появления европейцев в Австралии исчезло несколько видов птиц: райский попугай, ночной попугай, тасманийский эму (последний был, вероятно, подвидом австралийского эму). Хотя райский попугай, обитавший в лесах Восточной Австралии, не обнаруживался с 1922 года, а ночной попугай, населявший пустыни Центра, в последний раз отмечался в 1912 году, оба вида занесены на страницы международной Красной книги в надежде, что они еще сохранились в необследованных районах. Ведь удалось же найти после восьмидесяти лет безуспешных поисков крикливую кустарниковую птицу. С конца прошлого века не было никаких свидетельств о ней, хотя до того времени она не раз встречалась в густых зарослях на юго-западе материка. И вот в 1961 году на побережье залива Ту-Пипл-Бей орнитологи вновь сначала услышали, а затем и увидели эту птицу. Голос у нее громкий, пение похоже на соловьиное, но увидеть ее трудно: она почти не летает, зато быстро бегаёт под пологом густых кустарников. На берегу залива на следующий год после такой удачной находки был создан резерват.

Семейство кустарниковых птиц включает еще один вид — рыжую кустарниковую птицу, которая населяет влажные дож-

девые леса на границе Квинсленда и Нового Южного Уэльса. Названный вид также включен в международную Красную книгу и специально охраняется в национальном парке Ламингтон. Таким образом, семейство в полном составе попало в Красную книгу, что особенно важно, если учесть следующее: кустарниковые птицы не только являются эндемиками Австралии, но и стоят особняком в отряде воробьиных. Вместе с двумя видами птиц-лир они образуют особый подотряд полупевчих, отличающихся от остальных воробьиных строением гортани и голосовой мускулатуры.

Интересно обнаружить на страницах Красной книги птицу, которая взята под охрану и в нашей стране. Сокол-сапсан широко распространен по всем материкам, но повсюду редок, и численность его неуклонно сокращается. В Красной книге МСОП, в Красных книгах СССР и Австралии сапсан занесен во вторую категорию редкости. Снижение численности обусловлено и прямым преследованием, и нарушением местообитаний, и применением ядохимикатов в сельском хозяйстве (воздействие через пищевые цепи). Спасение сапсана — общая забота наших стран.

Краснокнижные рептилии Австралии пока не столь многочисленны, как птицы и звери. В будущем, вероятно, тщательное изучение герпетофауны выявит ящериц и змей, чье состояние находится под угрозой. В Красную книгу МСОП австралийские герпетологи предложили внести короткошейную болотную черепаху, или ложную эмидуру. Она была известна науке по одному экземпляру, пойманному в 1839 году в болотах близ города Перт. Прошло более ста лет неизвестности, и вдруг на выставке домашних питомцев в 1953 году в Перте появился школьник с живой эмидурой в руках! Выяснилось, что он поймал черепаху в пригородном болоте. Впоследствии в этих местах нашли около ста особей эмидур, и район их обитания в 1962 году объявлен резерватом.

Поскольку все виды крокодилов мировой фауны включены в Красную книгу МСОП, то и оба австралийских вида автоматически взяты под международный контроль, хотя сами австралийцы не всегда разделяют такую озабоченность. И гребнистый крокодил, широко распространенный в Юго-Восточной Азии, и эндемик Австралии пресноводный крокодил

Джонсона пока еще не находятся под угрозой исчезновения. Напротив, ведется регулируемый промысел обоих видов крокодилов. Так, с 1966 по 1972 год из Австралии было экспортировано около трехсот тысяч крокодиловых шкур общей стоимостью около четырех миллионов долларов. Из этого числа половина была добыта на Новой Гвинее, а половина — на Австралийском континенте.

О том, насколько надежно состояние популяций крокодилов в Австралии, можно отчасти судить по случаю, происшедшему недавно в городке Кэрнс штата Квинсленд. Некто Барри Робертсон (не родственник президента Академии наук), возвращаясь ночью домой навеселе, пнул ногой валявшееся на мостовой бревно. Проезжавший мимо таксист услышал дикие вопли и увидел Барри, отчаянно вырывавшегося из пасти крокодила. Вместе с подоспевшими полицейскими таксисту удалось вытащить ногу Барри из челюстей рассерженной рептилии. За последний год это уже четвертое появление крокодила в городе Кэрнс.

Отношение австралийских ученых к проблеме охраны крокодилов выразилось и в книге профессора Овингтона «Австралийские животные в опасности» (о млекопитающих, птицах и рептилиях), вышедшей в свет в 1978 году. В эту содержательную, прекрасно иллюстрированную книгу включены описания всех видов позвоночных, внесенных к тому времени в Красную книгу МСОП, кроме... крокодилов. Зато в книге помещены цветные изображения и приведены сведения о восьми видах эндемичных грызунов, состояние популяций которых вызывает наибольшую тревогу. Хотя заголовки книги иной, по сути дела это и есть Красная книга Австралии. Особенно ценной представляется глава «Стратегия охраны природы», в которой автор сформулировал основные концепции и выдвинул приоритетные акции в области охраны природы.

Эту книгу Деррик Овингтон привез с собой в Ашхабад на XIV Генеральную ассамблею МСОП, где и состоялась наша следующая встреча. Книга получилась в полном смысле «ложкой к обеду», поскольку на этой юбилейной ассамблее (в 1978 году организации исполнилось тридцать лет) обсуждался проект Всемирной стратегии охраны природы, и австралийская Красная книга с национальной стратегией оказалась как нельзя

кстати. Советские ученые подготовили к XIV Генеральной ассамблее МСОП первое издание Красной книги СССР, и профессор Овингтон, подарив нам свой новейший труд, увез с собой в Канберру нашу Красную книгу.

В том же 1978 году в Австралии была создана федеральная Служба национальных парков и дикой природы (до этого такие службы существовали только при правительствах штатов). Деррику Овингтону пришлось стать директором федеральной службы, что прибавило ему работы и ответственности. Настала необходимость свести воедино систему охраняемых территорий страны, привести ее в соответствие с международными критериями. Это и стало основной задачей созданной службы.

История охраняемых территорий Австралии началась с национального парка Ройял, основанного в 1879 году (об этом парке было рассказано выше). К началу нынешнего века на карте Австралии появилось еще два национальных парка — Куринга-Чейз в Новом Южном Уэльсе и Маунт-Баффало в Виктории. Особенно интенсивно развивалась сеть национальных парков и резерватов за последние двадцать лет: за период с 1965 года было создано чуть меньше половины всех ныне существующих охраняемых территорий.

К 1985 году в Австралии насчитывалось свыше двух с половиной тысяч национальных парков и резерватов различного ранга на площади более тридцати трех миллионов гектаров. Это составляет почти четыре с половиной процента общей площади страны. Наиболее развита сеть охраняемых территорий в штате Западная Австралия, где сосредоточены тысяча двести резерватов на пятнадцати миллионах гектаров! Резерваты занимают около шести процентов территории штата.

За последние десятилетия появились охраняемые территории гигантских размеров: более миллиона гектаров каждая. Более пяти миллионов гектаров занимает морской парк Большой Барьерный риф в Квинсленде; площадь резервата Танами-Дезерт, что на севере страны, — около четырех миллионов гектаров. В Западной Австралии расположены два крупнейших пустынных резервата — Гибсон-Дезерт (1,9 млн га) и Грейт-Виктория-Дезерт (2,5 млн га) и национальный парк Рудалл-Ривер (1,6 млн га) на юге Большой Песчаной пустыни. В

Южной Австралии создан резерват Безымянный (2,1 млн га). Наряду с этими резерватами-гигантами есть много миниатюрных охраняемых территорий площадью несколько десятков гектаров, расположенных в уникальных уголках природы, в том числе на островах. Такие мелкие парки и резерваты особенно многочисленны в Тасмании.

Главная задача федеральной Службы национальных парков — обеспечить эффективную охрану на всех этих малых и обширных, подчас удаленных и слабо контролируемых территориях. Пока еще многие резерваты практически не охраняются. Необходимо также создать постоянную научно-исследовательскую службу на базе национальных парков и резерватов. Научные работы уже ведутся в ряде резерватов, например в Танами-Дезерт обследуются колонии кроличьего бандикута-билби и заячьего кенгуру. Уже создан резервный фонд этих краснокнижных видов в неволе и подбираются подходящие места для выпуска животных. Оценка местообитаний ведется по данным космической информации, получаемой со спутника «Лендсат». На снимках удалось выявить сочетание ландшафтных характеристик, соответствующих экологическим потребностям билби и заячьего кенгуру. Кстати, по космическим снимкам зоологам удастся также вести количественные учеты нор шерстоносого вомбата. А недавно начаты работы по радиослежению за перемещением сумчатых муравьедов (намбатов) и летучих лисиц. Сигналы радиопередатчиков, укрепленных на животных, принимаются наземными станциями через спутник — так увеличивается дистанция и надежность приема сигнала.

Под эгидой ЮНЕСКО в рамках программы «Человек и биосфера» (МАБ) с 1974 года во всем мире начала создаваться единая система биосферных резерватов, или биосферных заповедников, как мы их называем. Биосферные резерваты — охраняемые территории высшей категории, в которых сочетается решение задач охраны природы, науки, просвещения, рационального использования. Главной же целью системы биосферных резерватов является глобальный экологический мониторинг — слежение за состоянием природной среды. Опыт советских заповедников, и в частности летопись природы как прообраз экологического мониторинга, привлек внимание многих ведущих зарубежных ученых.

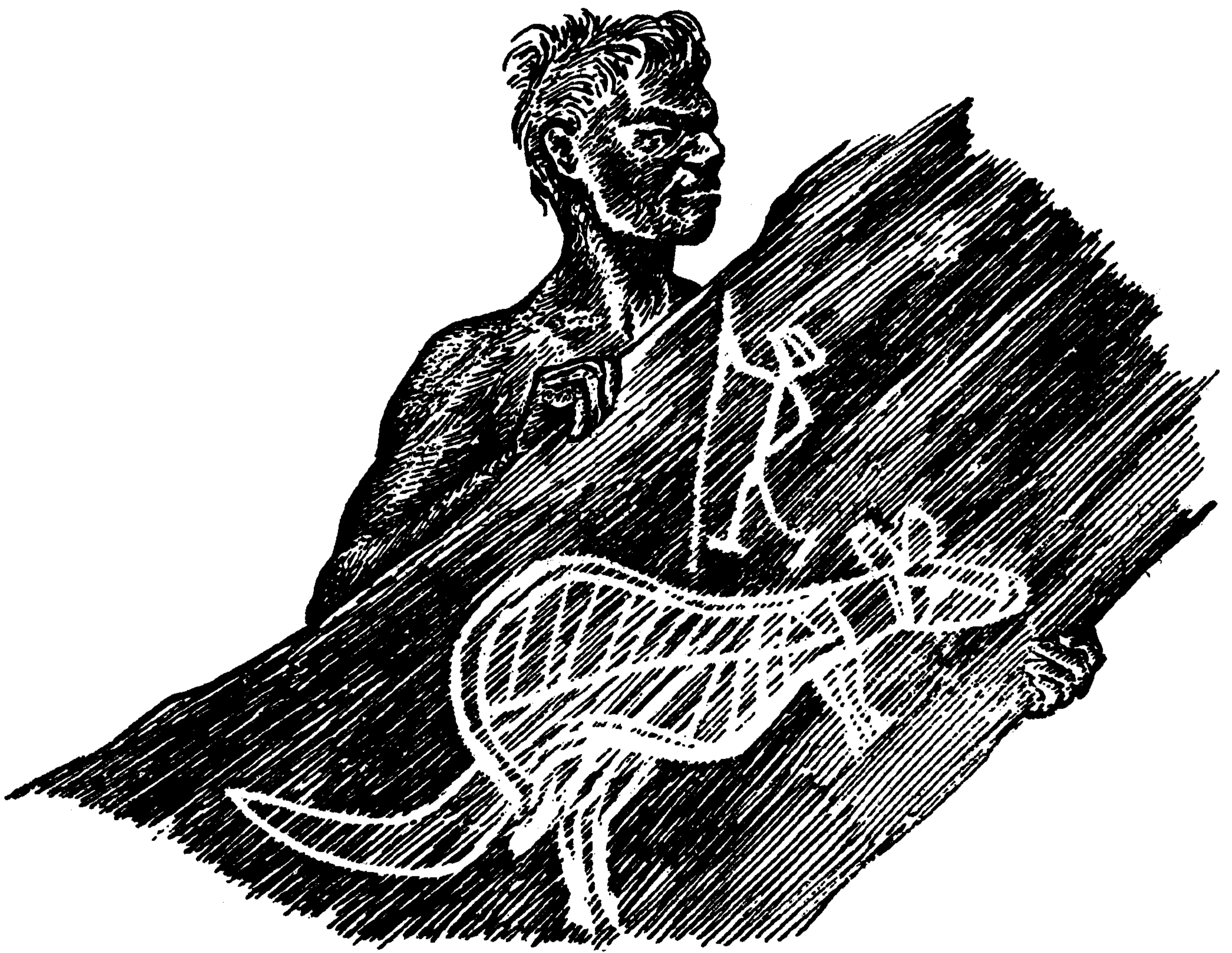
В связи с этим, когда решался вопрос о месте проведения первого Международного конгресса по биосферным заповедникам, ЮНЕСКО признало необходимым провести его в нашей стране. Конгресс открылся в сентябре 1983 года в Минске, недалеко от Березинского заповедника — первого советского биосферного. Участники конгресса получили возможность ознакомиться с постановкой экологического мониторинга, а также охраны и просвещения в Березинском заповеднике.

Австралийские коллеги сообщили на конгрессе, что федеральная Служба национальных парков совместно с национальной комиссией по программе МАБ уже подготовила и утвердила сеть биосферных резерватов Австралии. В ее состав были отобраны двенадцать наиболее хорошо организованных национальных парков и резерватов, которые в совокупности отражают ландшафтно-зональное разнообразие природы континента и потому могут служить основой для глобального экологического мониторинга.

Среди биосферных резерватов Австралии — национальный парк Улуру (Айерс-Рок — Маунт-Ольга), знакомый читателю по четвертой главе, резерват Безымянный в Южной Австралии, национальный парк Косцюшко, природный резерват на острове Макуори. Научная работа в биосферных резерватах будет вестись по единой методике и станет частью общей международной программы.

Многообразные проблемы охраны природы в Австралии переплелись между собой. Промышленное загрязнение, деградация сельскохозяйственных угодий, сведение лесов и эрозия почв, исчезновение редких видов животных и растений, биологическое загрязнение — воздействие на природные экосистемы завезенных организмов (динго, кролик, черная и серая крысы, домовая мышь, скворец, домовый воробей, индийская майна, гамбузия, европейский карп, опунция, калифорнийская сосна и др.), регулирование численности массовых видов кенгуру, создание и поддержание охраняемых территорий, борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений и животных, завоз хищников, паразитов и вирусов для биологического контроля — все эти аспекты природопользования образуют поистине гордиев узел проблем. Но решать их при помощи меча в наше время уже не-

возможно. Нужно терпеливо и осторожно, со знанием сложных природных взаимосвязей постепенно распутывать этот сложнейший узел, чтобы сохранить экологическое равновесие природных комплексов и создать такие природно-антропогенные экосистемы, в которых нашлось бы место и живой природе, и человеку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» — этот тезис всегда казался мне спорным. Знание, почерпнутое из книг, может быть гораздо глубже поверхностных впечатлений очевидца. Вспоминается конференция по проблемам животного мира Африки, проходившая в Москве в 1968 году. Стержнем этой конференции оказалась серия докладов ученого-зоолога, который никогда не был в Африке, но сделал глубокий критический анализ мировой литературы по ряду проблем зоологии и охраны природы континента.

Время, проведенное в Австралии, изучение литературы и вся накопленная информация заставляют признаться: чем больше погружаешься в материал, тем яснее осознаешь ограниченность своих познаний и необъятность целины за пределами возделанного тобой участка. А личные впечатления — это лишь ядра конденсации, вокруг которых может вырасти структурно оформленный кристалл знания. Но его нужно наращивать — и прежде всего чтением. В наш век телевидения, когда без усилий можно «побывать» в любом уголке земного

шара, в космосе и на морском дне, начинаешь особенно трепетно любить книгу как живительный и, пожалуй, незаменимый источник знаний. Может быть, лучше один раз прочесть, чем сто раз увидеть?

Все дальше отступают впечатления от напряженной полевой работы, дальних экспедиций, научных докладов и дискуссий, калейдоскопа интересных, содержательных встреч в Австралии. Там были собраны материалы о природе и животном мире континента, проведены сборы и учеты животных. Это позволило сравнить полученные результаты с теми, что были накоплены по сходным экосистемам Средней Азии, составить общие модели структуры биоценозов, понять их происхождение и характер функционирования.

Знакомство с системой охраняемых территорий Австралии показало, что методика организации национальных парков, резерватов хорошо разработана применительно к местным условиям и задачам каждого района и природного комплекса. Все это можно использовать при развитии перспективной сети наших национальных парков и заповедников.

За время работы в департаменте зоологии удалось провести взаимовыгодный обмен научными коллекциями — теперь студенты географического факультета МГУ изучают на занятиях ехидну и утконоса, гигантского серого кенгуру и тасманийского дьявола, кукабарру и розового какаду, а учащимся департамента зоологии в Канберре демонстрируют бобра и горностаю, глухаря и гоголя, тушканчика и лемминга.

Перелистывая дневники и полевые записи, возвращаюсь к памятным встречам и впечатлениям. Все вместе они сложились как облик и олицетворение самобытной страны, где в трудной и противоречивой обстановке срашивается привнесенная из Европы культура, быт и традиции с древней культурой австралийских аборигенов. Она проникает и в топонимику, и в язык новых австралийцев, и в их искусство, и в образ мыслей.

Всего двести лет назад в Порт-Джексона и Порт-Артуре высадились первые партии ссыльных каторжан с дальних берегов туманного Альбиона. И вот уже их потомки вместе с более поздними переселенцами чувствуют себя хозяевами страны, коренными австралийцами. За короткое время они сумели вписать в историю новой родины немало ярких страниц. Среди

красных скал, под сенью белоствольных эвкалиптов, в самом центре Австралии покоится прах «летающего доктора» Флинна, который создал медицинскую авиаслужбу, столь необходимую в условиях обширных малонаселенных просторов континента.

Неповторимый художественный образ австралийской природы создал своим искусством талантливый живописец-абориген Альберт Наматжира, могилу которого мы нашли в городке Алис-Спрингс. Его сыновья продолжают дело отца.

Силу духа и основательность австралийского характера живо передал в своих произведениях выдающийся мастер слова Алан Маршалл. Он смело обнажил острую социальную проблему Австралии — бедственное положение аборигенов.

На конференции по образованию аборигенов в Канберре мы познакомились с художником из Аделаиды Гарольдом Томасом и преподавательницей из Сиднея Эйлин Лестер. Они собирают, изучают и делают всеобщим достоянием историю, фольклор, всю самобытную культуру аборигенов.

С доктором Гарри Фрисом и профессором Овингтоном мне довелось встречаться и вместе работать не только в Канберре и Сиднее, но и в других странах на международных конференциях и ассамблеях. Эти люди посвятили всю свою жизнь изучению и охране замечательной природы Австралии; их труды, их выступления в защиту редких и исчезающих животных и растений, созданная ими Красная книга Австралии сделали этих людей известными и уважаемыми во всех уголках страны.

Возвращаясь к мысли о самобытности австралийской нации и ее характере, я думаю, что именно эти люди, с которыми мне пришлось встретиться, побеседовать, вместе поработать, — все они, каждый по-своему, составляют лицо австралийского народа, его костяк, несут в себе черты прочного и активного характера, у которого есть свое самостоятельное будущее.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Б. Гржимек

АВСТРАЛИЙСКИЕ ЭТЮДЫ

Перевод Е. Геевской

<i>Вместо предисловия. Позднее «пробуждение» Австралии</i>	<i>7</i>
<i>Глава первая. Прыжок на остров Кенгуру.</i>	<i>13</i>
<i>Глава вторая. Сорные куры изобрели инкубатор задолго до нас</i>	<i>29</i>
<i>Глава третья. О том, как сумчатые трижды учились летать . . .</i>	<i>36</i>
<i>Глава четвертая. Сумчатый волк уходит навсегда</i>	<i>45</i>
<i>Глава пятая. Чудо природы — кенгуру</i>	<i>54</i>
<i>Глава шестая. В гостях у райских птиц и людей каменного века</i>	<i>74</i>
<i>Глава седьмая. Эму проигрывают войну</i>	<i>89</i>
<i>Глава восьмая. Яйцекладущие млекопитающие</i>	<i>97</i>
<i>Глава девятая. О том, как верблюды завоевали Австралию . .</i>	<i>115</i>
<i>Глава десятая. «Эй ты, динго!» — излюбленное ругательство австралийцев</i>	<i>144</i>
<i>Глава одиннадцатая. Половина кроличьего потомства никогда не появляется на свет.</i>	<i>152</i>
<i>Глава двенадцатая. Зоопарк над портом</i>	<i>169</i>
<i>Глава тринадцатая. Животное с перевернутой сумкой</i>	<i>173</i>
<i>Глава четырнадцатая. На далеком острове живет дьявол</i>	<i>182</i>
<i>Глава пятнадцатая. Невинные четвероногие австралийцы, которые погибали миллионами</i>	<i>187</i>

Н. Дроздов

ПОЛЕТ БУМЕРАНГА

<i>От автора</i>	201
<i>Глава первая. Под созвездием Утконоса</i>	204
<i>Глава вторая. Погоня за валлаби.</i>	232
<i>Глава третья. На острове Дьявола</i>	297
<i>Глава четвертая. В сердце красной пустыни</i>	324
<i>Глава пятая. Коралловое ожерелье.</i>	352
<i>Глава шестая. Охрана природы — гордиев узел проблем.</i>	368
<i>Заключение</i>	390

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Вокруг света»
присылать по адресу.*

*125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА*

Гржимек Б., Дроздов Н.

Г 81

Бернгард Гржимек. Австралийские этюды; Николай Дроздов. Полет бумеранга / Худож. А. Ермаков.— М.: АРМАДА, 1998.— 396 с.: ил.— (Вокруг света).

ISBN 5-7632-0623-1

Двое известных ученых популяризаторов науки и активных деятелей в области охраны природы рассказывают об Австралии: ландшафтах, животном мире, населении и хозяйстве этой до сих пор еще малоизученной территории. Особое внимание авторы уделяют проблеме сохранения уникального генофонда далекого континента.

**УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4)-44я5**

РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия
Вокруг света

Бернгард Гржимек
АВСТРАЛИЙСКИЕ ЭТЮДЫ

Николай Николаевич Дроздов
ПОЛЕТ БУМЕРАНГА

Ответственный редактор
К. А. Залесов

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
И. В. Поддубный

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 1/32.

Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,79. Тираж 15 000 экз.

Изд. № 2183. Заказ № 7265.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

